

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 2 / 2017

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2017

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

Левитская А. А. – ректор СКФУ (председатель); **Сумской Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **Авидзба В. Ш.** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ерохин А. М.** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Федотов О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р соц.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Крючков И. В. – д-р ист. наук, профессор (председатель); **Апрыщенко В. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Амбарцумян К. Р.** – канд. ист. наук (отв. секретарь); **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Василенко В. В.** – д-р ист. наук, доцент; **Величко Л. Н.** – канд. ист. наук, (отв. секретарь); **Галкина Е. В.** – д-р полит. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ежова Е. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Лепилкина О. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Ломтева Т. Н.** – д-р пед. наук, профессор; **Московская Н. Л.** – д-р пед. наук, профессор; **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебряков А. А.** – д-р филол. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор, **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цыбенко В. В.** – канд. ист. наук, доцент; **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.
Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2017

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Sumskoy D. A.** – Doctor of Law, Professor, First Pro-Rector of NCFU (vice-chairman); **Avidzba V. Sh.** – PhD in Philology, the Head of the D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities of the Abkhazian Academy of Sciences; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Erokhin A. M.** – Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Professor; **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Starilov Yu. N.** – Doctor of Law, Professor; **Fedotov O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor (chairman); **Apryshchenko V. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Ambartsumyan K. R.** – PhD in History (executive editor); **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Vasilenko V. V.** – Doctor of History, Assistant Professor; **Velichko L. N.** – PhD in History, (executive editor); **Galkina E. V.** – Doctor of Political Sciences, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Ezhova E. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Lepilkina O. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Lomteva T. N.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Moskovskaya N. L.** – Doctor of Pedagogy, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakov A. A.** – Doctor of Philology, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.
Telephone: +7 (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© FSAEI HE “North-Caucasus
Federal University”, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Акопян В. З., Илясова А. А. Вклад предпринимателей-армян в развитие Пятигорского курорта в досоветский период	8
Альхатиб Е. Тетраполис эллинистической и римской Сирии	15
Аникеев А. А. Тотальная мобилизация в нацистской Германии в годы Второй мировой войны	21
Артунян А. Ж. Северный Кавказ и сопредельные территории согласно данным древнеармянской географии (или «Ашхарацуйц-А»)	25
Ахметова М. А. Реакция Ф. Амирхана на голод 1921 г. в Татарии (по материалам дневника писателя)	31
Дворцова Т. А. Организация военно-патриотического воспитания советской молодежи в 1920-е годы (на материалах Ставрополя)	37
Джагарян Е. А. Московская периодическая печать как источник по изучению модернизации городской трамвайной сети (1890–1914 гг.)	41
Дударев С. Л. К вопросу о категории болезни в средневековой культуре	47
Зубариев Р. Б. Причины и обстоятельства мухаджирства части населения Северного Кавказа в Османскую империю в 50–90-е гг. XIX века	52
Казарова Н. А. Педагогическая, общественная и научная деятельность Е. О. Шахазиза в Нахичевани-на-Дону	59
Карташев А. В. Репрессии в Орджоникидзевском краевом совете Осавиахима в 1937 году	64
Клычников Ю. Ю. Модернизационный прорыв Северного Кавказа в имперский и советский период: от успеха к катастрофе	73
Кобахидзе Е. И. Семейное право в записях осетинских адатов	78
Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв.: историографические аспекты темы	83
Краско Г. Г. Стабилизация обстановки в СССР в послевоенный период: нейтрализация террористических проявлений на территории Белорусской ССР	92
Кузнецова О. В. Проблемы кинообслуживания на целине: статистика и повседневность	98
Майгур А. В. Политический и экономический контекст подписания советско-британского торгового соглашения	105
Панарин А. А. Реализация планов большевистской партии по осуществлению мировой социалистической революции в 1917–1920 гг.	110
Плохотнюк Т. Н. Протестантизм и миграция: религиозный фактор переселения немцев на Северный Кавказ	116
Рыкун Г. Н. Коллективная память о войне в сознании российской и немецкой общественности	122
Туфанов Е. В. Быт и повседневная жизнь советского чиновника в 1920–1930-е гг. ..	127

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Смирнов Д. А., Боташева Л. Э. Актуальные направления развития финансового права и финансово-правового профиля в Северо-Кавказском федеральном университете	133
Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые основы формирования и развития информационного общества в регионе (на примере Республики Северная Осетия – Алания)	138
Колязина А. В. Соотношение контроля и надзора как организационно-правовых способов обеспечения законности в сфере жилищно-коммунального хозяйства	144

Малыхина М. А., Малыхин Д. Н. Раздел ипотечного долга бывших супругов (на основе правоприменительной практики судов Ставропольского края)	150
Махаева Л. Г. Проблемные вопросы увольнения сотрудников органов внутренних дел, связанные с нарушением профессионально-этических норм	155
Медведев С. Н. Реформа семейного права в Испании	161

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Головко Н. В. К вопросу о разработке постнеклассического методологического аппарата лингвистики	168
Грушевская Е. С. Институциональный дискурс как пространство реализации категории адресатности	173
Злобин А. Н. Когнитивное форматирование аналоговых документов физических лиц в языке перевода	179
Марченко Т. В. Литературный текст и интерпретационная позиция переводчика: в поисках адекватного решения	186
Милостивая А. И. Авторское «Я» в нарративе немецкой газетной журналистики как маркер субъекта коммуникативного действия	191
Сидельникова Е. А. Газетно-публицистический экономический дискурс как самостоятельный тип дискурса	198
Шереш А. "There is no moon; the moon went down" The Fragmented Theatre of Edward Albee	203

РЕЦЕНЗИИ

Гусаренко С. В. Рецензия на монографию В. М. Грязновой «Говор казаков-некрасовцев Старопольского края». М.: Языки славянской культуры, 2016. 728 с.	209
Серебрякова С. В. Борисова Т. Г. Роль единиц дериватологии в концептуализации и категоризации мира. Ставрополь: Изд-во Параграф, 2016. 180 с.	212
Информация об авторах	214

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Akopyan V. Z., Ilyasova A. A. The contribution of Armenian entrepreneurs in the development of Pyatigorsk resort in the pre-soviet period	8
Alkhatib E. The Tetrapolis of Ellinist and Roman Syria	15
Anikeev A. A. Total mobilization in Nazi Germany during the Second World War	21
Harutyunyan H. Zh. North Caucasus and adjacent areas according to the data of Ancient Armenian Geography («Ashkharatsuyts»)	25
Akhmetova M. A. F. Amirkhan's reaction to the famine of 1921 in Tataria (based on materials from the writer's diary)	31
Dvortsova T. A. Military-patriotic soviet youth's education arrangement in 1920s (based on documents of the Stavropol region)	37
Dzhagaryan E. A. Moscow periodical press as a source for the study of the town light-rail Network modernization (1890–1914)	41
Dudarev S. L. On the category of disease in medieval culture	47
Zubariev R. B. The reasons and circumstances of mukhadzhirism with SOME part of the North Caucasus population in the time of the Osman Empire in the 50s–90s of the XIX century	52
Kazarova N. A. Educational, scientific and social activity of E. O. Shahaziz in Nakhichevan-on-Don	59
Kartashov A. V. Repressions in the Ordzhonikidzevsky regional council of Osoaviachim in 1937	64
Klychnikov Yu. Yu. Modernization breakthrough of the North Caucasus in the Imperial and Soviet periods: from progress to the catastrophe	73
Kobakhidze E. I. Family law in the Ossetian adats's records	78
Kolosovskaya T. A. Russian men of arms in the social and cultural space of the North Caucasus in XVIII–XIX cc.: the historiography context	83
Krasko G. G. Stabilization of the domestic situation in the USSR in the post-war period: neutralization of terrorism manifestations in the territory of the Byelorussian SSR	92
Kuznetsova O. V. Film service problems on the virgin soil: statistics and everyday life	98
Majgur A. V. Political and economic context of signing soviet-british trade agreement	105
Panarin A. A. Implementation of Bolshevik party plans for the world socialist revolution in 1917–1920	110
Plokhotnyuk T. N. The protestantism and migration: the religious factor of the German resettlement to the North Caucasus	116
Rykun G. N. Collective memory of the War in Russian and German public consciousness ..	122
Tufanov E. V. The everyday life of a Soviet official in 1920–1930s.	127

LEGAL SCIENCES

Smirnov D. A., Botasheva L. Je. Relevant development directions of financial law and financial and legal profile at the North-Caucasus Federal University	133
Zoloeva Z. T., Koybaev B. G. Legal bases of formation and development of information society in the region (by the example of the Republic of North Ossetia – Alania)	138
Kolyazina A. V. The correlation of control and supervision as organizational-legal ways of ensuring legitimacy in the sphere of housing and communal services	144
Malykhina M. A., Malykhin D. N. Mortgage debt division by former spouses (based on the enforcement practice of the courts in Stavropol krai)	150
Makhaeva L. G. Challenging issues of dismissing internal affairs agencies employees due to the violation of professional-ethic norms	155
Medvedev S. N. The reform of family law in Spain	161

PHILOLOGICAL SCIENCES

Golovko N. V. On the problem of development of post-neoclassical methodological apparatus of linguistics	168
Grushevskaya E. S. Institutional discourse as the space of addressee category realization	173
Zlobin A. N. Cognitive formatting of analog documents of individuals in the target language	179
Marchenko T. V. Literary text and interpretative position of a translator: in search of adequate translation	186
Milostivaya A. I. The author's "I" in German newspaper journalism narrative as a marker of communication action subject	191
Sidelnikova E. A. Journalistic discourse as a special type of discourse	198
Sheresh A. "There is no moon; the moon went down" the fragmented theatre of Edward Albee	203

REVIEW

Gusarenko S. V. Gryaznova V. M. Speech of the Nekrasov Cossacks of the Stavropol Krai. Moscow, 2016. 728 p.	209
Serebriakova S. V. Borisova T. G. The Role of Derivatology Units in the Processes of World Conceptualisation and Categorisation. Stavropol, 2016. 180 p.	212
Information about the authors	217

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94:31 (470.63)

В. З. Акопян, А. А. Илясова

ВКЛАД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ-АРМЯН В РАЗВИТИЕ ПЯТИГОРСКОГО КУРОРТА В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

Статья посвящена благотворительной деятельности предпринимателей армянского происхождения в городе Пятигорске в конце XVIII – начале XX вв. Авторы отмечают, что предприниматели армянского происхождения, не забывая свои собственные интересы, способствовали

процветанию родного города-курорта. Спустя десятилетия, их благотворительная деятельность может служить примером для подражания.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, Северный Кавказ, благотворительность, курорт, беженцы, меценат.

V. Z. Akopyan, A. A. Ilyasova

THE CONTRIBUTION OF ARMENIAN ENTREPRENEURS IN THE DEVELOPMENT OF PYATIGORSK RESORT IN THE PRE-SOVIET PERIOD

The article focuses on the charitable activities of the Armenian businessmen in the resort town of Pyatigorsk in the end of XVIII – beginning of XX centuries. The authors note that the entrepreneurs of Armenian origin pursued their own interests as well

as contributed to the prosperity of their native city. Decades later, their charitable activities may serve an example to follow.

Key words: Caucasian Mineral Waters, the North Caucasus, charity, resort, refugees, philanthropist.

В настоящей статье характеризуется роль предпринимателей армянского происхождения старейшего в России курортного города, которые способствовали процветанию Пятигорска, внесли значительный вклад в развитие экономики, культуры, здравоохранения региона Кавказских Минеральных Вод (КМВ).

После основания Константиногорской крепости (1780) здесь сразу появились армянские купцы из Нахичевани-на-Дону. Первым нахичеванцем, обосновавшимся на Горячих Водах, стал Карапет Хазизян, который в 1814 г. развернул активную торговую деятельность на Кавминводах. Приблизительно в это же время на Водах обосновываются предприниматели Агакян, Золотарян, Чоргобян, Челахьян, Чалагаян, Шоршоян, и др. [1].

Ежегодно в курортном поселке отдыхали офицеры-армяне, служившие на Кавказской линии. Некоторые из них построили дома, украсившие город. В 1820-е гг. на Горячих Водах (с 1830 г. – г. Пятигорск) в числе первых построил себе особняк предводитель кизлярского уезд-

ного дворянства армянин Варлаам Карпович Аршев. Дом Аршева располагался по соседству с выстроенной позже Ресторацией (ныне Институт курортологии). Фасад особняка украшали внушительные колонны. В этом доме часто бывал М. Ю. Лермонтов [15]. В настоящее время на месте дома Аршева располагается санаторий «Руно».

На Горячих Водах обосновалась и семья генерала Акима Васильевича Хастатова (1756–1809) ближайшего сподвижника А. В. Суворова [12]. Его предки – наследники известного армянского предпринимателя Сафара Васильева из Астрахани, который в 1710 г. получил от императора Петра I задание построить на берегу Терека шелковый завод, ставший первенцем среди российских шелковых заводов. Хастатов был женат на Екатерине Алексеевне Столыпиной, родной сестрой которой была бабушка М. Лермонтова. Усадьба Хастатовых на Горячих Водах находилась в глубине ущелья между двумя отрогами Машука. Пятигорский дом и кисловодская дача Хастатовых являлись

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003а: «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

местом, где собирался отдохавший на Водах столичный «бомонд» [16, с. 76].

В первой трети XIX в. многие предприниматели-армяне проживали на Горячих Водах временно, преимущественно в курортный сезон. В 1830-е гг. в Пятигорск стали переселяться георгиевские армяне. В официальном послании барона Григория Розена министру финансов Е. Ф. Канкрину от 27 августа 1836 г. предлагалось закрепить на длительный срок экономические и финансовые льготы «мещанам, переселяющимся в Пятигорск из Георгиевска» [17, с. 120–122]. Этому же министру предлагалось широко привлечь на ярмарку в Пятигорск георгиевских купцов, напечатать объявления и на армянском языке. Впоследствии в Пятигорск начали прибывать армяне из Кизляра, Моздока и других городов Юга России. К концу XIX в., по официальным данным, численность армянской общины не превышала 500 человек [19]. Примерно столько же армян тогда проживало в соседних курортных городах.

Строительство железнодорожной ветки Минеральные Воды – Кисловодск (1894) и Петровск – Баку (1900) связало Пятигорск как с центром страны, так и Закавказьем. Регион КМВ стал экономически привлекательным. В этот период в Пятигорске поселились армянские семьи из Тифлиса, Дербента, Баку, Гандзака, Карса, Шуши и др. По данным Управления КМВ, в 1911 г. население Пятигорска составляло 31 800 человек, в том числе, более 27 тыс. русских, 1 733 армянина, 1 148 поляков, 736 немцев и др. [8]. В 1916 г., в соответствии с данными «Кавказского календаря на 1917 год», в Пятигорске проживало 1 210 армян [7].

С увеличением численности армянского населения возрастала его роль в социально-экономической и общественной жизни города. Армянская община была представлена почти всеми сословиями и социальными группами. Из крупных землевладельцев-армян в районе Пятигорья фигурировали помещики Тамбиевы, владевшие в совокупности 5 707 десятинами земли; М. Н. Меграбов, имевший в собственности 1 550 дес. земли у ст. Минеральные Воды, и Варлаам Сеферов, владевший 913 дес. земли. Названные хозяйства ориентировались на производство товарной продукции. Показательно, что Пятигорский отдел «Российского общества конезаводства» возглавлял Захар Мелик-Амирзодянц.

Политическая роль армян в Пятигорске не была такой значимой, как в городах Армавире, Нахичевани, Кизляре, Моздоке, Св. Кресте. И тем не менее в разные периоды представи-

тели общины занимали ответственные должности в управлении. «Терский календарь на 1860 год» называет имя городского головы Пятигорска – купца 1-й гильдии Каспара Давыдовича Мамаджанова и предводителя Пятигорского уездного дворянства, государственного советника Наружала Степановича Серебрякова [18]. В 1867 г. обязанности городского головы исполнял купец 1-й гильдии Василий Семенович Зипалов. В руководстве уездного полицейского управления состоял штабс-капитан Николай Васильевич Чилаев. Армяне возглавляли учреждения образования (начальниками уездного училища в разное время были Н. Д. Тамамшев, Г. С. Тамамшев-Нацвалов, В. С. Зипалов, И. З. Вирабьянц, Е. И. Мандалов и др.) и здравоохранения (старший врач Пятигорского лазарета Я. Б. Калустов; руководитель ветеринарной службы К. Н. Констанянц и др.). В состав городской Думы (1898) входили: Д. К. Гурджиев, В. Н. Сеферов, И. М. Бабасинов, А. М. Алахвердов, с. Г. Читаев, Б. Э. Ходжаев и его сын Э. Ходжаев.

С историей курортов КМВ связано имя выдающегося государственного и военного деятеля генерала М. Т. Лорис-Меликова. В 1856 г. Михаил Таризелович направил на строительство православного храма в Пятигорске значительную сумму денег [1].

И все же в армянской общине большинство представителей были ремесленниками, предпринимателями или относились к интеллигенции. В курортном городе промышленность была развита слабо, поэтому капитал местных предпринимателей эффективно работал только в обслуживающем секторе: торговле, гостиничном деле, общественном питании и т. д. В связи с этим «армянский бизнес» главным образом представляли купцы, организаторы гостиничного дела и «общественного питания».

В числе первых предпринимателей Пятигорска был нахичеванский купец Никита Артемьевич Челахов. Вначале он вел торговлю в Ставрополе и примерно с 1825 г. каждое лето приезжал с товарами на Кавминводы. На постоянной основе торговая деятельность Челахова в Пятигорске началась с 1835 г. Ему принадлежал самый солидный в городе магазин в арендованном помещении. Пребывавший в 1837 г. Михаил Лермонтов часто заходил в торговое заведение Челахова. О популярном магазине он впоследствии упомянет в романе «Герой нашего времени» [10, с. 651]. Успешная торговля позволила купцу построить собственное торговое помещение. Он нашел в центре города незастроенный участок, который удалось «отвоевать» у местных чиновников [5, л. 3].

В 1838 г. на выделенном участке он возвел большой магазин с пятью отделениями. Фактически это был первый городской универмаг. После смерти купца в 1851 г. его усадьба с жилым домом, магазином и дворовыми постройками (фасадами они выходили на Царскую улицу) досталась в наследство его дочери.

Только на страницах «Терского календаря» за годы, предшествующие Первой мировой войне, встречаются многие имена армян-предпринимателей, чей торговый оборот превышал 20 тыс. руб. В их числе: М Аваков., Е. Авакова-Чероева, Х. Аветов, И. Акопов, братья Акоповы, Х. Алахвердов, А. Алахвердова, Е. Асламазов, Е. Атабеков, братья Вартановы, И. Вартанов, Софья и Александр Вирабянцы, Давид Гурджиев и его сыновья, Д. Давидов, Н. Евангулов, А. Ерибеков, В. Зипалова, С. Зипалов, Б. Каракашев, Г. Мадатов, Г. Микельджанян, Н. Нацвалов, Г. Оганов, А. Попов, Х. Попов, Т. Пчачиева, с. Сааглианц, А. Саркисов, А. Х. Саркисов, Г. Сархошев, И. Свешников, К. Семерьянц, Б. Смбатов (владелец крытого рынка), В. Сеферов, Д. Симонов, А. Тамазов, Г. Татулов, К. Тамбиев, А. Тертерянц, братья Тер-Каприеловы, с. Тер-Мовсесов, И. Тер-Погосов, К. Хасабов, Т. Хачатуров, И. Хосровянц, братья Чалохянц, С. Читаев, М. Читаева, Б. Шхиянц и др. [20].

Предприниматели объединяли свои капиталы и создавали товарищества, деятельность которых выходила за пределы города и региона КМВ. В их числе: «Маркозьян П. М. и Компания»; «Товарищество на вере» Н. И. Евангулова и братьев Ганжумовых; «Торговый дом Хазизова И. Е. и Попова А. Д.»; «Торговый дом А. Л. Попова и З. А. Мелик-Амирзадыанц»; «Торговый дом Кечеджиева и сыновья» и др. Создавались интернациональные фирмы: Егора Асламазова и Федора Шумова; «Товарищество Амирова и Булахтина»; «Товарищество «Алебастр» А. Д. Попова и торгового дома Лейзеровича и др. В Пятигорске функционировало «Общество взаимного кредита», объединявшее предпринимателей разных национальностей. Его председателем являлся Н. Б. Ходжаев. Известным банкиром на Кавминводах был Г. И. Мандалов [20].

Торговые заведения армянских купцов были хорошо известны далеко за пределами КМВ. В их числе кофейня Гукасова у входа в парк «Цветник». Сегодня невозможно представить Пятигорск без этого изящного сооружения. Александр Александрович Гукасов (1859–1947) родился в городе Нухе. Отец его умер рано, и вся тяжесть по содержанию семьи легла на плечи юноши. В 1896 г. Александр со

всей семьей поселился в Пятигорске. Предпринимательскую деятельность в Пятигорске он начал с организации лавки на рынке. Его дело с каждым годом расширялось. В начале XX в. он решил построить в курортном парке большую кофейню и кондитерскую. Предполагаемое место купить было очень сложно, так как затрагивались интересы различных ведомств. В 1907 г. Гукасов приступил к постройке им же спроектированного здания. Много препятствий пришлось преодолеть предпринимателю, пока наконец он не получил окончательное решение на эксплуатацию сооружения [1, с. 280–288; 14]. Кофейня Гукасова украсила парк «Цветник» и стала «визитной карточкой» города-курорта. Гр. Москвич в своем «Иллюстрированном путеводителе по Кавказу» писал: «В Пятигорске – кофейен много: лучшая из них – Гукасова» [11].

В 1905 г. для своей жены Гукасов построил замечательное архитектурное сооружение – дачу «Эльза». Это было трехэтажное здание необыкновенной красоты, по стилю напоминающее средневековый европейский замок. Большая часть комнат дачи сдавалась курортникам [14].

Биография А. А. Гукасова типична для многих армянских предпринимателей. Многие из них сделали свое состояние, как говорится, «на пустом месте». Они стремительно поднимались по ступеням социальной лестницы, исключительно благодаря своему кропотливому труду.

На рубеже XIX–XX в. наблюдались как значительный рост численности населения Пятигорска, так и приток отдыхающих на курорты КМВ. Если в начале 1880-х гг. население Пятигорска едва превышало 10 тыс. человек, то к началу первой мировой войны оно составило 35 тыс. человек. В этой связи многие деловые люди армянского происхождения начали переносить свою деятельность из крупных городов Северного Кавказа и даже из столицы в окружной центр.

На Кавминводах разворачивают свою деятельность торговые дома «Н. Шах-Назаров и М. Хачатуров» и братьев Маркозьянов из Армавира, чьи филиалы располагались почти во всех крупных городах Юга России; фирма Коджояна и представительства табачной фабрики Багратиона Вахтангова (отец театрального деятеля Е. Б. Вахтангова) из Владикавказа; фирма «Кавминские вина Георгия Татулова» из Тифлиса; товарищество «Н. Л. Шустов и сыновья» и фирма В. Х. Калантарова, поставлявшие в регион высококачественную винно-водочную продукцию из Кизляра; товарищество «Братья В. и Н. Бландовы» из Москвы; АО «И. А. Ахвердов и К» из Грозного и др. Последнее вступило в жесткую конкурентную борьбу с компанией

«Братья Нобель» за право поставлять на курорты нефтепродукты [20].

Крупнейшим монополистом по продаже минеральных вод считался Яков Осипович Гукасов. Его контора, размещавшаяся на ул. Царской, вела переговоры с агентами, работавшими во многих городах Империи. Умелый бизнес приносил Гукасову высокую прибыль, что и вызвало зависть и неприятие его деятельности у конкурентов [4].

Рост численности городского населения обусловил развитие производительного сектора, в частности строительного. Предприниматели-армяне занимались организацией строительных работ и мощением городских улиц (например, Н. С. Бабаев, М. М. Дурасанов), производством строительных материалов («Товарищество «Алебастр» А. Д. Попова, кирпичный завод Карпа Тамбиева в пригороде Кисловодска, каменоломни М. Амирова и др.). Особо выделялась паровая столярная фабрика Гурджиевых. На ее базе была создана мебельная фабрика, с которой и начинается история промышленности Пятигорска [21]. Множество книг и другой печатной продукции было произведено в типографии Г. Д. Сукиасянца, который совмещал педагогическую деятельность в приходском училище с издательским делом, основав одну из самых лучших типографий в Пятигорске. В 1915 г. годовой оборот его типографии составлял 22 тыс. руб. [6].

Особым видом предпринимательства являлся гостиничный бизнес. Армянам принадлежали престижные рестораны, гостиницы и приравненные к ним «меблированные комнаты», подробная информация о которых вносилась в путеводители и справочники по курортам.

В 1908 г. завершилось строительство лучшей в Пятигорске гостиницы «Бристоль» (в советский период – «Машук») в парке «Цветник», принадлежавшей братьям Маркозянам. Роскошное здание в стиле позднего модерна привлекало не только внешним видом, но и внутренней комфортабельностью 110 номеров, чего не было в других гостиницах. В путеводителе Гр. Москвича приводится восторженный отзыв лейб-медика Л. Б. Бертенсона, посетившего эту гостиницу: «Я живу в такой гостинице, входя в которую, мне кажется, я в Париже или в Берлине. Таких прекрасных сооружений нет на зарубежных курортах» [11]. Не случайно, сразу же после советизации Пятигорска здесь обосновалось руководство Северо-Кавказской республики.

В гостинице Сеферова на Эмировской улице (ныне сохранилась часть дома на углу ул. Ок-

тябрьской и Крайнего) имелись просторные номера, популярный в городе ресторан и большой зрительный зал со сценой. В предвоенный период в этом доме находился литературный факультет Пятигорского педагогического института (ныне – ПГУ). Еще более примечательной была гостиница Ганжумова, построенная в стиле модерн в 1898 г. на пересечении улиц Царской (Кирова) и Нижегородской (Дзержинского). При советской власти национализированное здание этой гостиницы превратили в Дом туристов [3; 9].

Почти все сооружения по левой стороне Армянской улицы (ныне – ул. Гоголя), начиная от гостиницы «Эрмитаж» (ныне – «Пятигорск-курорт»), представляли сплошь помещения, сдаваемые внаем. Путеводители с восторгом сообщали о «меблированных номерах» в доме, принадлежавшем Багдасару Ходжаюну (Ходжаеву) и его наследникам. Это был роскошный трехэтажный особняк на углу улиц Царской и Церковной. В начале XX в. сын Б. Ходжаяна Никита коренным образом его переоборудовал. На первом его этаже разместился первоклассный ресторан с симфоническим оркестром. На втором этаже были оборудованы номера гостиницы, на третьем – аптека, а в подвале – кинотеатр «Сплэндид», один из первых кинотеатров Пятигорска [7; 8; 9].

Значительная часть армян вполне достойно участвовала в интеллектуальной жизни города. В начальный период существования общины армянская интеллигенция была сравнительно немногочисленной. Многие купцы и ремесленники в свое время не смогли получить высшее образование. Но, встав на ноги, этот свой недостаток они «компенсировали», предоставив своим детям возможность обучаться по избранной ими специальности в престижных вузах. При этом отдавалось предпочтение не коммерческому образованию, а медицине, юриспруденции, инженерному делу и т. д. Таким образом, из года в год пополнялись ряды армянской интеллигенции.

Самой многочисленной группой интеллигенции армянского происхождения были медики. Вот лишь некоторые имена врачей, служивших на Пятигорском курорте на рубеже XIX–XX в.: доктора медицины Б. Калустов, Л. К. Асриев, А. И. Даниельбек, Я. Б. Калустов, Г. Г. Мегрянц (доктор медицины Берлинского университета, директор санатория «Русский Давос», автор ряда ценных трудов), М. П. Захарбеков, З. И. Калантаров, М. И. Мурадов, И. С. Тамамшев, И. И. Тамамшев (ординатор глазной клиники Московского университета), М. К. Еги-

азаров (ординатор клиники Харьковского университета), Г. А. Татевосов, С. В. Тер-Микаэлянц, С. Д. Шагинян, В. Н. Арцруни, врачи А. С. Абулов, К. С. Агаджанянц (Петербург), К. Д. Аглинцев, Л. И. Берберов, К. А. Ганжумов, П. А. Завриев (Петербург), С. Я. Суренянц, Т. М. Маркарьянц, И. Н. Егиазаров, А. А. Вартанян, А. М. Мекертчянц, А. И. Будугов, О. С. Парсамов, приват-доцент Агаджанянц и др. Даже в суровые годы гражданской войны газеты сообщали о частной практике доктора медицины Берлинского университета А. Б. Лалаянца, врачей Акопджанянца, С. И. Мамулянца, А. С. Мамуляна, А. А. Туманова и др. [1; 20].

Родоначальником известной архитектурной династии стал талантливый архитектор Эммануил Ходжаев (1861–1939) – выпускник Императорской Академии художеств. Сын предпринимателя Багдасара Ходжаяна, он вошел в историю в качестве выдающегося специалиста, внесшего значительный вклад в развитие архитектуры на Юге России, в частности в развитие городов-курортов Кавминвод. В 1891 г., окончив Академию художеств, Э. Ходжаев начал служить архитектором в Армавире. Его работы впечатлили армянских предпринимателей Тарасовых, которые заказали ему проект дачи в Кисловодске. Так он вернулся в родной город, где в 1898–1902 гг. исполнял обязанности городского архитектора. Но и после своего назначения на должность кисловодского городского архитектора Ходжаев не забывал Пятигорск, которому подарил великолепные архитектурные сооружения. Всего по проектам Ходжаева на Юге России возведено более трехсот строений, каждое из которых являлось произведением архитектуры. Э. Б. Ходжаев являлся членом «Горного общества», прекрасно играл на рояле и на флейте, активно занимался общественной деятельностью [3].

Среди армян города были и квалифицированные инженеры. Особо выделялась деятельность крупного организатора курортного дела, старшего инженера управления КМВ Ивана Михайловича Пугинова (1867–1942). Благодаря ему были восстановлены многие минеральные источники, налажена деятельность бальнеологических учреждений Кавминвод [13].

Передовые представители общины, ее духовные предводители поощряли благотворительную деятельность со стороны прихожан, вставших «на ноги» и добившихся успехов в своем бизнесе. Упомянутый Никита Челахьян регулярно проводил благотворительные акции, содействовавшие развитию города. Так, по просьбе бывшего начальника области гене-

рал-адъютанта Граббе в Пятигорске им были построены четыре моста, отпущена немалая сумма на укрепление пожарной службы. В 1843 г. он пожертвовал в пользу Кавказской областной гимназии имущество на сумму 2 048 руб. серебром. Это были значительные по тем временам деньги.

Благодаря частным пожертвованиям были построены армянская церковь и приходское училище. В начале 60-х гг. XIX в. армянская община Пятигорска получила от администрации города право на строительство церкви на углу улиц Базарной и Царской (ныне – угол ул. Крайнего и Кирова). Возглавлял строительство предприниматель Багдасар Ходжаян, избранный церковным старостой. Будучи состоятельным человеком, он усилил свои экономические позиции благодаря браку с Елизаветой Никитичной Челаховой. Ходжаяны пользовались в городе особым уважением как со стороны властей, так и со стороны общины. В 1885 г., после длительного строительства, армянская церковь Святых Переводчиков была возведена.

Развитием национального образования занимался Попечительский совет. В его состав входили священник, староста, видные представители общины, которые могли оказать реальную материальную помощь. Усилиями попечителей при церкви функционировало церковноприходское училище. Некоторые благотворители помещали в банк свои сбережения, процент от которых шел в фонд училища. Другие меценаты завещали приходскому училищу немалые средства. Например, на поступившие по завещанию Христофора Таманяна 3 тыс. руб. в 1890 г. началось строительство нового здания училища [1].

В Пятигорске активно работали отделения «Армянского благотворительного общества на Кавказе» и «Армянского дамского благотворительного общества». Хотя их руководящий центр располагался в Тифлисе, они свою деятельность осуществляли самостоятельно. Дамское общество в основном объединяло жен предпринимателей. Это общество содержало сиротский приют и ясли для детей-сирот. В годы Первой мировой войны на территории армянской церкви регулярно устраивались бесплатные обеды для западноармянских беженцев. Спасшимся от геноцида армянам оказывала помощь и русская общественность. Например, благотворительные вечера и спектакли в 1915 г. в пользу беженцев и раненых солдат устраивала супруга директора Пятигорского городского общественного банка Е. К. Кузнецова.

Благотворительные общества особое внимание обращали на развитие просвещения.

Меценаты оказывали помощь в получении начального образования детям из бедных семей, выплачивали стипендии одаренным молодым людям разных национальностей, обучавшимся в российских вузах.

Меценаты армянского происхождения немало сделали для развития общего образования в курортном городе. Предприниматель Н. Д. Тамашев, избранный в 1854–1860 гг. почетным смотрителем городского уездного училища, ежегодно перечислял в его пользу по 1 500 руб. В 1857 г. он пожертвовал училищу свой дом. В конце века обязанности почетного смотрителя 3-классного училища выполнял почетный гражданин Пятигорска с. В. Зипалов. Благотворительностью занимался и Э. Б. Ходжаев, построивший в Кисловодске на свои средства двухклассную школу для карачаевских детей. На средства армянских меценатов в 1902 г. было построено здание Женской прогимназии Гурджиевой (ныне – школа №17) [2].

В помещении Армянского благотворительного общества находилась редакция газеты «Сезонный листок для посетителей Кавказских Минеральных Вод». Первую газету на КМВ некоторое время выпускал на собственные средства Э. Б. Ходжаев. Редактировал «Сезонный листок» осетинский поэт Коста Хетагуров. Ныне преемником «Листка» является курортная газета «Кавказская здравница».

Благотворительная деятельность осуществлялась также через «не национальные» общества. Например, многие предприниматели активную работу проводили через основанное в 1897 г. «Общество пособия бедным» (секретарь общества Рубен Костонянц). Известные меценаты Варлаам Сеферов и Александр Гукасов, состоявшие в этом обществе, на свои средства содержали бесплатную столовую, санаторий для студентов, начальную школу, библиотеку, ночлежный дом и др. В «Отчете о деятельности Пятигорской городской управы» за 1898 г. упоминается Богадельня им. 1-й гильдии купца Василия Зипалова. Врачи

армянского происхождения (например, доктор Абулов) проводили бесплатный прием и лечение малоимущих больных.

Ярким примером благотворительности стало строительство театра в курортном парке «Цветник». В довоенный период театральные постановки в Пятигорске осуществлялись в сезонном Курзале Лермонтовской галереи [2, с. 161–168]. В 1915 г. состоялось открытие уникального по своей архитектуре здания Всесоюзного общественного клуба или Народного дома (ныне – Краевой театр музыкальной комедии), построенного на средства предпринимателей-армян – Нацвалова, Карапетяна, Тер-Теряна и Ходжаева. В Народном доме размещались библиотека, бильярдная, комнаты для игр в шахматы, шашки, буфет. Главными в Доме были большое фойе и вместительный театральный зал. Со строительством Народного дома спектакли ставились в его театральном зале. Кроме того здесь работало отделение Армянского драматического общества. В зале Народного дома выступали деятели армянской и русской культуры, приглашенные армянскими меценатами: И. Айвазовский, К. Бальмонт, Г. Башинджагян, В. Брюсов, с. Городецкий, И. Иоаннисян, А. Спендиаров и др.

В начале августа 1917 г. в Пятигорск приехал классик армянской литературы Ованес Туманян, а 3 августа в Народном доме состоялся и благотворительный вечер, на который специально приехали Валерий Брюсов, Сергей Городецкий и Константин Бальмонт. Туманян, обращаясь к переполненному залу, сказал: «Наше будущее, как я и говорил всегда, и вы это знаете, связано с Россией, а чем свободнее будет Россия, тем лучше для Армении и для всего мира!» [2].

Предприниматели армянского происхождения, не забывая свои коммерческие интересы, способствовали процветанию своего города. Даже спустя десятилетия их благотворительная деятельность может служить примером для подражания.

Литература и источники

1. Акопян В. З. История прихода Армянской апостольской церкви города Пятигорска. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 176 с.
2. Акопян В. З. Новые приоритеты в деятельности национальных благотворительных организаций на Юге России в годы Первой мировой войны // Боевое братство и национальное единство народов Северного Кавказа в годы Первой мировой войны: материалы международной научно-практической конференции (Пятигорск 28–30 ноября 2014 г.). Ставрополь: СКФУ, 2015. С. 133–138.
3. Боглачев с. В., Коваленко А. Н. Из родословной известной архитектурной династии (материалы к биографии) // Северный Кавказ на перекрестке цивилизаций и эпох. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов н/Д – Минеральные Воды: КДХ-интерпресс, 2004. Вып. 11. С. 95–107.
4. Болговитин А. Гукасовиада. [б.м.] 1916.
5. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 79. Д. 2439.
6. Двадцать пять лет Пятигорскому армянскому церковно-приходскому училищу. Пятигорск, 1913. (на арм. яз.).

7. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис: Типография Канцелярии Наместника Е. И. В., 1916. 1606 с.
8. Кавказские Минеральные Воды. Пятигорск: Издательство Управления Кавминвод, 1912. 389 с.
9. Курорт Пятигорск. Пятигорск: [б.и.], 1912.
10. Лермонтов М. Ю. Соч. в двух томах. Том II. М.: Художественная литература, 1970. 744 с.
11. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. 15-е изд. Одесса: Русский Бедкер, 1910. 434 с.
12. Нерсисян М. Г. А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780-х годах. Ереван, 1981. 178 с.
13. Огильви А. Н. Каптаж Нарзана и его история // Труды Геологического комитета. № 58. СПб: [б.и.], 1911. 234 с.
14. Олейникова Н. М. Александр Александрович Гукасов // Межвузовский сборник научных трудов / под ред. В. З. Акопян. Вып. 8. Ростов-н/Д – Минеральные Воды: [б.и.], 2003. С. 112–116.
15. Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. Дорогие места. Памятные места Кавказских Минеральных Вод. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1974. 176 с.
16. Польская Е. Б., Розенфельд Б. М. И звезда с звездой говорит. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1980. 286 с.
17. Пятигорск в исторических документах 1803–1917 гг. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1985. 350 с.
18. Терский календарь на 1860 г. Владикавказ: Издательство Терского областного статистического комитета, 1859.
19. Терский календарь на 1899 г. Владикавказ: Издательство Терского областного статистического комитета, 1898.
20. Терский календарь на 1891–1899 гг. Владикавказ: Издательство Терского областного статистического комитета, 1890–1899 гг.
21. Хачиков В. А. Пятигорск вечно юный и прекрасный. Пятигорск: Вестник Кавказа, 2000. 159 с.

References

1. Akopyan V. Z. Istoriya prihoda Armyanskoj apostolskoj tserkvi goroda Pyatigorska (*History of the parish of the Armenian Apostolic Church in the city of Pyatigorsk*). Pyatigorsk: PSLU publ., 2005. 176 p.
2. Akopyan V. Z. Novie prioritety v deyatelnosti natsionalnih blagotvoritel'nykh organizacij na yuge Rossii v godi Pervoy mirovoy voyni (*New priorities in the activities of national charity organizations in the South of Russia during the First world war*) // Boevoe bratstvo I nacionalnoe edinstvo narodov Severnogo Kavkaza v godi Pervoy mirovoy voyni: materialy mezhdunarodnoy prakticheskoy konferencii (*Combat brotherhood and national unity of the peoples of the North Caucasus during the First World War: materials of the international scientific-practical conference (28 to 30 November 2014)*). Stavropol: NFSU publ., 2015. P. 133–138.
3. Bogachev S. V., Kovalenko A. N. Iz rodoslovnoy izvestnoy arhitekturnoy dinastii (materialy k biografii) (*From the genealogy of a famous architectural dynasty (biographical materials)*) // Severniy Kavkaz na perekrestke civilizatsiy i epoch. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov (*North Caucasus at the crossroads of civilizations and eras. Interuniversity collection of scientific papers*). Rostov-on-Don – Mineralnye Vody, 2004. Vol. 11. P. 95–107.
4. Bolhovitin A. Vukasovica. 1916.
5. Gosudarstvenniy archive Stavropolskogo kraja (*State archive of the Stavropol region*). F. 79. D. 2439.
6. Dvadcat pyat let Pyatigorskomu armyanskomu tserkovno prihodskom uchilishchu (*Twenty-five years of Pyatigorsk Armenian parish school*). Pyatigorsk, 1913. (In Armenian).
7. Kavkazskiy calendar na 1917 god (*Caucasus calendar – 1917*). Tbilisi: Typography Of The Office Of The Governor I. V. E., 1916. 1606 p.
8. Kavkazskie mineralnye vodi (*The Caucasian Mineral Waters*). Pyatigorsk, 1912.
9. Kurort Pyatigorsk (*The Resort Of Pyatigorsk*). Pyatigorsk, 1912. 389 p.
10. Lermontov M. Yu. Sochineniya v dvuh tomah (*Collected writings*) Vol. II. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1970. 744 p.
11. Muscovite G. G. Illustrirovaniy prakticheskiy putevoditel po Kavkazu (*Illustrated practical guide to the Caucasus*). Odessa: Russian Baedeker, 1910. 434 p.
12. Nersisyan M. G. A. V. Suvorov i russko-armyanskie otnosheniya v 1770–1780 godi (*A. V. Suvorov and the Russian-Armenian relations in 1770–1780s*). Yerevan, 1981. 178 p.
13. Ogilvy A. N. Captage narzana i yego istoriya (*The capture of mineral water and its history*) // Trudi geologicheskogo komiteta (*Proceedings of the Geological Committee*). No. 58. St. Petersburg, 1911. 234 p.
14. Oleynikova N. M. Aleksandr Aleksandrovich Gukasov (*Alexander Gukasov*) // Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov // Interuniversity collection of scientific works / ed. V. Z. Akopyan. Vol. 8. Rostov-on-Don – Mineralnye Vody, 2003. P. 112–116.
15. Polish E. B., Rosenfeld, B. M. Dorigie mesta. Pamyatniye mesta Kavkazskih Minerealnykh Vod (*The Expensive seats. Memorable places of Caucasian Mineral Waters*). Stavropol, 1974. 176 p.
16. Polish E. B., Rosenfeld B. M. I Zvezda s zvezdoyu govorit (*And a star speaks to a star*). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1980. 286 p.
17. Pyatigorsk v istoricheskikh dokumentah 1803–1917 godi (*Pyatigorsk in historical documents 1803–1917*). Stavropol: Stavropol book publishing house, 1985. 350 p.
18. Terskiy calendar na 1860 g. (*Terek calendar for 1860*). Vladikavkaz: Publishing house of Tersky regional statistical committee, 1859.
19. Terskiy calendar na 1899 g. (*Terek calendar for 1899*). Vladikavkaz: Publishing house of Tersky regional statistical committee, 1898.
20. Terskiy calendar na 1891–1899 godi (*Terek calendar 1891–1899*). Vladikavkaz: Publishing house of Tersky regional statistical committee, 1890–1899 gg.
21. Hachikov V. A. Pyatigorsk vechno yuniy i prekrasniy (*Pyatigorsk – forever young and beautiful*). Pyatigorsk: Caucasus Bulletin, 2000. 159 p.

УДК 94(569.1)

Е. Альхатиб

ТЕТРАПОЛИС ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ СИРИИ

Статья посвящена возникновению и становлению Тетраполис Сирии, их роли и значимости в Селевкидский и Римский периоды. Города были названы в честь членов царской семьи, что значительно повышало их статус. С основанием Тетраполиса Селевк I осуществил свои планы по выходу к Средиземному морю, что в значительной степени обеспечило экономический рост Селевкидского государства. Именно города позволяли Селевкидам контролировать обширные владения

государства и укреплять царскую власть. В римский период, Тетраполис подвергся частичной перестройке, в результате чего, архитектура городов стала приобретать римские черты. В экономическом плане города значительно окрепли, за счет активной торговли и разумной политики римских властей.

Ключевые слова: Сирия, Селевкиды, Тетраполис, римский период, города, торговля.

E. Alkhatib

THE TETRAPOLIS OF ELLINIST AND ROMAN SYRIA

The article is devoted to the emergence and formation of the Syrian tetrapolis, their role and significance in the Seleucid and Roman periods. The cities were named after the members of the royal family, which greatly increased their status. With the foundation of tetrapolis, Seleucus I carried out his plans to enter the Mediterranean, which largely ensured the economic growth of the Seleucid state. Those were the cities, which allowed the Seleucids to control the

vast possessions of the state and strengthen the royal power. In the Roman period the tetrapolis underwent partial reconstruction, as a result, the architecture of the cities began to acquire Roman features. Economically, the cities have grown considerably stronger due to active trade and reasonable policy of Roman authorities.

Key words: Syria, Seleucid, Tetrapolis, Roman period, cities, trade.

История градостроительства Сирии в эпоху эллинизма тесно связана с социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в государстве Селевкидов. После завоевания Восточного Средиземноморья Александром Македонским в регион хлынул значительный поток переселенцев из материковой Греции, которые стремились скорее освоить завоеванные территории.

Рост городов в Сирии пришелся на правление Селевка I Никатора, который в упорной борьбе диадохов за наследство Александра Македонского сумел основать одно из крупнейших монархических государств эллинизма. С 311 г. Селевк именовал себя царем завоеванных территорий [1, с. 255].

За время своего правления он возвел десятки городов, посредством которых осуществлялся контроль над завоеванными территориями. Разумеется, многие города возникали не на пустом месте. Как правило, это были местные поселения, которые расширяли, перестраивали и объявляли полисом. В них проживали македонские ветераны, греческие колонисты,

прежнее местное население и переселенное из ближайших окрестностей. Основная часть городов управлялась автономно, но были и области, с которых взималась дань.

Застраивая свое государство городами, Селевк Никатор назвал их именами членов своей семьи [17, р. 856]. Столицу страны, где располагалась царская резиденция, он назвал именем отца – Антиохия; второй по значимости город Селевк назвал своим именем; Лаодикея была названа в честь матери правителя и Апамея в честь супруги [20, р. 154]. Более мелкие города назывались в честь Александра Македонского или же носили имена членов царской семьи. Иногда города назывались даже в честь знаменательных событий и побед. Но, несомненно, лучшей частью страны, созданной Селевком I, являлась конфедерация из четырех городов-столиц – Антиохия на Оронте, Апамея на Оронте, Лаодикея Приморская и Селевкия в Пиерии, которые составили Тетраполис. Так же их называли городами-сестрами, за взаимодействие и согласие, где каждый город играл свою особенную роль [6, р. 307].

Антиохия. Главная столица была основана 30 мая 300 г. до н. э. Селевком I Никатором, после сражения при Ипсе. Город располагался на реке Оронте (совр. река Эль-Аси), около 40 километров от ее впадения в море, окруженный богатой и живописной флорой, рядом с горами. Город был назван в честь отца правителя Селевка Антиоха, но чаще его знали под именем Антиохия-на-Оронте [13, р. 2].

Антиохия была настолько популярной, что такое же название носили около 16 городов. Подробное описание возведения города оставил антиохийский ритор Либаний и византийский историк Иоанн Малала [2, с. 9]. В своих трудах Малала сообщает, что Селевк прибыл в Антигонию и обратился с молитвой к Зевсу, чтобы получить знак, оставить ли этот город и дать ему иное название, или же возвести новый. Полученное им знамение было принято как призыв к строительству нового города [16]. Разрушенные строения Антигонии пошли как строительный материал для возведения нового города. Антиохия располагалась на стратегически важном направлении, которое позволяло контролировать торговые пути на востоке, в Персию и Индию, в Малую Азию, а также на юге – в Египет и западное Средиземноморье. С западной стороны у города располагался порт Селевкия. Такое местоположение стимулировало развитие ремесла, за счет интенсивного обмена опытом и материалом. Первыми стали заселять Антиохию народы из Македонии, Крита, Аргоса, Афин и евреи.

Город состоял из 4 кварталов: первый был заселен греческими колонистами, второй состоял из представителей близлежащих городов Иополь и Паг Боттия, третий – Неаполь, был построен при Селевке II Каллинике, четвертый квартал построили при Антиохе IV Епифане у горы Сильпий. Кварталы были разделены между собой стенами, а весь комплекс обнесен общей большой укрепленной стеной с мощными воротами, которым давались свои названия. Южные ворота называли Дафнскими, вглубь города вели Херувимские ворота с красивыми бронзовыми барельефами, предположительно доставленными Титом из разрушенного им иерусалимского храма.

Население города составляло более 500 тыс. человек. Такая численность и экономическая мощь города делали его третьим по значимости – после Рима и Александрии [18, р. 663–711]. Помимо кварталов, Антиохия делилась на 18 округов, которые являлись самостоятельной административной и политической единицей, называемой демос. Такие округа управлялись собранием местной знати – декурионами.

Помимо этого, Антиохия являлась крупным культурно-политическим центром, имея множество школ по риторике, философии и медицине, а также большую библиотеку Мусейон. Как и в любом крупном античном городе, в Антиохии были свои бани, театры, амфитеатры и стадионы. Посреди города проходила широкая четырехкилометровая мраморная улица с колоннами, единственная в своем роде, она имела постоянное ночное освещение. Каждый дом в городе имел водопровод.

В роскошной лавровой и кипарисовой роще, что находилась за городом, располагалось предместье Дафна, названное в честь нимфы. В ней находилось множество источников, а также храм Аполлона и Артемиды. Благодаря красоте природы Дафна притягивала богатых жителей Антиохии как курорт, поэтому на ее территории было расположено множество поместий и вилл [14, р. 255]. Там же находилась царская резиденция, в которой с 64 г. останавливался римский наместник, а позже полководец Гней Помпей. Проживавший в царской резиденции император Коммод провел в Дафне Олимпийские игры в 359 г. В связи с этим Либаний написал речь «Антиохиец», где восхвалял свой город такими словами: «Среди городов земли нет ни одного, где бы величина столь же счастливо сочеталась с прекрасным местоположением. Пришедший сюда забывает свой город, ушедший отсюда этот город забыть не может» [3, с. 498]. В I в. н. э. в Антиохии крестили апостола Павла, поэтому этот город по праву считался колыбелью христианства за пределами Палестины. Именно в Антиохии появилось слово «христиане». В городе была возведена одна из четырех крупнейших автономных православных церквей – Антиохийская церковь.

Археологические раскопки главной столицы Царства Селевкидов начались в 1931 г. и продолжались 8 лет. Большую часть развалин представляет сохранившаяся центральная колонная улица, с неровной поверхностью и фрагментами гранитных столбов. Хорошо сохранились монументальные каменные ворота, которые устанавливались на пересечениях улиц. Были найдены также остатки церквей, бань и агоры. Большую ценность представляют многочисленные фрагменты напольной мозаики, и найденная серебряная чаша с гравюрой Христа и апостолов.

Селевкия Пиерия. Этот второй по значимости город Тетраполиса был так же основан Селевком I Никатором и назван в его честь. Дата его образования варьируется историками от 300 до 305 г. до н. э. Изначально именно

Селевкия задумывалась как главная столица государства, построенная на месте Антигонии, но Селевк передумал и перенес столицу в новый город Антиохия. Для Селевкии нашлось другое применение, город стал портом столицы. Страбон в своем труде «География» писал: «На западе ниже Антиохии, против Селевкии, лежит море, поблизости от Селевкии Оронт образует устья. Селевкия находится в 40 стадиях¹ от устьев реки и в 120 стадиях от Антиохии. Путешествие от моря вверх по реке до Антиохии занимает один день» [4, с. 69]. Чтобы выделить этот важный город среди других городов, носящих такое же название, к Селевкии добавили топоним Пиерия, потому что александрийским воинам ландшафт этого города напоминал родные края, носящие это название [10, с. 55]. Город располагался в 6 километрах севернее устья реки Оронт, на побережье была построена большая пристань с высокотехнологичным техническим оснащением и просторная агора. Для военной мощи была возведена хорошо укрепленная крепость, поэтому город являлся важным опорным пунктом всего государства. Это был крупнейший торговый порт и военно-морская база. Мощная крепостная стена, окружавшая город, была протяженностью в 13 километров. Город из-за географического положения был разделен на две части – Верхний и Нижний. В Верхнем городе находились все административные здания, а также жилые районы, в Нижнем городе располагалась пристань и агора, с магазинами и мастерскими. Эта часть города была самой оживленной и многочисленной. Между собой эти два уровня одного города соединяли широкой и длинной лестницей, фрагменты которой можно встретить и сегодня.

Первыми жителями города были жители разрушенной Антигонии, а также евреи. Помимо интенсивной торговли, в городе развивалось и сельское хозяйство, о чем пишет историк и географ Страбон: «Посидоний упоминает также о содержащей асфальт земле, добываемой на виноградниках в Селевкии Пиерийской, как лечебном средстве против паразитов виноградной лозы» [4, с. 282].

В 240 г. до н. э. началась война между Селевкидами и Птолемаями, а в 246 г. эллинские правители захватили Селевкию Пиерию, как один из главных стратегических объектов, и осадили Антиохию. Селевкиды вынуждены были подписать мирный договор, по которому Селевкия и все северное побережье отходило Египту. Еще несколько лет этот главный торго-

вый порт принадлежал фараонам, но в 221 г. Антиох III начал Четвертую Сирийскую войну, в ходе которой Селевкия была возвращена.

Город достаточно рано стал пристанищем христианства. Именно из Селевкии в 45 г. апостол Павел отправился в свое первое миссионерское путешествие на Кипр.

В VI в. н. э. Селевкия была разрушена землетрясением, после чего город пришел в упадок. В настоящее время на территории этого города располагается небольшой поселок Чевлик.

В римский период Селевкия Пиерия была процветающим и богатым городом, о достатке горожан свидетельствуют найденные при раскопках дома с мозаичными полами. Многие из жителей пользовались помещениями, вырезанными прямо в скалах, предназначенными для хранения запасов еды и других бытовых нужд. Эти постройки сохранились до наших дней. Селевкия Пиерия славится также многочисленными историческими и культурными памятниками. Одной из главных и древнейших достопримечательностей является тоннель Веспасиана-Тита, который был построен для отвода воды. Его строительство начали в 70 г. н. э., длина тоннеля составляет около 1000 метров, а наибольший диаметр – 7 метров. На первый взгляд, тоннель выглядит как горное ущелье, но вблизи на камнях видны следы инструментов, говорящие о том, что тоннель высекался в скале рукотворно пленными евреями. В некоторых местах тоннеля имеются высеченные катакомбы. В середине тоннеля с римских времен сохранился мостик, которым можно пользоваться до сих пор. Сам город был оснащен сложной системой каналов и тоннелей, отводящих воду и спасающих от затопления при частых наводнениях и сходе селевых потоков.

Вблизи тоннеля Веспасиана-Тита располагаются высеченные в скалах гробницы Бешикли. Они представляют собой вырезанные в скале залы, которые раньше были укреплены колоннами. Там располагаются многочисленные каменные саркофаги, крышки которых не сохранились. Стены некоторых гробниц украшены высеченным растительным орнаментом, фигурами животных и больших ракушек. Такие же каменные саркофаги сохранились на поверхности скал в 2 километрах от современного поселка Чевлик. Часть саркофагов имели каменные крышки и растительный орнамент, высеченный на их стенах.

Селевкия Пиерия, по сути, был городом-некрополем династии Селевкидов, там захоронен отец основателя династии, а позже и сам

¹ Стадия, Стадий – единица длины в Древней Греции.

Селевк Никатор и его семья. На месте старой гавани сохранились большие каменные плиты, которыми был выложен пирс, а на пляже можно увидеть старые якоря и руины пограничной крепости.

Лаодикея. Лаодикея, как и другие города Тетраполиса, была основана Селевком Никатором и названа в честь его матери. В некоторых трудах этот город зовут Лаодикея Сирийская или Лаодикея Приморская. Город был отстроен на месте финикийского города Рамита и занимал стратегически удачное место на мысе, который выходил в Средиземное море [12, р. 1; 15, р. 369].

С самого начала Лаодикея была запланирована как главная гавань государства. В наши дни на месте древнего города находится современный порт Латакия. Интересно отметить тот факт, что нынешняя планировка Латакии (с севера на юг и с востока на запад) повторяет старую застройку Лаодикеи [4, с. 696].

На высоком естественном холме был расположен акрополь Лаодикеи, к которому вела одна из трех наиболее значительных улиц, пересекающихся с главной улицей, тянувшейся с севера на юг. Улицы были украшены колоннадами. Пересечение центральных улиц украшал тетрапил [Dussaud, 1927, р. 326]. Некоторые исследователи считают, что портики появились лишь в римское время, когда был выстроен новый перистиль и монументальная арка [12, р. 129].

При Селевкидах Лаодикея была густонаселенным и процветающим городом, с роскошной архитектурой и большим торговым портом в 220 га. В 246 г. до н. э. город был захвачен Птолемеем III, который перенес туда свою военно-морскую базу. С приходом в Восточное Средиземноморье римлян Лаодикея ненадолго стала столицей Сирии [11, р. 108].

Во времена правления Септимия Севера в городе построили термы, акведук и ипподромом [19, р. 140].

По мнению Ж. Соваже и Ж. Лоффрейя, Лаодикея римского периода быстро меняла свой облик. Повсюду прослеживались черты регулярной планировки. Кварталы имели примерно такие же размеры, как и в Антиохии на Оронте (112 × 57 м.) [19, р. 117].

Историк и географ Страбон писал о городе: «Дальше следует Лаодикея – приморский, весьма живописно построенный, с прекрасной гаванью; область города, кроме изобилия прочих плодов, еще очень богата вином. Этот город доставляет александрийцам большую часть вина, так как жители засадили виноград-

никами всю гору, возвышающуюся над городом, почти до вершин. Эти вершины удалены от Лаодикеи на довольно значительное расстояние и медленно и постепенно поднимаются вверх, тогда как над Апамеей они возвышаются отвесно. Немало вреда причинил Лаодикее Долабелла, который бежал в этот город в поисках убежища. Кассий осаждал Далабеллу здесь до самой смерти последнего, причем во время осады были уничтожены вместе с ним многие части города» [4, с. 696].

На территории современного города до сих пор можно встретить древние руины общественных бань, амфитеатра, жилых построек, а также фрагменты колоннад, монументальные арки и саркофаги. Посреди старого города пролегалла большая улица с колоннадами, начиналась она у северной окраины и доходила до южных ворот, за пределами которой начиналась дорога в Антиохию. Поперек этой главной улицы проходили еще три, также украшенные колоннами. Одна из улиц вела в крепость, расположенную на северо-восточном холме, а другая, через восточные ворота, выходила к дороге на Апамею. На центральной улице был расположен большой рынок и многочисленные мастерские, где всегда было многолюдно и оживленно.

На перекрестке северной и южной дорог стоял тетрапилон – квадратное сооружение, с четырьмя входами со всех сторон, украшенное арками и колоннами [12, р. 326]. Эта постройка всегда размещалась на перекрестках важных дорог и, помимо эстетической стороны, порой носила эзотерический смысл. Южная улица соединяла порт и юго-восточную часть города, где располагалась монументальная арка [19, р. 129], состоящая из четырех полукруглых арок, с каменным куполом и четырьмя колоннами.

Своему процветанию мегаполис был обязан прежде всего своим трудолюбивым и предприимчивым гражданам, которые умели совершать крупные торговые сделки и производить конкурентноспособную продукцию. Особенно славилось производимое там вино, которое экспортировалось во все уголки империи, о чем в своих трудах упоминал Страбон. Помимо виноделия, в городе была хорошо развита текстильная продукция. Большой спрос на рынке имел местный табак.

При Антиохе IV в некоторых городах Сирии позволялось чеканить бронзовую монету, и Лаодикея входила в их число. Каждый город мог изображать на монетах разных богов, в Лаодикее на реверсе было изображение Посейдона как покровителя города.

В римский период Лаодикея ненадолго была провозглашена столицей Сирии [11, р. 108]. Известно также, что в городе были ранние христианские общины, которым Святой Павел велел зачитать его послание христианам Колосса.

Апамия. Этот античный город так же, как и другие города тетраполиса, располагался на реке Оронте, на севере Сирии, южнее Антиохии и в 51 км к северо-западу от Хамы [10, р. 130–131]. Апамия была построена Селевком I Никатором на месте древнего города Фарнака, который возвели еще во времена Ахеменидов, а при Александре Великом именовался Пеллу. Город называли в честь любой жены правителя – Апамы и вскоре он стал центром для сбора армии Селевкидов [7, р. 160].

Страбон в своем труде «География» описал расположение города так: «...это прекрасно укрепленный холм, возвышающийся на углубленной равнине. Река Оронте и лежащее вокруг большое озеро обращают этот холм в полуостров; озеро, разливаясь, переходит в широкие болота и огромной величины луга, служащие пастбищами для рогатого скота и лошадей. Город, таким образом, не только безопасно расположен, но и обладает весьма обширной и плодородной территорией, через которую протекает Оронте и где находятся многочисленные зависимые городки» [4, с. 697]. Из-за такого географического расположения, древнегреческий философ Плутарх и географ Стефан Византийский называли Апанию Херсонесом. Также город был известен под названиями Апамия на Оронте и Апамия Сирийская.

В римский период Апамия процветала, ее предприимчивые горожане торговали по всей Сирии и за ее пределами. Большим спросом пользовалось превосходное вино, которое часто смешивали с медом и получали нечто похожее на медовуху. Оружейники поставляли на рынок прекрасные клинки, кинжалы и др. холодное оружие [14, р. 257].

По приказу цезаря Августа в 6–7 гг. н. э. в Апамии была проведена перепись населения, в ходе которой было зафиксировано 117 000 свободных граждан, а в общей массе в городе проживало около 500 тысяч людей. Площадь города составляла примерно 230 га, сам город делился на кварталы, опоясанный укрепленной стеной.

Из-за расположения в сейсмической зоне, город не раз подвергался сильным землетрясениям. После сильнейшего землетрясения в декабре 115 г. до н. э., в течение второго века, при правлении римлян, город был полностью восстановлен [18, р. 715]. Ценным культурным

наследием его является колоннада Апамии, протяженностью в 2 км, восстановленная во II в. н. э. римлянами, она была самой длинной и монументальной во всей Римской империи. В ширину эта главная магистраль составляла около 21 метра, вымощенная плитами из известняка неправильных форм. Сами колонны в высоту достигали 9 метров, а диаметром 0,9 метров, расстояние между ними составляло 1,24 метра. Колонны были двух видов, простые, гладкие и со спиральной каннелюрой¹.

Археолог Жан Лассо полагал, что простые колонны относятся ко времени правления римского императора Марка Траяна, а каннелированные ко времени правления императора Антония Пия. Каннелированные колонны сохранились на фрагментах стволов, а не как другие колонны на базах, что скорее всего связано с попыткой укрепления колонн в случае землетрясений. Сохранившиеся портики обильно украшены мозаикой.

Риторик и философ Либаний в своих трудах писал о важной роли этих портиков в социальной жизни города: «поскольку люди оказываются разлучены, общественная жизнь затухает, у нас же непрерывное общение ведет к расцвету дружеских связей, и насколько там они ослабевают, настолько здесь крепнут», также он указывал, что если выстроить в длину все портики, то их протяженность будет достигать 26 км. [3, с. 217]. Однако археологи, опираясь на материальные источники, называют такие цифры лишь ораторским преувеличением. На сохранившихся обломках портиков видны не состыковки материала, что говорит о том, что эти строения подвергались многочисленным реставрациям, из-за частых землетрясений.

Как главная и центральная улица, она называлась Кардо Максимус и проходила с севера на юг, являясь осью города. Такое расположение было выбрано неслучайно, так как дорога вела в главную столицу – Антиохию. Напротив, северной части колоннады располагались общественные бани, южную часть колоннады на 1 500 метре пересекала улица Декуманус Максимус, в Римской империи так назывались улицы, проходящие с востока на запад. На этом перекрестке были размещены две тройные арки, напоминающие тетрапилон. Вдоль главной улицы располагались большая агора, храм богини удачи Тюхе, базилика с атриумом, а также небольшое сооружение с маленьким водоемом, посвященное водным нимфам. При Юстиниане I улица была уменьшена в ширину до 12 м, а с обеих её сторон выложили тротуары.

¹ Канелюра, каннелюра – вертикальный желобок на стволе пилястры или колонны.

На северо-западе Апамеи находился один из самых монументальных римских театров возведенный во II в. н. э., остатки которого сохранились до наших дней. Единственный театр, который превосходил по размерам театр в Апамеи, был театр Помпея в Риме. Изначально театр был построен во времена Селевкидов, но в римский период сцена и входы в театр были перестроены, приобретая римские формы. Сцена по длине в два раза больше, чем в греческих театрах, а лестницы со сцены ведут прямо к зрительским местам. Длина зрительских мест достигала в диаметре 139 метров. В зале было 10 секторов на 20 тысяч зрителей. Сиденья были 0,41 метра в высоту и 0,81 метра глубиной. Главной особенностью театра была сложная римская система трубопроводов, которая хорошо сохранилась вдоль восточного входа.

Некоторые дома имели выложенные мозаикой полы, на которых были красочные изображения местных пейзажей и греческой метрологии [8, р. 33]. Первые археологические раскопки театра были произведены в 1930-х гг.

американскими учеными. С 1931 по 1939 гг. раскопками занималась группа ученых из Брюссельского университета, но полевые дневники, к сожалению, были утрачены во время Второй мировой войны.

Описанные выше города – Антиохия, Селевкия Пиерия, Лаодикея и Апамия – сыграли значительную роль в истории Селевкидского государства. С их основанием Селевк I осуществил свои планы по выходу к Средиземному морю, что в значительной степени стимулировало рост международной торговли городов, расположенных на пересечении караванных путей [9, р. 67]. Именно города обеспечивали экономический рост Селевкидского государства и способствовали укреплению власти царя.

В римский период, Тетраполис подвергся частичной перестройке, в результате чего, архитектура городов стала приобретать римские черты. В экономическом плане города значительно окрепли, предприимчивые сирийцы торговали по всей территории Римской империи и за ее пределами.

Литература и источники

1. Журавлева Н. В. Древний Восток и Античный мир // Труды кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ. № IV. М.: Эко-пресс, 2001. С. 74–84.
2. Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города: (Антиохия в IV в.). Л.: ЛГУ, 1971. 249 с.
3. Либаний. Речи: в 2 т. / пер. с древнегреческого с. П. Шестакова. СПб.: Издательский проект «Квадривиум», 2014. 753 с.
4. Страбон. География (в 17 книгах) / пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского / под общей редакцией С. Л. Утченко, ред. пер. О. О. Крюгер. Л.: Наука, 1964. 957 с.
5. Чичагов В. П. Антропогенные аридные равнины Малой Азии // География и природные ресурсы. География за рубежом. 2010. №1. С. 157–164.
6. Andrade N. Assyrians Syrians and the Greek language in the late Hellenistic and Roman imperial periods. Chicago journals, Oktober 2014. P. 299–317 .
7. Ball W. Rome in the East. Routledge. London, 2000. 523 p.
8. Balty J., Dewez M. Apamee sur l'Orontes en Syrie. Bruxelles, 1970.
9. Bevan E. R. The House of Seleucus. Vol I. London: E. Arnold, 1902. 368 p.
10. Bouchier E. S. Syria as a Roman province. Oxford: Blackwell Publishing, 1915. 299 p.
11. Downey G. A history of Antioch in Syria: From Seleucus to the Arab conquest. Princeton University Press, 1974. 752 p.
12. Dussaud R. Topographie Historique de la Syrie Antique et medievale. Paris, 1927. 632 p.
13. Hadad G. Aspects of social life in Antioch in the Hellenistic Roman period. University of Chicago, 1949. 196 p.
14. Hitti P. K. History of Syria including Lebanon and Palestine. New York, Macmillan, 1951. 796 p.
15. Jouguet P., Dobie M. R. Macedonian Imperialism and the Hellenization of the East. New York, 1928. 492 p.
16. Malalas John. The chronicle of John Malalas, translation by Elizabeth Jeffreys. Melbourne, 1986. 371 p.
17. Rostovtzeff M. The Social and Economic history of the Hellenistic world. Oxford, 1953. Vol. I–III.
18. Sarter Maurice. La Syrie antique. Paris, 2008.
19. Sauvaget J. Note complementaire, VI. Paris, 1937.
20. Tam W., Griffith G.T. Hellenistic civilization. London, 1966.

References

1. Zhuravleva N. V. Drevnii Vostok i Antichnyi mir (*The Ancient East and the Ancient World*) // Trudy kafedry istorii drevnego mira Istoricheskogo fakul'teta MSU (*Proceedings of the Department of Ancient History of the Historical Faculty of Moscow State University*). No. IV. Moscow: Eko-press, 2001. P. 74–84.
2. Kurbatov G. L. Osnovnye problemy vnutrennego razvitiya vizantiiskogo goroda: (Antiohiya v IV v.) (*The main problems of internal development of the Byzantine city: (Antioch in the 4th century)*). Leningrad: LSU publ., 1971. 249 p.
3. Libanii. Rechi (*Speech*). In 2 vols. / translated by S. P. Shestakov. St. Petersburg.: Kvadrivium, 2014. 753 p.
4. Strabon. Geografiya (*Geography*) / ed by S.L. Utchenko. Leningrad: Nauka, 1964. 957 p.

5. Chichagov V. P. Antropogennyye aridnyye ravniny Maloi Azii (*Anthropogenic arid plains of Asia Minor*) // Geografiya i prirodnyye resursy. Geografiya za rubezhom (*Geography and natural resources. Geography abroad*). 2010. No. 1. P. 157–164.
6. Andrade N. Assyrians Syrians and the Greek language in the late Hellenistic and Roman imperial periods. Chicago journals, Oktober 2014. P. 299–317 .
7. Ball W. Rome in the East. Routledge. London, 2000. 523 p.
8. Balty J., Dewez M. Apamee sur l Orontes en Syrie. Bruxelles, 1970.
9. Bevan E. R. The House of Seleucus. Vol I. London: E. Arnold, 1902. 368 p.
10. Bouchier E. S. Syria as a Roman province. Oxford: Blackwell Publishing, 1915. 299 p.
11. Downey G. A history of Antioch in Syria: From Seleucus to the Arab conquest. Princeton University Press, 1974. 752 p.
12. Dussaud R. Topographie Historique de la Syrie Antique et medievale. Paris, 1927. 632 p.
13. Hadad G. Aspects of social life in Antioch in the Hellenistic Roman period. University of Chicago, 1949. 196 p.
14. Hitti P. K. History of Syria including Lebanon and Palestine. New York, Macmillan, 1951. 796 p.
15. Jouguet P., Dobie M. R. Macedonian Imperializm and the Hellenization of the East. New York, 1928. 492 p.
16. Malalas John. The chronicle of John Malalas, translation by Elizabeth Jeffreys. Melbourne, 1986. 371 p.
17. Rostovtzeff M. The Social and Economic history of the Hellenistic world. Oxford, 1953. Vol. I–III.
18. Sarter Maurice. La Syrie antique. Paris, 2008.
19. Sauvaget J. Note complemetaire, VI. Paris, 1937.
20. Tarn W., Griffith G.T. Hellenistic civilization. London, 1966.

УДК 94(430).086

А. А. Аникеев

ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Проблема Второй мировой войны занимает важное место в современной исторической науке. Ее уроки позволяют избежать тех решений, которые ведут не только к провалу во внутренней и внешней политике, но и краху политических режимов. В статье раскрываются меры руководства нацистской Германии в 1942–1944 гг. по проведению тотальной мобилизации всех ресурсов страны ради достижения победы во Второй миро-

вой войне. Показана роль министра вооружения А. Шпеера и других руководителей Третьего рейха в проведении этой кампании, которая в конечном счете не позволила переломить ход военных действий и привела гитлеризм к краху.

Ключевые слова: тотальная мобилизация, «эра Шпеера», военное производство, военно-материальное снабжение, НСДАП.

А. А. Anikeev

TOTAL MOBILIZATION IN NAZI GERMANY DURING THE SECOND WORLD WAR

The problem of the Second World War occupies an important place in modern historical science. Its lessons allow avoiding the decisions that lead not only to failure in domestic and foreign policy, but also to the collapse of political regimes. The article reveals the measures taken by the leadership of Nazi Germany in 1942–1944 as regards total mobilization of all national resources to achieve victory in the Sec-

ond World War. The study shows role of the Minister of Armament, A. Speer, and other leaders of the Third Reich in carrying the campaign, which ultimately did not change the course of military operations, and led Hitlerism to collapse.

Key words: total mobilization, “Speer’s era”, military production, military supplies, National Socialist German Workers’ Party.

События на советско-германском фронте с конца 1942 г. до конца 1943 г., особенно разгром войск вермахта под Сталинградом и Курском, оказали большое воздействие на дальнейший ход Второй мировой войны.

Катастрофа на Волге и поражение под Курском пробили серьезную брешь в материальных и людских ресурсах Германии. Потери немцев в технике составляли: в танках и автомашинах – 6-месячное производство, в артил-

лерии – 3–4-месячное, в стрелковом оружии и минометах – 2-месячное. Гитлеровцы прибегли к так называемой тотальной мобилизации. Ее задачи были сформулированы в секретной директиве Гитлера от 13 января 1943 г., затем конкретизированы в выступлении уполномоченного по тотальной мобилизации Шпеера 29 января на большом совещании, представителей военной промышленности, вермахта и высших чинов нацистской партии, состоявшемся в Познани 5–6 февраля, и, наконец, в речи Геббельса на собрании в Спортпаласте 18 февраля 1943 г., проходившем под лозунгом: «Тотальная война – самая короткая война!» [1, с. 299].

Тотальная мобилизация, или «эра Шпеера», явилась целой системой чрезвычайных мер, призванных обеспечить фронт необходимыми материальными средствами и восполнить потери в живой силе. С этой целью все немцы – мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и женщины от 17 до 45 лет – подлежали трудовой мобилизации; они направлялись прежде всего на военное производство. Был издан указ «О закрытии или слиянии предприятий и о запрещении некоторых отраслей промышленности», на основании которого ликвидировались многие мелкие предприятия и коммунальные учреждения. В одном лишь Берлине закрылось 5 тыс. торговых и 4 тыс. ремесленных заведений. Второй раз с начала войны были сокращены нормы продовольственного снабжения населения.

Принимались срочные меры по экономии сырья, электроэнергии, топлива. Широко применялось производство синтетических материалов. Автотранспорт в массовом порядке переводился на газогенераторные установки. Резко сократилось снабжение населения углем, вводились другие ограничения. В сельском хозяйстве была установлена еще более жесткая регламентация: без разрешения властей крестьянин не мог продавать свою продукцию, резать скот, птицу и т. д. В мае 1943 г. произошло очередное сокращение продовольственных норм, например, норма мяса в неделю была снижена на 100 г. и составляла в среднем 250 г.

В результате всех этих мер и ограбления временно оккупированных стран, доля которых в производстве многих видов сырья составляла 20 % и более [2, с. 74], гитлеровской верхушке удалось частично поправить положение. В военную промышленность было мобилизовано 2 млн человек. Производство боевой техники, вооружения и боеприпасов вновь увеличилось; стали выпускаться тяжелые тан-

ки «Тигр» и «Пантера», самоходные орудия «Фердинанд», самолеты «Фокке-вульф-190-А» и «Хеншель-129». В августе 1943 г. начался выпуск довольно эффективного противотанкового средства – фауст-патронов. Через год их было произведено уже 400 тыс. В самолетостроении преимущество было предоставлено производству истребителей в ущерб бомбардировщикам, а для военно-морского флота вместо крупных надводных кораблей в большинстве своем строились подводные лодки.

К военному производству подключались все новые и новые предприятия. 2 сентября 1943 г. Гитлер издал указ «О концентрации военной промышленности», в результате чего Шпеер фактически сосредоточил в своих руках руководство всей экономикой, за исключением авиационной промышленности, по-прежнему находившейся в распоряжении Геринга. Консультантами Шпеера были руководители ведущих военно-промышленных концернов.

Германские вооруженные силы испытывали растущую нужду в людских резервах, ликвидировать которую была призвана новая тотальная мобилизация, объявленная указом Гитлера от 27 ноября 1943 г. Чтобы дать фронту 1 млн человек, гитлеровцы вновь сократили штаты в тылу, прибегли к широкому использованию женщин в тыловых частях, в зенитной артиллерии и т. д. Но увеличить численность вермахта уже было невозможно, так как с 1943 г. его потери превышали пополнение. Только во время наступления советских войск летом и осенью 1943 г. безвозвратные потери гитлеровцев на Восточном фронте составили 1,4 млн человек, а пополнения пришло лишь 605 тыс.

Таким образом, тотальная мобилизация, создав условия для дальнейшего увеличения военного производства, не смогла существенно повысить военно-промышленный потенциал Третьего рейха. Кроме того, стал ощущаться недостаток и многих других средств материально-технического снабжения армии.

Как пишет Б. Мюллер-Гиллебранд, Управление «настаивало на необходимости организации непрерывного планирования в этом направлении и старалось побудить у политического руководства и соответствующих государственных инстанций интерес к данным вопросам» [5]. На трех отделах управления – военной экономики, вооружений и сырья – было сосредоточено решение многих вопросов. В частности, они планировали и распределяли танки, самолёты, автомобили, вооружение и боеприпасы между отдельными родами войск и фронтами [7].

Вышеназванные меры позволили существенно расширить военное производство

Германии. В декабре 1942 г. индекс военного производства составлял 181 % по отношению к январю – февралю того же года; в декабре 1943 г. он был равен 222 %. Максимальный рост был достигнут в июле 1944 г. – 322 %, после чего началось резкое падение.

С середины 1943 г. на военную промышленность Германии и военную экономику в целом стали оказывать большое влияние участвовавшие налёты авиации противника, поэтому общие цифры на 1944 г. выглядят сильно заниженными.

Острейшей проблемой военной экономики Третьего рейха на протяжении всей войны, и особенно на её заключительном этапе, было продовольствие и сельскохозяйственное сырьё. Наибольший интерес в этой связи для гитлеровского руководства представляли поставки из Франции, Дании и Норвегии, а также с оккупированных территорий Польши и СССР.

Для максимальной мобилизации продовольственных товаров из Польши и СССР было учреждено министерство по делам оккупированных восточных территорий во главе с Розенбергом. По оценке этого министерства, из временно оккупированных территорий Советского Союза к 1944 г. было вывезено 9 152,5 тыс. тонн зерна, 749 тыс. тонн семян и масличных культур, 649,5 тыс. тонн мяса, 134,2 тыс. тонн жиров 1 175,5 млн штук яиц, 2 819,0 тыс. тонн картофеля, 229,8 тыс. тонн сахара, 341,5 тыс. тонн свежих овощей, 337,0 тыс. литров спирта [2, с. 130].

Здесь не учтены сотни продовольственных товаров, которые были изъяты непосредственно частями вермахта в период оккупации, а также отправлены военными в качестве посылок в Германию.

Политика «тотальной мобилизации» заставила гитлеровское руководство пересмотреть также вопрос об использовании военнопленных и иностранных рабочих в германской промышленности и сельском хозяйстве. До 1942 г. национал – социалисты по идеологическим соображениям и из-за опасения саботажа неохотно привлекали эти категории для работы на предприятия, шахты и сельские имения. Однако сокрушительные поражения

под Москвой и Сталинградом, а затем и на Курской дуге, где вермахт потерял только убитыми более 1 млн человек, потребовали призыва в вермахт новых контингентов немецких солдат. Вместо них было принято использовать даровую рабочую силу военнопленных и иностранных рабочих, среди которых насчитывалось 7,5 млн русских, 0,8 млн – поляков,

0,7 млн – голландцев и т. д. В наиболее трудных условиях содержались советские военнопленные и восточные рабочие «остарбайтеры» [6, с. 226].

Очевидно, что в ходе «тотальной мобилизации» были допущены некоторые серьёзные просчёты со стороны нацистского руководства. Хотя Шпеер сумел ограничить частные интересы отдельных групп экономической элиты «ради общих интересов», ему, по словам Г.-П. Маллина, «не удалось поставить под свой прямой контроль такие важные сферы хозяйства, как, например, хозяйственная империя СС или комплекс имперских заводов, объединённых Плейгером» [4, с. 288–303].

Для лучшего руководства «тотальной мобилизацией», которую осуществляла нацистская партия, была проведена её реорганизация, последняя со времени возникновения. Особые полномочия получил заместитель фюрера по партии Мартин Борман (1900–1945). Он являлся руководителем, а по сути дела, хозяином огромного гитлеровского фонда и казначеем НСДАП. Фонд Адольфа Гитлера был создан по инициативе Бормана ещё в довоенный период. Средства, собираемые путём явного или скрытого вымогательства, особенно у еврейских предпринимателей, использовались «в интересах партии». Казна НСДАП, кроме членских взносов и доходов от партийных изданий, финансировалась в основном из тех же источников. Установлено, что с 1933 по 1945 гг. в форме пожертвований Гитлеру от «немецкого хозяйства» было передано 700 млн марок. Кроме того, поступило от владельцев «ИГ Фарбениндустри» – 84 млн, от Круппа – 12 млн, канцлера Флика – 7,65 млн марок [8, с. 52]. Эти средства использовались на финансирование партийных съездов, пропагандистских компаний и различных нацистских органов типа «Бюро Розенберга», содержавшего за границей сеть организаций НСДАП.

Впервые за годы Второй мировой войны население Германии остро почувствовало продовольственные трудности. Если ранее нацистские пропагандисты упорно утверждали, что удерживаемые германскими войсками обширные сельскохозяйственные районы Советского Союза помогут сохранить снабжение продовольствием на прежнем уровне, то в 1944 г. надежды на это рухнули. Главной причиной развала экономики нацистской Германии, наступившего во второй половине 1944 г., и приближавшегося краха всей системы фашистского военного производства были победы Красной Армии, которая на протяжении

трех лет «перемалывала» военную технику вермахта и его союзников. Кроме того, в результате освобождения советскими войсками стран Центральной и Юго-Восточной Европы нацисты к концу 1944 г. потеряли более 75 % запасов железной руды, половину нефти и т. д. Во второй половине 1944 г. была утрачена военно-промышленная база Франции. Стало затруднительным использование ресурсов и производственного аппарата еще оккупированных стран – Чехословакии, части Польши, Венгрии, куда были перебазированы из Германии военные предприятия.

Известную роль в дезорганизации экономики фашистской Германии сыграли и резко усилившиеся в 1944 г. англо-американские бомбардировки промышленных районов страны. Но из общего количества 955 тыс. бомб, сброшенных на Германию, например, английской авиацией, около 431 тыс. упало на жилые районы городов и только 144 тыс. – на промышленные объекты [2, с. 310]. На разрушенных заводах вскоре возобновлялась работа. Кроме того, почти 1/3 важнейших предприятий была скрыта под землей. Поэтому эффективность воздушных налетов в общем была ниже, чем рассчитывало англо-американское командование. Вопреки утверждениям некоторых англо-американских историков, воздушные налеты не могли сыграть решающей роли в разгроме Третьего рейха.

Чтобы поднять дух населения, нацисты развернули шумную пропагандистскую кампанию

вокруг так называемого «чудо-оружия», которым якобы располагала Германия для решающего удара. Таким «чудо-оружием» оказались самолеты-снаряды «Фау-1», впервые примененные 13 июня 1944 г. для бомбардировки Лондона, и реактивные снаряды «Фау-2», использование которых против Англии началось в сентябре 1944 г. В общей сложности со стартовых площадок поднялось до 9 тыс. самолетов-снарядов «Фау-1», из них около 2/3 достигли побережья Англии и около 1/3 – Лондона. По английской столице было также выпущено более 3 тыс. снарядов «Фау-2»; 2 тыс. таких реактивных снарядов атаковали в конце войны Антверпен, Брюссель и Льеж [3, с. 317–318].

Однако никакое чудо-оружие уже не могло изменить ход войны. Колоссальные потери на советско-германском фронте, перенесение военных действий на территорию Германии, резкое ухудшение экономического положения страны, воздушные бомбардировки – все это оказало огромное влияние на гитлеровский тыл и создало благоприятные возможности для успешного завершения Второй мировой войны в Европе.

Таким образом, несмотря на тотальную мобилизацию, гитлеровскому режиму не удалось покрыть потребности фронта в основных видах вооружений, амуниции и продовольствия. Система двигалась к неминуемому краху.

Литература и источники

1. Анатомия войны. Новые документы о роли немецкого монополистического капитала в подготовке и проведении Второй мировой войны / под ред. Г. Н. Александрова и М. Ю. Рагинского М.: Прогресс, 1971. 578 с.
2. Аникеев А. А. Аграрная политика нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Ростов-н/Дону: РГУ, 1990. 208 с.
3. Итоги второй мировой войны: сборник статей / пер. с нем. генерал-майора И. Н. Соболева. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. 640 с.
4. Маллин Г.-Т. Изменения структуры горнорудной промышленности в нацистской экономике // Вторая мировая война. М.: [б.и.], 1997. С. 288–303
5. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии: 1933–1945. М.: Изографус, 2002. 800 с.
6. Промышленность Германии в период войны 1939–1945 гг. / под ред. Г. С. Согомонян. М.: Иностранная литература, 1956. 295 с.
7. Militararchiv, WWR(Thomas) № 61.00.24, B1. S. 45–50.
8. Scheel K. Krieg über Ätherwellen. NS-Rundfunk und Monopole. 1933–1945. Berlin, 1970.

References

1. Anatomiya voyny. Novye dokumenty o roli nemetskogo monopolisticheskogo kapitala v podgotovke i provedenii Vtoroi mirovoi voyny (*Anatomy of war. New documents on the role of German monopoly capital in the preparation and conduct of the Second World War*) / ed by G. N. Aleksandrov and M. Yu. Raginskii Moscow: Progress, 1971. 578 p.
2. Anikeev A. A. Agrarnaya politika natsistskoi Germanii v gody Vto-roj mirovoi voyny (*Agrarian policy of Nazi Germany during the Second World War*). Rostov-on-Don: RSU publ., 1990. 208 p.
3. Itogi vtoroi mirovoi voyny: sbornik statei (*Results of the Second World War: a collection of articles*) / translated by I. N. Sobolev. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoii literatury, 1957. 640 p.
4. Mallin G.-T. Izmeneniya struktury gornorudnoi promyshlennosti v natsistskoi ekonomike (*Changes in the Structure of the Mining Industry in the Nazi Economy*) // Vtoraya mirovaya voyna (*The Second World War*). Moscow, 1997. P. 288–303
5. Myuller-Gillebrand B. Sukhoputnaya armiya Germanii (*The Ground Army of Germany*): 1933–1945. Moscow: Izografus, 2002. 800 p.

6. Promyshlennost' Germanii v period voyny 1939–1945 gg. (*The industry of Germany during the war of 1939–1945*) / ed by G. S. Sogomonyan. Moscow: Inostrannaya literatura, 1956. 295 p.

7. Militararchiv, WWR (*Thomas*) №. 61.00.24, B1. S. 45–50.

8. Scheel K. Krieg über Ätherwallen. NS-Rundfunk und Monopole. 1933–1945. Berlin, 1970.

УДК 94(3)

А. Ж. Арутюнян

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ СОГЛАСНО ДАННЫМ ДРЕВНЕАРМЯНСКОЙ ГЕОГРАФИИ (ИЛИ «АШХАРАЦУЙЦ-А»)

В Древнеармянской географии («Ашхарацуйце») авторы – историк Мовсес Хоренаци (V в.) и географ Анания Ширакаци (VII в.) – большое внимание уделяют как историко-географическому, так и этнографическому описанию Кавказа. Северный Кавказ в целом входил в состав территории Азиатской Сарматии. Птолемей на соответствующей карте представил Сарматия состоящей из двух частей (Европейской и Азиатской).

Та же картина наблюдается в «Ашхарацуйце». «Ашхарацуйц» своими сведениями дополняет наши знания о Северном Кавказе, которые мы находим у античных историков-географов – Страбона и Птолемея.

Ключевые слова: «Ашхарацуйц», Мовсес Хоренаци, Анания Ширакаци, северный Кавказ, народы Кавказа.

H. Zh. Harutyunyan

NORTH CAUCASUS AND ADJACENT AREAS ACCORDING TO THE DATA OF ANCIENT ARMENIAN GEOGRAPHY («ASHKHARATSUYTS»)

In ancient Armenian geography («Ashkharatsuyts») the authors – historian Movses Khorenatsi (V century) and geographer Anania Shirakatsi (VII century) – paid great attention to historical, geographical and ethnographic description of the Caucasus. North Caucasus as a whole was a part of the territory of the Asiatic Sarmatia (Sarmatia Asiatica). Ptolemy presented Sarmatia on a corresponding map consisting

of two parts (European and Asian). The same pattern is observed in «Ashkharatsuyts». «Ashkharatsuyts» expands the data about the North Caucasus, which we find in the works of ancient historians and geographers – Strabo and Ptolemy.

Key words: «Ashkharatsuyts», Movses Khorene, Ananias of Shirak, the North Caucasus, peoples of the Caucasus.

В Древнеармянской географии («Ашхарацуйце») авторы – историк Мовсес Хоренаци и географ Анания Ширакаци [15, с. 37–39, 45; 17, с. 8–29; 4, с. 2–3; 6, с. 88–94] – большое внимание уделяют как историко-географическому, так и этнографическому описанию Кавказа, где, согласно данным археологических исследований, проживали разные племена. Именно поэтому эта территория не входила в состав какого-либо единого государства [о древнейшей истории Кавказа см.: 19, с. 27 и дал.; 21, с. 25–53; 8, с. 61, 97, 99, 103; 30, с. 10 и дал.]. Данные о политическом состоянии Северного Кавказа дополняются как сведениями армянских источников (Мовсес Хоренаци, Мовсес Каланкатваци (VII в.), Фавтос Бузанд, отчасти труды Егише (V в.)), так и упоминаниями антич-

ных историков – Клавдия Птолемея, Арриана, Аммиана Марцеллина и др.

Северный Кавказ в целом входил в состав территории Азиатской Сарматии (Sarmatia Asiatica). Птолемей на своей карте представил Сарматия состоящей из двух частей (Европейской и Азиатской). Согласно автору, между двумя Сарматиями проходила линия раздела двух частей света – Европы и Азии (Ptol. III, V, 1, 19, V, IX, 1). Из Азиатской Сарматии мы выделили именно Кавказ, поскольку как Птолемей, так и авторы «Ашхарацуйца» при описании этой обширной территории особое внимание уделяют именно Кавказу.

Подробные упоминания «Ашхарацуйца» дополняют сведения о Северном Кавказе: «Восемнадцатой страной общей Азии являет-

ся половина Сарматии, которая отделяется от восточной окончательностью Рипейских гор, рекой Танаисом, Меотидским морем, а на западе распространяется до Понтийского моря. Отсюда по побережью доходит до востока, до устья реки *Куракса* (выделено авт. – А. А.), которая называется также *Вороньей* (это часть Кавказских гор, где объединяются Кура и Аракс. – А. А.). Далее через Кавказские горы по границе Иберии и Албании доходит до Каспийского моря и устья реки Сванаса (у Птолемея *Σοάνας*; V, XII, 1, 7)....» [1, с. 109–116; 2, с. 35–38; 34, с. 43–47; 35, с. 65–68]¹. Таким образом, получается, что здесь армянский первоисточник говорит не о границе всей восточной Сарматии, а описывает местонахождение юго-западной окраины этой страны, то есть территорию, находящуюся западнее нынешнего Дона (Танаиса). Далее, когда описание переходит на Кавказ, «Ашхарацуйц» излагает параметры этого региона с северо-запада, с Таманского полуострова, а на юго-востоке до Апшеронского полуострова. Далее описывается западное побережье Каспийского моря вплоть до современного Дагестана [1, с. 109]. В данном упоминании большое сомнение вызывает название реки *Куракс*, которая в этом же отрывке текста называется *Вороньей*. Проблема заключается в том, что в следующем абзаце написано: «Кавказский хребет тянется до Куракских гор...» [1, с. 106]. Здесь нам следует выяснить местность между *устьем Куракса и горами Куракса*.

Устье Куракса, как было отмечено выше, находится на пороге нынешнего Апшеронского полуострова. При описании Каспийского моря авторы «Ашхарацуйца» пишут, что это море на востоке распространяется до устья реки Куры и Аракса. Что касается второго топонима, то, как справедливо отмечает акад. С. Т. Еремян, имеется в виду нынешняя река Бзыбь в Абхазии [17, с. 42, 61], греческое название которой *Κόραξ πτοαμορ* (Ptol. V, VIII, 14) переводится как «ворона» (на древнегреч. *κόραξ*, *κόρακος*, на лат. *corvus*).

Далее «Ашхарацуйц» вновь упоминает северо-западную окраину Кавказа, определяя его границу с северными территориями. Здесь армянский первоисточник упоминает горы Шантаин (Керевнские) и Дзиакан (Гипейские). Названия данных горы дословно переведены с древнегреческого на древнеармянский. Это дает повод говорить, что авторы «Ашхарацуй-

ца» владели древнегреческим языком. Источник точно указывает, что на крайнем западе Кавказских гор по ширине с севера на юг до современной Абхазии распространяются Таманские горы. После орографии излагается гидрография региона, перечисляются племена и народности, проживающие на этой территории.

Севернее северо-западной окраины Кавказа находятся горы, именуемые в настоящее время Восточно-Донской грядью. Между этими горами и началом Б. Кавказа находятся Донецкий кряж, Доно-Донецкая, Калачская, Северо-Приазовская, Доно-Сальская и другие гряды и наконец Кумо-Мачынская впадина, которая ныне считается разделом между Европой и Азией [7, с. 26–31; 13, с. 12, 120 и дал; 12, с. 90–107, 126–134, 153–157].

Из Кавказских гор, по данным «Ашхарацуйца», берут начало две реки. Одна из них – Вардан (по-армянски Варданес), впадающая в Меотидское море, насчет которой не возникает никаких сомнений: однозначно, это Кубань (или Гипанис – у античных авторов, у Аммиана Tot(d) ordanes, Амт. Marc. XX, VIII, 29). Важным для нас представляется решение проблемы второй реки, именуемой «Ашхарацуйцем» Псевкрос, которая протекает через области Постпорон (с армянского переводится как *вырытая яма*) и Зихон, где находится город Никоп(с). Постараемся выяснить, что это за река [1, с. 110]. Из Кавказских гор в северном направлении берут начало две важные реки – Кубань и Терек. Название «Псевкрос» фонетически очень похоже на древнегреческое название Псахапси, упоминаемое Аррианом (Arr. Periplus, III, 2). У Птолемея упоминается река Психр – *Ψύχρου πτοαμορ* (на древнегреч. *ψύχρος* – «холодный»), устье которой имеет параметры 66° 40' – 47° 30' Важно, что эту реку Птолемей упоминает почти сразу после Вардана (Ptol. V, IX, 8). Отметим также, что Терек почти всегда течет через ущелье и его воды достаточно холодны.

Проблема предшествующих исследований заключается в том, что несмотря на то, что Птолемей и «Ашхарацуйц» в этом отрезке говорят о северо-востоке Кавказа, или, в крайнем случае, о севере, в целом все упомянутые топонимы располагаются на юге Кавказа, а Терек отождествляют с птолемеевской рекой Алонтой (Ptol. V, IX, 12). Около Психр-Псахапси Птолемей упоминает деревню Ахея, город Таз, а также реку Техерия, где находятся Картерон Технос (или Сильная крепость, имеющая координаты 70°–46° 50'; Ptol. V, IX, 10). В этом же месте «Ашхарацуйц» упоминает о го-

¹ Изд. А. А. Акопяна является самым подробным из всех публикаций, поэтому мы будем ссылаться на него.

роде Никопс [1, с. 111], который можно идентифицировать с вышеназванной крепостью. Вероятно, эту «сильную» крепость называли также «непобедимой». Крепость находилась, исходя из данных нашего анализа, на территории Ставропольского края или Чечни и Дагестана.

Интересную картину являет собой описание расположения племен на территории Кавказа. Здесь возникает сразу несколько вопросов, первый из которых связан с упоминанием древних и раннесредневековых болгар. «Ашхарацуйц» четко отделяет их от других народностей Азиатской Сарматии. Источник именуется болгар в соответствии с наименованием рек, около которых они проживают: Купи, Дучи, Вохонтор и Чгар [1, с. 111].

В тексте армянского первоисточника упоминается, что между страной болгаров и Понтийским морем живут племена гашаров, кутов, а после идут сваны [1, с. 112]. Здесь особо следует отметить, что о сванах нет никаких упоминаний у предшествующих историков-географов (Страбон, Птолемей и др.). Однако, как свидетельствует «Ашхарацуйц», их основным местом обитания было кавказское Причерноморье, район Севастополя (Севастополем считают как современный Поты (Фасис), так и Сухуми (Диоскориада). Согласно «Ашхарацуйцу», там жили также абшилы и абхазы (’Ац’илаи, ’Аваскои). Если рассмотреть территорию между этими городами, то самым известным является город Очамчира. Можно предположить, что в этих местах находился город Псинов (по «Ашхарацуйцу»), где проживали сваны. Здесь же течет река Дракон, согласно «Ашхарацуйцу». Вопрос современного названия этой реки подробно изучен В. Ф. Бутбой. Согласно автору, это Кодор или Коракс, не исключается также вариант Ингура-Галидзга [9, с. 73–85]. По этой реке проходила граница между Абхазией и Колхидой.

Далее в Армянской Географии приводится описание расположения племен Сарматии. Упоминается, что Азиатская Сарматия населена 46 народностями; через абзац говорится о расположении народов Азиатской Сарматии [1, с. 112]. Это позволяет заключить, что если первая часть «Ашхарацуйца» была написана Мовсесом Хоренаци, то вторая часть, очевидно, дополнена Атанасием Ширакаци. В своем упоминании Хоренаци говорит о царских сарматах, гипофагах (’Итп’офа’ои), нахаматьянах, кларках, сюркейцах (точнее, Σιρακ’η’ναι) и населении провинции Митридатены (Μιτρίδατου χω’ρα). Митридатена – это Керчинский полуостров, ниже живут амазонки (’Αμαζόνες), кото-

рые на крайнем востоке соседствуют с народами хазаров и бушаров [10, с. 18 и дал.; 27, с. 76, 85, 89–91; 28, с. 25 и далее].

Важным представляется описание пределов восточной границы Азиатской Сарматии, где и у Птолемея, и в «Ашхарацуйце» упоминаются базили, матеры (ματῆροι) (Ptol. V, IX, 17).

В целом, мы выяснили идентичность десяти из 46 народов Сарматии. Остальных, которые в основном жили к северу от Армянского нагорья и до северных границ Кавказа, Хоренаци собирательно именуется северными племенами или народами. В годы правления армянского царя Хосрова III Котака (330–338 гг.) их нашествием в Армению руководил царь мазкутов (массагетов) Санесан, который был Аршакидом.

Мовсеса Хоренаци в этом вопросе дополняет Фавстос Бузанд при описании похода Санесана в Армению. Вот список северных племен, согласно сведениям Бузанда: 1) гунны (на лат. hunni, на арм. хонер), 2) похи, 3) таваспары, 4) нечматаки (Ιαζαμάται, см.: 2, с. 86), 5) ижмехи, 6) гати, 7) глвары (или гвары [1, с. 112]. С. Т. Еремян предполагает, что глвары проживали на территории нынешней деревни Глвар в Иверии. [см: 17, с. 48], 8) шчби [1, с. 112; 17, с. 74], 9) чгби (на древнегреч. Σιλβίοι, лат. silvii; проживали в глубоком ущелье р. Алазани; см.: [10, с. 86], 10) багасичи (баласичи) [1, с. 112; 17, с. 14], 11) еграваны (С. Т. Еремян находит, что это название происходит от слова Едривике [17, с. 50].), 12) аланы (на древнегреч. ’Αλανοί, лат. alani, halani, См.: 1, с. 113; Ам. Marc. XXX, II, 7, XI, 6), 13) мазкуты (на древнегреч. Μασσαγῆται, лат. Massagetae: 26, III, 7; Strabo XI, VI, 2, VIII, 2. 7).

В дополнение к этому списку Хоренаци в «Истории» упоминает об аланах и гуннах (25. II, 49, 50, 52, 58, 85, III, 60). Автор говорит также об Аланских воротах (25. II, 86).

В отрывке, дополненном Ширакаци, о народах Азиатской Сарматии мы читаем: «Население Сарматии расположено следующим образом: ...с запада на восток проживают племена аштидор-аланов, далее южнее совместно хебуры, кутеты, аргвелы (или маргуэлы), скюмины (или такуиры) [1, с. 113]». Это все не имеет отношения к Кавказу. Однако отсюда Ширакаци переносит свой взор на Кавказ и пишет: «Аланы живут на другой стороне от дидорав в крае Ардог, где течет река Армен, которая течет на север через расширенное поле... [1, с. 113]». Реки, упоминаемые автором, равно как и остальные реки Кавказа, принадлежат бассейнам Каспийского, Азовского или Черного морей.

Из списка Бузанда о северных народах в «Ашхарацуйце» мы не находим упоминание только о четырех народах: гатах, глварах, багасичах и егераванах. Рядом с аланами на территории Кавказа от Апшеронского полуострова до севера Иверии, современного Дагестана, и далее до Калмыкии на северо-востоке «Ашхарацуйц» располагает следующие народы: 1) дачаны; 2) дуали, или гунны (слово *гунны* в арм. яз. упоминается в варианте *һон(к)ер*, что дословно переводится как *брови*); 3) цхоймены; 4) асвурь; 5) цанары (Σαναραῖοι, 32. III, 10) [23, с. 46 и дал.]; 6) цалки (проживали в районе соединения р. Черной и Белой Арагвии, который называется Цалканели; находится на Военно-Грузинской дороге [17, с. 56]; 7) тушы (у Птолемея – Τουσχοι – Ptol. V, VIII, 13) [17, с. 53]; 8) хундзы [С. Т. Еремян находит, что так грузины называют аваров: 17, с. 56], 9) кусты-людоеды. Кустами назывались административно-территориальные даления в Сасанидском Иране. Иран при Сасанидах делился на четыре куста: северный, южный, восточный и западный. Кавказ и Закавказье находились в северном кусте, который назывался Кусты Капкоһ; 10) дидоий (на древнегреч. Διδουῖροι, [см.: 17, с. 49]; 11) леки (на лат. *leges* – имеются в виду лезгины) [26, с. 231, 262–273, 376–398]; 12) тапсараны – проживали на крайнем юге современного Дагестана (южнее совр. Дербента); 13) агутаканы – крайний юг Дагестана; 14) хенавы – проживали там же (на древнегреч. Χανιδες); 15) лпины (у Птолемея Λοῦβιον κῶμη – 75° 40', 46° 50'; Ptol. V, XI, 2; см.: также 24, I, 27, II, 2, 14, 15 и дал.; 16. II, 10, 51, III, 77 и дал. (историк Египта страну Ровно называет Лпинк или Лбинк, она занимала территорию, соответствующую

современному Кахетинскому району в Грузии); 16) каспы (Strabo. XI, VIII, 9; XI, XI, 3, XII).

Из этого списка остались невыясненными первые четыре народа. По всей вероятности, они жили на территории современного Дагестана. Из жителей Дагестана автор упоминает в несколько ином варианте только лезгин [26, с. 376]. На северо-восточной окраине Кавказа, по «Ашхарацуйцу», живут таваспары, хечма-таки, ижмахи, пасхи, или, как пишет Фавстос, посхи, пусхи (вероятно, Ширакаци упоминает их в двух вариантах: посхи, пусхи), которые участвовали в походе царя Санесана. Рядом с этими народами в «Ашхарацуйце» упоминаются также пюканакы и басканы. Они проживали южнее долины реки Кубань, или на Варданском поле, то есть на территории нынешних Краснодарского и Ставропольского краев [1, с. 114–115]. На этих территориях находятся огромные лесные массивы, которые «Ашхарацуйц» называет Алгминон, имея в виду леса, расположенные южнее реки Кубань [21, с. 378–382; 3, с. 60].

В заключительной части описывается расположение более известных народов – кавказских мазкутов и пришлых гуннов. Последние в основном проживали севернее Кавказа, какая-то часть гуннов проникла на Кавказ, но в основном они нашли пристанище на западном побережье Каспийского моря [11, с. 20–22; 27, с. 70; 33, с. 66 и дал.; 14, с. 103 и дал.; 20, с. 40 и дал.].

Как в те далекие времена, так и сейчас рассматриваемая нами территория отличалась от многих частей света своей чрезвычайной пестротой народов и племен, которые почти всегда проживали в условиях мира и согласия, что продолжается и в наши дни.

Литература и источники

1. Акопян А. А. «Ашхарацуйц» VII века Анонима. Научно-критический оригинал. Ереван-Вена: Фонд Г. Кюльпенкяна, 2015. С. 35–104 (на древнеарм. яз.)
2. Армянская география VII века по Р. X. / текст и перевод издал К.П. Патканов. СПб.: Типография Императорской Академии, 1877, 84 с.
3. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л.: ЛГУ, 1974. 156 с.
4. Арутюнян А. Ж. К вопросу определения авторства древнеармянской карты (или «Ашхарацуйца») // Сборник материалов I международной научно-практической конференции Интеграция мировых научных процессов как основа общественного процесса (М-1). Общество науки и творчества. Казань: [б.и.], 2013. С. 1–5.
5. Арутюнян А.Ж. К вопросу территории расселения древневосточных славян согласно трудам Мовсеса Хоренаци. Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 2. С. 365 – 371.
6. Арутюнян А. Ж. Ориентация древнеармянской карты «Ашхарацуйц» // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества, история и современность. 2013. №3. С. 88–94.
7. Атаев З. В., Братков В. В. ©Горные ландшафты Северного Кавказа // Географический вестник. 2013. № 3(26). С. 26–31.
8. Берни Ч., Лэнг Д. М. Древний Кавказ. От доисторических поселений Анатолии до христианских царств раннего средневековья. М.: Центрполиграф. 2016. 383 с.
9. Бутба В. Ф. Труды. Сухуми: АН Абхазии, 2005. 204 с.
10. Вейденбаум Е. В. Кавказские амазонки. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. 56 с.
11. Гадло А. Этническая история народов Северного Кавказа. IV–X вв. Л.: ЛГУ, 1979. 213 с.

12. Гвозднцкий Н. А. Кавказ. Очерк природы. М.: Государственное издательство Географической литературы, 1963. 260 с.
13. Гвозднцкий Н. А. Физическая география Кавказа. Курс лекций. Вып. I. Общая часть. Большой Кавказ. М.: МГУ, 1954. 207 с.
14. Гвозднцкий Н. А. Физическая география Кавказа. Курс лекций. Вып. II. Предкавказье. Закавказье. М.: МГУ, 1958. 263 с.
15. Даниелян Э. Л. Политическая история Армении и армянская апостольская церковь (VI–VII вв.). Ереван, Анкюнакар, 2000. 255 с. (на арм. яз.)
16. Егише. О Вардане и войне армянской. Ереван: АН АССР, 1971. 191 с.
17. Еремян С. Т. Армения по «Ашхарацуц»-у (Армянской географии VII века) (Опыт реконструкции Армянской карты VII века на современной картографической основе). Ереван. Изд. АН АССР, 1963. 152 с. (на арм. яз.)
18. История армянского народа. Т. I. Армения в эпоху первобытнообщинного и рабовладельческого строя / под ред. С. Т. Еремяна. Ереван: АН АССР, 1971. 991 с. (на арм. яз.)
19. История народов северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 543 с.
20. Книга большому чертежу или древняя карта Российского государства: поновленная въ разрядъ и списанная въ книгу 1627 г. СПб.: Типография Императорской Академии, 1838. 261 с.
21. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 519 с.
22. Мифы народов мира / под ред. С. А. Токарева. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1980. 671 с.
23. Мкртумян Г. Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван: АН АССР, 1983. 166 с.
24. Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван: АН АССР, 1984. 258 с.
25. Мовсес Хоренаци. История Армении Ереван: АН АССР, 1990. 291 с.
26. Народы Дагестана / отв. ред. С. А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. 588 с.
27. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
28. Плетнева С. А. Хазары. М.: Наука, 1986. 94 с.
29. Салмин А. К. Българите: от Армения до Казан. София: Бъднис, 2016. 51 с.
30. Сулимирский Т. Сарматы. Древний народ юга России. М.: Центрполиграф, 2007. 191 с.
31. Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни. Ереван: Наири, 2001. 524 с.
32. Фавстос Бузанд История Армении Ереван: АН АССР, 1953. 236 с.
33. Ямсков А. Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение, 2013. №5. С. 66–76.
34. Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte Arménien, traduit en français par P. Arsène Soukry Mékhitariste, Venise, 1881.
35. The Geography of Ananias of Širak («Ašxarhacoc»). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and commentary by R. H. Hewsen, Wiesbaden, 1992. 77 p.

References

1. Hakobyan A. «Ashkharatsuyts» VII veka Anonima, Nauchno-kriyicheskiy original («Ashkharatsuyts» of VII century Anonymous. Sci-critical original). Yerevan – Vena: G. Kulpenkian Foundation, 2015. S. 35–104 (In Armenian).
2. Armyanskaya geografiya VII veka po r. Kh (Armenian geography of VII century A.D.) / ed by K. P. Patkanov. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy, 1877. 84 p.
3. Artamonov M. I. Kimmeriysy i Skify (ot poyavleniya na istoricheskoi arene do kontsa IVv. do n.e.) (Cimmerians and Scythians (from the appearance on the historical scene to the end of IV century B. C.)). Leningrad: LSU publ., 1974. 156 p.
4. Harutyunyan H. Zh. K voprosu opredeleniya avtorstva drevnearmyanskoi karty (ili «Ashkharatsuyts»-a) (On determining the authorship of ancient Armenian Map (or «Ashkharatsuyts»)) // Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferencii Integratsiya mirovykh nauchnykh protsessov kak osnova obshchestvennogo protsessa (M-1). Obshestvo nauki i tvorchestva (Collection of materials of the international scientific and practical conference Integration of world scientific processes as the basis of public process (M-1). The society of science and creativity). Kazan' 2013. P. 1–5.
5. Harutyunyan H. Zh. K voprosu territorii rasseleniya drevnevostochnykh slavyan soglasno trudam Movsesa Khorenatsi (On the Territory of Moving of the Eastern Slavs According to the Works by Khorenatsi) // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura. 2012. No. 2. P. 365–371
6. Harutyunyan H. Zh. Orientatsiya drevnearmyanskoy karty «Ashkharatsuyts» (Orientation of the ancient Armenian map «Ashkharatsuyts») // Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshestva. Istoriya i sovremennost'. 2013. No. 3. P. 88–94.
7. Ataev Z. V., Bratkov V. V. Gornye landshafty Severnogo Kavkaza (Mountain landscapes of the North Caucasus. Geographical Bulletin) // Geograficheskiy vestnik. 2013. No. 3 (26). P. 26–31.
8. Berni Ch., Leng D. M. Drevniy Kavkaz. Ot doistoricheskikh poseleniy Anatolii do khristianskikh tsarstv rannego srednevekov'ya (Ancient Caucasus. From prehistoric settlements of Anatolia to the Christian kingdoms of the early Middle Ages). Moscow: Tsentrpoligraf, 2016. 383 p.
9. Butba V. F. Trudy (Proceedings). Sukhumi: Abkhazia SA, 2005. 204 p.
10. Veydenbaum E. V. Kavkazskie amazonki (Caucasian Amazons). Nal'chik. M. and V. Kotlyarov's printing house. 2010. 56 p.
11. Gadlo A. Etnicheskaya istoriya narodov Severnogo Kavkaza. IV–X vv. (Ethnic history of the peoples of the North Caucasus. IV–X centuries). Leningrad: LSU publ., 1979. 213 p.

12. Gvozdetskiy N. A. Kavkaz. Ocherk prirody (*Caucasus. Essay of nature*). Moscow: State Publishing House of Geographical Literature, 1963. 260 p.
13. Gvozdetskiy N. A. Fizicheskaya geografiya Kavkaza. Kurs lektsiy (*Physical geography of the Caucasus. The course of lectures*). Vol. I. Moscow: MSU publ., 1954. 207 p.
14. Gvozdetskiy N. A. Fizicheskaya geografiya Kavkaza. Kurs lektsiy (*Physical geography of the Caucasus. The course of lectures*). Vol. II. M.: MGU publ, 1958. 263 p.
15. Danielyan E. L. Politicheskaya istoriya Armenii i armyanskaya apostolskaya tserkov' (VI–VII vv.) (*Political history of Armenia and Armenian apostolic church (VI–VII c.)*). Yerevan: Ankyunakar, 2000. 255 p. (In Armenian).
16. Egishe. O Vardane i voyne armyanskoy (*On Vardan and the Armenian War*). Yerevan: SA of ASSR, 1971. 191 p.
17. Eremyan S. T. Armeniya po «Ashkharatsuyts»-u (Armyanskoy geografii VII veka) (Opyt rekonstruktsii Armyanskoy karty VII veka na sovremennoy karyograficheskoy osnove) (*Armenia by «Ashkharatsuyts» (Armenian geography of VII century) (Experience of reconstruction of Armenian Map of VII century on modern cartographic basis)*). Yerevan: SA of ASSR, 1963. 152 p. (In Armenian).
18. Isyoriya armyanskogo naroda. T. I. Armeniya v epokhu pervobytnoobshchinnogo i rabovladel'cheskogo stroya (*The history of the Armenian people. Vol. I. Armenia in the era of primitive and slave systems*) / ed. by Eremyan S. T. Yerevan: SA of ASSR, 1971. 991 p. (In Armenian).
19. Istoriya narodov severnogo Kavkaza s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v. (*The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century*) / ed. by B. B. Piotrovskiy. Moscow: Nauka, 1988. 543 p.
20. Kniga bolshemu chertezhu ili drevnyaya karta Rossiyskogo gosudarstva: ponovlennaya v razryad i spisannaya v knigu 1627 g. (*The Book of large drawings or ancient map of the Russian state: renovated and designed as a book, 1627*). St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy, 1838. 261 p.
21. Krupnov E. I. Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza (*The ancient history of the North Caucasus*). Moscow: SA of SSSR, 1960. 519 p.
22. Mify narodov mira (*Myths of the nations of the world*) / ed. by S.A. Tokarev. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1980. 671 p.
23. Mkrtumyan H. H. Gruzinskoe feodal'noe knyazhestvo Kakheti v VIII–XI vv. i ego vzaimootnosheniya s Aemeniyei (*Georgian feudal principality Kakheti in the VIII–XI centuries and its relations with Armenia*). Yerevan: SA of ASSR., 1983. 166 p.
24. Movses Kalankatuatsi. Istoriya strain Akuank (*History of Aluank country*). Yerevan: SA of ASSR, 1984. 258 p.
25. Movses Khorenatsi. Istoriya Armenii (*The History of Armenia*). Yerevan: SA of ASSR, 1990. 291 p.
26. Narody Dagestana (*The peoples of Dagestan*) / ed. by S. A. Arutyunov, A. I. Osmanov, G. A. Sergeev. Moscow: Nauka, 2002. 588 p.
27. Novosel'tsev A. P. Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza (*Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus*). Moscow: Nauka, 1990. 264 p.
28. Pletneva S. A. Khazary (*The Khazars*). Moscow: Nauka, 1986. 94 p.
29. Salmin A. K. B»lgarite: ot Armeniya do Kazan (*Bulgaria: from Armenia to Kazan*). Sofiya: B»dnis, 2016. 51 p.
30. Sulimirskiy T. Sarmaty. Drevniy narod yuga Rossii (*The Sarmatians. Ancient people of the south Russia*). Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 191 p.
31. Tovma Artsruni i Anonim. Istoriya doma Artsruni (*History of family of Artzruni*). Yerevan: Nairi, 2001. 524 p.
32. Favstos Buzand. Istoriya Armenii (*The History of Armenia*). Yerevan: SA of ASSR, 1953. 236 p.
33. Yamskov A. N. O Kavkaze i ego granitsakh (*On the Caucasus and its boundaries*) // Etnograficheskoe obozrenie. 2013. No. 5. P. 66–76.
34. Géographie de Moïse de Corène d'après Ptolémée. Texte Arménien, traduit en français par le P. Arsène Soukry Mékhitariste, Venise, 1881. (In French)
35. The Geography of Ananias of Širak («Ašxarhacoc'»). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and commentary by R. H. Hewsen, Wiesbaden. Dr. L. Reichert, 1992. 77 p.

УДК 82.512.145

М. А. Ахметова

РЕАКЦИЯ Ф. АМИРХАНА НА ГОЛОД 1921 г. В ТАТАРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ)

В статье выявляются воззрения Фатиха Амирхана на тему голода 1921 г. на территории Татреспублики и порожденных им проблем для татарского народа, отраженных в дневниковых записях прозаика с привлечением архивных документов, материалов делопроизводства и трудов по истории. «Неизвестные страницы» дневника Фатиха Амирхана раскрывают губительную политику большевиков, деятельность Народного комиссариата

социального обеспечения Татреспублики во время повального голода в Поволжье.

Ключевые слова: голод 1921 года в Татарии, дневник Ф. Амирхана, Народный Комиссариат социального обеспечения Татреспублики, татарский народ, политика большевиков, продовольственная разверстка, Сахиб-Гарей Саидгалеев – Мансуровы.

M. A. Akhmetova

F. AMIRKHAN'S REACTION TO THE FAMINE OF 1921 IN TATARIA (BASED ON MATERIALS FROM THE WRITER'S DIARY)

This article reveals the views of Fatih Amirkhan on the subject of famine of 1921 in the territory of the Republic of Tatarstan and the problems of the Tatar people entailed by it. It is reflected in his diary entries, containing archival documents, materials of office-work and works on history. Unknown pages of F. Amirkhan's diary represent destructive policy of Bolsheviks and the activities of the Tatar Republic

people's commissariat of social provision during the famine in the Volga region.

Key words: famine of 1921 in Tataria, the diary of F. Amirkhan, the National Commissariat of a social provision of the Republic of Tatarstan, the Tatar people, policy of Bolsheviks, food allotment, Sakhib-Garvey Saidgaleev – the Mansurovs.

В 1921 г. от голода в Поволжье погибли сотни тысяч людей, и, разумеется, столь глобальная катастрофа не могла остаться вне поля зрения художников слова и кисти.

Актуальность данной темы и ныне не подлежит сомнению, поскольку даже в начале XXI столетия около одного миллиарда жителей планеты ежедневно голодают. Учитывая горький опыт прошлого, мы должны найти пути выхода из кризиса. Много в теме голода в наше время стыдливо замалчивается; задача учёных – указать причастным к судьбам человечества людям, как спасти миллионы нынешних голодающих.

Историография по теме подтверждает, что татарский народ от голода 1921 и других лет пострадал очень сильно. Известный историк А. С. Пругавин, участвовавший в деле организации помощи голодающим в 1898–99 гг., указал на основные причины голода: крайнюю необеспеченность населения в материальном отношении, условия быта и особенности склада татарской жизни [7, с. 106–107].

Цель нашего исследования – показать, как отреагировал на страшное социальное бедствие классик татарской литературы Ф. Амирхан. Писатель был убежден, что именно татарский народ пострадал более других в голодные годы. Пояснить это можно рядом причин. Ф. Амирхан, будучи инвалидом, не выходил из дому. К нему как к грамотному и мудрому человеку приходили множество «ходовков» из простого народа, разумеется, татар. Хотя он неплохо знал русский язык, читал он чаще всего татарские газеты, где акценты по понятным причинам расставлялись на проблемах именно татарского народа. Этим можно объяснить столь однозначную оценку происходящего писателем.

Классики татарской литературы: прозаик, драматург и публицист Фатих Амирхан (1886–1926) в дневниках, Маджит Гафури в публицистике и в поэтических произведениях, опубликованных в сборнике «Ачлык тырнагында» («В когтях голода», 1923 и 1929), Галимджан Ибрагимов в рассказе «Адәмнәр» («Люди», 1923) и др. – каждый по-своему разрабатывали и ин-

терпретировали эту тему. Правда, изобличать власти конкретно, как Ф. Амирхан, они не могли, поскольку, с одной стороны, это было чревато последствиями, а с другой, некоторые из них, например Г. Ибрагимов (*с 1920 г. работал в Наркомате просвещения ТАССР – М. А.*), сами были в числе представителей реальной власти, что также накладывало отпечаток на их поведение и творчество.

Свое отношение к социальному бедствию Ф. Амирхан определил уже в 1908 г. в рецензии, написанной на драму Я. Вали «Ачлык кушты» («Голод заставил»): «... такие великие темы (*тема голода. – М. А.*), в частности драмы о тех явлениях, порождаемых экономическим положением целого народа, а то и страны, должны носить социальный характер, зло должно быть раскрыто всесторонне со всеми его причинами и в живых картинах представлено читателю» [4]. Призывая авторов произведений о голоде раскрывать в них причины его возникновения, он с негодованием пишет в дневнике о тех, кто конкретно виноват в том, что происходило на территории Татарии.

В конце сентября 1921 г. с целью помощи голодающим был издан специальный номер «одной большой» газеты. По просьбе редакции Ф. Амирхан написал для него статью, но она не была опубликована. Причина была в содержании, поскольку «заказчики» хотели получить материал, где голод трактуется не как следствие бездарного правления пришедших к власти правителей, выслуживающихся перед центральной властью, а как наследие самодержавия: «... голод, разразившийся в этом году, всего лишь горькое наследие самодержавия, нынешняя власть в нём нисколько не виновата, каждый, кто хоть немного осведомлён об этом, понимает, что крестьяне, умирающие на городских улицах от голода, совершенно напрасно проклинаят перед смертью партию Саидгалева – Бургана Мансурова...» [11].

В статье предметом жесткого порицания стала политика новых властей. Автор скорбел о судьбе татарского народа, очень болезненно реагировал на происходящее. Вот о чём он писал: «Только за последнюю четверть века это уже третий голод в России. И больше остальных во время всех трёх напастей оказался беззащитным, пострадал татарский народ, живущий вдоль Волги и Камы. Пострадавшие от голода больше остальных народов ещё во времена самодержавия татары в первый же голод, случившийся уже после революции, наглядно продемонстрировали, что социальная революция им тоже ничем не смогла помочь,

показали слабость экономического состояния нашего народа. Цель социальной революции и партии, пришедшей в результате неё к власти, – помочь подняться наиболее слабым в экономическом отношении народам, сделать из них равноправных членов международного сообщества. Понимают ли, осознают ли это в полной мере партийные товарищи, приближённые к власти? Кто-то понимает, а кто-то нет. Если мы сами прежде всего поймём это, а затем объясним остальным, это стало бы для голодающих самым большим подспорьем с нашей стороны...» [11]. Амирхан открыто обличает руководителей республики в бездарности, некомпетентности, неумении быстро и толково организовать помощь голодающим.

Другими исследователями называются такие причины, как «плотность населения, истощение земель, климатические условия Поволжья, слабое развитие побочных промыслов, устарелый метод обработки земли, а главное культурная отсталость татар, составляющих большинство населения Татареспублики, от своих соседей – русских, создали особенно благоприятную почву для голода среди этой народности» [8, с. 14].

Голод, охвативший ту полосу, где проживают миллионы татаро-башкирского населения Советской Федерации, был следствием социально-экономических условий, крайней отсталости и полной разрухи сельского хозяйства, и поэтому голод «раньше всего и больше всего, побил и продолжает бить татаро-башкир» [1, с. 10].

Материал о поведении татар во время бедствия, найденный нами на страницах «Мусульманской газеты», свидетельствует о их долготерпении, «что бы с ними не случилось, и как бы они бедны ни были, но побираться не идут... говорят, что у них ещё «ладно» [5, с. 3].

16 октября 1921 г., в день коллективной помощи России в пользу голодающих, Г. Ибрагимов пришел к Ф. Амирхану с целью получить материал, поскольку сборник планировалось сделать чисто литературным, Ф. Амирхан согласился: «...сначала я сказал, что не смогу ничего предоставить для этого сборника, объяснил свою позицию по нынешнему голоду, обвинив во всём группу Саидгалева-Мансурова. Но когда узнал, что в сборник будут включены лишь образцы литературы в чистом виде, то понял, что не смогу не предоставить какое-нибудь своё произведение...» [11]. Выбрав фрагмент из произведения «Ситдыйк мэхдүм» («Ситдик – сын муллы») и совместно с Г. Ибрагимовым назвав его «Беренче ашкыну» («Первый порыв»), прикованный к инвалидной коля-

ске и распродающий и меняющий последние вещи на муку Ф. Амирхан без гонорара решил участвовать в издании сборника в помощь голодающим. Отрывок был опубликован в «Әдәби ярдәм мәжмугасы» («Сборник литературной помощи») [9, с. 65–76], который увидел свет в 1922 г. в двух книгах.

После жесткого, можно сказать, беспардонно-отцензурования предыдущей статьи Ф. Амирхан, узнав, что под редакцией Г. Ибрагимова собираются выпускать журнал в помощь голодающим, отказался дать туда свою статью (запись от 8 октября 1921 г.). Он знал виновников происходящего, понимал серьезность поставленной задачи: «... пусть лишь они испачкаются, пусть лишь они понесут ответственность за сокрытие злодеяний, творимых против народа» [11]. Он указывает на руководителей Татреспублики Саидгалиевых – Мансуровых, Г. Ибрагимова и других власть имущих, которые в полной мере не включились в дело помощи голодающим, не хотели спасти свой народ от гибели, хотя вполне могли это сделать.

Голод привел к массовому вымиранию людей и окончательной гибели тысячи хозяйств, опустошил татарские (русские, чувашские, марийские) деревни, а большевики в то время усердно работали над выполнением плана продовольственной разверстки. Захватив власть в стране, они создали невыносимые условия жизни, обрекли народ-кормилец на гибель. В результате их бездарная политика, неумение решать возникшие проблемы стали объектом критики в дневниках Ф. Амирхана: «... я каждую инициативу большевиков, при удобном случае, подвергаю жёсткой критике, я не верю, что эти инициативы приведут к положительным итогам для пролетариата, для всей бедноты, и татарской в том числе, для рядовых татар...» [11]. Вся беда в неблагоприятных действиях местных коммунистов, в провале завоеваний социальной революции на местах: «Партия коммунистов своими бесполовыми инициативами, своей приверженностью к грязному учению, позволяющему использовать самые нечистоплотные методы для достижения цели, сотни раз принесшему бесчисленные беды простому народу, излишней жадной власти, отношением к рядовым людям, как к игрушкам, нежеланием считаться с психологией и вытекающими из этой психологии требованиями простых людей <...> запретом всевозможных свобод провалила социальную революцию» (запись от 11 октября 1921 г.) [11].

С 1920 по 1921 г. в Татарии должность председателя Президиума ЦИК ТАССР занял

Бурхан Хуснутдинович Мансуров, председателя Совета Народных Комиссаров ТАССР Сахиб-Гарей Саидгалиев. Именно из-за их бездарного руководства на крестьян обрушились бедствия голодного года: хлеборобы остались с пустыми карманами, без всяких средств к существованию. Забирая у них весь хлеб, до последнего зернышка, власть предрержащие довели многих до мучительной голодной смерти. О преступных деяниях «двух товарищей», о их неприглядной роли в происходящем пишет Ф. Амирхан: «... стоящая у власти группа Саидгалиева – Бургана Мансурова сыграла большую роль в обрушившемся на татарский народ голоде, подтверждая свою репутацию столичных лизоблюдов, они свалили с ног крестьянские хозяйства принудительной сдачей излишков хлеба, чрезмерной развёрсткой, налагаемой местными большевиками. Я хорошо знал, что группа Саитгалиева – Мансурова, состоящая из прежних мелких чиновников-татар и младших чинов татарской полиции, типа унтеров, вывернувшихся наизнанку и выкрасившихся красной краской, была ничем иным, как сборищем мерзавцев, прорвавшихся к власти» [11].

Приведенную мысль из дневника писателя подтверждают и исторические труды, и масса архивных документов. С целью выполнения стопроцентного плана продразверстки по Татарстану (когда в других республиках было собрано в среднем 60–70 %), С. Саидгалиев «... отправил в Центр крестьянский семенной материал из общественных ссыпных пунктов, куда сначала силой заставляли селян ссыпать свой семенной материал. Но этого ему показалось мало. Саид-Галиев взял дополнительные, так называемые «революционные», обязательства перед Центром. Он решил сверх продразверсточного плана отправить в Центр 100 тыс. пудов хлеба, чем самым хотел оказать братскую помощь рабочим Москвы и Петрограда» [14, с. 15].

Крестьяне, и до того выплачивавшие тяжелые налоги, были обречены на голодную смерть, так как выполнение программы изъятия «излишков» продуктов у крестьян-хлеборобов было основано на принципе коллективной ответственности, о чём и пишет в статье «Ачлык фажигасе» («Трагедия голода») академик Академии наук Республики Татарстан И. Тагиров [10]; когда вместо одного человека план выполнялся всей деревней. Таким методом в Татреспублике было собрано и сдано 10 млн пудов хлеба, 2,5 млн пудов в виде семенного зерна. Не останавливаясь на достигнутом, власти свалили на плечи крестьян ещё обя-

зательный налог в пользу голодающих. Налог, взысканный с голодающих в пользу самих же голодающих, был более чем странен, скорее, преступен, тем более что люди ничего не знали о дальнейшей судьбе собранного хлеба.

Саидгалиев не признавал свою вину, причину случившегося он перекладывал на отсутствие местных статистических данных, о чем и свидетельствует архивный документ: «... если при распределении разверстки на ту или иную волость мы делаем ошибку вследствие отсутствия статистических данных, то это не значит, что в этом виновато бюро областного. Эта задача лежит на органах на местах, которые должны строго следить, чтобы разверстка падала равномерно, а не так, как в Салаушской волости, где хлеба не оставили даже на еду» [13, Л. 60]. Таких ограбленных волостей в кантонах Татарской Республики было множество, поскольку везде и всё опустошали «ревностные исполнители» инструкции Саидгалиева. Даже если статистика из кантонов поступала с опозданием, с недочетами и даже не велась, это никак не оправдывает содеянное Саидгалиевым и Мансуровым.

В дневниках Амирхан выражает своё разочарование и возмущение по поводу происходящего. Разницу между бывшими и настоящими властями он видит в том, что вместо работающего, инициативного и морального буржуа к власти пришли аферисты, сметающие всё на своем пути спекулянты, новые советские буржуи, бюрократы. Зачем нужна была Октябрьская революция, если она не дала нужного положительного результата, а лишь породила гражданскую войну и разруху с сотнями тысяч жертв?!

В записях от 15 октября 1921 г. со скорбью к неимущим, голодающим писатель ставит вопрос о социальном расслоении: «... с одной стороны, на городских улицах мрут с голоду разорившиеся крестьяне, их жёны и дети; тот безногий, безрукий мальчик, околевая на морозе, до сих пор просит милостыню на улице; а советские буржуа, советская бюрократия с наслаждением уплетают пирожные, запивая настоящим кофе с молоком и сахаром, сидя в дорогом кафе прямо перед глазами того смертельно голодного мальчишки...» [11]. Стремительно растущие цены на хлеб (отмечена цена – четыре тысячи восемьсот рублей) в голодный год ставят крестьян в крайне тяжёлое положение.

Ф. Амирхан понимал суть преступной политики большевиков и то, что они используют трагедию голода для реализации своей политики. Писатель, который сам жил впроголодь и видел, как умирают десятки людей, искренне сопереживал простому татарскому народу.

Беспокоился и за семью брата отца Мухаммад-Наджип Амирханова, поскольку его многодетная семья, оставшись без кормильца, переехала из Чистополя в Казань. И здесь их ждала тяжёлая голодная жизнь, безнадежные поиски хлеба насущного, о чём и свидетельствует письмо Ф. Амирхана руководителю медресе «Мухаммадия» Галимджану Галиеву, датированное 28 июля 1921 г. В письме Зайнап Амирхановой, двоюродной сестре, написанном 13 октября 1921 г., Ф. Амирхан выражает благодарность за то, что она всячески старается помочь ему. В голодные годы, когда у неё самой дома нетрудоспособная мать и четыре маленьких ребёнка ожидают помощи, она не забывает помогать и Ф. Амирхану, пишет ему письма, отправляет гостинцы и материальную помощь.

Нашедшие отражение в записях от 20 октября 1921 г. эпизоды из жизни крестьян говорят о том, что прикованный к инвалидной коляске, совершенно беспомощный Ф. Амирхан в меру своих слабых сил поддерживал жителей деревни, бедняков своими советами, выслушивал их просьбы, но не видел путей решения проблемы, поскольку революция сама должна была защищать таких людей: «... Что же можно сделать для этих голодных вдов, чтобы улучшить их положение? Направить в собес? Но ведь это же всего лишь очередное издевательство над ними, бесполезная трата их времени и сил. Собрать для них пожертвования в мечетях? Но я ведь отчётливо понимаю, что будет в итоге: на 30–40 тысяч рублей можно прожить не больше пары дней... А ведь революция вершилась ради бедных, униженных и угнетённых...» [11].

Ф. Амирхан упоминает и о деятельности Народного Комиссарата социального обеспечения Татарской Республики. По его записям понятно, что собес не в состоянии решать возникшие проблемы, и отправлять туда крестьян бесполезно: сколько бы они туда ни ходили, нужно, положительного результата не добьются. Государственное учреждение, которое должно стремиться к практическому разрешению задач по ликвидации нищеты и полному социальному обеспечению трудового населения, не может выполнить поставленную задачу из-за экономического положения государства [6, с. 1].

Наркомсобес не был готов и к срочному приему голодающих деревенских бедняков и крестьян-середняков, беженцев, покинувших свои хозяйства и торивших дорогу в Сибирь, Туркестан и в другие регионы. «Земным раем» казалась им Казань, где таким, как они, выдавали по фунту хлеба. Поток сотен хаотично прибывающих в Казань за помощью ещё сильнее

усугубил ситуацию и показал неготовность, неэффективность работы собеса в экстремальных условиях.

В 1921 г. с целью оказания помощи сельским жителям начали организовываться Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи, которые «должны были иметь громадное значение в деле социальной помощи в деревне и по проведению мероприятий сов<етской> власти в жизнь». Деревенские жители отнеслись к ним с пониманием, но комитеты, ищущие возможность оказывать помощь бедствующим среди неимущего, голодающего населения, не смогли долго продержаться, поскольку весь народ голодал. Работники комитета – крестьяне-середняки, беспартийные и др., – осознав невозможность добыть какие-либо средства среди голодающих крестьян, сами стали уходить из родных мест в поисках работы, куска хлеба. В результате крестьянские комитеты не выполнили поставленной задачи.

Оценивая деятельность народных комиссариатов в Татарской Республике, считаем уместным обратиться к найденному рукописному документу Исхака Казакова (с 1921 по 1923 гг. он работал заместителем председателя Комиссии помощи голодающим Поволжья. – М. А.) из Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан, где говорится о безразличии, апатии советских органов в борьбе с голодом: «Ни от кого не скрыть, что наши Наркоматы, за исключением двух-трех, и их органы на местах, не ведут никакой работы в деле борьбы с голодом, ударность работы почти везде отсутствует, наблюдается полный индифферентизм» [12].

Следует напомнить, что купированный дневник Ф. Амирхана впервые был включен в 4-й том четырехтомного собрания его сочинений, опубликованного в 1986 г. Здесь высказывания писателя о причинах голода, виноватых в случившемся и вообще критика в адрес руководителей республики были значительно сокращены и пестрят многоточиями в скобках. Была

предпринята попытка восстановить несколько записей из купированного дневника в 1990 г. на страницах журнала «Идел» [2, с. 26–27], но выполнить задуманное в полной мере, вписав все, что было купировано, в контекст дневника и снабдив историческими комментариями, удалось академику Академии наук РТ Н. М. Валееву [3, с. 129–158]. Он в 1978–80 гг., являясь в то время аспирантом, в архиве Института языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР изучал дневник Ф. Амирхана и подготовил его к печати. Но лишь через четверть века удалось опубликовать его полностью.

Следует сказать, что голод, как лакмусовая бумага, показал изъяны в руководстве республики: желание выслужиться перед Москвой, чтобы сохранить свое кресло, некомпетентность в решении столь насущных проблем, в результате чего были бездарно и бессмысленно погублены сотни тысяч жизней. Виновных Ф. Амирхан находил и в своем ближайшем окружении. У власти в Татарии начала 1920-х гг. были люди, которых он хорошо знал и в руководительский талант которых не верил. Писатель жестко обвинил казанских «ленинцев», большевиков, ЧК и других в страшной смерти десятков тысяч безвинных людей. Выслуживаясь перед центральной властью, татарстанские руководители обескровили свой народ различными грабительскими налогами и поборами.

В русской и татарской литературе о голоде 1921–23 гг. написано немало. Нам же хотелось акцентировать внимание на каждодневных откликах на социальное бедствие в дневнике Ф. Амирхана. Его точка зрения не бесспорна, но имеет право на существование: именно так он видел происходящее. Многие литературоведы и исследователи в своих трудах обращаются к творчеству Ф. Амирхана. Но мы посчитали необходимым осветить взгляд классика татарской литературы на трагедию и отметить его «чутье настоящей минуты».

Литература и источники

1. I-я Всероссийская конференция коммунистов татаро-башкир, не вошедших в Автономные Республики тюркских народов от 4–12 марта 1922 г. Резолюции и постановления. М.: 39-я Типография М.Г.С.Н.Х. «Мосполиграф», 1922. 46 с.
2. Амирхан Ф. Несколько дней голодного года. Страницы из дневника // Идел. 1990. № 8. С. 26–27.
3. Валеев Н. М. Духовно-нравственное наследие Ф. Амирхана: идейно-художественные особенности. Казань: Издательство «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2005. 196 с.
4. Дамелла (Ф. Амирхан) Голод заставил // Альфислах. 1908. № 36. (2 июль).
5. Наша жизнь // Мусульманская газета. 1913. №13.
6. Отчет Народного Комиссариата социального обеспечения Татарской Республики за июль 1921 – август 1922 гг. к III Всетатарскому Съезду советов. Казань: Издательство Народного Комиссариата Социального Обеспечения Татарской Республики, 1922. 22 с.
7. Пругавин А. С. Голодающее крестьянство. Очерки голодовки 1898–99 года. М.: Издание «Посредника», 1906. 218 с.

8. Сабиров Р. Голод и экономическое состояние Татреспублики // Бич народа. Литературно-научный илл. сборник под ред. Исхака Казакова. Очерки страшной действительности. Казань: ЦК Помгол при Татцике, 1922. 112 с.
9. Сборник литературной помощи. Казань: Государственная типография ТСШЖ №2, 1922. Кн. 1. 130 с.
10. Тагиров И. Трагедия голода // Мирас. 1996. №4. С. 101–105.
11. Центр письменного и музыкального наследия Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦП и МН ИЯЛИ АН РТ). Ф.16. Оп. 2. Д. 655. Ед. хр. 14.
12. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГА ИПД РТ). Ф. 30. Оп. 12. Д. 4.
13. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. О.1. Д. 79.
14. Шайдунлин Р. В. Крестьянские хозяйства Татарстана: проблемы и пути их развития в 1920–1928 годах. Казань: Фэн, 2000. 222 с.

References

1. I Vserossiiskaya konferentsiya kommunistov tataro-bashkir, ne voshedshikh v Avtonomnye Respubliki tyurkskikh narodov ot 4–12 marta 1922 g. Rezolyutsii i postanovleniya (*1st National Conference of Communists of the Tatar-Bashkir, not included in the Autonomous Republic of the Turkic peoples of 4–12 March 1922 Resolutions and decisions*). Moscow: Mospoligraf, 1922. 46 p.
2. Amirkhan F. Neskol'ko dnei golodnogo goda. Stranitsy iz dnevnika (*A few days of famine. Pages from the diary*) // Idel. 1990. No. 8. P. 26–27.
3. Valeev N. M. Dukhovno-nravstvennoe nasledie F. Amirkhana: ideya-khudozhestvennye osobennosti (*Moral and spiritual heritage of F. Amirkhan: idea-art features*). Kazan': Fen, 2005. 196 p.
4. Damella (F. Amirkhan) Golod zastavil (*Hunger forced*) // Al'islakh. 1908. No. 36.
5. Nasha zhizn' (*Our own life*) // Musul'manskaya gazeta. 1913. No. 13.
6. Otchet Narodnogo Komissariata sotsial'nogo obespecheniya Tatrepubliki za iyul' 1921 – avgust 1922 k III Vsetat. S'ezdu sovetov (*Report of the people's Commissariat of social security of the electoral Committee of Tatrepublic for July 1921-August 1922 to IIIrd Meeting of The Congress of Soviets*). Kazan': Publishing house of the People's Commissariat of Social Security of the Republic of Tatarstan, 1922. 22 p.
7. Prugavin A. S. Golodayushchee krest'yanstvo. Ocherki golodovki 1898–99 goda (*The starving peasantry. Essays on the hunger strike 1898–99*). Moscow: Izdanie «Posrednika», 1906. 218 p.
8. Sabirov R. Golod i ekonomicheskoe sostoyanie Tatrepubliki (*Famine And the Economic State of Tatrepublic*) // Bich naroda. Literaturno-nauchnyi ill. sbornik pod red. Iskhaka Kazakova. Ocherki strashnoi deistvitel'nosti. Kazan': TsK Pomgol pri Tattsike, 1922. 112 p.
9. Sbornik literaturnoi pomoshchi (*A collection of literary assistance*). Kazan: State printing house of the TSNSH №2, 1922. Book. 1. 130 p.
10. Tagirov I. Tragediya goloda (*The tragedy of famine*) // Miras. 1996. No. 4. P. 101–105.
11. Center for Written and Musical Heritage Institute of Language, Literature and Art. G. Ibrahimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (TsPiMN IYaLI AN RT). F.16. Inv. 2. D. 655. Item. 14.
12. Central State Archive of Historical and Political Documentation of the Republic of Tatarstan (TsGA IPD RT). F. 30. Op. 12. D. 4.
13. TsGAIPD RT. F. 15. Inv.1. D. 79.
14. Shaidullin R.V. Krest'yanskie khozyaistva Tatarstana: problemy i puti ikh razvitiya v 1920–1928 godakh (*Farms of Tatarstan: problems and ways of their development in 1920–1928*). Kazan': Fen, 2000. 222 p.

УДК 93/94

Т. А. Дворцова

**ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ В 1920-е ГОДЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ СТАВРОПОЛЬЯ)**

Статья посвящена организации и развитию военно-патриотического воспитания советской молодежи в 1920-е гг. В этот период основную функцию по военно-патриотическому воспитанию молодежи советская власть передает городскому отделу, по всеобщему военному обучению населения – Всевобучу. Анализируются этапы развития и результаты работы этого учреждения. Особое внимание автор уделяет роли школьного

инструктора в области школьного строительства. В статье обозначен значительный вклад молодежных военно-спортивных организаций в формирование «нового советского человека».

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, советская молодежь, патриотическое воспитание, история образования, Наркомпрос, Всевобуч, школьный инструктор, военизированная организация, «новый советский человек».

Т. А. Dvortsova

**MILITARY-PATRIOTIC SOVIET YOUTH'S EDUCATION ARRANGEMENT
IN 1920s (BASED ON DOCUMENTS OF THE STAVROPOL REGION)**

The article studies the organization and development of military-patriotic education of the Soviet youth in the 1920s. During this period, the Soviet authorities delegate the main function of youth military patriotic education to city department of general military education of the population – Vsevobuch. The stages of development and results of the work of this organization are analyzed. The author pays special

attention to the role of a school instructor in the field of school construction. The article notes a significant contribution of the youth military and sports organizations in forming «the new Soviet person».

Key words: youth, patriotism, Soviet youth, patriotic education, history of education, Narkompros, Vsevobuch, school instructor, paramilitary organization, «the new Soviet person».

В последние годы патриотическое воспитание становится одним из ведущих направлений современной молодежной политики [2] и популярной темой гуманитарных исследований. Ученые различных научных направлений ведут споры о смысловом наполнении понятия «патриотизм» в определенные исторические эпохи [15, 9], о формах и методах его воспитания [7, 8]. Теоретические аспекты патриотизма как культурно-исторического феномена отражены во многих научных статьях и монографиях. Однако конкретно-исторические аспекты патриотического воспитания, подходы к его культивированию, на сегодняшний день остаются малоизученными [11, 13, 8, 16]. В особенности это имеет отношение к советской системе воспитания патриотизма в ходе организации спортивно-массовой работы, положенной в основу современной концепции патриотического воспитания молодежи. Масштабность и массовость военно-патриотического воспитания в советское время, как уже

отмечалось исследователями, диссонирует с отсутствием методологически современного и комплексного изучения данной темы в российском и международном историографическом ландшафте, а также существенными пробелами в исследованиях важнейших аспектов патриотической проблематики на местном (локальном) материале [11, с. 3].

Именно поэтому изучение военно-патриотического воспитания молодежи на Ставрополье в 1920-е гг. в настоящее время приобретает особую актуальность. Важно вернуться к истокам, чтобы оценить применимость в современном социуме тех форм воспитания патриотизма, которые широко использовались в советское время.

В нашей работе мы остановимся на анализе архивных документов (решений, постановлений, приказов) губернского и окружного отдела народного образования (Ф. Р-164), Государственного архива Ставропольского края, которые позволяют проанализировать куль-

турно-просветительскую политику советской власти, направленную на создание в обществе новых ценностей с помощью системы военно-патриотического воспитания, на региональном уровне. Реконструировать события истории Ставрополя в 1920-е гг. помогают также имеющиеся сборники опубликованных документов – декреты советской власти, архивные подборки по повседневной истории Ставропольского края, в частности, уникальное издание «Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах» [1].

Первое десятилетие существования советского государства стало сложным временем приспособления общества к новой власти, периодом, во многом противоречивым: в одночасье рушились старые социальные институты и создавались новые, как минимум дважды за десять лет кардинально менялся экономический курс страны (от вынужденных мер «военного коммунизма» в период Гражданской войны к рыночным отношениям НЭПа, а от НЭПа – к форсированной индустриализации и коллективизации первой пятилетки).

Между тем для защиты созданного советского государства требовалось воспитать общество, идеологически преданное новой власти. В этой связи большое внимание уделялось молодежи как наиболее перспективной возрастной группе. Изменение содержания школьных учебников и университетских программ, форм и методов преподавания в школах и вузах, создание советских учебных учреждений, подготовка учителей, затем создание детских и молодежных организаций – все эти шаги должны были в конце концов создать «нового советского человека».

Военно-патриотическая подготовка подрастающего поколения занимала в воспитании «нового советского человека» особое место. Так, уже в 1918 г. Декретом ВЦИК от 22 апреля «Об обязательном обучении военному искусству» [6] устанавливалась обязанность всего мужского населения страны пройти курс всеобщего военного обучения (Всевобуч). Такое обучение включало элементы общей физической подготовки не только для граждан призывного возраста, но и школьников, в том числе и гражданок, с их согласия. Для организации всеобщего военного обучения Декретом создавалась целая военизированная система органов Всевобуча в центре и на местах под руководством Главного управления Всеобщего военного обучения и формирования Красных резервных частей.

На территории Ставропольской губернии советская власть после окончания Гражданской войны была окончательно установлена в

феврале-марте 1920 г. Уже с февраля 1920 г. сформированный Отдел народного образования Ставропольского Губревкома начинает активно внедрять в массы политику создания «нового» советского человека, действуя через сеть различных курсов общеобразовательного характера, народных университетов и народных домов, дворцов культуры, клубов и т. д. Уже в 1922 г. подотделы ГубОНО, в частности такие, как Отдел пропаганды и Отдел охраны детства, ведали широким спектром детско-юношеских учебных, учебно-исправительных, досуговых учреждений, а также рядом школ для образования взрослых: совпартшколами, клубами, избами-читальнями, библиотеками, музейно-экскурсионно-выставочными и лекторскими бюро [2, л. 48]. Все созданные советской властью досуговые и образовательные учреждения ставили основной целью идеологическую пропаганду и военно-патриотическое воспитание.

В апреле 1920 г. в Ставропольской губернии во исполнение Постановления Реввоенсовета РСФСР от 17.12.1919 «О допризывной подготовке молодежи» [14] были введены организационные мероприятия по физическому развитию детей школьного возраста. Физкультура стала обязательным предметом в школах. Школьным советам было предложено составить подробные сметы по оборудованию школ гимнастическими снарядами и спортивным инвентарем. Были организованы соответствующие инструкторские курсы, а молодые люди «в возрасте от 16 до 18 лет должны были зарегистрироваться в местном Всевобуч» [3, л. 2].

Для реализации целей советской образовательной политики и организации военно-патриотического воспитания молодежи 14 июля 1920 г. в Ставропольской губернии был создан Совет физической культуры, в который вошли представители Всевобуча, комсомольской организации, местных Отделов народного образования и народного здравоохранения, а также Женотдела при партийном Губбюро [3, л. 11]. В структуре Совета физической культуры было создано несколько секций.

Учетно-административная секция осуществляла общее руководство по организации правильного учета, обучения допризывников школьного и подготовительного возрастов, а также образования на местах территориальных секций физической культуры.

Секцией пропаганды и популяризации идей физического развития и допризывной подготовки занимался Всевобуч. В его обязанности также входила популяризация идей физического развития и допризывной подготовки на территории всей губернии и, главным образом, в дерев-

нях, на фабриках и заводах; а также подготовка молодёжи, проходящей допризывное обучение.

Секцию физического воспитания школьников курировал Наркомат обороны. Он осуществлял общее руководство организации допризывной подготовки в школах, организовывал школьные комиссии допризывной подготовки, а также проводил набор руководителей физического воспитания и допризывной подготовки в школах. Эта же организация отслеживала обеспечение школ необходимым спортивно-гимнастическим инвентарем.

Секция научных исследований результатов физического развития (Губотздрав) осуществляла руководство санитарного надзора в школах и спортивно-гимнастических организациях. Секция также организовывала общества и кружки для содействия «телесному, общественному и душевному развитию дефективных детей» [3, л. 2 об.].

Совещания созданного Совета физической культуры, согласно его уставу, должны были проходить регулярно и часто: 10 и 20-го числа каждого месяца. Однако все было не так гладко, как на бумаге. Например, в записке местному отделу народного образования военком жалуется, что ни 10, ни 25 августа на заседание никто не явился [3, л. 13]. Вероятно, вновь созданная структура не вызвала энтузиазма у местных чиновников, занятых решением куда более насущных проблем экономического обеспечения региона после Гражданской войны.

В дальнейшем организация образования и военно-патриотического воспитания была еще более политизирована. Так, в школах с середины 1920-х гг. была введена новая должность школьного инструктора. Сверху была спущена Инструкция для школьного инструктора уездного Отдела народного образования. Инструктор был обозначен как «живой проводник идей, стремлений и практических мероприятий Советской власти в области школьного строительства, одновременно содействуя развитию общественно-политического самосознания как школьных работников, так и учащихся, а равно местного населения... Инструктор устанавливает тесную связь между школой и уездным Отделом народного образования» [3, л. 20].

Школьный инструктор, по замыслу партийно-правительственных чиновников, должен быть наделен достаточно широкими полномочиями. Помимо подготовки пополнения для рядов Красной армии и курирования допризывной подготовки, школьный инструктор помогал отделам Наробраз при проведении в жизнь всеобщего, обязательного и бесплатного

обучения, разработке планов школьной сети, урегулированию хозяйственно-экономических затруднений (детское питание, снабжению их одеждой, обувью и т. п.), содействовал организации в школах школьных групп для детей «неграмотных, но по своим годам не могущим быть причисленными в школы общего типа». Также он должен был следить «за тем, чтобы в школах не преподавалось вероучение и не совершались обрядовые культы»; «за тем, чтобы обучение было совместным»; «об отмене экзаменов»; «о недопустимости телесных наказаний в отношении детей». В полномочия инструктора входили даже меры борьбы с перечисленными «подрывными явлениями» [3, л. 21].

Главными же обязанностями школьного инструктора являлась пропагандистская и культурно-просветительская работа среди населения. И – негласно – идеологический контроль в школе. Под контролем школьного инструктора находились практически все сферы школьной жизни (учебная жизнь, трудовое, эстетическое, физическое воспитание, хозяйственное обеспечение).

В 1920-е гг. на Ставрополье, как и в других частях страны, под руководством партии создавались различные спортивные общества и клубы. В 1925 г. в г. Ставрополе было организовано добровольное пролетарское общество «Динамо», ставившее своей основной целью вовлечение в физкультурное движение трудящиеся массы и организацию спортивного воспитания и допризывной подготовки. В декабре 1925 г. в рядах общества состояло 4964 членов и с каждым годом количество членов в нем увеличивалось [5, л. 154]. Спортивное общество было призвано объединить существующие при рабочих клубах спортивные кружки, а также наладить в губернии допризывную и военно-патриотическую работу. Для этой цели «Динамо» в 1920-е гг. ежегодно устраивало среди молодежи соревнования по стрельбе из оружия разных калибров. Победитель награждался револьвером системы Геко образца 1925 г. и флаконом одеколна. Девушкам вручалась одна пара фильдеперсовых чулок [12, с. 133].

Начиная с 1925 г. в Ставрополе, Кисловодске, Пятигорске начали функционировать военные кружки, секции планерного и авиамодельного спорта, вечерние авиационные курсы, которые пользовались большой популярностью у местной молодежи.

Таким образом, история организации военно-патриотического воспитания советской молодежи в первые годы советской власти была тесно переплетена с идеологическими установками правящей партии, задачей кото-

рых стало воспитание «нового советского человека», готового к труду и обороне, вплоть до самопожертвования в интересах государства. Именно с этой целью в течение 1920-х гг. по всей стране, в том числе и на Ставрополье, создаются спортивные кружки и общества, организуется система допризывной подготовки и обязательной физической культуры в школе. Развитие учреждений и методик воен-

но-патриотического воспитания широких масс населения на некоторое время стало одним из главных проявлений государственной образовательной политики в 1920-е гг. Оценивая усилия власти в этом направлении, мы можем констатировать, что основная цель военно-патриотического воспитания – создание мощной, обороноспособной армии – была в итоге достигнута к началу 1940-х гг.

Литература и источники

1. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1917–1929 годах / под ред. Т. А. Булыгиной. Ставрополь: Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2009. 760 с.
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Утв. Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (Дата обращения 13.10.2016).
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-164. Оп.1. Д. 24.
4. ГАСК. Ф. Р-164. Оп.1. Д. 54.
5. ГАСК. Ф. Р 295. Оп. 1. Д. 94.
6. Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству, принятый на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 22 апреля 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-22.htm> (Дата обращения 13.10.2016).
7. Жердев В. В. Сущность и особенности военно-патриотической подготовки в современных условиях // Известия Саратовского университета. 2010. Вып.2. Т. 10. С. 102–106.
8. Ладыгин С. В. Военно-патриотическое воспитание молодежи Карачая и Черкесии накануне Великой Отечественной войны // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voenno-patrioticheskoe-voospitanie-molodezhi-karachaya-i-cherkesii-nakanune-velikoy-otechestvennoy-voyny> (Дата обращения 13.10.2016).
9. Мазур М. А. Эволюция понятий патриотизма и патриотического воспитания // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 4(43). С. 51–53.
10. Матвеев О. В. Проблема патриотического воспитания молодежи в деятельности московских учреждений культуры и общественных организаций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nest-expert.ru/node/64> (Дата обращения 13.10.2016).
11. Никонова О. Ю. Осоавиахим и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. 46 с.
12. Ногина Е. В. Социокультурное развитие городского населения Ставрополя в 1920–1930-е годы: Опыт исторического исследования: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь: СГУ, 2004. 264 с.
13. Парфёнов Р. А. Военно-физкультурное движение в Нижнем Новгороде в 1918–1923 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. Вып. №118. С. 58–63.
14. Постановление Реввоенсовета РСФСР от 17.12.1919 «О допризывной подготовке молодежи» [Электронный ресурс]. URL: <http://lawru.info/dok/1919/12/17/n1205921.htm> (Дата обращения: 13.10.2016).
15. Пушкарёва И. А. Идея патриотизма в советской и русской педагогике [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_13_0_601.pdf (Дата обращения: 13.10.2016).
16. Сарычева Т. В. Формирование управленческих и образовательных структур в сфере физической культуры в Томской губернии (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. Серия История. 2011. №3 (15). С. 91–96.

References

1. Golosa iz provincii: zhiteli Stavropol'ja v 1917–1929 godah (*Voices from provinces: Stavropol residents in 1917–1929*) / ed by T. A. Bulygina. Stavropol': Committee of the Stavropol Krai for Archives Affairs, 2009. 760 p.
2. Gosudarstvennaja programma «Patrioticheskoe voospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016–2020 gody» (*The state program «Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation in 2016–2020»*) [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (Accessed: 13.10.2016).
3. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. R-164. Inv.1. D. 24.
4. GASK. F. R-164. Inv.1. D. 54.
5. GASK. F. R 295. Inv. 1. D. 94.
6. Dekret VCIK ob objazatel'nom obuchenii voennomu iskusstvu, prinjatyj na zasedanii Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Soveta rabochih, soldatskih, krest'janskih i kazach'ih deputatov 22 aprilja 1918 g. (*Decree on mandatory training martial arts*) [Electronic resource]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-04-22.htm> (Accessed: 13.10.2016).
7. Zherdev V. V. Sushhnost' i osobennosti voenno-patrioticheskoy podgotovki v sovremennyh uslovijah (*The essence and peculiarities of military-patriotic training in modern conditions*) // Izvestija Saratovskogo universiteta. 2010. Issue. 2. Vol.10. P. 102–106.
8. Ladygin S. V. Voенно-patrioticheskoe voospitanie molodezhi Karachaja i Cherkessii nakanune Velikoj Otechestvennoj vojny (*Military-patriotic education of the youth in Karachay and Cherkessia, on the eve of the Great Patriotic War*) // Nauchnye problemy gumanitarnyh issledovanij. 2010. No. 1 [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/voenno-patrioticheskoe-voospitanie-molodezhi-karachaya-i-cherkesii-nakanune-velikoy-otechestvennoy-voyny> (Accessed: 13.10.2016).

9. Mazur M. A. Jevolucija ponjatij patriotizma i patrioticheskogo vospitanija (*The evolution of patriotism and patriotic education concepts*) // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2010. No. 4 (43). P. 51-53.
10. Matveev O. V. Problema patrioticheskogo vospitanija molodezhi v dejatel'nosti moskovskih uchrezhdenij kul'tury i obshhestvennyh organizacij (*The problem of patriotic education of the youth in the activities of the Moscow cultural institutions and public organizations*) [Electronic resource]. URL: <http://www.nest-expert.ru/node/64> (Accessed: 13.10.2016).
11. Nikonova O. Yu. Osoaviakhim i voenno-patrioticheskoe vospitanie naselenija v Ural'skom regione: abstract of thesis. (*Osoaviakhim and military-patriotic education of the population in the Ural region*). Cheljabinsk: SUSU publ., 2013.
12. Nogina E. V. Sociokul'turnoe razvitie gorodskogo naselenija Stavropol'ja v 1920–1930-e gody: Opyt istoricheskogo issledovanija: thesis (*Social and cultural development of the Stavropol urban population in 192–1930*). Stavropol': SSU publ., 2004.
13. Parfjonov R. A. Voенно-fizkul'turnoe dvizhenie v Nizhnem Novgorode v 1918–1923 godah (*Military physical training movement in Nizhny Novgorod in 1918–1923*) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. Vol. No.118. P. 58–63.
14. Postanovlenie Revvoensoveta RSFSR ot 17.12.1919 «O doprizyvnoj podgotovke molodezhi» (*On pre-prescription training of the youth*) [Electronic resource]. URL: <http://lawru.info/dok/1919/12/17/n1205921.htm> (Accessed: 13.10.2016).
15. Pushkarjova I. A. Ideja patriotizma v sovetskoj i russkoj pedagogike (*The idea of patriotism in the Soviet and Russian pedagogy*) [Electronic resource]. URL: http://www.e-osnova.ru/PDF/osnova_13_0_601.pdf (Accessed: 13.10.2016).
16. Sarycheva T.V. Formirovanie upravlencheskih i obrazovatel'nyh struktur v sfere fizicheskoj kul'tury v Tomskoj gubernii (1920-e gg.) (*Formation of administrative and educational structures in the sphere of physical culture in Tomsk province*) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija. 2011. No. 3 (15). P. 91–96.

УДК 930.2

Е. А. Джагарян

МОСКОВСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОРОДСКОЙ ТРАМВАЙНОЙ СЕТИ (1890–1914 гг.)

В статье представлена история модернизации трамвайной сети Москвы по материалам московской периодической печати конца XIX – начала XX в. В периодической печати были отражены все этапы развития и возведения сети, запуски новых линий, стоимость проезда, годовой доход и т. д. Таким образом, периодическая печать рассматривается как важный источник информации о

становлении трамвайной сети Москвы. Периодическая печать носила порой предвзятый характер, однако она более красочно и непосредственно описывает развитие московской трамвайной сети.

Ключевые слова: периодическая печать, модернизация Москвы, московская трамвайная сеть, трамвай, электрификация, общественный транспорт.

Е. А. Dzhagaryan

MOSCOW PERIODICAL PRESS AS A SOURCE FOR THE STUDY OF THE TOWN LIGHT-RAIL NETWORK MODERNIZATION (1890–1914)

The article studies modernization of light-rail network in Moscow on the materials of the Moscow periodical press at the turn of XIX–XX centuries. Mass media articles featured all stages of Moscow light-rail development, the information about the new trams-lines operation commissioning, fares, annual income, etc. Thus, the printed media is considered to be an

important source of information about light-rail development. Sometimes the printed media was biased; still it made the narration about the Moscow light-rail network development more figurative and informal.

Key words: periodical press, Moscow modernization, Moscow light-rail network, electrification, municipal (public) transport.

На рубеже XIX–XX вв. Москва стремительно меняла свой облик, ритм ее жизни ускорялся: трансформировалась социальная, промышленная, торговая среда. Город переживал бурный урбанистический рост как результат процесса индустриализации. Такое развитие Москвы определялось прежде всего общим

промышленным подъемом 90-х гг. XIX в. в стране. Достижения технического прогресса достаточно широко применялись в московской промышленности [3].

Газеты и журналы всегда были важным историческим источником, так как в них содержится

разнообразная информация обо всех сферах жизни общества в определенный промежуток времени. Ключевой особенностью периодической печати является ее многоплановость. Материал периодической печати включает в себя самую различную по жанру, происхождению, содержанию информацию. Например, официальные сообщения [17, 12], публицистику [7, 8], хронику [6, 36, 37], всевозможные заметки [19, 20], отчеты [15, 2], репортажи [40] и др. Изучая произведения московской периодической печати, можно составить представление о многих сторонах столичной жизни, в том числе и о развитии городской трамвайной сети на рубеже XIX–XX вв.

В конце XIX – начале XX в. в московской промышленности стало применяться электричество [34]. В этот период здания электрических станций и трамвайных подстанций считались значительными общественными сооружениями. Новые функционально-технические и экономические возможности стали постепенно приводить к развитию и модернизации трамвайной сети. Проект электрификации трамваев создавался при участии известных инженеров – И. И. Рерберга, К. Шестакова, А. Красовского. К 1913 г. трамвайные линии связали центр города с окраинами и дачными пригородами. Отдаленные районы стали более доступными и близкими к центру, а участки земли вокруг Садового кольца позволяли по-новому организовывать пространство застройки [9].

Информация о вопросах, связанных с развитием московской трамвайной сети, довольно часто встречается на страницах журналов и газет в конце XIX – начале XX в. Собирая информацию, косвенно или напрямую касающуюся модернизации трамвайных предприятий, по небольшим статьям и заметкам, можно найти как положительные заметки о ней, так и отрицательные. Журналисты московских газет и журналов смотрели на развитие московской трамвайной сети с позиций городского обывателя или «специалиста» и транслировали в городское информационное пространство разные образы «московского трамвая» и «трамвайной сети». Особое внимание развитию городской трамвайной сети уделяли такие газеты и журналы, как «Русское слово», «Новости дня», «Новое время», «Зодчий» и др.

Московские железно-конные дороги. Отсутствие общественного транспорта в Москве значительно осложняло передвижение населения по городу. Развитием инфраструктуры города занималась Московская городская дума. Прообразом трамвайной сети были кон-

ные экипажи, так называемые линейки, открытые еще в 1847 г. Данный вид транспорта находился в руках частных лиц (компания графа А. С. Уварова). Он представлял собой вагоны на конной тяге, движение проходило по двухколейным рельсам. Маршрут конки проходил от Тверской часовни до Петровского дворца. Затем было организовано «Первое общество железно-конных» дорог. Популярность железно-конных дорог обеспечила активное развитие этого направления: уже в 1880 г. были построены вторые железно-конные пути длиной 30 верст. На базе второго пути образовалось «Второе общество железно-конных дорог» – компания с бельгийским уставным капиталом [4, 11].

Возникновение трамвайных вагонов на электрической тяге. Соперничество двух обществ между собой исключало монополию на трамвайную сеть, способствовало активному строительству и совершенствованию, но создавало сложности при пользовании пассажирами: пересадки, различные тарифы и т. д. В 1890-х гг. удалось объединить пути в одну транспортную систему, однако даже она перестала удовлетворять потребности пассажиропотока Москвы и в 1895 г. от «Первого общества» поступил запрос в городскую управу на рассмотрение расширения и усовершенствования трамвайных сетей путем запуска вагона на электротяге. Через четыре года «Первым обществом» было электрифицировано три участка, после проведения экспериментальных запусков в 1899 г. открылось движение в загородном направлении электрифицированных трамваев по Долгоруковской линии (Масловка и Башиловка). Запуск трамваев на электрической тяге продемонстрировал удобство и экономическую выгоду [1].

После этого началась активная модернизация трамвайных сетей Москвы. Вагоны поставлялись из Германии, с гамбургского завода, но электрооборудование для линий, станций, техпарков и вагонов производилось на российских заводах фирмы «Сименс и Гальске». Интересно описание вагона для электрического трамвая, изготовленного в Миусском вагонном парке, в газете «Русское слово». Автор статьи пишет, что вагон имеет элегантный вид, в нем поставлены изящные венские стулья, освещается он электричеством [26].

В процессе модернизации трамвайных путей появились специализированные технические парки, первый из них был построен на Башиловке. В 1899 г. был произведен запуск электрического трамвая по улицам Верхняя и Нижняя Масловка, Бутырская застава, Лесная улица.

Официальное открытие экспериментальной линии трамвайного электрифицированного движения произошло 25 марта 1899 г. После того, как было подсчитано, что модернизация транспорта начала приносить доход, городская дума приняла решение о выкупе трамвайной сети из частных рук. Тем более что одно из обществ базировалось на иностранном капитале. В результате в 1901 г. трамвайные сети стали городским предприятием. После разделения хозяйств двух обществ железно-конных дорог московская городская дума стала активно выступать за развитие трамвайного транспорта. Уже в 1902 г. был принят к реализации проект первой очереди трамвайных путей. В первую очередь вошли следующие линии: от Большой Сухаревской площади до Красных ворот; Сокольничье шоссе до Преображенской заставы; от Тверской заставы через Старые Триумфальные ворота до Страстного монастыря [4, 11].

В 1902 г. расход на строительство первой очереди составлял почти 4 млн рублей, сооружение было окончено в 1908 г., протяженность линий составила 108 верст [4, 11]. В газетах обсуждалась стоимость второй очереди работ. По словам корреспондентов, она должна была составить 10 млн рублей, причем работы планировалось выполнять силами иностранных (английских) компаний [10].

Выгоды от начала эксплуатации трамвайных сетей становятся ощутимы в разных районах Москвы, что впоследствии привело к развитию транспорта в губернии. Например, в московской земской губернской управе рассматривался вопрос о проведении трамвайных путей до Троице-Сергиевой Лавры, как пишет «Русское слово» в 1904 г. [31]. В 1909 г. там же была опубликована заметка, что вопрос о трамвае от Москвы до Сергиева Посада близится к разрешению [30]. Однако в том же 1904 г. газета «Новости дня» сообщала о сокращении доходов от железно-конной дороги: за год они упали с 182 559 рублей до 176 679 рублей [37].

Газеты того времени освещали открытие новых линий трамвайной сети. «Русское слово» описывало торжественное открытие 10 сентября 1904 г. в Миусском парке линии от Марьиной рощи до Сухаревской площади, отмечая, что уже после третьего рейса трамвай выручил 92 рубля туда и 36 рублей обратно [21]. С 1904 г. в Москве продолжилось расширение трамвайной сети. Об этом подробно писали в периодических изданиях. Например, в 1905 г. в газете «Русское слово» сообщалось, что движение электрического трамвая по Сокольничьей линии продолжено до Боевской богадель-

ни и появилось прямое сообщение от Тверской заставы до Боевской богадельни. Проезд от Тверской заставы до Боевской богадельни стоил 15 копеек [28].

Открытие новой линии от Тверской до Георгиевской площади и далее до Смоленского рынка и Арбатской линии было отражено в периодической печати в связи со строительством новой Новинской электростанции [36]. Открытие новой электростанции также подробно описывалось в газетах [39]. Городская Центральная электрическая станция (1904–1907, арх. В. Н. Башкиров) – «Трамвайная», снабжавшая ток трамвайные линии, была построена на Болотной набережной Водоотводного канала, и при движении в сторону Кремля она была видна на фоне храма Христа Спасителя [5]. В газетах писали о ее торжественном вводе, подробно указывая, кто присутствовал на открытии: это были помощник градоначальника В. А. Короткий, городской голова Н. И. Гучков, гласные и члены управы, инженеры и др. [24]. Помимо Центральной электрической станции существовали также девять подстанций, выстроенных в различных районах города рядом с трамвайными парками.

Непрерывная модернизация трамвайного предприятия отмечалось на страницах газет, например, открытие нового трамвайного парка на Миусах на месте старых конюшен [32]. Строительство трамвайного Миусского парка было закончено в 1904 г. В газетах отмечалось, что в Миусском парке был отслужен молебен в присутствии городского головы кн. В. М. Голицына, членов управы, строителей, инженеров и др. На линию были выпущены семь вагонов, предназначенных для обслуживания новой линии [25]. Надо отметить, что Миусский трамвайный парк стал самым крупным из семи. В 1907 г. в газетах сообщалось о постройке в Миусском парке нового большого здания для трамваев: «Это огромный сарай для вагонов электрического трамвая, размерами 48×46 саж., т. е. свыше 1900 кв. саж. площадью. Сарай строится на Миусской пл.» [27].

На страницах газет можно отметить популярность нового транспорта у населения. Например, «Русское слово» сообщало, что театрам пришлось по душе пользоваться трамваем, «блестяще работающим и днем и вечером», после спектакля и теперь по линии от Охотного ряда до Петровского парка будет движение до окончания спектаклей в театрах [33]. В 1907 г. община старообрядцев обратилась в городскую управу с просьбой провести трамвайное сообщение к Рогожскому кладби-

щу [35]. Опять же в 1907 г. встречаем в периодической печати сообщения об открытии новой линии – от Лубянской площади к Сокольнической, Преображенской и Семеновской заставам. Сообщается также, что вагоны на ней с первых дней ходили переполненными [39].

В период революционных событий 1905 г. трамваи частенько попадали в хронику событий. Иногда от действия протестующих страдали сами трамваи, в другой раз они разбирали пути, снимали провода и выбирали столбы, иногда в прессе даже указывалась сумма убытков, например, в конце 1905 г. она составила 40 тыс. рублей [13, 16].

Забастовки трамвайных рабочих приводили к серьезным потерям в бюджете города и транспортному коллапсу, поэтому про них писали много [6, 14, 10]. В 1907 г. за две с половиной недели забастовки управа потеряла около 100 тыс. рублей [10]. Часто народные волнения и бунты нарушали нормальное транспортное сообщение, поэтому в газетах ежедневно отражалось состояние движения трамваев [29].

В 1909 г. трамвайные парки и станции уже становятся объектом наблюдения специалистов электротехников, что отражается также в периодической печати (визиты и экскурсии) [38].

В периодической печати регулярно появлялись статьи о ценах на проезд в трамваях, особо радостно приветствовалось понижение стоимости, например, с 10 копеек до 8 копеек на линии от Арбатской площади к Новодевичьему монастырю [18].

В 1909 г. в периодической печати отразился спор профессора В. И. Цветаева и художника В. М. Васнецова о возможности прокладки трамвайных путей через Красную площадь. Первый считал это необходимостью, а второй – варварством [23].

Выкуп, эксплуатация и дальнейшее строительство трамвайной сети. Чтобы сделать сеть трамвайных путей полноценной транспортной системой города, необходимо было соединить окраины через центр между собой, мешало этому то, что часть сети принадлежала еще «Бельгийскому обществу». Городской думе пришлось связать себя обязательствами по выплате довольно крупных сумм, однако выкуп прибавил к существующим путям еще 86 верст. Уже в 1911 г. был утвержден новый проект модернизации выкупленной части дорог [4, 11]. В 1910 г. Московская городская управа решила ликвидировать все конное хозяйство чтобы с 1911 г. действовал только городской электрический трамвай, от которого ожидалась чистая прибыль в 2 219 920 руб. [17]. В 1911 г.

городской управой было решено потратить 80 тыс. руб. на установку по ходу трамвайной сети электрических часов в 116 пунктах города: на всех площадях, крупных остановках трамвая, на центральной электрической станции и в трамвайных парках [12].

Городские трамвайные сети проявили себя как предприятия, приносящие хорошую прибыль. Они сразу стали привлекать изобретателей, желающих внести свои изменения и новшества: например, в 1909 г. газета «Русское слово» сообщила о демонстрации нового трамвая без воздушных проводов одного юного изобретателя [40].

Возникновение большой транспортной артерии в городе способствовало развитию всех отраслей, связанных с ее обслуживанием. В конце XIX – начале XX в. в промышленности все большую роль начинают играть высококвалифицированные кадры – инженеры, привлекается технический персонал и квалифицированные рабочие, о чем отмечалось в журнале «Зодчий» [7]. В периодической печати стали встречаться статьи, осуждающие увольнение большого количества работников железно-конной дороги по причине «профнепригодности», хотя понятно, что они просто были не нужны в связи с изменением технического оснащения и внедрением электрического транспорта. Например, в газете «Русское слово» была опубликована заметка о том, что «выброшено на улицу 87 семейств бывших кондукторов конки» [19].

Не остался без внимания билетный вопрос. В газете «Раннее утро» можно найти статью, описывающую, на какую сумму собирается городская управа закупить типографских машинок (40 542 руб.), так как расход билетов в 1911 г. вырос до 300 млн штук в год. Некоторые граждане даже собирали билеты: юмористическая заметка в газете «Русское слово» сообщила о студенте, пытающемся за 3 месяца собрать 1 млн билетов [20].

К 1912 г. в городе действовали 24 маршрута, общая протяженность линий составляла 251 версту, каждый день на линии выходили 587 вагонов. Также развивались и переоборудовались технические вагонные парки, к 1912 г. в городе работало уже 7 трамвайных парков (Миусский, Замоскворецкий, Золоторожский, Уваровский, Рязанский, Ново-Сокольнический, Нижнемасловский) с вагоноремонтными мастерскими [4].

В результате чуть более чем за 10 лет в городе практически полностью была модернизирована трамвайная сеть. Доходы от трамвайного предприятия в 1902 г. составили 80 325 руб.,

в 1905 г. уже 1 058 237 руб., в 1910 – 8 950 519 руб. [4]. В газетах сообщалось о годовых выручках трамвайных сетей: например, в 1911 г. она составила 9 360 000 руб. [15].

Однако на протяжении всей истории модернизации и устройства трамвайных путей в Москве постоянно в периодической печати появлялась информация о других видах транспорта. Серьезную конкуренцию составляли линейные омнибусы. Одно из испытаний омнибуса в качестве общественного транспорта описывалось в газете «Голос Москвы» [8]. Также упоминался автобус «для поддержания пассажирского движения на тех городских линиях, которые будут перестраиваться под трамвай» [1]. «Московские ведомости» напечатали статью, что только часть проекта трамвайных путей обойдется городу в 17 млн руб., в то время как затраты на обустройство автобусного движения в Москве составят всего 1 млн руб. [2]. Однако, как показала практика, трамвайная сеть полностью себя окупала и стала приносить ощутимый доход в бюджет города.

Итак, в начале своего развития железно-конная дорога казалась прогрессивным и выгодным предприятием для города, но с появлением трамвая на электрической тяге стало понятно, что будущее за ним. Первые запуски экспериментальных трамвайных линий сразу показали высокую доходность и мгновенно завоевали популярность среди населения.

Затем трамвайные пути стали развиваться, превращаясь в городскую транспортную сеть, способствуя увеличению числа станций,

ремонтных мастерских и технических парков, появились высококвалифицированные кадры. В результате железно-конная дорога полностью уступила место электрическим трамваям.

Периодическая печать конца XIX – начала XX в. уделяла большое внимание развитию и модернизации трамвайных дорог. Среди статей, посвященных этой теме, часто можно было найти заметки об экономической составляющей данного предприятия: сколько затрачено на строительство, какова прибыль и стоимость проезда. В прессе постоянно освещались этапы сооружения и ввода в эксплуатацию новых линий, технопарков и станций, так как это однозначно интересовало население.

Трамвайные сети превратились в мощную транспортную артерию, поэтому в газетах и журналах им всегда уделялось большое внимание. В периодической печати тех лет опубликовано множество статей и заметок как о положительных моментах работы трамвайной сети, например, об открытии новых линий, так и об отрицательных (аварии, забастовки и др.).

В целом нужно отметить, что периодическая печать является важным источником по изучению модернизации городской трамвайной сети. Она содержит в себе различные материалы, отражающие и экономическую, и эмоциональную составляющую происходящих событий. В изданиях периодической печати всегда можно увидеть живой отзыв современников о происходящих событиях, понять, что именно их волновало, какие переживания были сиюминутными и сравнить с тем, что от них осталось в истории.

Литература и источники

1. Автобус для городских надобностей. Московские вести // Русское слово. 1908. 16 мая (№113). С. 7.
2. Автомобильное движение. Московская жизнь // Московские ведомости. 1908. 29 февраля (№49). С. 5.
3. Весин Л. П. Роль Москвы в торгово-промышленном отношении: очерк 11 // Живописная Россия. Т. 6. Москва и московская промышленная область. Ч. 1. Москва. М.: Товарищество М. О. Вольф, 1898. С. 289.
4. Городское самоуправление и общественный транспорт Москвы в последней трети XIX – начале XX века // Власть. 2009. № 6. С. 33–35.
5. Градостроительство России середины XIX – начала XX в. Книга вторая / под ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 434–435. 564 с.
6. Забастовка трамваев. Московская хроника // Новое время. 1907. 26 февраля (№48). С. 3.
7. Зодчий. 1914. № 13.
8. Испытание автобуса. Московская жизнь // Голос Москвы. 1908. 18 мая (№10). С. 3.
9. Кудрявцева Т. Службы московского трамвая // Наука и жизнь. 1983. №11. С. 102–103.
10. Ликвидация забастовки. Московская хроника // Новое время. 1907. 11 марта (№ 58). С. 4.
11. Машков И. П. Путеводитель по Москве. М.: Московское Архитектурное Общество, 1913. 562 с.
12. Московская газета. 1911. 17 сентября.
13. Московская хроника. 13 декабря // Новости дня. 1905. 14 декабря (№282). С. 3.
14. Московская хроника // Новое время. 1907. 6 марта (№ 53). С. 2.
15. Московская хроника // Новое время. 1911. 18 мая (№ 115). С. 5.
16. Московская хроника // Новости дня. 1905. 20 декабря (№ 288). С. 5.
17. Московские ведомости. 1910. 17 октября.
18. Московские вести // Русское слово. 1909. 14 ноября (№ 251). С. 8.
19. Не по-джентельменски. Московские вести // Русское слово. 1911. 1 ноября (№ 238). С. 5.
20. Новый вид спорта. Московские вести // Русское слово. 1909. 15 марта (№ 62). С. 6.
21. Открытие новых трамваев. Московские вести // Русское слово. 1904. 10 сентября (№ 209). С. 6.

22. Постройка городских трамваев. Московские вести //Русское слово. 1907. 5 мая (№ 102). С. 7.
23. Профессор И. В. Цветаев и художник В. М. Васнецов о Красной площади // Русское слово. 1909. 13 сентября (№ 212). С. 8.
24. Русский голос. 1907. 4 февраля.
25. Русское слово. 1904. 10 сентября.
26. Русское слово. 1904. 19 июля.
27. Русское слово. 1907. 28 сентября.
28. Русское слово. 1905. 23 февраля.
29. Трамвай и конки. Московские вести // Русское слово. 1905. 24 декабря (№ 292). С. 4.
30. Трамвай «Москва – Сергиев Посад». Московские вести //Русское слово. 1909. 4 июля (№ 152). С. 6.
31. Трамвай в Троице-Сергиеву Лавру. Московские вести //Русское слово. 1904. 14 августа (№ 193). С. 7.
32. Трамвайные дела. Московские вести // Русское слово. 1907. 23 июня (№ 141). С. 3.
33. Удобство для театралов. Московские вести //Русское слово. 1904. 23 февраля (№ 45). С. 5.
34. Фальковский Н. И. Москва в истории техники. М.: Московский рабочий, 1950. С. 437.
35. Ходатайство старообрядцев. Московские вести // Русское слово. 1907. 6 июня (№ 124). С. 8.
36. Хроника // Новости дня. 1903. 24 марта (№ 71). С. 5.
37. Хроника // Новости дня. 1904. 4 августа (№ 183). С. 6.
38. Экскурсии // Столичная молва. 1909. 2 января (№ 2). С. 4.
39. Электрический трамвай. Московский дневник // Русский голос. 1907. 4 февраля (№ 27). С. 4.
40. Юный изобретатель // Русское слово. 1909. 7 апреля (№ 77). С. 6.

References

1. Avtobus dlja gorodskih nadobnostej. Moskovskie vesti (*Bus for urban needs. The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1908. May 16 (No. 113). P. 7
2. Avtomobil'noe dvizhenie. Moskovskaja zhizn' (*Automobile traffic. Moscow life*) // Moskovskie vedomosti. 1908. February 29. (No. 49). P. 5.
3. Vesin L. P. Rol' Moskvy v torgovo-promyshlennom otnoshenii: ocherk 11 (*The role of Moscow in trading-industrial relation: an essay 11*) // Zhivopisnaja Rossija. Vol.6. Moskva i moskovskaja promyshlennaja oblast'. Part.1. Moskva. Moscow: Tovarishhestvo M. O. Vol'f#, 1898. P. 289.
4. Gorodskoe samoupravlenie i obshhestvennyj transport Moskvy v poslednej treti XIX – nachale XX veka // Vlast'. 2009. No. 6. P. 33–35.
5. Gradostroitel'stvo Rossii serediny XIX – nachala XX v. Kniga vtoraja (*The urban planning of Russia in the mid. XIX – early XX century. Book Two*) / ed. by E. I. Kirichenko. Moscow: Progress-Tradicija, 2003. P. 434–435.
6. Zabastovka tramvaev. Moskovskaja hronika (*Strike of trams. Moscow Chronicle*) // Novoe vremja. 1907. February 26 (No. 48). P. 3.
7. Zodchij. 1914. No. 13.
8. Ispytanie avtobusa. Moskovskaja zhizn' (*Test the bus. Moscow life*) // Golos Moskvy. 1908. May 18. (No. 10). P. 3.
9. Kudrjavceva T. Sluzhby moskovskogo tramvaja (*Moscow tram services*) // Nauka i zhizn'. 1983. No. 11. P. 102–103.
10. Likvidacija zabastovki. Moskovskaja hronika (*Elimination of strikes. Moscow Chronicle*) // Novoe vremja. 1907. March 11 (No. 58). P. 4.
11. Mashkov I. P. Putevoditel' po Moskve (*Moscow travel Guide*). Moscow: Moscow architectural society, 1913. 562 p.
12. Moskovskaja gazeta. 1911. September 17.
13. Moskovskaja hronika. 13 dekabnja (*Moscow Chronicle. December 13th*) // Novosti dnja. 1905. Desember 14 (No. 282). P. 3.
14. Moskovskaja hronika (*Moscow Chronicle*) // Novoe vremja. 1907. March 6 (No. 53). P. 2.
15. Moskovskaja hronika (*Moscow Chronicle*) // Novoe vremja. 1911. May 18 (No. 115). P. 5.
16. Moskovskaja hronika (*Moscow Chronicle*) // Novosti dnja. 1905. Desember 20 (No. 288). P. 5.
17. Moskovskie vedomosti. 1910. October 17.
18. Moskovskie vesti (*The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1909. November 14 (No. 251). P. 8.
19. Ne po-dzhentel'menski. Moskovskie vesti (*Not gentleman-like. The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1911. November 1 (No. 238). P. 5.
20. Novyj vid sporta. Moskovskie vesti (*A new sport. The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1909. March 15 (No. 62). P. 6.
21. Otkrytie novyh tramvaev. Moskovskie vesti (*Opening of new trams. The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1904. September 10 (No. 209). P. 6.
22. Postrojka gorodskih tramvaev. Moskovskie vesti (*Construction of city trams. The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1907. May 5 (No. 102). P. 7.
23. Professor I.V. Cvetaev i hudozhnik V.M. Vasnecov o Krasnoj ploshhadi (*Professor I.V. Tsvetaev and the artist V. M. Vasnetsov about the Red Square*) // Russkoe slovo. 1909. September 13 (No. 212). P. 8.
24. Russkij golos. 1907. Fenruary 4.
25. Russkoe slovo. 1904. September 10.
26. Russkoe slovo. 1904. July 19.
27. Russkoe slovo. 1907. September 28.
28. Russkoe slovo. 1905. February 23.
29. Tramvai i konki. Moskovskie vesti (*Tram and skates. The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1905. 24 Desember (No. 292). P. 4.
30. Tramvaj «Moskva – Sergiev Posad». Moskovskie vesti (*Tram «Moscow – Sergiev Posad.» The Moscow News*) // Russkoe slovo. 1909. July 4 (No. 152). P. 6.

31. Tramvaj v Troice-Sergievu Lavru. *Moskovskie vesti (Tram in the Trinity-St. Sergius Lavra. The Moscow News)* // Russkoe slovo. 1904. August 14 (No. 193). P. 7.
32. Tramvajnye dela. *Moskovskie vesti (Tram business. The Moscow News)* // Russkoe slovo. 1907. 23 (No. 141). P. 3.
33. Udobstvo dlja teatralov. *Moskovskie vesti (Convenience for the theatergoers. The Moscow News)* // Russkoe slovo. 1904. February 23 (No. 45). P. 5.
34. Fal'kovskij N.I. Moskva v istorii tehniki (*Moscow in the history of technology*). Moscow: Moskovskij rabochij, 1950. P. 437.
35. Hodatajstvo staroobradcev. *Moskovskie vesti (The petition of the Old Believers. The Moscow News)* // Russkoe slovo. 1907. June 6 (No. 124). P. 8.
36. Hronika (*Chronicle*) // *Novosti dnja*. 1903. March 24 (No. 71). P. 5.
37. Hronika (*Chronicle*) // *Novosti dnja*. 1904. August 4. (No. 183). P. 6.
38. Jekskursii (*Excursions*) // *Stolichnaja molva*. 1909. January 2 (No. 2). P. 4.
39. Jelektricheskij tramvaj. *Moskovskij dnevnik (Electric tram. Moscow diary)* // *Russkij golos*. 1907. February 4 (No. 27). P. 4.
40. Junyj izobretatel' (*Young inventor*) // *Russkoe slovo*. 1909. April 7 (No. 77). P. 6.

УДК 93/94

С. Л. Дударев

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ БОЛЕЗНИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся места болезни в средневековой культуре. Речь идет о христианской этиологии болезни и ее аксиологическом статусе. Автор приходит к выводу: если язычество, далекое от нравственно-этической проблематики в этиологическом поле объявляло болезнь досадной случайностью, «дефектом» в нормальном потоке событий, то христианство с его усиленной этической стороной и призывом к сознательной нравственности стало воспринимать болезнь как закономерный резуль-

тат греховного поведения самого человека. Недуг перестал носить характер внешнего, случайного события, он объявлялся имманентным свойством греховного человечества. Страдания, в том числе, сопровождавшие болезнь, оказывались лучшим способом продемонстрировать отречение от бренного мира и выразить свою приверженность высшим божественным ценностям.

Ключевые слова: культурная история болезни, модель мира, мифология болезни, космология болезни, реперкуссия, «атлеты Христа».

S. L. Dudarev

ON THE CATEGORY OF DISEASE IN MEDIEVAL CULTURE

This article discusses some issues concerning the place of disease in medieval culture. First of all, Christian etiology of the disease and its axiological status are considered. The author come to the conclusion that whereas paganism, being far from moral and ethical problems in the etiological field, declared the disease as an unfortunate accident, a "defect" in the normal course of events, Christianity, with its strengthened ethical side and appeal to conscious morality, began to perceive the disease as a natural

result of the sinful behavior of a man himself. The illness was no longer an external, accidental event. It was declared an immanent attribute of sinful humanity. Sufferings, including those accompanying the disease, proved to be the best way to demonstrate the renunciation of the mortal world and expressing one's commitment to higher divine values.

Key words: cultural history of the disease, model of the world, mythology of the disease, cosmology of the disease, repercussion, "athletes of Christ".

Болезнь представляет собой неотъемлемую часть повседневности, она – распространенное «жизненное явление», которое неизбежно порождает проекцию в общественном сознании и вызывает ценностное отношение к себе. Так же как и окружающий мир в целом, болезнь определенным образом воспринимается человеком, ведь действительность для людей – это

всегда «мир объектов со смыслом и значением» [17, с. 398]. Вступая во взаимодействие с человеческим сознанием, материальное бытие предметов и явлений, в том числе и болезни, трансформируется в бытие экзистенциальное, в некий образ, наделенный субъективным смыслом. Человек перестает иметь дело с болезнью как таковой, а вырабатывает

свой взгляд на болезнь, свое отношение к ней. В конце концов, болезнь приобретает персональную значимость и включается как составной элемент в систему мировосприятия. Включенность болезни в культуру привела к формированию «культурной истории болезни» [18].

В архаической картине мира физические страдания воспринимались как своеобразное нарушение естественного хода вещей, как посягательство на вселенский порядок. Недуг считался временным состоянием, несчастьем, а первоначальное благополучие нуждалось в восстановлении с помощью соответствующего ритуала. Неожиданно возникавшие телесные недуги заставляли задуматься о влиянии неких злых сил, о порче и вредоносном колдовстве. В конечном счете задача заболевшего и сопереживавших ему людей заключалась в скорейшем возврате правильного положения вещей и порядка, нарушенного болезнью. Здесь так же, как и во всех иных случаях взаимодействия с областью сакрального, важнейшая роль отводилась шаману. Именно эта фигура занималась «дешифровкой» болезни для своих сородичей. Истолковывая причины болезни и намечая пути избавления от нее, шаман с помощью вымысла выводил из чувства неопределенности и бессилия [9, с. 70]. Созданная таким образом «космология болезни» давала «такую систему оппозиций и корреляций, которая включала бы в себя все элементы ситуации, иначе говоря, отводя место колдуну, больному и зрителям, представлениям и процедурам» [13, с. 161]. Шаман объявлял человека и самого себя равным по могуществу болезни, более того, превосходящим ее, ибо именно посредник и избранник духов своим магическим воздействием был способен устранить недуг.

Применительно к средневековой культуре можно говорить о существовании целой «мифологии болезни» [4, с. 33]. В ее рамках оказались тесно соединены архаические языческие традиции и христианская доктрина. Влияние именно такого синкретичного христианства прослеживается и в средневековой концепции болезни. В средневековом образе болезни следует видеть скорее компромисс культур, нежели доминирование чисто христианских представлений. В контексте христианского мировосприятия произошло принципиальное переосмысление страданий, а болезнь была узаконена и санкционирована свыше.

В отличие от язычества, христианство, с его акцентом на этику и призывами к сознательной нравственности, предложило совершенно иную парадигму восприятия болезни. Оно

стало воспринимать болезнь как естественный результат греховного поведения самого человека. Теологи назвали его *modus deficiens* – ущербный образ жизни [1, с. 63], который является очевидным доказательством несовершенства и греховности человека. В этом плане можно говорить об особом понимании болезни, которое было включено в христианскую космологию, теологию и систему ценностей, связанные с такими фундаментальными категориями христианского вероучения, как сотворение мира и грехопадение, понятие греха, смерть, спасение и пр. Религиозная доктрина более не противопоставляла болезнь и человека как две реальности, противоборствующие друг с другом. Недуг оказался удачно вписанным в христианскую идеологию и объявлялся изначально присущим свойством греховного человечества.

Болезнь уже не была чем-то нарушающим основы миропорядка и нуждающимся в своем немедленном устранении. Страдания и недуги объявлялись необходимым элементом бытия, через который демонстрируются несовершенство и слабость человека. Из изначально не свойственного организму состояния болезнь превратилась в неизбежную стезю запятнавшего себя первородным грехом человечества. Она, таким образом, получила статус промысла Божьего. В позднее средневековье (или раннее новое время) врач Амбруаз Паре утверждал: «... в болезнях есть нечто божественное, чего человек не может объяснить» [5, с. 159].

Таким образом, в рамках христианского миропонимания находится место болезни, как способа существования, хотя ущербного и противопоставляемого здоровью, но вполне естественного и приемлемого [5, с. 54]. Причем такая «ущербность» болезни с точки зрения христианской аксиологии была относительной. В основе христианской религии находится культ Бога, претерпевающего страдания и смерть во имя искупления грехов человечества. Идея спасения через страдания является весьма привлекательной для людей не только социально приниженных, но и испытывающих физические муки, которые, таким образом, приобретали высшую санкцию, поскольку имели своим прообразом страсти Христовы [15, с. 87].

Характерно, что в контексте средневековья Страсти Христовы рассматриваются прежде всего не как свершение Искупления. При этом особенно акцентируется подробное перечисление страданий истязаемого Христа. Недуги человеческого тела превратились в объект тщательной заботы и внимания христианской

религии. Страдание во славу Бога, рассматривающееся как сознательный выбор и как способ служения Ему, выступало в качестве залога беспрепятственного пути в Царствие Небесное, которое наделялось вечным смыслом в отличие от быстро преходящей земной жизни, обители скорби и зла. Язвы и раны теперь не обезображивают, а украшают тело, являясь наилучшим свидетельством долготерпения и мученичества, а жертвенная смерть за веру – наивысшим благом [2, с. 55].

Очевидно, что подобный пиетет к физическим страданиям верующего лежал в области дуализма христианской религии с ее противопоставлением мира телесного и духовного. Здесь следует указать на феномен реперкуссии, имевший место в средневековом сознании. Под ним понимается перенос повреждений, полученных оболочкой души, на тело ее владельца. В позднее Средневековье представление о реперкуссии включается в официальную демонологию и возводится в ранг судебных улик. Характерно, что инквизиторы искали у подозреваемых шрамы от ран, якобы полученных ими во время скитаний в волчьем облике по лесным дебрям, и находили их [3, с. 161–165]. Недаром Л. Февр говорил, что «видят головой, а не глазами» [16, с. 309]. Тело, в данном случае мыслилось как логическое продолжение души, как доступный наблюдению ориентир, позволяющий увидеть невидимое. Стоит отметить, что и духовные подвиги святых также носили по преимуществу физический характер: в первую очередь это были чудеса аскетизма и пьянящего умерщвления плоти. Продолжая дело мучеников первых веков христианства, святые средневековья являлись своего рода «атлетами Христа» [10, с. 414]. Они «победно и с жаром несут пыточные инструменты, открывшие им путь на небо» [14, с. 393]. Тело, таким образом, оказывалось необходимо для спасения души [11, с. 32]. Основным способом спасения, который могло обеспечить тело душе, заключался в умерщвлении плоти. Добровольно принимая на себя крест физических мук, человек одновременно искупал первородный грех и приобщался к страданиям Господа; умирая телесно, он возрождал свою душу для вечной жизни. Из этих же благочестивых соображений берет начало и идея аскезы, начиная с бенедиктинцев воспринимавшаяся как инструмент реставрации духовной свободы и возвращения к Богу [11, с. 33]. Тем самым, путь на небеса по преимуществу лежал через угнетение грешной плоти, отказ от ее радостей; именно преследуемая христианством плоть оказывалась наиболее действенным способом спасения.

Однако и в человеческих болезнях, происходящих вне зависимости от субъективной воли больного, угадывалась рука Божья. Такие вполне обыденные телесные недуги, как лихорадка или зубная боль, напрямую увязывались с волей Провидения, приобретали сакральный смысл. Недуг оказывался реакцией Бога на земную жизнь человека, логическим продолжением греха. Болезнь воспринималась как наиболее действенный способ сделать грех видимым, «оповестить» о нем социум и одновременно уже на земле продемонстрировать могущество Господа и его нетерпимость к отсутствию праведности. При этом вопрос о страдании Бога и, следовательно, о возможном прощении грешника без применения к нему болезненных санкций как таковой не ставился. Провинившийся должен был понести расплату через свою болезнь – такая максима в полной мере соответствовала пониманию божественной справедливости, ведь идея отмщения заложена уже в самой природе божественности. Если Бог не карает за грехи, то он недостойн своего августейшего имени, он просто марионетка [7, с. 191]. Средневековое сознание, ожидающее от Бога в первую очередь возмездия, готово было ускорить его наступление, перенести это возмездие на землю, чтобы уже при жизни в полной мере ощутить божественное могущество и сделать его еще более зримым и неизбежным. В итоге идея загробного наказания в обыденной жизни сопровождалась более близкой идеей кары мгновенной – в первую очередь кары через болезнь.

Причинно-следственная связь между грехом и болезнью неустанно пропагандировалась церковью и прочно прижилась в мировоззренческих установках средневекового человека. Грех был злом, скверной (*malum*), которая, загрязняя душу, столь же губительно воздействовала и на тело, приводя к его болезни. Болезнь как кара за грех, как результат загрязнения души, несомненно, являлась общим местом, о котором не уставал помнить благочестивый христианин. Показательно распространенное в средние века представление, которое наивно, но одновременно весьма наглядно связывает грех и болезнь в единую причинно-следственную цепочку. Согласно этому представлению, сами грехи представляют собой раны или болезни, а добродетели – лекарства от них. Так, сочиненное в XV веке в Чехии стихотворение, получившее широкое распространение среди францисканских проповедников, сравнивает гордыню – *superbia* – с вздувшимся животом, гнев – *ira* – с падучей, зависть – *invidia* – с про-

казой, жадность – *avaritia* – с водянкой, лень – *pigritya* – с параличом [12, с. 127–128]. Очевидно, что средние века действительно «всегда находили чувственный образ для своих идей» [10, с. 336].

Однако далеко не всегда связь между грехом и болезнью оказывалась приемлемой для общественного сознания. Идея болезни – кары со стороны богов – не известная у германцев и кельтов, интегрировалась в традиционную народную культуру средневековья очень медленно [2, с. 56]. Некоторые исследователи полагают, что болезнь, несомненно, интерпретировалась как кара свыше, прежде всего во время эпидемий [2, с. 56], с чем следует согласиться. Эпидемии при всей их частоте и определенной привычности, безусловно, были явлением экстраординарным. Это относится в особенности к пандемиям, например, вспышке чумы в середине XIV в., которые явно выходили за рамки привычных показателей заболеваемости и смертности. Масштабность эпидемий, их неуправляемость и непредсказуемость требовали объяснения, адекватного уровню вызванного ими общественного потрясения, приводившего не только к огромным людским потерям, но и к распаду социальных связей. Причиной, эквивалентной объему деструктивных последствий, разумеется, мог служить только *Ira Dei* – Гнев Господень. Примечательно, что он не мыслился как исключительно эмоциональная категория, а воспринимался в виде конкретных действий, своего рода ударов Божьего бича, карающих целые народы. Действенное мышление с активным сегментом мифологичности здесь, безусловно, брало вверх над абстракциями.

Именно эпидемии, нарушая привычный ход повседневной жизни, в максимальной степени ассоциировались с карой небесной, заставляя задуматься о связи греха и воздаяния. При этом бремя ответственности распространялось на все людское сообщество, отсюда раскаяние и многочисленные покаянные процессии, устраиваемые во время эпидемий, которые были «искуплением всего города» [7, с. 127]. Процессии устраивались тем чаще и были тем значительнее, чем тревожнее была обстановка в городе [19, р. 213–217]. Спасение, таким образом, могло быть достигнуто только в группе и через группу [10, с. 340].

Итак, путь к Богу через страдания плоти, как уже отмечалось выше, воспринимался как наиболее очевидный. И страдания в последнем случае несли ощутимую положительную нагрузку, ведь их наличие в земной жизни по принципу некоего реципрокного обмена обещало блаженство в жизни загробной.

Однако заболевший не просто выделялся среди других людей. Он отличался от них также и тем, что благодаря болезни получал уникальную возможность искупить свои прегрешения уже при жизни. Всему духовному смело приписываются физические свойства [5, с. 20]. При этом расплата в виде болезни была не инициативой самого грешника (в отличие, например, от добровольных мук за веру) и зачастую не карой в собственном смысле этого слова (как самоценное наказание), а «даром», ниспосланным небом, прижизненным способом расплатиться за грехи.

Характерна в этой связи аналогия между болезнью (в частности, проказой) и чистилищем на земле. Так, посещая прокаженного монаха аббатства Руаймон, брата Лежера, чье состояние было поистине удручающим [8, с. 182], король Людовик IX приободрил больного словами о том, чтобы тот переносил свою болезнь с великим терпением, ибо для него она является чистилищем в этом мире [8, с. 183]. Как видим, в данном ракурсе, несмотря на все муки больного, болезнь действительно воспринималась, как милость, как знак особого божественного расположения. В итоге в качестве теологической аксиомы закреплялась мысль о том, что больные и немощные, принимая на себя крест своих страданий, скорее достигнут спасения души.

В итоге болезнь не только оказывалась «намеком» на грех, «оповещением» о нем сообщества, она не просто давала знать грешнику, что его поведение не осталось без внимания, но и воспринималась как благо, как способ заслужить божественное прощение уже при жизни. Отсюда проистекало и *humilitas* – смирение (являющееся одним из краеугольных камней христианской религии и важнейшей добродетелью) как основная поведенческая модель, рекомендуемая верующему перед лицом болезни.

Итак, аксиологический статус болезни был поднят христианством на недоступную для язычества высоту. Болезнь стала «интересна» религии, она органично влилась в христианскую доктрину, обретая осмысленность и оправданность благодаря включенности в общий замысел Творца [4, с. 144]. Была сформирована целая «теология болезни», объявляющая заболевание формой реализации божественной воли. Суммируя вышесказанное, можно выделить три основных компонента «теологии болезни»: первородный грех, вмешательство демонов и испытание. Более того, именно в отношении к болезни сильнее всего отразилась этическая сторона христианства с ее учением о соотношении греха, наказания за него, прощения и милосердия.

Литература и источники

1. Арнаутова Ю. Е. Тревоги повседневной жизни: болезни, представления об их причинах и лечении // Средневековая Европа глазами историков и современников. Вып. III. М.: Интерпракс, 1993. С. 101–122.
2. Арнаутова Ю. Е. Болезнь // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича, М.: РОССПЭН, 2007. С. 54–58.
3. Арнаутова Ю. Е. Западноевропейские средневековые «оборотни» // Вопросы истории. 1997. № 6. С. 161–165.
4. Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб.: Алетейя, 2004. 398 с.
5. Бергер Е. Е. «Нехорошо, что монстры живут среди нас» (Амбруаз Парэ о причинах врожденных аномалий) («It's not good that monsters live among us» (Ambroise Pare about the causes of congenital anomalies) // Средние века. Вып.65. М.: Наука, 2004. С. 147–165.
6. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. 264 с.
7. Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М.: Голос, 1994. 416 с.
8. Гарро А. Людовик Святой и его королевство. СПб.: Евразия, 2002. 256 с.
9. Касавин И. Т. Магия: ее мнимые открытия и подлинные тайны /Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М.: Политиздат, 1990. 464 с.
10. Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 560 с.
11. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008. 189 с.
12. Лучицкая С. И. Грехи и добродетели // Словарь средневековой культуры / под ред. А. Я. Гуревича, М.: РОССПЭН, 2007. С. 125–128.
13. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.
14. Маль Э. Религиозное искусство XIII в. во Франции. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2008. 552 с.
15. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1988. 336 с.
16. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 629 с.
17. Эксле О. Г. Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 2003. С. 393–416.
18. Sendrail M. (éd.). Histoire culturelle de la maladie. Toulouse, 1980.
19. Journal d'un Bourgeois de Paris, sous Charles VI et Charles VII / ed. par André Mary, Paris, 1929. P. 213–217.

References

1. Arnautova Yu. E. Trevogi povsednevnoi zhizni: bolezni, predstavleniya ob ikh prichinakh i lechenii (*Anxiety of daily life: illnesses, ideas about their causes and treatment*) // Srednevekovaya Evropa glazami istorikov i sovremennikov (*Medieval Europe through the eyes of historians and contemporaries*). Issue. III. Moscow: Interpraks, 1993. P. 101–122.
2. Arnautova Yu. E. Bolezn' (*Disease*) // Slovar' srednevekovoi kul'tury (*Dictionary of medieval culture*) / ed. by A. Ya. Gurevich. Moscow: ROSSPJeN, 2007. P. 54 – 58.
3. Arnautova Yu. E. Zapadnoevropeiskie srednevekovye "oborotni" (*Western European medieval «werewolves»*) // Voprosy istorii. 1997. No. 6. P. 161–165.
4. Arnautova Yu. E. Kolduny i svyatyte: Antropologiya bolezni v srednie veka (*Sorcerers and saints: anthropology of the disease in the Middle Ages*). SPb.: Aleiteya, 2004. 398 p.
5. Berger E. E. «Nekhorosho, chto monstry zhivut sredi nas» (Ambruaaz Pare o prichinakh vrozhdennykh anomalii) («It's not good that monsters live among us» (Ambroise Pare about the causes of congenital anomalies) // Srednie veka (Middle Ages). Issue 65. Moscow: Nauka, 2004. P. 147–165
6. Bitsilli P. M. Elementy srednevekovoi kul'tury (*Elements of medieval culture*). St. Petersburg: Aleiteya, 1995. 264 p.
7. Delyumo Zh. Uzhasy na Zapade (*Horrors in the West*). Moscow: Golos, 1994. 416 p.
8. Garro A. Lyudovik Svyatoi i ego korolevstvo (*Louis the Holy and his kingdom*). St. Petersburg: Evraziya, 2002. 256 p.
9. Kasavin I. T. Magiya: ee mnimye otkrytiya i podlinnye tainy / Zabluzhdayushchiysya razum?: Mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya (*Magic: its imaginary discoveries and genuine mysteries / Misunderstood reason: The diversity of non-scientific knowledge*). Moscow: Politizdat, 1990. 464 p.
10. Le Goff Zh. Tsivilizatsiya Srednevekovogo Zapada (*Civilization of the Medieval West*). Ekaterinburg: U-Faktorija, 2005. 560 p.
11. Le Goff Zh., Tryuon N. Istoriya tela v srednie veka (*History of the body in the Middle Ages*). Moscow: Text, 2008. 189 p.
12. Luchitskaya S. I. Grekhi i dobrodeteli (*Sins and Virtues*) // Slovar' srednevekovoi kul'tury (*Dictionary of Medieval Culture*) / ed. by Gurevich A. Ya. Moscow: ROSSPJeN, 2007. P. 125–128
13. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya (*Structural anthropology*). Moscow: Nauka, 1985. 536 p.
14. Mal' E. Religioznoe iskusstvo XIII v. vo Frantsii (*Religious art of the XIII century in France*). Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2008. 552 p.
15. Svetsitskaya I. S. Rannee khristianstvo: stranitsy istorii (*Early Christianity: pages of history*). Moscow: Politizdat, 1988. 336 p.
16. Fevr L. Boi za istoriyu (Battles for history). Moscow: Nauka, 1991. 629 p.
17. Eksle O. G. Kul'tura, nauka o kul'ture, istoricheskaya nauka o kul'ture: razmyshleniya o povorote v storonu nauk o kul'ture (*Culture, the science of culture, the historical science of culture: reflections on the turn towards the sciences of culture*) // Odissei. Chelovek v istorii (*Man in history*). Moscow: Nauka, 2003. P. 393–416.
18. Sendrail M. (éd.). Histoire culturelle de la maladie. Toulouse, 1980.
19. Journal d'un Bourgeois de Paris, sous Charles VI et Charles VII / ed. par André Mary, Paris, 1929. P. 213–217.

УДК 94 (470.6)“18”

Р. Б. Зубариев

ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МУХАДЖИРСТВА ЧАСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ОСМАНСКУЮ ИМПЕРИЮ В 50–90-е гг. XIX ВЕКА

Статья посвящена переселению большой группы народов Северного Кавказа в Турцию во второй половине XIX в. Автор выявляет причины и факторы данного явления, отмечая его сложный и многоплановый характер. Исход части горского населения с территории Северного Кавказа за пределы Российской империи стал итогом вооружённого противостояния первой половины XIX столетия. В результате переселения в Турцию особенно большие демографические потери понесли адыги, традиционно связанные с османами культурно-экономическими контактами и семей-

ными узами. Они ожидали от мухаджирства улучшения своего социально-экономического статуса на новом месте проживания. Однако реальность оказалась далека от такой мечты. Принявшее обвальное характер переселение стало причиной гибели многих мухаджиров от болезней, голода, лишений и плохой организации.

Ключевые слова: Мухаджиры, народы Северного Кавказа, российские власти, социально-экономическая адаптация, конфликт, слухи, турецкие эмигранты, репатрианты.

R. B. Zubariev

THE REASONS AND CIRCUMSTANCES OF MUKHADZHIRISM WITH SOME PART OF THE NORTH CAUCASUS POPULATION IN THE TIME OF THE OSMAN EMPIRE IN THE 50s–90s OF THE XIX CENTURY

The article studies the migration of a large group of people from the North Caucasus to Turkey in the second half of the XIX century. The author discovers the reasons and factors of this phenomenon, drawing attention to its complex character. The migration of some part of mountain population from the North Caucasus territory outside the Russian Empire resulted from armed confrontation in the first half of the XIX century.

Migrating to Turkey the Adygs suffered the largest demography losses, for they traditionally had cultur-

al, economic and family ties with the Osmans. They expected improvements in their social and economic status at the new residence. However, the dreams failed. The fatal character of migration caused the death of many mukhadzhirs of diseases, starvation, hardships and poor organization.

Key words: mukhadzhirs, people of the North Caucasus, Russian authorities, conflict, rumours, Turkish emissary, repatriate.

Переселение части народов Северного Кавказа на территорию Турции, произошедшее во второй половине XIX столетия, достаточно давно привлекает внимание исследователей. В силу того, что переселялись мусульманские народы, это явление получило название мухаджирство. Еще современники этих драматических событий, описывая обстоятельства происходящей на их глазах массовой эмиграции, пытались разобраться в её причинах [4]. В дальнейшем эта тема также неоднократно поднималась в кавказоведении, но и до сегодняшнего времени сказать, что все «белые пятна» мухаджирства исчезли, нельзя. Сказывается исключительная политизация этого вопроса и сохраняющийся высокий эмоциональный накал при оценке событий полуторавековой давности [2, с. 216–254].

Отток части населения Северо-Западного Кавказа в Турцию начался ещё до активизации здесь боевых действий. Эти события относятся к 1859 г., т. е. к тому времени, когда основные усилия царской армии были сосредоточены на борьбе против имама Шамиля, укрывавшегося в горах Дагестана. Благодаря переговорам бжедухи, абадзехи и натухайцы выразили готовность прекратить вооружённую борьбу, что вселяло надежду на мирное выстраивание взаимоотношений между черкесами и имперской властью. Сохраняя в значительной степени автономию, они продолжали жить согласно собственным традициям и обычаям, но их тревожила неясность их будущности, особенно в свете той информации, которая приходила к ним из других частей Северного Кавказа, в которых русские утверждали свою власть.

В этот период чеченцев в приказном порядке обязали переселяться на равнины, причём данный процесс был властями плохо организован и вызвал сопротивление жителей. По данным, приводимым Е. Д. Максимовым, «десятки аулов добровольно, или по принуждению русских должны были переселяться из гор на плоскость под жесткий контроль имперских властей».

С 1857 и по 1859 г. шло чуть не массовое переселение: в малой Чечне выселилось 15 селений почти с 5 900 дворов, в Большой Чечне 29 с 8 390 дворов, не считая выселившихся сюда аулов ичкеринского округа» [17, с. 30].

В данных обстоятельствах для переселенцев открывались неясные им перспективы новой жизни, в том числе для занятия хозяйством в рамках экономических условий Российской империи. К тому же неминуемый период социально-экономической адаптации к новым реалиям проходил болезненно и конфликтно.

Именно в это время поднялась первая волна мухаджирства, приведшая к тому, что самые разные народы региона приняли решение покинуть землю предков и перебраться в Турцию. Этот процесс затронул не только тех, кто активно участвовал в борьбе с Российской империей в первой половине XIX в., но также лояльных к российским властям членов общества.

В немалой степени этому способствовали слухи, хотя и не имевшие под собой реальных оснований, но будоражившие умы людей. Как отмечал один из наблюдателей, «со взятием в плен Шамиля все горцы Кавказа почувствовали словно тесноту на родине; теперь-то ясно увидели, что прежней свободе, которую отстаивали они так мужественно от неприятелей и покупали ценою своей крови и жизни, пришёл конец».

Ещё больше встревожились горцы, когда между ними пронёсся слух, что детей их будут брать в солдаты: это-то последнее обстоятельство послужило особенно чувствительным толчком, заставившим их разом оставить ту родину, за которую ещё так недавно проливали кровь, и искать убежище и безопасности в Стамбуле, как они зовут Турцию вообще, предполагая, что в Турции к ним вернётся привольная жизнь и дети их будут гарантированы от ненавистной солдатчины» [12, с. 84].

Вообще слухи играли огромную роль в формировании общественного мнения среди горского населения. Порой самые неожиданные предположения могли иметь фатальные последствия. Так, в 1865 г. в Чечне распространились известия о том, что в городе Петровске высадился многочисленный десант, который

движется к ним и будет обеспечивать переселение в Порту. Учитывая, что и до этого местные жители неоднократно получали частные приглашения перебраться в Турцию, им зачитывали фирманы, якобы написанные султаном, и такие слухи попали на благодатную почву [21, л. 16].

Повод для того, чтобы уехать с Кавказа, был самым разным. Часто своё желание отбыть в Турцию объясняли религиозными побуждениями – хаджем в Мекку. Данная формулировка присутствовала в паспортах, которые выдавались выезжающим за границу [5, л. 9 об]. Такие документы первоначально выдавали сроком на один год, затем период пребывания за границей был уменьшен в два раза. Но в конечном итоге начиная с 1861 г. желающие выехать за рубеж получили право на беспрепятственный выезд. Но если такие люди принимали подданство Турции, они считались изменниками, и в случае возвращения их ждало судебное преследование. На особом учёте были офицеры, происходившие из кавказских народов, которых исключали со службы и лишали права на содержание от казны [10, с. 367–368].

Однако власти в целом не препятствовали такому «паломничеству», а потому почти всегда выдавали разрешение идти в хадж, хотя их вскоре начали настораживать неожиданные последствия, которые стали непосредственным результатом данного явления. Вот что сообщал в своей секретной записке к министру иностранных дел главнокомандующий Кавказской Армией: «Для умиротворения Кавказа необходимо было, в числе других мер, допустить облегчение в увольнении горцев в Мекку, особенно же с того времени, когда многочисленные племена, долго отстаивавшие свою независимость, начали добровольно нам покоряться. Между тем, как я предоставил горцам более свободы в увольнении за границу, произошло неожиданное движение в массах покорного нам населения в Прикубанском крае и в смежных к нему землях Ставропольской губернии. Турецкие эмиссары распространили на Кавказе молву, что государь император заключил с турецким султаном условие, по которому, для взаимного размена иноверческих подданных, дозволяется кавказским мусульманам переселиться в Турцию, а турецкоподданным христианам – в Россию; что Порты отводит землю и даже выдаёт большие денежные пособия переселенцам в Турцию».

Обольщённые этою молвою, видя вместе с тем, что многолетняя религиозная борьба на Кавказе приняла решительный оборот в пользу русского господства и, считая священною

обязанностью всякого истинного мусульманина воспользоваться случаем для перехода в подданство правоверного государя, сотни семейств устремились за море. Абазинцы и прикубанские ногайцы первые явились в большом числе просить об увольнении их в Турцию, под предлогом странствования в Мекку, а на самом деле с намерением навсегда переселиться с Кавказа; снаряжаясь в путь, они продавали своё имущество, часто за бесценок. Примеру их последовали некоторые из магометанских народов Ставропольской губернии, потом кабардинцы и чеченцы и, наконец, начинают поступать просьбы и от жителей Дагестана» [1, с. 51].

Эта обширная цитата позволяет получить представление о растерянности властей, не ожидавших такой реакции на победы русской армии. Документ датируется ноябрём 1859 г., т. е. временем, когда царская администрация ожидала увидеть успокоение края, а вместо этого наметился исход значительной части его населения. Попытки правительства пресекать такие настроения большим успехом не увенчались. Опасаясь международных осложнений, оно вынуждено было сдержанно реагировать на факты переезда и смену подданства [1, с. 52–53].

В результате Российской империю начали покидать не только выходцы с Кавказа, но даже те мусульмане, которые жили далеко за пределами региона.

Фактически этим процессом было охвачено всё население Европейской части страны, что нашло отражение в аналитических записках, подготовленных для правительства [18, л. 71–71 об.].

Так, в эмиграцию устремились крымские татары, которые уже участвовали в подобных процессах ещё в XVIII столетии и имели родственные связи за рубежом [8, с. 206–207].

Даже когда власти перешли к запрету на эмиграцию, остановить этот процесс оказалось не просто, и он прослеживался вплоть до 90-х гг. XIX в. Случаи переезда в Турцию имели место даже в начале нового столетия, хотя прежней массовости уже не наблюдалось.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди мухаджиров были ногайцы, которые весьма успешно инкорпорировались в хозяйственную систему Российской империи. Тем не менее и они в массовом порядке стали покидать места традиционного проживания, хотя вскоре и разочаровались в своём поступке [7, с. 21–24]. Причём уходили не только те, кто получил официальное разрешение, но и тайно примкнувшие к ним соплеменники, не желавшие расставаться с родственниками [11, с. 94].

Слущая без малого десятилетие после завершения активной фазы вооружённого проти-

востояния на Северо-Западном Кавказе, ряд адыгских обществ высказали пожелания переселиться в султанские владения, чтобы не жить по правилам, продиктованным им российской стороной. Они подкрепляли своё намерение распродажей имущества и прекращением ведения полевых работ. Фактически это был ультиматум властям, которые в случае несогласия вынуждены были изыскивать средства на продовольствие для содержания этих людей до нового урожая [18, л. 2; 5, л. 1,3].

Аналогичные проявления имели место в 1887, 1890, 1892 гг., причём прошения поступали не только от адыгов, но и от чеченцев [18, л. 3]. И это происходило, несмотря на то, что в крае уже появились репатрианты, имевшие печальный опыт проживания на чужбине. Например, в 60-е гг. вернулись на прежнее место часть чеченских мухаджиров, до этого перебравшихся в Порту [11, с. 94]. Но, как отмечал в своём очерке, посвящённом чеченцам, Е. Д. Максимов, «разочарование переселившихся туда ранее нисколько не охлаждает пыла у современников, так как все неудачи в таких случаях всегда объясняются несчастным стечением обстоятельств. Между тем действительность, несомненно, подтверждает, что всякое переселение в Турцию влечёт за собой и полное разочарование, и даже вымирание. Тем не менее, пока в Чечне появится свет образования, переселение в Турцию успеет увлечь немало новых жертв чеченского легкомыслия» [17, с. 39].

Царские власти не прочь были избавиться от враждебно настроенного к нему населения, но одновременно всячески стремились удержать у себя лояльных подданных и нередко шли на встречу тем, кто стремился вернуться в Россию.

Данные обстоятельства позволяют согласиться с выводом Н. Ю. Силаева, что кавказское мухаджирство – это сложное явление, вызванное целым комплексом проблем и факторов, включавших политические, экономические, социальные и этнопсихологические причины [20, с. 32]. Далеко не всегда побудительным мотивом эмиграции были военно-политические обстоятельства, важность которых следует признавать, но отнюдь не абсолютизировать.

Царская администрация взяла стратегический курс на переселение значительной части горских жителей на равнины. Здесь их легче было контролировать и втягивать в орбиту хозяйственно-экономических, административно-судебных и культурных процессов, которые переживал Северный Кавказ. Альтернатив этому было немного: либо продолжать вооружённую борьбу, либо переселиться в Турцию.

В бесплодности первого варианта хода событий большинство местных жителей были убеждены силой русского оружия, в то время как второй вариант сулил заманчивые перспективы. Турецкие эмиссары рисовали радужную картину, которая ожидала бы их на новых землях. В ход шло обращение не только к меркантильности, но и к религиозным чувствам людей [6, л. 1–2].

Крепость кровно-семейных уз, характерная для народов Северного Кавказа, также сыграла свою роль в их эмиграции за пределы Родины. Если в Турцию переезжал кто-то из близких родственников, велик был шанс, что и остальные отправятся вслед за ними [18, л. 4 об].

Для успешной агитации привлекались даже высокопоставленные представители российской администрации из числа местных жителей. Будет уместным процитировать мемуары генерала М. А. Кундухова, который, находясь в турецкой столице и «узнав там от мухаджиров о выгодном положении вообще всех кавказских переселенцев, отправился в полной генеральской форме к министру иностранных дел Али-паше, у которого встретил очень ласковый приём, подал ему на бумаге обнаруженную истину о положении всех кавказских горцев и об искреннем желании всех чеченцев переселиться в Турцию, прося им милостивого приёма и удобного помещения». Далее генерал пишет: «Али-паша, прочитав моё прошение, изъявил полную свою готовность сделать для кавказских горцев всё, чем может им быть полезным, и предложил мне отправиться к Садразаму (великому везиру) Фуат-паше. На другой день я представился Фуат-паше. Он также обрадовал меня очень ласковым приёмом, советовал всем кавказским горцам признаться в невозможности продолжать войну с русскими и переселиться в Турцию, предсказывая им счастливую будущность» [15, с. 46].

Само турецкое правительство было кровно заинтересовано в такой миграции. Это позволяло не только решить демографические проблемы, но и заселить лояльным и полностью зависящим от него населением наиболее беспокойные районы, прежде всего султанские владения на Балканском полуострове, население которого тяготилось режимом Стамбула [14, с. 187–209].

Для представителей горской элиты аргументом в пользу переселения служили ещё и слухи о предстоящей реформе в России. Особенно болезненно на это реагировали те общества, где имела княжеская верхушка, опасавшаяся

лишиться подвластных им сословий. Доходило до того, что они в ультимативной форме требовали от наместника оградить их от каких бы то ни было изменений общественного устройства, и грозили в случае невыполнения уйти с подвластным населением в Турцию. Дошло до того, что царская администрация вынуждена была пригрозить применить силу, и лишь это заставило кабардинских феодалов отказаться от шантажа [20, с. 34]. Некоторых наиболее злостных подстрекателей пришлось временно изолировать в тюрьме, чтобы пресечь распространение вредных слухов [6, л. 10 об].

Если представители властной верхушки силой пытались заставить своих подчиненных последовать за ними в Турцию, российская сторона брала таких людей под свою защиту. Давались пояснения о том, что феодалы не вправе решать, в какой стране жить их крестьянам. И если в пределах империи они имели определённые обязательства перед владельцами, то за границей могли действовать согласно своим желаниям.

В качестве примера можно рассмотреть ситуацию, сложившуюся в результате конфликта с кабардинским князем Кургоко Куденетовым и кадием Джамурзой Варитловым. Они добились возможности увезти всех подвластных себе людей, но получили ответ, что могут «взять с собой только тех из числа их холопов, кои пожелают за ними следовать. Тех же, которые не изъявят добровольного на это согласия, они не имеют никакого права принуждать к следованию за собой и им предоставляется продать их, если найдутся покупщики» [3, с. 290–291].

Таким образом, по словам одного из царских чиновников, «бегство от господ в наши пределы давало им право на свободу, уход же в Турцию угрожал вечным рабством» [22, с. 186].

На настроения местных жителей оказывала воздействие и непростая экономическая ситуация, в которой они оказались в результате переселения на плоскость. Это позволяло им более успешно заниматься земледелием, но для этого приходилось осваивать и новый посевной календарь, и проходить акклиматизацию. Всё это не могло произойти в сжатые сроки, тем более, что адаптация сочеталась с новыми тенденциями, связанными со становлением товарного типа хозяйствования, чуждого тогда менталитету горских жителей.

В таких условиях пришлось нелегко не только адыгам, но и карачаевцам и балкарцам, которые, хотя и остались в местах своего традиционного проживания, но также болезненно

реагировали на происходящие трансформации. Почти не участвуя в вооружённом противостоянии с российской властью, они, тем не менее, также устремились в Турцию, не сумев принять новых социально-экономических установлений [13, с. 12, 21].

От смены места жительства горцы ожидали не только сохранения для них привычной идейно-нравственной парадигмы существования, но и улучшения своего материального положения. Для части мухаджиров это, действительно, стало неплохим шансом. Но у большинства переселенцев впереди были лишь обнищание и невзгоды [10, с. 355–356].

Как писали в своём обращении к великому князю Михаилу Николаевичу чеченцы-мухаджеры в 1865 г., «мы гораздо охотнее пойдём в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири» [9, с. 88–89]. Они хотели вернуться на родину и обещали приложить все усилия, чтобы преодолеть своих земляков от опрометчивого шага. В результате в начале 70-х гг. XIX века на Кавказ вновь перебралось 5 857 чеченцев, а по завершении войны с Турцией 1877–1878 г. их число возросло [9, с. 88–89].

Известны случаи, когда против возвращавшихся мухаджиров турки применяли войска, чтобы не допустить их репатриации. Так, в ноябре 1865 г. по вышедшим к российской границе чеченцам открыла огонь османская артиллерия, которая заставила их отойти обратно. Столь жёсткая реакция со стороны Стамбула вполне понятна: значительная часть прибывших к ним горцев Северного Кавказа быстро разобралась с той ловушкой, в которой они оказались, и возвращение их на родину могло приобрести столь же массовый характер, как до этого переселение во владения султана. Примечательно, что около 20 тыс. кабардинцев и чеченцев, которые в течение 1863–1864 гг. покинули свою землю, вернулись обратно [10, с. 382].

Обратно потянулись и представители других народов Северного Кавказа. По данным на 1861 г., из 10 045 человек, проживавших до переезда в Порту в Терской и Кубанской областях, возвратилось 7 149 бывших мухаджиров. В 1863 г. в Ставропольскую губернию вернулись 893 ногайца, которых разместили в Пятигорском уезде [8, с. 235].

Следует, однако, отметить, что царское правительство неохотно позволяло репатриантам пересекать свои границы. Лишившиеся имущества, они могли стать не только экономической, но и политической проблемой для страны. Отчаявшиеся люди, которым больше нечего было терять, могли взяться за оружие,

чего власти допустить опасались. Чтобы преодолеть преграды на пути домой, мухаджеры вынуждены были пользоваться услугами контрабандистов, подкупать чиновников, отдавая им последние сбережения [21, л. 9].

Российская администрация долго не могла определиться в своём отношении к процессам мухаджирства. С одной стороны, страна лишалась подданных, которые через некоторое время могли адаптироваться к порядкам империи и своим трудом обеспечивать её благосостояние; с другой, существовала серьёзная опасность продолжения вооружённого противостояния, и в этом случае пришлось бы силой усмирять непокорных, идя на новые человеческие жертвы.

В поисках компромисса главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом князь А. И. Барятинский не запрещал желающим покидать Россию, тем более что формально они имели право на исполнение своих религиозных обрядов. Но, понимая, что отправляющиеся совершить хадж обратно возвращаться не собираются, главнокомандующий старался, чтобы такие люди не уводили вслед за собой и своих соплеменников [1, с. 52].

В отличие от своего начальника генерал Н. И. Евдокимов выступал за то, чтобы давать разрешение отправиться в Турцию всем желающим горцам. Участник вооружённого противостояния, он считал, что такой шаг позволит без кровопролития избавиться от тех, кто не видел себя в качестве подданного русского императора.

Установить точную численность горцев, покинувших Северный Кавказ, затруднительно. Объясняется это тем, что официальная статистика не учитывала тех, кто старался перебраться в Турцию втайне от властей. По приблизительным данным, только адыгов-мухаджиров было не менее полумиллиона человек [20, с. 293]. Если добавить сюда горцев из других регионов Кавказа, то численность эмигрантов к середине 60-х гг. XIX в. возрастёт до 600 тыс. человек.

Следует признать, что на сегодняшний день установить численность людей, выехавших за пределы исторической родины, уже не представляется возможным. В то же время в литературе фигурирует максимально заявленная цифра – до 3,5 млн человек [16, с. 68].

Исход части горского населения с территории Северного Кавказа за пределы Российской империи стал итогом вооружённого противостояния первой половины XIX столетия. В результате переселения в Турцию особенно

большие демографические потери понесли адыги. Традиционно связанные с османами культурно-экономическими контактами и семейными (через гаремы) узами, они ожидали от мухаджирства улучшения своего статуса на новом месте проживания. Однако реальность оказалась далека от такой мечты. Принявшее обвальное характер переселение стало при-

чиной гибели многих мухаджиров от болезней, голода и лишений.

Народы Северо-Восточного и Центрального Кавказа были втянуты в эмиграционные процессы в меньшей степени. Но и они лишились части своих соотечественников, что стало подлинной трагедией этих народов.

Литература и источники

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 12. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1904. 1552 с.
2. Аутлев П. У. Об основной причине махаджирства адыгов в XIX веке // Черкесия в XIX веке (материалы I Кошехабльского форума «История – достояние народа»). Майкоп: Адыгея, 1991. С. 216–254.
3. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848–1874). Ч.2. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 414 с.
4. Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1. С. 161–176; 1882. № 2. С. 337–363.
5. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 454. Оп. 1. Д. 215.
6. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 215.
7. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 222.
8. Джумагулова А. Т. Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII в. – 60-х гг. XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, 2015. 26 с.
9. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 530 с.
10. Документальная история образования многонационального государства Российского: в 4 книгах. Книга 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках / под общей ред. д-ра юрид. наук Г. Л. Бондаревского и канд. юрид. наук Г. Н. Колбая. М.: НОРМА, 1998. 672 с.
11. Ибрагимова З. Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2006. 756 с.
12. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 224 с.
13. Кануков И. Горцы-переселенцы // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1876. Вып. IX. С. 84–112.
14. Кипкеева З. Б. Карачаево-балкарская диаспора в Турции. Ставрополь: СГУ, 2000. 184 с.
15. Кудяева С. Г., Хут Л. Р. Адыгские махаджиры на Балканах // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп: Адыгея, 1991. Вып. VIII. С. 187–209.
16. Кундухов М. Мемуары. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2013. 92 с.
17. Магомеддадаев А. М. К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю // Эмиграция северокавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – начало XX в.). Сборник статей. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, 2000. С. 62–78.
18. Максимов Евг. Чеченцы // Терский сборник приложение к Терскому календарю на 1894 г. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1893. Вып. III. Кн. II. С. 3–100.
19. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4729.
20. Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтничной среде. Тула: Гриф и К, 2008. 480 с.
21. Силаев Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2002. 240 с.
22. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 8. Д. 27.
23. Чекменёв С. А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. Материалы Всесоюзной научно-практической конференции 24–26 октября 1990 г. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 181–191.

References

1. Akty, sobrannyye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (*Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission*). Tiflis, 1904. Vol.12. 1552 p.
2. Autlev P. U. Ob osnovnoj prichine mahadzhirstva adygov v XIX veke (*On the main reason of the Adygs' muhadjirism in the XIX century*) // Cherkesija v XIX veke (materialy I Koshehabl'skogo foruma «Istorija – dostojanie naroda»). Majkop, 1991. P. 216–254.
3. Arhivnye materialy o Kavkazskoj vojne i vyselenii cherkesov (adygov) v Turciju (1848–1874) (*Archival materials on the Caucasian War and eviction of Circassians (Adygs) to Turkey (1848–1874)*). Part.2. Nal'chik: Jel'-Fa, 2003. 414 p.
4. Berzhe A. P. Vyselenie gorcev s Kavkaza (*Eviction of Highlanders from the Caucasus*) // Russkaja starina. 1882. No. 1. P. 161–176; 1882. No. 2. P. 337–363.
5. State Archives of Krasnodar Region (GAKK). F. 454. Inv. 1. D. 215.

6. GAKK. F. 454. Inv. 1. D. 215.
7. GAKK. F. 774. Inv. 1. D. 222.
8. Dzhumagulova A. T. Nogajcy Severnogo Kavkaza, Kryma i Severnogo Prichernomor'ja v social'no-politicheskikh i jekonomicheskikh kollizijah XVIII – 60-h gg. XIX vv. (*The Nogays of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea Region in the socio-political and economic collisions of the XVIII – 60s of XIX centuries*): abstract of thesis. Vladikavkaz, 2015. 26 p.
9. Dzidzarija G. A. Mahadzirstvo i problemy istorii Abhazii XIX stoletija (*Mukhajirism and the problems of the history of Abkhazia of the XIX century*). Suhumi: Alashara, 1982. 530 p.
10. Dokumental'naja istorija obrazovanija mnogonacional'nogo gosudarstva Rossijskogo (*Documentary history of the formation of the Russian multinational state*). In 4 books. Book 1. Rossiya i Severnyj Kavkaz v XVI–XIX vekah (*Russia and the North Caucasus in the XVI–XIX centuries*) / ed by G. L. Bondarevskii, G. N. Kolbai. Moscow: INORMA, 1998. 672 p.
11. Ibragimova Z. H. Chechenskij narod v Rossijskoj imperii: adaptacionnyj period (*The Chechen people in the Russian Empire: the adaptation period*). Moscow: PROBEL-2000, 2006. 756 p.
12. Kabuzan V. M. Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah. JETnostatisticheskoe issledovanie (*The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Ethnographic research*). St. Petersburg: Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC, 1996. 224 p.
13. Kanukov I. Gorcy-pereselency (*Mountaineers-settlers*) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (*Collection of information about the Caucasian mountaineers*). Tiflis, 1876. Issue IX. P. 84–112.
14. Kipkeeva Z. B. Karachaevsko-balkarskaja diaspora v Turcii (*Karachay-Balkar Diaspora in Turkey*). Stavropol': SSU publ., 2000. 184 p.
15. Kudaeva S. G., Hut L. R. Adygskie mahadziry na Balkanah (*Adighe mahajirs in the Balkans*) // Kul'tura i byt adygov (jetrograficheskie issledovanija) (*Culture and life of Adygs (ethnographic studies)*). 1991. Issue. VIII. P. 187–209.
16. Kunduhov M. Memuary (*Memoirs*). Vladikavkaz: V. Gassiev's printing office, 2013. 92 p.
17. Magomedadaev A. M. K istorii jemigracii dagestancev v Osmanskuju imperiju (*History of emigration of Dagestanis to the Ottoman Empire*) // Jemigracija severokavkazskih narodov v Osmanskuju imperiju (vtoraja polovina XIX – nach. XX v.). Sbornik statej. (*Emigration of North Caucasus peoples to the Ottoman Empire (second half of the XIX – early XX century). Digest of articles*). Mahachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of RAS, 2000. P. 62–78.
18. Maksimov Evg. Chechency (*The Chechens*) // Terskij sbornik prilozhenie k Terskomu kalendarju na 1894 g. (*Tersky collection annex to the Terek calendar for 1894*). Vladikavkaz: Printing house of the Terskago Regional Board, 1893. Issue. III. Book.II. P. 3–100.
19. Russian State Military Historical Archive. F.400. Inv.1. D.4729.
20. Russkie v Evrazii XVII–XIX vv. Migracii i sociokul'turnaja adaptacija v inojetnichnoj srede (*Russians in Eurasia XVII – XIX centuries. Migration and socio-cultural adaptation in an alien environment*). Tula: Grif i K, 2008. 480 p.
21. Silaev N. Ju. Severnyj Kavkaz v sostave Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: demograficheskie, jekonomicheskie, administrativno-pravovye aspekty integracii (*North Caucasus as part of Russia in the second half of the XIX century: demographic, economic, administrative and legal aspects of integration*): thesis. Moscow: MSU publ., 240 p.
22. Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania. F. 12. Inv. 8. D. 27.
23. Chekmenjov S. A. Iz istorii pereselenija gorcev v Turciju (*From the history of of mountain people migration to Turkey*) // Nacional'no-osvoboditel'naja bor'ba narodov Severnogo Kavkaza i problemy muhadzirstva. Materialy Vsesojuznoj nauchno-prakticheskoi konferencii 24–26 oktjabrja 1990 g. (*National liberation struggle of the peoples of the North Caucasus and the problem of muhajirism. Materials of the All-Union Scientific and Practical Conference on October 24–26, 1990*). Nal'chik: Jel'brus, 1994. P. 181–191.

УДК 94(470).

Н. А. Казарова

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. О. ШАХАЗИЗА НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ*

В статье рассматривается нахичеванский период преподавательской, научной и общественно-политической деятельности армянского просветителя Е. О. Шахазиза. В течение сорока лет он вел преподавательскую работу в ряде учебных заведений города, был членом различных благотворительных обществ, гласным городской думы,

а также организатором первого городского музея. Именно в Нахичевани он написал ряд важных научных работ по истории и этнографии донских армян.

Ключевые слова: просветитель, Нахичевань-на-Дону, училище, воспитание, Нахичеванская духовная семинария, общественная деятельность.

N. A. Kazarova

EDUCATIONAL, SCIENTIFIC AND SOCIAL ACTIVITY OF E. O. SHAHAZIZ IN NAKHICHEVAN-ON-DON

The article studies the Nakhichevan period of educational, scientific and socio-political activity of the Armenian scholar Y. Shahaziz. He had been teaching in numerous educational institutions of the city for forty years. He was a member of different charitable organizations, ostensible member of the City Council and the organizer of the first city museum. It was in

Nakhichevan, where he wrote a number of important scientific works on the history and ethnography of the Don Armenians.

Key words: scholar, Nakhichevan-on-Don, school, education, Nakhichevan ecclesiastical seminary, social activity.

В истории каждого народа появляются люди, уверенные в том, что распространение образования поможет их народу выйти из мрака невежества, сформировать определённые нравственные принципы и идеалы. Этим людям принято называть просветителями. К числу таких просветителей с полным основанием можно отнести педагога, ученого и общественного деятеля Ерванда Овагемовича Шахазиза, деятельность которого так и не стала предметом специальных исследований.

Е. О. Шахазиз прожил долгую жизнь – 96 лет, сорок из которых он отдал преподавательской, научной и общественной деятельности в Нахичевани-на-Дону. О его жизни до приезда в Нахичевань-на-Дону известно немного. Он родился 1 января 1856 г. в г. Александрополе в семье секретаря духовного суда местной консистории. Ему едва исполнилось полтора года, когда в 1857 г. его отец был переведен на ту же должность в Ереван, где через восемь месяцев скончался, оставив свою семью практически без средств к существованию. Заботы о воспитании ребенка легли на плечи матери Эрикназ и бабушки по материнской линии Варде-ханум.

В Ереване у них был маленький дом с садом, где прошли десять лет жизни ребенка. Именно мать и бабушка научили его грамоте, заложили в нем основы гуманизма и нравственности, внушили любовь к национальным святыням [1, с. 18].

В 1868 г. Е. Шахазиз начал учиться в ереванской провинциальной школе, где учителями были некий Шагум и вардапет Карапет, который преподавал родной язык и религию. Но не прошло и двух лет, как стараниями дяди, известного поэта Смбата Шахазиза, в 1870 г. Ерванд стал воспитанником интерната Лазаревского института в Москве. Школьный курс юноша окончил в 1879 году, а высший (т. н. лицейные классы) – в 1882 г. Его учителями были М. Мсерянц, А. Суренянц, арменовед М. Эмин, известный русский ученый А. Веселовский, востоковед Ф. Корш и другие. Все качества будущего просветителя, мыслителя и ученого были сформированы в Шахазизе средой училища, влиянием упомянутых ученых и других учителей.

Помимо училища, в его духовном воспитании юноши большую роль сыграл его дядя, в доме которого Ерванд бывал почти каждый

* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 16-01-00319

день и получал возможность общаться с известными деятелями культуры и представителями армянской диаспоры Москвы. Глубокий след в его жизни оставили встречи со Степаном Назарянцем [1, с. 19].

После окончания Лазаревского института Е. Шахазиз планировал вернуться на родину и заняться там преподавательской деятельностью, однако жизнь распорядилась иначе: ввиду отсутствия вакансий он был вынужден принять приглашение А. Бахатряна, известного педагога и директора приходской школы Нахичевани-на-Дону, и на долгих сорок лет связать свою судьбу с этим далеким от его родины местом компактного поселения армян.

Проблема просвещения и образования в Нахичевани-на-Дону в этой крупнейшей армянской колонии в России всегда стояла очень остро. Дело осложнялось тем, что на Дону вплоть до начала XX в. отсутствовали какие-либо высшие учебные заведения, и это в значительной степени препятствовало формированию местной армянской интеллигенции. Да и в самой Нахичевани остро ощущалась нехватка грамотных учителей.

В течение 22 лет Е. Шахазиз был рядовым учителем, преподавал латынь и древнеармянский, армянский язык и историю армянской литературы, потом на протяжении 3 лет избирался помощником управляющего школы (видимо, заместителем директора), но параллельно продолжая вести уроки. Венцом его педагогической деятельности стало избрание его в 1906 г. ректором Нахичеванской духовной семинарии. Находясь на этом посту и прекрасно понимая, что необходимо обеспечить её выпускникам возможность поступления в другие высшие учебные заведения, Е. Шахазиз начал ходатайствовать перед ректорами московского и харьковского университетов о приеме без экзаменов в названные университеты тех молодых людей, которые окончили курс нахичеванской духовной семинарии. Программа, по которой велось в ней обучение, вполне соответствовала программам средних учебных заведений [7].

В течение длительного времени без всякой оплаты, в качестве патриотического долга и веления души, Е. Шахазиз преподавал армянский язык в школе Рипсимэ для девочек Нахичевани. Обучая нахичеванских детей, он активно воспитывал в них любовь к своей исторической Родине – Армении. Он считал, что нахичеванские дети должны не понаслышке знать историю своей Родины и хотя бы один раз обязательно посетить Армению. Он обращался в церковное попечительство с просьбой

изыскать средства для организации поездки его воспитанников на историческую Родину. Необходимость подобных поездок он обосновывал так: «Замечено, что ученики моей школы, рождённые и выпестованные на чужбине, вдали от родины, абстрактным считают то, чему их учили, и не могут хорошо запечатлеть в своих сердцах самые важные и существенные сведения, касающиеся Родины-матери. Чтобы предоставить возможность им самим увидеть всё своими глазами, до всего прикоснуться самим, давно зародилась мысль периодически организовывать поездки учащихся на родину, в священные места её, но из-за недостатка средств эта хорошая и полезная задумка не осуществилась» [3, с. 320]. Его усилия в конце концов увенчались успехом: в 1909 г. группа учащихся из епархиального училища посетила Восточную Армению.

Преподавательскую работу Е. Шахазиз активно сочетал и с научной. Нахичеванский период его деятельности стал в этом отношении наиболее плодотворным. Пользуясь тем, что в то время ещё были живы очевидцы многих важнейших событий истории донских армян, а также используя свободный доступ к документам Нахичеванского магистрата и другим письменным источникам (многие из которых, к сожалению, в настоящее время навсегда утрачены), он приступил к написанию ряда своих важнейших работ.

Оговоримся сразу: на страницах одной небольшой статьи едва ли возможно дать всесторонний анализ деятельности ученого, поэтому ограничимся лишь общими замечаниями. Более сорока лет продолжалась плодотворная педагогическая деятельность Е. О. Шахазиза. Поэтому вполне понятно его желание как обобщить свой педагогический опыт, так и рассмотреть существовавший до него опыт развития армянской школы. С этой целью им была написана на армянском языке небольшая, но очень важная работа «История учебного дела Новой Нахичевани». Это была вообще одна из первых печатных работ Е. О. Шахазиза. Отметим, что в настоящей статье данная работа впервые вводится в научный оборот в русском переводе. Сам автор, за редким исключением, не ссылается ни на какие письменные источники. В основу работы легли личные воспоминания и рассуждения автора, а также, по всей вероятности, устные рассказы ещё живших во время написания работы очевидцев более ранних событий. Больше всего от Е. О. Шахазиза досталось «полуграмотным дьячкам» Нахичевани, которые, по его мнению, не имели морального

права учить детей горожан. Эту мысль автор проводит не только в указанной работе, но и ряде других трудов: «Церковнослужители Нахичевани были безграмотными и тупыми. Когда в 1845 г. Нахичевань посетил патриарх Нерсес, среди соответствующих занимаемой должности он признал только священника Тер-Габриэла (Патканяна) и дьякона Налбандяна. Многие священники не могли даже прочитать написанные их же руками тексты. Нерсес заставил их всех пройти обучение грамматике у учителя, который имел специальное образование» [9, с. 15]. Просветительская работа – вот то, что, по мнению Е. О. Шахазиза, должно предотвратить нравственное разложение. С этой целью необходимо не только открытие новых школ и училищ, но и упорядочение их работы.

Книга Е. Шахазиза «Исторические зарисовки» лишена какого-то системного изложения [11]. Это своего рода сборник различных сведений из истории донских армян конца XVIII – начала XX вв. В качестве одного из источников автор указывает свою же рукопись под названием «История основания и управления Новой Нахичевани». Главное место в данной работе занимает как раз анализ деятельности органов управления города, в частности Магистрата, который существовал до введения Городового положения 1870 г. Магистрат, избираемый всеми слоями населения, по словам автора, ведал всеми делами армянской общины. При выборах в Магистрат безусловное предпочтение отдавалось людям имущим, дабы они, не нанося вреда своему экономическому и материальному положению, были преданы общественным делам. Значительное место в работе отводится также процессу судопроизводства, осуществляемому у крымских армян после переселения их на Дон.

Однако наибольшей известностью пользуется его работа «Новый Нахичеван и новонахичеванцы» – единственная переведенная на русский язык. Нельзя не обратить внимание прежде всего на широту использованной в ней источниковой базы. Значительное место в ней занимают рукописные источники, среди которых автор работы называет рукописную тетрадь Иосифа Аргутинского, т. н. Четью Миною (Айсмавурк), устные рассказы и семейные хроники, хранящиеся в некоторых армянских семьях. Не были проигнорированы и опубликованные источники, среди которых можно назвать капитальное трёхтомное издание Н. Дубровина «Присоединение Крыма к России», «Универсальное описание Крыма» Н. Кондораки, уникальные работы К. Кушнарьяна «Пе-

реселение армян из Крыма» и «Путешествие в Польшу» М. Бжишкяна [10, с. 11]. Несмотря на то, что сам Е. Шахазиз в качестве источника не называет «Историю Новой Нахичевани» Г. Патканяна, но по тексту видно, что некоторые сведения были заимствованы и из неё. В работе рассматриваются такие ключевые вопросы, как пребывание армян в Крыму, перипетии, связанные с их переселением на Дон, но самая важная часть работы – этнографическая. Здесь в центре внимания автора быт и повседневность армянского населения Дона, свадебные обряды, праздники, пища и напитки, одежда городского и сельского армянского населения. По сути, это первое и пока единственное исследование на эту тему.

Просветительская деятельность Е. Шахазиза не ограничивается только преподавательской работой. В начале XX в. вместе с другими известными деятелями армянской общины Р. И. Берберяном, Р. И. Мелик-Вартановым и Г. Джалаухяном – членами городской управы – он начал издавать еженедельник «Гамайнк» («Община»), в котором вместе с тем же Р. И. Берберяном являлся ответственным редактором.

Ерванд Овагемович был горячим патриотом. В годы геноцида он вместе Р. Берберовым, Г. Чалхушьяном и Г. Чубаровым создал Армянский комитет солидарности с Западной Арменией. В 1915 г. в числе шести представителей Нахичевани-на-Дону Е. Шахазиз был командирован в Тифлис с отчётом о собранных пожертвованиях и для участия в выборах Центрального бюро [2, с. 5].

Свидетельством высокого авторитета в нахичеванском обществе было избрание Е. Шахазиза гласным Городской Думы на 1913–1917 гг. По традиции в гласных Думы всегда оказывалась узкая группа лиц – коренных нахичеванцев из зажиточных семей, поэтому избрание в депутаты «пришлого» армянина было делом редким и неординарным. Можно с большой долей уверенности предположить, что в Думе Е. Шахазиз занялся всегда актуальными для Нахичевани вопросами образования.

Исследовательская натура Ерванда Овагемовича наглядно проявилась в стремлении систематизировать, исследовать и сохранить для потомков все древние памятники культуры донских армян. Это стремление нашло своё выражение в попытках создания музея истории Нахичевани-на-Дону.

Впервые Е. О. Шахазиз поднял вопрос о создании музея в 1907 г. Он предлагал создать музей историко-археологического содержания и сосредоточить в нём привезённые из Крыма

и находящиеся под угрозой исчезновения ценные вещи. Но стало ясно, что для музея нужно особое помещение, а решить вопрос с помещением в короткий срок не удастся.

В фондах Государственного архива Ростовской области сохранился один интереснейший документ, проливающий свет на создание музея. 21 февраля 1909 г. ректор Нахичеванской-на-Дону духовной семинарии Е. О. Шахазиз обратился к городскому голове с официальным письмом следующего содержания: «Администрацией Нахичеванской-на-Дону Духовной семинарии открыт при семинарии музей древностей. В музее будут храниться древности, относящиеся к прошлому разных народов, преимущественно же древности армянские. Последних же, по свидетельству местных жителей, довольно много. Они привезены сюда из Тавриды предками нахичеванцев в последней трети XVIII столетия. Если же вспомнить, что переселившиеся в Нахичевань с Таврического полуострова армяне – не исконные жители Крыма, а потомки армян-пришельцев из г. Ани и его окрестностей, то можно сказать с некоторою уверенностью, что многие из имеющих в нашем городе древностей восходят к более отдалённому, чем указанный, периоду жизни армянского народа, именно ко времени процветания г.Ани в царстве Багратидов в X–XI вв. Изучение этих древностей пролило бы свет на многие тёмные стороны не только арменоведения, но и исторической науки вообще. К сожалению, они находятся в руках лиц, для которых не представляют никакого интереса и обречены на гибель. Желание охранить упомянутые выше древности от гибели, сберечь для науки и побудило администрацию к открытию музея. Собранные в одном месте они дадут возможность лицам, посвятившим себя науке, пользоваться богатыми материалами для своих трудов» [4, л. 1]. И далее Е. О. Шахазиз просит Городскую Думу передать в дар музею хранящийся в Управе Армянский Судебник, грамоты и привилегии, дарованные армянскому народу и вообще все те из магистратских дел и других вещественных памятников, которые касались прошлой жизни армян. Для более надёжного сбережения переданных памятников он просил также Думу заказать надёжный шкаф.

Городская Управа, рассмотрев заявление ректора семинарии, пришла к заключению, что в «ведение семинарии можно передать лишь те древности, которые имеют только археологическое значение. Что же касается актов и документов, удостоверяющих права владения города

в имущественном отношении и поэтому имеющие юридическое значение (грамота, межевые книги), то таковые, по мнению Управы, не могут быть переданы в другое ведомство» [4, л. 2].

Городская Дума на своём заседании 14 марта 1909 г. постановила принять заключение Управы и переданные в музей предметы хранить в особом шкафу под названием «городской». Соответствующий ответ был направлен и ректору семинарии Е. О. Шахазизу [4, л. 3].

Попытки создать армянский музей в Нахичевани были сделаны в 1921 г., уже после установления на Дону Советской власти. М. С. Сарьян в своих воспоминаниях пишет, что именно он взялся за организацию музея и привлёк к этому делу Е. О. Шахазиза [8, с. 214]. Но эти воспоминания были написаны уже после смерти Е. О. Шахазиза, и поэтому трудно сказать, кому именно принадлежала идея организации музея уже при новой власти.

Активной общественной деятельностью в Нахичевани-на-Дону занималась и супруга Е. О. Шахазиза Егине, которая преподавала рукоделие в Гоговском женском училище и была членом Армянского женского общества пособий бедным [5, с. 115].

В 1920-е гг. в жизни Е. Шахазиза произошли крутые перемены. В 1921 г. в Ереване был основан Культурно-исторический музей Армении, состоявший из отделов изобразительного искусства, революции, историко-литературного и этнографического. В этот период молодая Армянская Республика остро нуждалась в деятелях культуры, и целая группа представителей Нахичевани-на-Дону получила приглашение на работу в Ереван [6]. В их числе оказались М. Сарьян, Р. Ачарян, Е. Шахазиз и другие. Инициатива исходила от председателя Совнаркома Армении А. Мясникяна (Мясникова), имевшего нахичеванские корни. Литературный отдел главного музея Армении было предложено возглавить Е. О. Шахазизу. Это приглашение было им с энтузиазмом принято. Интересно отметить, что Ерванд Овагемович решил на переезд в возрасте 66 лет. Он переехал в Советскую Армению не с пустыми руками: вывез из Нахичевани богатейший архив, в состав которого вошли фонды М. Налбандяна, Р. Патканяна и Новонахичеванского магистрата, насчитывающий более 5 000 ценнейших документов. Ныне эти документы составили основу фонда Национального архива Армении [5, с. 113].

К этому факту можно отнестись двояко. С одной стороны, в наступивший после окончания гражданской войны и прихода к власти большевиков период «строительства социа-

лизма» и начала создания единой исторической общности – «советского народа» существовала реальная опасность утраты архива, и его вывоз в тех условиях можно расценивать как его спасение для будущих поколений. С другой стороны, местные исследователи истории донских армян фактически лишились возможности изучать эти документы.

Как учитель Е. О. Шахазиз отдавал все силы воспитанию и образованию армянского юношества. Многие его ученики, такие, например, как А. К. Дживелегов, ставшие впоследствии известными учёными, сохранили чувство глубокой признательности своему учителю. Многие поколения нахичеванцев обязаны ему своими глубокими знаниями, а также воспитанным в них чувстве патриотизма и гордости за свой народ.

Через все творчество и практическую деятельность Е. О. Шахазиза проходит идея со-

хранения во имя будущих поколений самобытной армянской культуры. С тревогой и болью он пишет о разрушающихся памятниках, об утраченных рукописях, об исчезающих старинных обычаях. И он отдавал все силы, чтобы всё это сохранить для потомков.

До глубокой старости он сохранял живой и ясный ум. Жизнь и деятельность Е. О. Шахазиза – пример истинного служения своей Родине и своему народу.

Кем же был на самом деле Е. О. Шахазиз? Историком, этнографом, педагогом, краеведом, филологом или даже археологом? Думается, всех этих областей деятельности он коснулся в равной мере. Но главное – он был просветителем, ибо прежде всего заботился о просвещении своего народа. Хотелось бы надеяться, что его жизнь и творчество станут предметом дальнейших исследований учёных.

Литература и источники

1. Акопян П. О. Жизнь и труды Ерванда Шахазиза // Историко-филологический журнал. 1981. № 2. С. 17–36 (на арм. яз.).
2. Армянский комитет Нахичевани-на-Дону. Отчёт за 1915 г. Нахичевань-на-Дону: [б.и.], 1916. 15 с.
3. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779–1917. Ереван: Айастан, 1996. 240 с.
4. Государственный архив Ростовской области. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1450.
5. Казаров С. С. Просветитель Нор-Нахичевани // Донской временник. Год 1996. Ростов-на-Дону: [б.и.], 1995. С. 112–116.
6. Наирьян Х. Наш историк // Заря коммунизма. 1989. 1 июля.
7. Приазовский край. 1906. 25 апреля.
8. Сарьян М. С. Из моей жизни. Воспоминания. М.: Изобразительное искусство, 1985. 303 с.
9. Шахазиз Е. История учебного дела Новой Нахичевани. Тифлис: [б.и.], 1892. 62 с. (на арм. яз.).
10. Шахазиз Е. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана / пер. с армян. Ш. Шагиняна. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2005. 240 с.
11. Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис: [б.и.], 1903. 239 с. (на армян. яз.).

References

1. Akopyan P. O. Zisn` i trudi Ervanda Shachaziza (*Life and works of Yervand Shahaziz*) // Istorico-filologicheskij zurnal. 1981. No. 2. P. 17–36. (In Armenian).
2. Armiyanskii komitet Nahichevani-na-Donu. Otchet za 1916 g. (*The Armenian Committee of Nakhichevan-on-Don. The report of 1916*). Nakhichevan-on-Don, 1916. 15 p.
3. Barchudariyan V. B. Istoriya armyanskoi kolonii Novaya Nakhichevan. 1777–1917 (*The history of the Armenian colony of New Nakhichevan. 1779–1917*). Erevan: Aiastan, 1996. 240 p.
4. State archive of Rostov region (GARO). F.91. Inv.2. D.1450.
5. Kazarov S. S. Prosvetitel' Nor-Nahichevani (*Nor Nakhichevan – the Enlightener*) // Donsko` Vremennik. 1996. Rostov-on-Don, 1995. P. 112–116.
6. Nair`yan H. Nash istorik (*Our historian*) // Zarya kommunizma. 1989. July 1.
7. Priazovskii Krai. 1906. April 25.
8. Sariyan M. S. Iz moei zhizni. Vospominaniya (*From my life. Memories*). M.: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1985.303 p.
9. Shakhaziz E. Istoriya uchebnogo dela Novo` Nakhichevani (*The history of the educational work of Novaya Nakhichevan*). Tiflis, 1892. 62 p. (In Armenian).
10. Shakhaziz E. Novy Nakhichevan i novonakhichevantsy. Monastyr' Surb Khach Novogo Nakhichevana (*Shahaziz H. New Nakhichevan and novonahichevancy. Monastery Surb Khach of New Nakhichevan*) / translated by Sh.Shaginyan. Rostov-on-Don: Kniga, 2005.240 p.
11. Shakhaziz E. Istoricheskie zarisovki. (*Historical sketches*) Tiflis, 1903. 239 p. (In Armenian).

УДК 94(470.63):343.43

А. В. Карташев

РЕПРЕССИИ В ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОМ КРАЕВОМ СОВЕТЕ ОСОАВИАХИМА В 1937 ГОДУ

В статье на основе архивных источников и периодической печати анализируются и обобщаются факты применения в 1937 г. репрессивных мер в отношении сотрудников Орджоникидзевского краевого совета Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству, выявляется их связь с «делом» маршала М. Н. Тухачевского и репрессиями в среде высшего команд-

ного состава Красной Армии, показываются суть предъявленных обвинений и степень реальной виновности главных должностных лиц, прослеживается влияние политики репрессий на результаты деятельности краевой оборонной организации.

Ключевые слова: политические репрессии, Ставрополье, Осоавиахим, Красная армия, «враги народа», «чистка», реабилитация, ДОСААФ.

A. V. Kartashev

REPRESSIONS IN THE ORDZHONIKIDZEVSKY REGIONAL COUNCIL OF OSOAVIACHIM IN 1937

The article studies the facts of repressive measures against the employees of the Ordzhonikidzev regional council of the Society for Assistance to Defense, Aviation and Chemical Construction in 1937 and analyses their correlation with the case of Marshal M. Tukhachevsky on the basis of archival sources and periodicals. The repressions among the high commanders of the Red Army, the essence of the

charges brought and the degree of real guilt of the main officials are shown. The influence of repression policy on the results of the activities of the regional defense organization is traced.

Key words: political repression, Stavropol region, Osoaviakhim, the Red Army, "enemies of the people", "political purge", rehabilitation, Russian Army, Air Force and Navy Volunteer Society.

Исследование проблемы политических репрессий в СССР имеет важное социальное значение. Касаясь ее, мы отдаем дань памяти жертв сталинского режима, подчеркивая необоснованность предъявленных им обвинений или несоответствие характера содеянного степени тяжести наказания. Это одновременно и обвинительный процесс против Сталина и его ближайших помощников, это также и акт гражданского самопокаяния народа, допустившего подобное насилие над своими соотечественниками, – урок обществу на будущее.

Политические репрессии в СССР – тема, открывшаяся перед отечественными историками на заключительном этапе трансформации советского общества. О становлении «сталинизма» и его последствиях писал Р. А. Медведев в работе «О Сталине и сталинизме» [22]. Личность главного виновника репрессий рассматривал Д. А. Волкогонов в своей двухтомной работе «Сталин. Политический портрет» [7]. Этой теме были посвящены исследования В. З. Роговина «1937» и «Партия расстрелянных» [24, 25]. Тему политических репрессий на

региональном уровне развивали в своих работах В. Н. Уйманов, А. А. Макаров, В. В. Ларькин [29, 21, 20] и другие историки.

В Ставропольском крае была проведена большая работа по увековечению памяти жертв политических репрессий, результатом которой стало издание многотомной «Книги памяти жертв политических репрессий Ставропольского края». В ней опубликованы списки репрессированных по городам и районам края. В четвертом томе составители отдельно остановились на сотрудниках краевой прокуратуры, которые попали в застенки НКВД, в шестом – помещен материал о реабилитированных лицах немецкой национальности, кулаках, высланных на спецпоселение [16]. Однако на этом систематизация информации заканчивается. По «Книге памяти» сложно проследить, какие еще «дела» проходили на территории Ставропольского края, и уж тем более в ней нет оценок каждому из них. Одной из массовых форм проявления политики репрессий на Ставрополье стали аресты и физическое уничтожение сотрудников краевого оборон-

ного общества «Осоавиахим», которое стало продолжением на Ставрополье «дела маршала Тухачевского». Целью настоящей статьи является выявление связи этих двух процессов, изучение сути предъявленных обвинений и степени реальной виновности сотрудников краевого аппарата Осоавиахима, а также показ последствий политики репрессий в результатах деятельности краевой оборонной организации.

Отправной точкой данного исследования стала статья в газете «Орджоникидзевская правда» за 10 октября 1937 г., которая рассказывала о ходе краевой конференции Осоавиахима, проходившей в Ворошиловске 7 октября 1937 г. С докладом о работе краевого совета Осоавиахима на конференции выступил Г. П. Елкин, временно исполнявший обязанности председателя совета.

Из текста статьи следовало, что «... в краевом совете Осоавиахима долгое время орудовал враг народа, подручный Эйдемана, фашистский шпион Пухальский. Он и его сообщники Поплавский, Виноградов, Логачев и др. старались развалить оборонную работу в крае». В качестве обвинений на конференции звучал тезис о том, что в краевом и ряде районных советов Осоавиахима попирались элементарные принципы демократии, руководящие работники снимались и назначались приказами, а не избирались. Годами не созывались пленумы, руководители не отчитывались перед членами Общества. Молодые, энергичные активисты всячески затирались, зато аппарат засорился «попами, белогвардейцами, жуликами». Эти кадры, выполняя задание Пухальского, срывали работу по подготовке ворошиловских стрелков и значкистов ПВХО, расхищали имущество.

Далее сообщалось, что бывший работник краевого Осоавиахима Виноградов вместе с секретарем крайкома комсомола развалили в крае спортивную авиацию. В Пятигорском аэроклубе действовали их «пособники» Мийченко, Скородумов, Борисов и Мамед Заи, которые «всячески культивировали аварийность». Пухальским, Логачевым и Поплавским были «разбазарены» 20 тыс. руб. на банкеты, парадные формы и ненужные командировки и десятки тысяч рублей – на переезд краевого совета Общества из Пятигорска в Ворошиловск. В еще более тяжелом финансовом состоянии, по словам докладчика, находился отдел снабжения краевого совета Осоавиахима, который возглавлялся «врагом Подлисевицем». В развале оборонной работы в Карачаевской автономной области был обвинен бывший председатель облсовета Осоавиахима Боташев [19, с. 2].

Та же информация с обличительными словами в адрес председателя краевого совета Общества Пухальского и председателя ревизионной комиссии Кургузова (также арестованного) содержалась в отчетном докладе на II краевой партийной конференции [27, с. 81–83].

В газете «Орджоникидзевская правда» за 10 октября 1937 г. сообщалось, что враги народа, подрывавшие оборонную работу, были выявлены в Моздоке, Невинномысске, Ессентуках, Евдокимовском и национальных областях Карачае и Черкессии [5, с. 1].

Есть возможность подробней рассказать о человеке, который выдвигал обвинения в адрес бывшего руководства Осоавиахима края с трибуны краевой конференции оборонного общества. Григорий Платонович Елкин (1900–1941) – уроженец Кировской области, из рабочих, член ВКП(б) с 1918 г. Имел высшее образование. С 1915 по 1918 г. работал на заводе в городе Златоуст. В 1919–1920 гг. – председатель уездного комитета КСМ города Уржум, 1920–1921 – секретарь губернского комитета КСМ в городе Вятке. В 1921 г. Г. П. Елкин назначен заведующим политико-просветительским отделом и секретарем окружного комитета КСМ в городе Ростове-на-Дону. В 1925–1926 гг. работал секретарем Аксайского райкома ВКП(б). В 1926–1927 гг. учился на курсах уездных парторганизаторов в Москве и после учебы был назначен на должность секретаря Батайского райкома ВКП(б). С 1928 по 1929 г. был заместителем председателя Донсовпрофа (Ростов-на-Дону), с 1929 по 1930 – секретарем Ленинского райкома ВКП(б) (Таганрог), 1930–1931 – заведующим орготделом Андреевского РК (Ростов-на-Дону). После окончания двухгодичных курсов Института подготовки кадров в городе Москве в течение года работал инструктором орготдела ЦК ВКП(б). В 1934 г. был направлен на работу секретарем Кисловодского горкома партии, в том же году был назначен заведующим культпромом Чечено-Ингушского обкома партии. С 1936 по 1937 г. исполнял обязанности инструктора Орджоникидзевского крайкома ВКП(б), с 1937 по 1939 был заместителем председателя Орджоникидзевского краевого совета Осоавиахима. В феврале 1939 г. стал директором Орджоникидзевской краевой политико-просветительской школы в городе Пятигорске [14, л. 12-12об.]. В начале Великой Отечественной войны Пятигорским горвоенкоматом был призван в ряды Красной Армии, пропал без вести в декабре 1941 г. [17].

Как видно, Г. П. Елкин не имел специальной военной подготовки и не обладал военным

опытом. Он работал исключительно на руководящих должностях в комсомоле и партии. Эта деятельность не была напрямую связана с вопросами оборонного характера, тем не менее в 1937 г. после ареста руководящих работников Осоавиахима края он был переведен из крайкома ВКП(б) на должность заместителя председателя краевого совета Общества и выступил на конференции в роли «рупора» партии.

Упоминание о связи арестованных с председателем Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдемано, проходившим по «делу маршала Тухачевского», свидетельствовало о причастности сотрудников краевого Осоавиахима к «военно-фашистскому заговору», якобы созревшему в высших органах управления Красной Армии.

Комкор Роберт Петрович Эйдеман был арестован 22 мая 1937 г. во время работы Московской партийной конференции. После применения к нему мер физического воздействия он признался в участии в военно-фашистском заговоре. 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР он был приговорен к смертной казни и расстрелян 12 июня 1937 г. вместе с Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими военачальниками. В 1957 г. реабилитирован. После ареста Р. П. Эйдемана в застенки НКВД попал еще ряд работников центрального аппарата общества, а также руководители отдельных региональных организаций.

В архиве Управления ФСБ по Ставропольскому краю хранятся материалы уголовного дела по обвинению Ю. М. Пухальского-Назарова по статье 58 УК РСФСР, которые подтверждают прямую связь этого дела с арестом Р. П. Эйдемана. Согласно протоколу допроса, отвечая на вопрос «Кем, когда и где Вы завербованы в организацию», Пухальский-Назаров ответил, что был завербован председателем Центрального совета Осоавиахима Робертом Петровичем Эйдемано в середине марта 1936 года в Москве в его служебном кабинете, при отбытии к месту нового назначения – на Северный Кавказ председателем совета Осоавиахима Северо-Кавказского края. Со слов подследственного, Эйдеман дал ему поручение подобрать и расставить «своих надежных людей» на ответственные участки работы; не спешить с переучетом и обменом членских билетов Осоавиахима; вести работу по ослаблению авиационно-массовой работы за счет увеличения объема подготовки пилотов и инструкторов-летчиков, в ущерб подготовке планеристов, авиамodelистов, парашютистов,

авиатехников; проводить допризывную вневоинскую подготовку в высокогорных районах на учебных пунктах, куда ввоз оружия не разрешен из-за действия бандитских шаек. Как отметил сам обвиняемый, ни одна из установок вредительского порядка полностью в жизнь проведена не была по независящим от него причинам [3, л. 16–18]. Тем самым арестованный подчеркивал, что своей «подрывной» деятельностью он не принес ущерба государству.

Оценивая суть установок, которые получил председатель краевого совета Общества в кабинете московского начальника, можно констатировать, что, на первый взгляд, Ю. М. Пухальский-Назаров выбрал наиболее легкий для себя вариант поведения на следствии: сознаться в заговоре, сведя к минимуму степень своей вины. Все «установки» сейчас можно интерпретировать как обычное напутствие бывалого начальника вновь назначенному руководителю более низкого звена: подобрать своих людей; не спешить с тем, что может подождать; готовить в первую очередь тех специалистов, которые прежде всего понадобятся на фронте; готовиться к обороне в горной местности. Учитывая опыт Великой Отечественной войны, можно сделать вывод, что Р. П. Эйдеман давал свои установки вполне обоснованно, со знанием дела, и никаких следов «заговора» в его словах в наши дни не просматривается.

Тактика защиты, избранная бывшим председателем краевого совета Осоавиахима, вызывает интерес к его личности. Юрий Михайлович Пухальский-Назаров – русский, гражданин СССР; родился 17 ноября (по н/с) 1897 г. в городе Орле в семье инженера, при этом его отец владел имением в шестьсот десятин земли. Позже в материалах следствия появится запись «поляк, из помещиков». До революции учился в Орловской гимназии, затем в техническом училище и университете, который не окончил. После Октябрьской революции 1917 г. вступил в Красную Гвардию, а затем – в РККА, в рядах которой прослужил до 1922 г. Прошел боевой путь от рядового до уполномоченного Реввоенсовета на Западном и Южном фронтах.

В феврале 1919 г. вступил в ряды ВКП(б). После Гражданской войны работал в партийно-советских учреждениях. В Северо-Кавказский краевой совет Осоавиахима (г. Пятигорск) был переведен из Архангельска, где проживал с женой домохозяйкой Надеждой Андроновной. Брат Иосиф – инженер по профессии – жил и работал в Орле, вместе с ним жила его сестра Варвара – пенсионерка. Еще один брат – Михаил – в 1918 г. выехал в Польшу, где проживали родственники по линии отца.

Будучи председателем краевого совета Осоавиахима, являлся членом крайкома и горкома ВКП(б), членом городского совета депутатов. Ю. М. Пухальский-Назаров имел 17 наград, среди которых высшая – орден Красного Знамени.

Ю. М. Пухальский-Назаров был арестован 30 мая 1937 г. (через 8 дней после Р. П. Эйдемана) постановлением краевых органов Управления госбезопасности НКВД и привлечен в качестве обвиняемого по статье 58 пп. 10 и 11 УК РСФСР с содержанием под стражей в Доме предварительного заключения УНКВД по Орджоникидзевскому краю. В момент ареста проживал в городе Эссентуки на улице Парковой [3, л. 5, 15].

Как видно, боевой и служебный путь подследственного был безупречным, и при незначительности вины он мог рассчитывать на снисхождение следствия и суда. Однако материалами следствия было установлено, что Юрий Михайлович Пухальский-Назаров являлся активным участником антисоветского военно-фашистского заговора, «в который был вовлечен в 1936 году бывшим председателем ЦС Осоавиахим врагом народа Эйдеманом, и по заданию последнего создал в системе Осоавиахима Орджоникидзевского края контрреволюционную организацию, в которую завербовал проходящих по этому же делу С. С. Кургузова, Д. Ф. Виноградова и других лиц. Кроме того, обвиняемый Юрий Михайлович Пухальский-Назаров как активный член военно-фашистского заговора по заданию врага народа Эйдемана через завербованных им лиц создавал контрреволюционные повстанческие ячейки и группы, которые через Осоавиахим снабжал оружием и боеприпасами, а также проводил контрреволюционную вредительскую деятельность, направленную на подрыв оборонной мощи Советского Союза» [3, л. 11–14]. Как видно, первоначальные «установки» в ходе следствия превратились в весьма серьезные обвинения.

В протоколе допроса от 17 июня 1937 г. Ю. М. Пухальский-Назаров подписался под признанием в антисоветском военном заговоре, целью которого являлась подготовка к осуществлению военного переворота против Советской власти. В этом протоколе перечислены девятнадцать должностных лиц Осоавиахима края, подвергнутые подследственным тщательной проверке. Среди них были работники краевого совета и руководители областных, городских и районных советов Общества.

Согласно протоколу допроса, полностью с сообщением о существовавшей антисоветской

военной организации Ю. М. Пухальским-Назаровым в «заговор» были вовлечены: председатель ревизионной комиссии Орджоникидзевского краевого совета Осоавиахима С. С. Кургузов, начальник авиации краевого совета Д. Ф. Виноградов и председатель совета Осоавиахима Чечено-Ингушской АССР А. А. Благовещенский. В протоколе более позднего допроса Ю. М. Пухальский-Назаров указал, что им также были завербованы: В. А. Поплавский (начальник отдела боевой подготовки краевого совета); С. И. Семин (начальник планово-финансового отдела краевого совета); И. С. Подлисевиц (начальник снабжения краевого совета); И. С. Ковалев (председатель центрального совета ДССР); Д. А. Варшеломидзе (председатель Ворошиловского райсовета Осоавиахима); А. П. Дядиченко (председатель Эссентукского райсовета) [3, л. 22 об, 23, 41].

В протоколе допроса от 14 октября 1937 года было записано: «От следствия я хотел укрыть свою работу по подготовке контрреволюции повстанческих отрядов, их вооружению и моих связях с врагом народа Пивоваровым¹ [30, с. 273]. ... Пивоваров поставил передо мной вопрос о необходимости серьезно заняться «конным спортом», что означало – формированием повстанческих отрядов ...» [3, л. 56]. Это стало основанием для дополнительно обвинения Пухальского-Назарова по статье 58 пп. 1а, 7 и 8 УК РСФСР.

25 декабря 1937 г. на закрытом судебном заседании, состоявшемся в городе Ворошиловске, выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению Ю. М. Пухальского-Назарова в преступлениях, предусмотряемых статьей 58 пп. 2, 8 и 11 УК РСФСР. Следствие вменило обвиняемому участие в антисоветском военно-фашистском заговоре, существовавшем в частях РККА и имевшем целью свержение Советской власти и восстановление капитализма в стране. По заданию Эйдемана Пухальский-Назаров установил организационную связь с руководителем антисоветской троцкистско-бухаринской организации в Орджоникидзевском крае Пивоваровым и под его руководством создал ряд вооруженных повстанческих групп, которые должны быть использованы в момент вооруженного восстания против Советской власти. Пухальский-Назаров лично завербовал в состав военно-фашистского заговора Кургузова и Виноградова. На основании этих

¹ Пивоваров Иван Никифорович (1892–1937) – председатель Северо-Кавказского крайисполкома в 1934–1937 гг. Репрессирован в 1937 г.

обвинений Ю. М. Пухальский-Назаров был приговорен к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего личного имущества. Приговор был приведен в исполнение на следующий день [3, л. 120, 121].

В 1956 году Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор в отношении Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка, Эйдемана, Примакова, Путны и Фельдмана и прекратила дело за отсутствием состава преступления [28, с. 4–113]. В том же году было пересмотрено и дело в отношении Ю. М. Пухальского-Назарова. В этих материалах отмечалось, что обвинение его основывалось на показаниях арестованных: бывшего председателя ЦС Осоавиахима Р. П. Эйдемана, бывших партийных и советских работников Орджоникидзевского края В. И. Рябокопя, С. А. Устинова, П. М. Носикова, И. М. Брюховецкого, И. С. Логачева, работников краевого Осоавиахима П. Я. Федорова, И. В. Казачкова, В. А. Поплавского, В. С. Рубцова и Д. В. Смышляева. Сам же Юрий Михайлович Пухальский-Назаров в суде виноватым себя не признал. 5 июня 1957 г. Военная коллегия Верховного суда СССР определила: приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 25 декабря 1937 года в отношении Юрия Михайлова Пухальского-Назарова отменить по вновь открывшимся обстоятельствам, и дело о нем производством прекратить за отсутствием состава преступления [3, л. 158].

Начальник отдела боевой подготовки краевого совета Осоавиахима Владимир Александрович Поплавский (1894–1938) был арестован 25 октября 1937 г. Это был кадровый офицер, майор. Беспартийный. Родился в городе Твери в семье подполковника царской армии. В годы Гражданской войны служил в Красной Армии. В 1928 г. окончил курсы усовершенствования командно-начальствующего состава РККА.

На первом допросе 2 ноября 1937 г. Поплавский заявил: «Участником антисоветского военно-троцкистского заговора я никогда не был и разговора у меня на эту тему с Пухальским никогда не было... Показания Пухальского я отрицаю как явно вымышленные...». Но уже на допросе 28 ноября он подписал следующее: «Да, я убедился и пришел к заключению, что дальнейшее заpiresательство с моей стороны нецелесообразно, и я решил искренне и полностью рассказать следствию, как о моей лично контрреволюционной работе, так и о контрреволюционной работе, известных мне, других участников антисоветской военно-троцкистской организации».

В последнем слове подсудимый заявил, что он в антисоветской организации не состоял и предъявляемые ему обвинения ни на чем не основаны. 27 июня 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР за преступления, предусмотренные ст. 58, пп. 1, 2, 7, 8, 10, 11, приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян 27 июня 1938 г. [4, л. 1–52].

Бывшего начальника авиации Орджоникидзевского краевого совета Осоавиахима Дмитрия Федоровича Виноградова (1902–1937) арестовали 26 июня 1937 г. Он был уроженцем города Владимира, профессиональным военным летчиком в звании капитана Красной Армии. Происходил из рабочей семьи, был кандидатом в члены ВКП(б). В 1935 г. по распоряжению командования ВВС был направлен в ЦС Осоавиахима, где был назначен в Орджоникидзевский краевой совет. 13 апреля 1937 г. был отозван обратно в Москву.

На допросе 9 октября 1937 г. Д. Ф. Виноградов заявил, что его отношения с Пухальским были натянутыми. Он был не согласен с нецелевым расходованием средств, предназначенных на авиаобслуживание. Пухальский и Логачев настаивали на снятии его с должности. Участником антисоветского заговора себя не признавал, более того, ничего о нем не знал. Разговоров о контрреволюционной организации и проведении вредительской деятельности с Пухальским не имел. Обвинил Пухальского во лжи. Однако спустя несколько дней также как и Поплавский «сознался» и согласился с предъявленными обвинениями. Согласно протоколу судебного заседания от 25 декабря 1937 г., подсудимый сказал на суде, что оговорил себя. На следующий день 26 декабря 1937 г. был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян [2, л. 1–80].

Кроме Ю. М. Пухальского-Назарова, Д. Ф. Виноградова, В. А. Поплавского были арестованы еще несколько работников краевого Осоавиахима. Одним из них был уполномоченный Ревизионной комиссии ЦС Осоавиахима по Орджоникидзевскому краю Савва Сергеевич Кургузов, 1897 г. рождения, уроженец г. Измаила, русский, беспартийный. Проживал в городе Эссентуки. Арестован 14 апреля 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания, расстрелян.

Та же участь ожидала начальника лагерей краевого совета Осоавиахима Дмитрия Васильевича Смышляева, 1897 г. рождения, уроженца села Олюшино, бывшего члена ВКП(б). Образование начальное. Проживал в городе Эссентуки, был арестован 11 июня 1937 г. Приговорен к высшей мере наказания, расстрелян.

Начальник снабжения краевого совета Осоавиахима, он же начальник Минераловодского райсовета Осоавиахима Иван Семенович Подлисевиц, 1906 г. рождения, уроженец Тульской области, русский; образование – среднее, член ВКП(б), проживал в городе Минеральные Воды, был взят под стражу 19 июля 1937 г. Провел год и восемь месяцев под следствием. Освобожден за недоказанностью вины в марте 1939 г.

Аким Петрович Дядиченко – председатель Ессентукского райсовета Осоавиахима – родился в селе Нагуты под Минеральными Водами в 1909 г., русский. Проживал в городе Ессентуки. Беспартийный. Арестован 23 октября 1937 г., провел под следствием 13 месяцев, реабилитирован в декабре 1938 г. и освобожден за недоказанностью вины [18].

Репрессии в Осоавиахиме не были исключительной особенностью Орджоникидзевского края. Так, например, в 1937 г. был арестован и расстрелян председатель Центрального совета Осоавиахима Чувашской АССР М. Т. Ермаков [1, с. 5–7]. Из состава Новосибирского областного совета Осоавиахима были репрессированы: председатель Б. А. Коврайский, начальник отдела боевой подготовки Невский, начальник отдела авиации Жиханский, заместители председателя Сибирского краевого совета Осоавиахима Громов, Забелин, заведующий базой снабжения Рычков, начальник Барнаульского аэроклуба Б. М. Попов и другие [26, с. 64].

Репрессии в рядах руководящего состава Осоавиахима приобрели настолько широкий размах, что о них стало известно за рубежом. Парижская русскоязычная газета «Возрождение» регулярно публиковала на своих страницах в рубрике «Дела, толки, слухи» сообщения «Первые шаги Берия», «Чистка Красного Креста...», «...и Осоавиахима», «Разгром аэроклубов» [23, с. 2]. В одной из заметок писалось, что в Эстонии, около станции Вериола приземлился самолет с двумя беглецами – советскими летчиками, лейтенантами ВВС. Оба они находились под подозрением и, ожидая ареста, стали готовиться к бегству. Один из летчиков сообщил, что был прикомандирован к Осоавиахиму и в Великих Луках занимал пост начальника отдела Осоавиахима. Второй пилот был инструктором в школе планеристов и начальником местного аэроклуба [15, с. 1].

Как было отмечено выше, под следствием оказался еще ряд руководящих работников краевого, городских и районных советов Осоавиахима. В результате последовавших пе-

ревыборов из 230 председателей первичных организаций 134 были избраны впервые. Репрессии не стали панацеей для «оздоровления» Орджоникидзевской краевой оборонной организации. На заседании бюро крайкома ВКП(б) 3 января 1939 г. был заслушан вопрос «О кадрах в работе Осоавиахима», на котором присутствовал новый председатель – товарищ Моисеев. Коммунисты отметили, что на руководящую и ответственную работу в крайсовет и райсоветы пробрались «политически неблагонадежные лица». Так, в составе краевого совета оказались бывшие белогвардейцы – Пикулин, начальник финансовой части, офицер армии Колчака; Мусин – инспектор летной части, выходец из кулацкой семьи, исключенный из ВКП(б), и другие. В Мало-Карачаевском районе в Осоавиахим был принят на работу Аганесян, служивший в дашнаковской армии, в Кисловодске – Черкесов, уволенный из РККА как политически неблагонадежный, в Пятигорске – Кунаков, служивший в белой армии и также уволенный из рядов Красной Армии.

Бюро посчитало недопустимым подобный подбор кадров со стороны Медвеженского, Бурлацкого, Моздокского, Георгиевского и Туркменского райкомов ВКП(б). В этих районах сменилось по четыре председателя районного совета Осоавиахима. По мнению партбюро, крайсовет Осоавиахима (товарищ Моисеев) проявил либерализм и недопустимую медлительность в вопросе очищения аппарата краевого совета и райсоветов от бывших белогвардейцев и политически неблагонадежных элементов.

Бюро предложило культпросветотделу Крайкома партии утвердить председателей районных советов Осоавиахима, начальников и комиссаров аэроклубов, а также начальников отделов краевого совета ОАХ, подобрать проверенных товарищей на укрепление краевого аппарата Осоавиахима: заместителя председателя – начальника боевой подготовки, начальника финансовой части. Руководство Крайкома ВКП(б) указало товарищу Моисееву, что он, видя «засоренность» аппарата Осоавиахима, не принял мер к очищению его от чуждых элементов, и обязал его принять меры к оздоровлению аппарата ОАХ и в дальнейшем не допустить подобного положения [12, л. 20–22].

Укрепление руководящих кадров краевого Осоавиахима закончилось назначением на ключевые должности кадровых офицеров Красной Армии. В 1939 г. председателем краевого совета Осоавиахима был назначен капитан (вскоре – майор) Кирилл Максимович

Цаценкин (1905–1986) – уроженец Курской области, учился в Донском университете на экономическом факультете, но, не окончив его, был призван в Красную Армию. В середине 30-х гг. служил в Краснодаре на должности заместителя командира полка. 19 апреля 1939 г. был назначен в Ворошиловск (Ставрополь) председателем Орджоникидзевского краевого совета Осоавиахима. В предвоенные годы заочно обучался в Военной артиллерийской академии имени Дзержинского, но окончить ее не успел – началась война. До момента оккупации продолжал работать на прежнем месте, затем эвакуировался в Закавказье. После освобождения Украины был назначен председателем Донецкого областного совета Осоавиахима. За большую организаторскую работу по разминированию территории области был награжден орденом Отечественной войны. Кроме того, имел ордена Красного Знамени и Красной Звезды. После службы в Донцеке продолжил работу в системе Осоавиахима в городе Николаеве. Уволившись с военной службы, работал на одной из фабрик Донцака экономистом. Автору удалось разыскать сына – Цаценкина Виктора Кирилловича, который в наши дни работает в Московском энергетическом институте (Техническом университете) на кафедре автоматизированного электропривода. От него и была получена информация о К. М. Цаценкине.

В целях укрепления краевой организации Осоавиахима и улучшения подготовки допризывников к службе в Красной Армии в январе 1939 г. на должность начальника боевой подготовки краевого совета Осоавиахима был назначен полковник Н. И. Крылов. Николай Иванович Крылов (1903–1972) – видный советский военачальник, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. В 1939 г., будучи начальником штаба Благовещенского укрепрайона, он был неожиданно назначен в Северо-Кавказский военный округ начальником отдела краевого совета Осоавиахима. В своих мемуарах Н. И. Крылов о периоде жизни в Ворошиловске вспоминал весьма скупое, как о «непродолжительной службе в Северо-Кавказском военном округе». В мае 1941 г. он был вновь направлен в войска в качестве начальника штаба укрепрайона на южном участке советско-румынской границы и с первого дня войны вступил в бой с румынскими войсками [6, с. 378].

Благодаря совместным усилиям К. М. Цаценкина и Н. И. Крылова краевой Осоавиахим заметно активизировал оборонную работу. По докладу секретаря Орджоникидзевского край-

кома ВКП(б) П. У. Устинова в Центральный Комитет партии, краевой совет Осоавиахима был укомплектован работниками, знающими военное дело. В этом он видел помощь Наркомата обороны и ЦС Осоавиахима. Однако наряду с этими достижениями докладчик отмечал в работе краевого совета ряд недостатков. Отдел боевой подготовки краевого совета и руководство самого краевого совета, больше уделяли внимания Кавминводской группе и лагерям Осоавиахима, а райсоветы выпадали из их поля зрения, в результате чего в сельской местности оборонная работа проводилась слабо. Краевой совет недостаточно уделял внимания качеству подготовки массовых оборонных кадров, слабо руководил аэроклубами. Аппарат краевого совета был недостаточно загружен работой или работал вхолостую [13, л. 23–25]. При желании этих недостатков вполне могло хватить для обвинения нового руководства Осоавиахима Орджоникидзевского края, как минимум, в халатном исполнении служебных обязанностей, а при необходимости все это могло стать и поводом для новых арестов. Но, видимо в них уже не было нужды, цель была достигнута в 1937 г.

К слову, серьезные нарекания к работе Северо-Кавказского краевого совета Осоавиахима имели место со стороны крайкома ВКП(б) в 1934–1935 гг., когда Обществом руководил будущий генерал В. Г. Клементьев. Это касалось подбора кадров, качества боевой подготовки, фактов очковтирательства и приписок. За упущения в работе был освобожден от работы заместитель председателя оргбюро краевого совета. Краевая прокуратура вела следствие о злоупотреблении и растратах в системе Осоавиахима края [9, л. 77–78]. Повторно обратив внимание на работу краевого совета Осоавиахима, краевой комитет ВКП(б) отметил, что решения ЦК и крайкома партии о работе Осоавиахима было выполнено неудовлетворительно [10, л. 35об.]. За упущения в работе председателю краевого совета В. Г. Клементьеву 17 марта 1935 г. на заседании бюро крайкома ВКП(б) было поставлено на вид [11, л. 157], однако репрессировать его никто не собирался.

Тему репрессий в истории краевой оборонной организации постарались забыть. Ни в одной юбилейной публикации за 80 последующих лет она ни разу не звучала. Не нашла она отражения и в музейной экспозиции регионального отделения ДОСААФ России Ставропольского края. Более того, 30-е гг. полностью оказались вычеркнутыми из истории краевого оборонно-

го общества: вместе с именами руководителей краевого совета Осоавиахима Клементьева, Зингера, Пухальского, Моисеева, Цаценкина покрылись тенью забвения и славные дела осоавиахимовцев Ставрополя предвоенных лет. И лишь имя маршала Крылова – дважды Героя Советского Союза являлось гордостью краевого оборонного общества.

Подводя итог изложенного, стоит отметить, что репрессии в рядах Осоавиахима Орджоникидзевского края были следствием и продолжением «дела маршала Тухачевского», репрессий в среде высшего командного состава Красной Армии. По результатам пересмотра уголовных дел состава преступления в действиях руководителей осоавиахимовской организации обнаружено не было, все «участники заговора» были посмертно реабили-

литированы. Изучение уголовных дел Ю. М. Пухальского-Назарова, Д. Ф. Виноградова и В. А. Поплавского показало, что в ходе следствия показания арестованных менялись, но на суде они вновь признавали себя невиновными, каковыми, по сути, и были. Упущения в работе краевой оборонной организации имели место как до, так и после репрессий, однако при этом больше никто не пострадал таким образом. Смена кадров в руководящем аппарате Осоавиахима Орджоникидзевского края, хотя и привела к улучшению работы Общества, однако цена такого успеха была чрезмерно высока. Репрессии стали главной причиной того, что 30-е гг. стали белым пятном в истории региональной организации ДОСААФ России Ставропольского края.

Литература и источники

1. Андреев О. В. Чувашская организация Осоавиахима в системе оборонно-массовой работы в СССР в 1927–1940 годах // Вестник Чувашского университета. 2016. №4. С. 5–17.
2. Архив Управления ФСБ по Ставропольскому краю (УФСБ СК). Уголовное дело № 621. Арх. дело № 13769.
3. Архив УФСБ СК. Уголовное дело № 621. Арх. дело № 16450.
4. Архив УФСБ СК. Уголовное дело № 858. Арх. дело № 16680.
5. Боевые задачи Осоавиахима // Орджоникидзевская правда. 1937. 10 октября.
6. Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 1984. 864 с.
7. Волкогонов Д. А. Сталин. Политический портрет: в 2 книгах. М.: Новости, 1992. 624 с.
8. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 490.
9. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20.
10. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.
11. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
12. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 429.
13. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 490.
14. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 9. Д. 2399.
15. Иллюстрация к предыдущему // Возрождение (Париж). 1938. 25 февраля.
16. Книга памяти жертв политических репрессий Ставропольского края: в 13 т. / Адм. Ставропол. края, Ставропол. краев. ассоц. жертв незаконных полит. репрессий; сост. А. Л. Козуб (рук.), П. С. Пересецкий, А. И. Плешань [и др.]; под ред. В. А. Красули. Ставрополь: Южно-Русское коммерческое издательское товарищество, 1995–2003.
17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 58. Оп. 18004. Д. 1620.
18. Книга памяти Ставропольского края [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Дядиченко_Аким_Петрович_\(1909\)_\(Дата_обращения:_23.03.2017\)](https://ru.openlist.wiki/Дядиченко_Аким_Петрович_(1909)_(Дата_обращения:_23.03.2017)).
19. Краевая конференция Осоавиахима. Отчет о работе краевого совета Осоавиахима // Орджоникидзевская правда. 1937. 9 октября.
20. Ларькин В. В. Политические репрессии командно-начальствующего состава Закавказского военного округа в 1937–1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: ИГУ, 2016. 380 с.
21. Макаров А. А. Массовые репрессии 1934–1938 годов в Красноярском крае: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск: СФУ, 2007. 185 с.
22. Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме М.: Прогресс, 1990. 488 с.
23. Разгром аэроклубов // Возрождение (Париж). 1938. 30 декабря.
24. Роговин В. З. 1937. М.: [б.и.], 1996. 480 с.
25. Роговин В. З. Партия расстрелянных. М.: Московская типография №3 РАН, 1997. 528 с.
26. Ростов Н. Д. Если завтра война: подготовка молодежи Западной Сибири к защите Родины (1937 – июнь 1941 гг.). Барнаул: АлтГТУ. 2004. 221 с.
27. Сергеев К. М. Овладеем большевизмом, уничтожим полностью всех врагов народа. Отчетный доклад Орджоникидзевского Крайкома ВКП(б). Пятигорск: Орджоникидзевское краевое издательство, 1937.
28. Справка комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре» // Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 4–113.
29. Уйманов В. Н. Массовые репрессии в Западной Сибири (1919–1941 гг.) и кампании по реабилитации репрессированных: дис. ... д-ра ист. наук. Томск: ТГУ, 2013. 518 с.
31. Энциклопедический словарь Ставропольского края / гл. ред. В. А. Шаповалов. Ставрополь: СГУ, 2006. 458 с.

References

1. Andreev O. V. Chuvashskaja organizacija Osoaviakhima v sisteme oboronno-massovoj raboty v SSSR v 1927–1940 godah (*Chuvash Osoaviakhim in the system of defense-mass work in the USSR in 1927–1940*) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2016. No. 4. P. 5–17.
2. Archive of the FSB Department for the Stavropol Territory (Archive FSB SK). Criminal case No. 621. Arch. Case No. 13769.
3. Archive FSB SK. Criminal case No. 621. Arch. Case No. 16450.
4. Archive FSB SK. Criminal case No. 858. Arch. Case No. 16680.
5. Boevye zadachi Osoaviakhima (*Military tasks of Osoaviakhim*) // Ordzhonikidzevskaja pravda. 1937. October 10.
6. Military encyclopedic dictionary. Moscow: Military Publishing, 1984. 864 p.
7. Volkogonov D. A. Stalin. Politicheskij portret (*Stalin. Political portrait*). Moscow: Novosti, 1992. 624 p.
8. State Archive of Contemporary History of the Stavropol Territory (GANISK). F.1. Inv.1. D.490.
9. GANISK. F. 1. Inv. 1. D. 20.
10. GANISK. F. 1. Inv. 1. D. 28.
11. GANISK. F. 1. Inv. 1. D. 55.
12. GANISK. F. 1. Inv. 1. D. 429.
13. GANISK. F. 1. Inv. 1. D. 490.
14. GANISK. F. 1. Inv. 9. D. 2399.
15. Iljustracija k predydushhemu (*Illustration for the past*) // Renaissance (Paris). 1938. February 25.
16. Kniga pamjati zhertv politicheskijh repressij Stavropol'skogo kraja (*Book of memory of victims of political repressions of the Stavropol Krai*). In 13 Vols. / ed. by V. A. Krasulya. Stavropol: South Russian Commercial Publishing Association, 1995–2003.
17. Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. F. 58. Inv. 18004. D. 1620.
18. Kniga pamjati Stavropol'skogo kraja (*Book of memory of the Stavropol Krai*). URL: [https://ru.openlist.wiki/Дядиченко_Аким_Петрович_\(1909\)](https://ru.openlist.wiki/Дядиченко_Аким_Петрович_(1909)) (Accessed: 23.03.2017).
19. Kraevaja konferencija Osoaviakhima. Otchet o rabote kraevogo soveta Osoaviakhima (*The regional conference of Osoaviakhim. Report on the work of the regional council of Osoaviakhim*) // Ordzhonikidzevskaja pravda. 1937. October 9.
20. Lar'kin V. V. Politicheskie repressii komandno-nachal'stvujushhego sostava Zakavkazskogo voennogo okruga v 1937–1938 gg. (*Political repressions of the commanding officers of the Transcaucasian Military District in 1937–1938*): abstract of thesis. Irkutsk: ISU publ., 2016. 380 p.
21. Makarov A.A. Massovye repressii 1934–1938 godov v Krasnojarskom krae (*Mass repressions of 1934–1938 in Krasnojarsk region: The dissertation of the candidate of historical sciences*): abstract of thesis. Krasnojarsk: SSU publ., 2007. 185 p.
22. Medvedev R. A. O Staline i stalinizme (*On Stalin and Stalinism*). Moscow: Progress, 1990. 488 p.
23. Razgrom ajeroklubov (*Defeat of flying clubs*) // Renaissance (Paris). 1938. December 30.
24. Rogovin V. Z. 1937 (*1937*). Moscow. 1996. 480 p.
25. Rogovin V. Z. Partija rasstreljannyh (*The Party of the shot*). Moscow. 1996. 528 p.
26. Rostov N. D. Esli zavtra vojna: podgotovka molodezhi Zapadnoj Sibiri k zashhite Rodiny (1937 – ijun' 1941 gg.) (*If war comes tomorrow: preparing young people of Western Siberia to the defense of the homeland (1937 – June 1941)*). Barnaul: AitSTU publ., 2004. P. 64.
27. Sergeev K. M. Ovladeem bol'shevizmom, nichtozhim polnost'ju vseh vragov naroda (*We master Bolshevism, completely destroy all enemies of the people*). Report of the Ordzhonikidzevsky Kraikom VKP(b). Pyatigorsk: Ordzhonikidzevsky regional publishing house, 1937.
28. Russian Military Archives. 1993. Vol. 1. P. 4–113.
29. Ujmanov V. N. Massovye repressii v Zapadnoj Sibiri (1919–1941 gg.) i kampanii po rehabilitacii repressirovannyh: dis. ... dokt. ist. nauk (*Mass repressions in Western Siberia (1919–1941) and the campaign for the rehabilitation of the repressed: The dissertation of the doctor of historical sciences*). Tomsk, 2013. 518 p.
31. Encyclopedic Dictionary of the Stavropol Krai / Ch. Ed. V. A. Shapovalov. Stavropol: SSU publ., 2006. 458 p.

УДК 323 (470.6)

Ю. Ю. Клычников

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОРЫВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ИМПЕРСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОТ УСПЕХА К КАТАСТРОФЕ

В статье раскрываются этапы модернизации Северного Кавказа, имевшие место в XIX и XX вв. Отмечаются успехи и трудности этого процесса. Выясняются наиболее проблемные задачи, которые приходилось решать в регионе представителям российской (советской) администрации. Демонстрируются те сферы приложения усилий, которые считались наиболее перспективными с точки зрения преобразования жизни местных народов. Кроме того, показывается роль русского (шире – славянского) этноса в деле приобщения автохтонного населения региона к ценностям

модернизационного общества. Отмечается уязвимость (в том числе физическая) русского населения в периоды восстановления архаичных институтов на Северном Кавказе. Доминирование архаики или модерна в местной практике чередуются друг с другом. Такая ситуация во многом зависит от эффективности государственных институтов, которые в значительной степени являются инициаторами новаций в регионе.

Ключевые слова: кризис, рецидивы, архаика, модерн, криминал, экономика, социальный эксперимент, насилие, идеология, политическая практика.

Yu. Yu. Klychnikov

MODERNIZATION BREAKTHROUGH OF THE NORTH CAUCASUS IN THE IMPERIAL AND SOVIET PERIODS: FROM PROGRESS TO THE CATASTROPHE

The article studies the stages of modernization in the North Caucasus, which took place in the XIX–XX centuries. The successes and failures of the process are specified. The representatives of the Russian (Soviet) administration had to solve the most challenging tasks. The spheres, which were viewed as the most perspective as regards the enhancement of the local people life, are demonstrated. The article shows the role of the Russian (and more generally – the Slavic) ethnos in providing the population of the region access to the values of a modernized society. The vul-

nerability (including the physical one) of the Russian population in the periods of the archaic institutes renewal in the North Caucasus is shown. The domination of archaic or modern in the local practice reveals alternation. Such situation mostly depends on state institutes effectiveness, which to a considerable extent act as initiators of innovations in the region.

Key words: crisis, relapses, archaic, modern, criminal, economics, social experiment, violence, ideology, political practice.

Завершение к середине XIX столетия военно-политического противостояния на Северном Кавказе ознаменовало собой постепенный выход региона из того кризиса, который имел место в прошедшие десятилетия. Это не значит, что рецидивы так называемой «Кавказской войны» были полностью изжиты. Неблагоприятная внешнеполитическая ситуация, наличие социально-экономических трудностей, связанных с обустройством жизни местных народов на новых буржуазных началах, приводили к очаговым конфликтам, но они уже не определяли общую картину положения в крае [6, с. 49].

Спустя десять лет после пленения Шамиля в Чечне, некогда бывшей очагом напряжённости, удалось добиться определённой стабильности. Весьма наглядную картину мирной жизни

рисует Н. С. Семёнов в своём очерке «День в ауле». В ходе путешествия по Малой Чечне он точно подметил все те позитивные перемены, которые произошли во взаимоотношениях русского и чеченского народов. На каждом шагу он наблюдал примеры культурно-экономического сближения, при этом не отрицая и не обходя стороной факты сохраняющихся предубеждений в отношении друг друга [4]. Безусловно, противоречия сохранялись и при неблагоприятных обстоятельствах могли вырваться наружу. Это подтверждают события 1877–1878 гг., когда на северо-востоке региона вновь вспыхнуло вооружённое противостояние, спровоцированное начавшейся войной с Турцией [15, с. 49–69].

Не следует думать, что преодоление трудностей было связано исключительно с горски-

ми этносами. Немало проблем существовало и районах, население которых составляли преимущественно славяне. Так, начавшаяся в стране череда реформ и прежде всего отмена крепостного права проходили на территории Ставропольской губернии непросто и доставляли немало хлопот местному начальству. Рядовым событием стало использование воинских команд, направляемых во все крупные дворянские имения для поддержания порядка. Проживавшие здесь крестьяне отстаивали свои права на землю и не желали платить оброк помещикам согласно условиям уставных грамот [19, с. 258–259].

Что касается так называемого «инородческого» населения, то здесь также существовали свои «болевые точки». Наиболее распространённым в то время правонарушением был угон скота. Немало сил и личного мужества требовалось от представителей российской администрации, чтобы обезвреживать опасные вооружённые шайки, промышлявшие подобными занятиями [16, с. 203–207].

К 1865 г. были в целом определены те меры, с помощью которых предполагалось добиться интеграции горцев в российское общество. Как говорилось в «Отчёте по военно-народному управлению Кубанской области с 1 января 1863 г. по 1 января 1869 г.», постепенно, «шаг за шагом, так сказать, входили мы в горскую среду, тщательно выбирая из оной всё вредное и обветшалое, и вызывая народ на новую, светлую жизнь...» [8, л. 8]. Усилия властей имели комплексный характер и затрагивали различные сферы жизни автохтонов региона.

Естественно, полностью искоренить воровство в обществе, которое долгое время рассматривало подобную деятельность как удаль, было невозможно. Имелись сведения о целых семьях, которые жили за счёт набегов и грабежей. Но такие рецидивы прошлого, по мнению кавказского начальства, «при надлежащем надзоре местных властей ... не получают уже в горских обществах прежнего снисходительного о них суждения и с каждым годом, всё более и более, будет вкореняться в обществах сознание вредности этих преступлений» [8, л. 27].

Не меньше хлопот доставляли казачьи станицы, которые были поселены за Кубанью. Зачастую сюда попадали люди, от которых постарались избавиться прочие станичные общества вследствие их порочности и склонности к воровству. Такой контингент и на новом месте не отказался от привычных занятий, и очень скоро возникла целая «цепь воровских

этапов», по которым украденный скот переправлялся в сопредельные территории. Сформировался своеобразный «криминальный интернационал», справиться с которым оказалось непросто.

Вторая половина XIX столетия была ознаменована постепенным изживанием тех противоречий, которые привели к затяжному структурному кризису начала века. Рецидивы вооружённого противостояния хотя и имели место, но уже не относились к числу доминирующих факторов, которые определяли ситуацию в регионе. Социально-политические процессы на Северном Кавказе всё больше начинали напоминать аналогичные явления и в других частях империи, что свидетельствовало о его достаточно динамичном вращении в державное пространство России.

Северный Кавказ демонстрировал впечатляющие темпы развития промышленности и сельского хозяйства [11, с. 302, 310, 318–319 и др.]. Он становился одним из лидеров по добыче нефти, производству цемента. Успехи в хлебопашестве и разведении скота обеспечивали потребности не только жителей региона, но и позволяли выйти на всероссийский рынок, а также предоставляли возможности поставок за пределы империи. Немалую роль в этом сыграло развитие транспортной системы, стержнем которой стал железнодорожный транспорт [21, с. 113].

Во второй половине XIX в. на Кавказ устремилось множество переселенцев, которые восполнили демографические потери, которые возникли в результате исхода части горского населения в Турцию [1, с. 161–170, 337–363; 12, с. 93]. Они во многом обеспечили потребности местного рынка труда в доступной рабочей силе [17, с. 145]. Вместе с тем они стали причиной возникновения многочисленных социальных проблем, что было связано с отсутствием у т. н. «иногородних» гарантий защиты их прав и интересов со стороны государства [24, с. 176–177; 23, с. 305–306].

Одной из главных проблем, характерных для региона, была нерешённость земельного вопроса. Преобладание аграрного сектора в экономике не позволяло обеспечить всех нуждающихся необходимым наделом. Особенно заметно это было в горных районах, где специфика ландшафта вообще делала невозможным решение такой задачи [5, с. 28]. Перераспределение имеющегося земельного фонда власти считали неприемлемым, резонно исходя из того, что лучше всего обеспеченные землёй казаки значительную часть своих личных

средств вынуждены были тратить на подготовку к военной службе.

Несмотря на заметные успехи в своём социально-экономическом и культурном развитии Северный Кавказ сделался ареной ожесточённого противостояния в годы Гражданской войны. Его захлестнула волна насилия, связанного, в том числе с возрождением архаичных традиций, присущих местным реалиям независимо от российского фактора [2, с. 279]. В немалой степени результат модернизационного прорыва был утрачен, и победившей советской власти пришлось заново его восстанавливать.

Большевики, долгое время использовавшие специфичный военный уклад местных народов и восторгавшиеся поголовным вооружением горцев [20], должны были в итоге применить самые жёсткие меры, чтобы пресечь не поддающийся контролю бандитизм и антиправительственные выступления [22, с. 117–133; 7, с. 156]. Их действия мало чем отличались от тех мер, которые вынуждена была применять царская администрация, стремясь обеспечить «умиротворение» этих мест. Когда началось отрезвление от революционного популизма, зазвучали слова о необходимости использовать прежний опыт в борьбе с проявлением хищничества [18, с. 281]. Физическое уничтожение «непримиримых», изъятие оружия, поощрения и амнистия тем, кто соглашался признать новую власть.

При всех перегибах социальных экспериментов, проводимых большевиками, они сумели достаточно быстро мобилизовать силы, чтобы остановить ту вакханалию разрушения, которую первоначально сами поощряли и использовали для победы над своими оппонентами. Они применяли весьма жёсткие методы подавления противодействия тем архаичным институтам, которые препятствовали проводимому политическому курсу. Значительное внимание уделялось воспитанию молодёжи, которая должна была в процессе социализации органично усвоить новый образ жизни [9, с. 98].

Испытания, выпавшие на долю народов СССР в годы Великой Отечественной войны, наглядно продемонстрировали и успехи, и неудачи советского эксперимента. На Северном Кавказе были примеры как героического противостояния общей угрозе, так и нейтрального, даже враждебного отношения к своему государству, сотрудничества с оккупантами. Реакция властей оказалась весьма жёсткой и в условиях военного времени бескомпромиссной. Часть народов региона была депортирована

за его пределы, но впоследствии возвращена в места традиционного проживания [3, с. 117–118, 127–128].

Восстановление разрушенного войной народного хозяйства позволило создать фундамент для дальнейшего развития Северного Кавказа. Регион всё больше приобретал урбанистические черты. Города с их развитым промышленным сектором и сферой услуг обеспечивали рабочими местами людей, которые покидали сельскую местность, решая, таким образом, традиционную для региона проблему малоземелья [10; 14, с. 32–33]. Активно формировались кадры северокавказской интеллигенции как носители модернизационной идеологии. Однако наметился определённый перекосяк в этнической принадлежности местных рабочих. Это были преимущественно выходцы из славянской среды, более органично воспринимавшие особенность городской культуры, размывавшей фамильно-клановую сплочённость [9, с. 69]. Они утратили в немалой степени черты, присущие сельскому, более патриархальному обществу с его кровнородственными связями, и оказались уязвимыми перед теми испытаниями, которые ждали их в 90-е гг. прошлого века.

Структурный кризис конца XX – начала XXI вв. привёл к очередному хаосу на Северном Кавказе. Он проявился не только в параличе и деградации местного экономического потенциала, но и привёл к восстановлению ряда архаичных агрессивных черт в социокультурной и политической практике. Дошло до возрождения рабства и несколько видоизменившегося, но при этом не утратившего своей сути набегового промысла. Часть территории вообще выпала из правового поля государства. Всё это лишним раз демонстрировало уязвимость модернизационных начал, внедряющихся в местную среду.

Вместе с тем говорить об их полном исчезновении не приходится. Пережив период турбулентности, регион вновь продемонстрировал свой адаптационный потенциал и начал возвращать потерянные позиции [13, с. 325–326]. Примечательно, что локомотивом здесь стали северокавказские субъекты РФ с доминирующим славянским населением, которое по-прежнему является наиболее восприимчивым к различным новациям.

Таким образом, не только архаика сохраняет высочайший уровень приспособленности к быстро меняющимся реалиям, но и модернизационные начала укореняются в местной со-

циокультурной, политической и экономической практике: чем сильнее государство, тем боль-

ше шансов у последних расширить своё присутствие в жизни народов региона.

Литература и источники

1. Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 1. С. 161–176; 1882. № 2. С. 337–363.
2. Блиев М. М. Осетия, Кавказ: история и современность. Сборник научных трудов. Владикавказ: СОГУ, 1999. 332 с.
3. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Ростов-на-Дону: РВШ МВД РФ, 1997. 204 с.
4. Виноградов В. Б. Н. С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года / под ред. С. Л. Дударева. Армавир: Армавирский государственный педагогический институт, 2002. 24 с.
5. Воронов Н. И. По Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. Т. I. С. 1–36.
6. Гагагова Л. С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда», 2001. С. 47–68.
7. Гагагова Л. С. Революция 1917 г. и этнополитическая ситуация на Кавказе // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 145–158.
8. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф.774. Оп.1. Д. 172. Св.13.
9. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. 352 с.
10. Дударев С. Л., Клычников Ю. Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 73 с.
11. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
12. Кабузан В. М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 224 с.
13. Клычников Ю. Ю. Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII–начало XXI вв.). Исторические очерки. М.: ЛЕНАНД, 2015. 368 с.
14. Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / под ред. и с предисл. проф. С. Л. Дударева. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.
15. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала. (Исторические очерки) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. 211 с.
16. Клычников Ю. Ю., Цыбульникова А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисл. Б. В. Виноградова. Пятигорск: РИА КМВ, 2011. 256 с.
17. Край наш Ставрополье: Очерки истории / научные редакторы проф. Д. В. Кочура и проф. В. П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. 528 с.
18. Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. Т. I. 516 с.
19. Очерки истории Ставропольского края. Ставрополь: Книжное издательство, 1986. Т. I. 462 с.
20. Серов Ф. Нохчи-турпал (чеченские богатыри). Краснодар: [б.и.], 1927. 35 с.
21. Силаев Н. Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник / под редакцией Н.Ю. Силаева. М.: Русская панорама, 2004. Т. I (33). С. 110–128.
22. Степаков В. Битва за «Норд-Ост». М.: Эксмо, 2003. 320 с.
23. Успенский Г. И. Власть земли / сост., предисл. и примеч. В. И. Бельдюгова. М.: Советская Россия, 1984. 400 с.
24. Хетагуров К. Собрание сочинений: в 3 томах. Т. 3. Статьи. Письма. М.: Художественная литература, 1974. 400 с.

References

1. Berzhe A. P. Vyselenie gorcev s Kavkaza (*The mountaineers expulsion from the Caucasus*) // Russkaja starina. 1882. No.1. P. 161–176; 1882. No. 2. P. 337–363.
2. Bliev M. M. Osetija, Kavkaz: istorija i sovremennost' (*Osetia, Caucasus: history and present time*): Collection of scientific papers. Vladikavkaz: SOSU Publ., 1999. 332 p.
3. Bugaj N. F., Gonov A. M. Severnyj Kavkaz: granicy, konflikty, bezhency (*The North Caucasus: borders, conflicts, refugees*). Rostov-on-Don: Rostov higher school of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 1997. 204 p.
4. Vinogradov V. B. N. S. Semenov i ego ocherk «Den' v aule» 1869 goda (*Semenov and his essay of 1869 "One day in the aul"*) / ed. by S. L. Dudarev. Armavir: ASPI publ., 2002. 24 p.
5. Voronov N. I. Po Dagestanu (Along Dagestan) // Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah (*Collection of information about the Caucasian mountaineers*). Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1868. Vol. I. P. 1–36.
6. Gatagova L. S. Kavkaz posle Kavkazskoj vojny: jetnokonfliktnyj aspekt (*The Caucasus after the Caucasian war: ethno-conflict aspect*) // «Rossija i Kavkaz – skvoz' dva stoletija». Istoricheskie chtenija («Russia and the Caucasus – through two centuries.» *Historical reading*). St. Petersburg: Journal «Zvezda», 2001. P. 47–68.
7. Gatagova L. S. Revoljucija 1917 g. i jetnopoliticheskaja situacija na Kavkaze (*The 1917 Revolution and ethno-political situation in the Caucasus*) // Istorija narodov Rossii v issledovanijah i dokumentah (*History of the peoples of Russia in research and documents*). Moscow: IRH of RAS publ., 2004. P. 145–158.
8. The State archive of Krasnodar region (GAKK). F.774. Inv.1. D.172. Set.13.
9. Denisova G. S., Ulanov V. P. Russkie na Severnom Kavkaze: analiz trans-formacii sociokul'turnogo statusa (*Russians in the North Caucasus: the analysis of the transformation of the socio-cultural status*). Rostov-on-Don: RSPU Publ., 2003. 352 p.

10. Dudarev S. L., Klychnikov Yu. Yu. Goroda kak prostranstvo sociokul'turnoj adaptacii naselenija Severnogo Kavkaza v processe osushhestvlenija rossijskogo modernizacionnogo proekta (*Towns as a space of socio-cultural adaptation of the North Caucasus population in the process of Russian modernization project realization*). Pjatigorsk: PSLU Publ., 2014. 73 p.
11. Istorija narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) (*The History of North Caucasus people (the end of the XVIII–1917)*) / executive editor A. L. Narochnickij. Moscow: Nauka, 1988. 659 p.
12. Kabuzan V. M. Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekah. Jetnostatisticheskoe issledovanie (*The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Ethno-statistic research*). St. Petersburg: Russko-Baltijskij informacionnyj centr BLIC Publ., 1996. 224 p.
13. Klychnikov Yu. Yu. Rossijskaja gosudarstvennost' i severokavkazskaja arhaika: V poiskah preodolenija protivorechij (XVIII – nachalo XXI vv.). Istoricheskie ocherki (*The Russian State system and North-Caucasus archaic: trying to overcome contradictions (XVIII – the beginning of the XXI centuries). Historical essays*). Moscow: LENAND, 2015. 368 p.
14. Klychnikov Yu. Yu. Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (Istoriko-politologicheskie ocherki) (*The North Caucasus: old problems in present time. Historical and political essays*) / ed. and with a preface by professor S. L. Dudarev. Pjatigorsk: PSLU Publ., 2016. 99 p.
15. Klychnikov Yu. Yu., Linec S. I. Severokavkazskij uzal: osobennosti konfliktnogo potenciala. (Istoricheskie ocherki) (*The North-Caucasus knot: features of conflict potential. Historical essays*) / ed. by V. B. Vinogradov. Pjatigorsk: RIA-KMV, 2006. 211 p.
16. Klychnikov Yu. Yu., Cybul'nikova A. A. «Tak bujnuju vol'nost' zakony tesnjat...»: bor'ba rossijskoj gosudarstvennosti s hishnhnestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki) (*"The laws press the wild liberty": the struggle of the Russian State system against rapaciousness in the North Caucasus. Historical essays*) / edited and with a preface by B. V. Vinogradov. Pjatigorsk: RIA KMV, 2011. 256 p.
17. Kraj nash Stavropol'e: Ocherki istorii (*Our region is Stavropol Krai: essays of the history*) / scientific editors D. V. Kochura and prof. V. P. Nevskaja. Stavropol': Shtat-gora, 1999. 528 p.
18. Ordzhonikidze G. K. Stat'i i rechi (*Articles and speeches*). M.: State publishing house of political literature, 1956. Vol. I. 516 p.
19. Ocherki istorii Stavropol'skogo kraja (*Essays of the Stavropol region history*). Stavropol': Book publ., 1986. Vol. I. 462 p.
20. Serov F. Nohchi-turpal (chechenskie bogatyri) (*Nokhchi-turpal (Chechen epic heroes)*). Krasnodar, 1927. 35 p.
21. Silaev N. Ju. «Kavkaza ne stanet...» (Vladikavkazskaja zheleznaja doroga: neskol'ko nezamechennyh sjuzhetov) (*"There will be no Caucasus..." The Vladicaucasian railway: some obscure plots*) // Kavkazskij sbornik (*The Caucasian collection*) / edited by N. Ju. Silaev. Moscow: Russkaja panorama, 2004. Vol. I (33). P. 110 – 128.
22. Stepanov V. Bitva za «Nord-Ost» (*The Battle for "Nord-Ost"*). Moscow: Jeksmo, 2003. 320 p.
23. Uspenskij G. I. Vlast' zemli (*The Earth power*) / Compilation, introduction and commentary by V. I. Bel'djugov. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1984. 400 p.
24. Hetagurov K. Sbranie sochinenij (*Collected works*). In 3 vol. Vol. 3. Articles and letters. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1974. 400 p.

УДК 347.6

Е. И. Кобахидзе

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО В ЗАПИСЯХ ОСЕТИНСКИХ АДАТОВ

В статье обсуждаются отдельные аспекты семейного права у осетин как одного из значимых нормативных комплексов в системе адатов. Проанализированы условия заключения брака и охарактеризованы его основные формы. Особое внимание уделено таким архаическим формам брака, как полигиния, левират и сорорат. Выполняя важные функции сохранения экономической целостности семьи, они просуществовали у осетин вплоть до 60-х гг. XIX в., несмотря на противодействие официальных властей и православной

церкви. Разработанность норм семейного права свидетельствовала о важной роли семьи как коллективного субъекта внутриобщинных правоотношений. В целом нормы семейного права были ориентированы на поддержание баланса правовых и экономических статусов членов традиционной горской общины.

Ключевые слова: осетины, семейное право, экзогамия, формы брака, левират, сорорат, искоренение «вредных» обычаев.

Е. I. Kobakhidze

FAMILY LAW IN THE OSSETIAN ADATS' RECORDS

The article examines some aspects of the Ossetians family law as an important normative complex in the Adat system. Conditions of marriage are analyzed, and its main forms are characterized. Special attention is paid to such archaic forms of marriage as polygyny, levirate and sororate. Serving to preserve the family's economic integrity, they existed up to 1860s, despite the counteractions of the officials and the Orthodox Church. The detailed character of the family

law proved a significant role of family as a collective subject of inter-community legal relationships. In general, the norms of the family law were supposed to maintain the balance of legal and economic statuses of members of traditional mountain community.

Key words: Ossetians, family law, exogamy, forms of marriage, levirate, sororate, eradication of "harmful" traditional practices.

В жизни кавказских народов огромную роль играло обычное право (адаты), долгое время сохранявшее роль основного регулятора общественной жизни. В системе общественных отношений горских обществ адаты выступали основным средством социализации индивида, передачи социального опыта последующим поколениям. Во всех северокавказских обществах адаты выполняли важные функции: во-первых, распределение материальных и духовных ресурсов в соответствии с конкретными социальными отношениями, во-вторых – закрепление социально-экономических отношений с помощью специальных общественных институтов (посреднического суда). Те реальные социально-экономические отношения, которые складывались в горских обществах, воздействовали на характер их обычного права, чем объясняются различия, выделяемые исследователями в обычно-правовых системах народов Северного Кавказа.

Адаты регулировали правоотношения практически во всех областях общинной жизни – от

сословно-статусных до внутрисемейных. Судя по записям осетинских адатов, нормы семейного права были достаточно хорошо проработаны. Они отражали представления общества о полоролевых функциях членов этого родственного союза и охраняли экономическую целостность семьи как коллективного субъекта внутриобщинных правоотношений.

В традиционном горском обществе жизнь человека вне семьи воспринималась как аномальное явление. Для этого имелось много причин – как объективных (хозяйственно-экономических), так и субъективных (психологических, сексуальных). Традиционное половозрастное разделение труда в семье предполагало наличие в ней мужчин, женщин и детей. Дети были необходимы и для воспроизводства домашнего хозяйства, и для заботы о родителях, а мальчики – для продолжения рода. Не случайно при отсутствии в семьях наследников мужского пола в дом брался примак (осет. *мидæгмой* – внутренний муж). Его статус не вызывал уважения, однако такая практика признавалась все же необходимой.

Существовала и другая причина заключения брачных союзов – они расширяли сеть социальных связей, обеспечивавших дополнительную поддержку в неблагоприятные времена. Таким образом, состояние брачности рассматривалось как жизненно важное явление.

У всех кавказских народов брак строго регулировался экзогамными запретами. Запрещались браки между членами одной фамилии и между лицами, происходящими из родственных фамилий, причем эта норма распространялась и на тех, кто носил одну фамилию, но не состоял в родственных отношениях. Ограничения по мотивам родства имели место, как по отцовской, так и по материнской линии. По нормам адата они распространялись до седьмого поколения, по шариату – лишь до третьего с кровными родственниками и до второго – с молочными, а также с некоторыми свойственниками. Особенно строго родственная экзогамия соблюдалась у осетин: здесь запрещались браки между однофамильцами любой степени родства и даже членами разных, но происходящих от одного предка фамилий (осет. *æрвадæлтæ*). Нарушение экзогамии рассматривалось как преступление и строго каралось, вплоть до изгнания из общины.

Не менее сильными были сословные ограничения, запрещавшие неравные браки между представителями разных сословий [3, с. 46–48]. Требование внутрисословных браков относилось прежде всего к социальной знати, но зачастую соблюдалось и в крестьянской среде, где социальная элита была представлена «сильными фамилиями». Заключение неравных браков между представителями высших и низших сословий имело ярко выраженные юридические последствия: дети, произошедшие от таких союзов, попадали в особую социальную категорию с пониженным статусом, ведущим к ограничению гражданских прав даже при экономической состоятельности.

Что касается конфессиональной эндогамии, то у осетин с середины XIX в. она стала сопрягаться с сословной, поскольку социальная знать была главным образом мусульманского вероисповедания, а крестьянство – христианского. Здесь запрет на браки между представителями разных конфессий накладывался на запрет межсословных браков.

Широко распространенным препятствием к заключению браков являлись враждебные, особенно кровнические отношения между родственниками жениха и невесты.

Осетинская семья в дореформенный период существовала в двух видах – моногамной

и полигамной. Господствующей формой брака оставалась моногамия, при которой брачный союз заключался между двумя супругами. Однако довольно распространённой была и полигиния в форме двоеженства, практиковавшаяся главным образом среди верхушки населения. В этом случае в дом брали вторую жену (осет. *номылус*), происходившую из низшего сословия и используемую в качестве дополнительной рабочей силы в семейном хозяйстве и в качестве наложницы. Однако полигиния встречалась и в крестьянских слоях населения, где вторую жену брали главным образом из-за бездетности или нетрудоспособности первой. Очевидно, что полигиния объяснялась практическими соображениями ведения домашнего хозяйства, поэтому это явление чаще наблюдалось в малых семьях, а не в больших, где всегда имелось достаточное число рабочих рук.

В традиционном обществе бытовали две основные формы заключения брака: брак по сговору (сватовству, соглашению) и брак похищением (умыканием, уводом, уходом) [3, с. 52–56]. В первом случае необходимыми условиями заключения брака выступали брачный выкуп и выдача приданого.

Важным признаком брака у народов Северного Кавказа являлся его покупной характер, обусловленный наличием калыма, который являлся обязательным условием брака. Адаты трактовали калым как выкуп, выдаваемый за невесту ее семье. Его величина зависела как от сословной принадлежности, так и экономической состоятельности вступающих в брак. По шариату калым делился на две части, одна предназначалась родне невесты в качестве брачного выкупа, другая (кебин) – как дар самой невесте, которым она могла распоряжаться в случае вдовства или развода [3, с. 48]. Величина и состав калыма определялись сословной принадлежностью брачующихся. У осетин, как и у других народов региона, брак также заключался на основе купли-продажи. Такой способ заключения брака отражал экономические интересы тех семейно-родственных коллективов, представители которых вступали в брак. Размер выкупа за невесту (осет. *ирæд*) определялся социальным статусом брачующихся и их экономическим положением. Для разных сословий существовал свой размер выкупа, однако чем знатнее и богаче были семьи, между представителями которых заключался брачный союз, тем больше был размер выкупа. У христиан, руководствовавшихся адатами, выкуп целиком шел родне невесты, у мусульман, в соответствии с ша-

риатом, родне отходила только определенная его часть, другая же предназначалась самой невесте на случай ее вдовства или развода по инициативе мужа.

Источники отмечают, что по осетинскому обычному праву размер брачного выкупа за невесту был достаточно большим у всех сословий, и выплата калыма была обременительным обычаем. Размер его доходил до 1 000 руб. серебром, что равнялось стоимости 100 быков [2, с. 40]. После вхождения Осетии в общероссийское административно-правовое пространство размер калыма колебался от 150 до 440 руб.; в 1859 г. по постановлению представителей от осетинского народа максимальный размер калыма был снижен до 200 руб. Однако последующие сборники адатов (например, в записи 1866 г.) фиксируют увеличение размеров калыма для всех осетинских обществ. Так, например, в Дигории «у бадилят за девушку полагается 650 руб. ... За вдову калыма 500 руб. ... У дигорцев низшего сословия за девушку уплачивается родным ее 150 руб. и особенно дяде 10 рублей. За вдову 150 руб.». У тагаурцев и куртатинцев ставки калыма были следующие: «У алдар калым как за девушку, так и за вдову 420 руб. ... У фарсалак и кавдасардов за девушку калым 330 руб., а за вдову 250 руб.». У алагирцев «калым в точности не определен и, смотря по состоянию и условиям, уплачивается в размере от 200 до 360 руб.» [2, с. 67–68].

В случае заключения брака с женщиной из низших сословий размеры калыма были заметно меньше, однако такой брак признавался вполне «законным». Дети же, рожденные от подобных союзов, выделялись в особую социальную категорию (*кумайагов* – в Дигории и *кæвдæсардов* – в других осетинских обществах). В записи осетинских адатов сказано, что представители кавдасардов происходили «от слуг, привезенных узданылаги при переселении в Тагаурское ущелье, и от дочерей фарсаглагов в таком случае, когда узданылаг купит у фарсаглага дочь его не в жены, а в работницы. Тогда дети, рожденные ею, будут кавдасарды, принадлежащие узданылагу, хозяину их матери» [2, с. 12]. «Низкое» происхождение вело к сословному неполноправию потомков знати и «именных жен». Так обычное право «компенсировало» нарушение сословной экзогамии, восстанавливая некий общественный баланс.

Со своей стороны, семья невесты давала ей приданое, размер и состав которого не оговаривался ни адатами, ни шариатом, однако в соответствии с договоренностями, к которым

приходили стороны, он соотносился с размером брачного выкупа. В этом случае на размер приданого также влияли общественный вес и экономическая состоятельность фамилии. Не дать приданого или дать слишком мало – значило расстроить брак и получить общественное осуждение. Все имущество, предназначенное невесте в качестве приданого, поступало в ее распоряжение.

Значительные размеры брачного выкупа привели к развитию такой формы заключения брака, как похищение невесты. Но, кроме сугубо экономических, существовали и мотивы психологического свойства: например, желание породниться со знатной и влиятельной фамилией или просто молодечество [3, с. 54]. Несмотря на распространенность, эта форма заключения брака считалась противоправной. Родне похитителя грозило кровомщение, хотя дело могло окончиться и примирением сторон [2, с. 257]. При разных видах похищения полагались различные имущественные компенсации, поступавшие обиженной стороне в обеспечение брачного выкупа.

Довольно распространенным у осетин, как и на всем Северном Кавказе, было также так называемое «люлечное обручение» [2, с. 51] – таким образом можно было намного раньше установить близкие отношения между семьями или даже фамилиями, заранее обеспечить сына женой там, где не хватало женщин, растянуть сроки уплаты брачного выкупа и т. п.

Однако наиболее распространенной формой создания семьи был брак по сговору [3, с. 56–57]. Он выступал в нескольких основных видах, одним из которых был брак по сговору родителей [2, с. 256–257]. В этом случае сговор мог заключаться между родителями как совершеннолетних, так и малолетних или даже еще не родившихся детей.

К браку по сговору совершеннолетних примыкало несколько архаичных форм брака, рассматривавшихся как механизмы облегчения и замены покупного брака и широко распространенных у осетин еще в середине XIX в. Это обменный брак, избавлявший от брачного выкупа; брак отработкой, который, как отмечают исследователи, на Северном Кавказе практиковался только у осетин и ногайцев; левират, который диктовался как экономическими, так и идеологическими соображениями; сорорат, обусловленный также в основном экономическими мотивами.

Правовыми нормами особенно подробно оговаривались условия заключения левиратного брака, при котором вдова умершего обя-

зана была вторично выйти замуж за представителя семьи ее покойного мужа. «Если после смерти мужа остается жена в доме родителей или братьев его с детьми или бездетная, то родные и братья мужа, не освобождая ее, насильственно принуждают выйти за одного из них замуж, хотя бы этого она и не желала; если же она от этого откажется, то в таком случае отправляют ее к родителям ее и заставляют проживать там, запрещая выходить замуж за другого, без предварительного позволения родственников прежнего мужа; а с взявшим ее в замужество, без подобного позволения, имеют мщение и вражду» [2, с. 50]. В институте левиратного брака реализовывался принцип «вдова – собственность семьи ее покойного мужа», охранявший экономическую целостность семейного союза.

Сороратные браки заключались по тем же соображениям имущественной выгоды. При такой форме брака овдовевший мужчина брал в жены сестру своей умершей жены, в этом случае необходимость вторичной уплаты калыма либо отпадала вообще, либо он выплачивался в значительно меньших размерах.

Нормами обычного права регулировался и брачный возраст, который для мужчин определялся 15–16 годами, для женщин – 12–14 [1, с. 117], хотя обычно браки заключались в старшем возрасте. Достижение брачного возраста являлось необходимым и достаточным условием вступления в брак. Взаимного согласия брачующихся не требовалось. По обычному праву осетин минимальный брачный возраст девушек составлял 13–14 лет, для юношей же возрастные границы строго не определялись. Однако уже после 1858 г. возрастные пределы для вступления в брак строго оговаривались для обоих полов: например, сватовство разрешалось при достижении женихом шестнадцатилетнего возраста, невестой – двенадцатилетнего, замужество невесте дозволялось с 15 лет [2, с. 51, сноски 1].

В реальности из-за больших размеров брачного выкупа мужчины вступали в брак достаточно поздно. У разных сословий брачный возраст определялся по-разному. Так, в среде социальной знати брачный возраст понижался для мужчин и повышался для женщин, поскольку здесь легче было собрать все необходимое в счет уплаты брачного выкупа, с одной стороны, и не возникало особой необходимости в скорейшем приобретении дополнительных рабочих рук – с другой. У низших сословий нередко или мужчины женились значительно позже, или уже взрослая девушка бралась в

жены малолетнему сыну, чтобы можно было использовать ее в качестве работницы.

Брак прекращался либо вследствие смерти одного из супругов, либо вследствие развода. Первая форма прекращения брака была наиболее распространенной. После смерти супруга начинался раздел семейного имущества, механизмы которого оговаривались в обычно-правовых нормах. Если умирала жена, то все ее имущество переходило к мужу. Дети наследственными правами не обладали.

Что касается развода, то у народов Северного Кавказа он был достаточно редким явлением. Инициатором развода мог выступать только мужчина. Обычно основаниями для развода являлись бездетность женщины, ее неизлечимая болезнь или прелюбодеяние. Если же основания для развода казались родственникам жены (не только членам ее семьи, но и представителям более широких родственных объединений) недостаточно убедительными, то в таком случае развод трактовался как личное оскорбление и мог повлечь за собой кровную месть. После развода по инициативе мужчины он терял право на возвращение калыма; если жена сама уходила от мужа, то ее родня обязана была возратить калым. Дети оставались в семье отца, однако шариат позволял матери воспитывать детей до семилетнего возраста.

У осетин условия прекращения и расторжения брака обычным правом четко не определялись. Чаще всего поводом к расторжению брака становились бездетность жены или ее физические недостатки.

Но если медиаторский суд не находил достаточными основания, по которым муж оставил свою жену, это могло повлечь негативные последствия для мужчины. Например, он терял право на возвращение имущества, уплаченного в качестве брачного выкупа в пользу родственников жены и, более того, обязывался выплатить штраф. Такие же последствия могли иметь место и для женщины, покинувшей своего мужа без особых на то оснований. Ее родственники в этом случае обязывались вернуть уплаченный за нее выкуп. Кроме того, муж, которого оставила жена, мог требовать возвращения части брачного выкупа и в том случае, если для ее ухода все же имелись веские причины. Адаты сообщали: «Муж имеет право, когда ему угодно, прогнать от себя жену и получает тогда от ее родственников половину заплаченного им за нее калыма... Ежели жена не хочет жить с мужем и уйдет от него, то отец или братья ее должны заплатить оставленному ею мужу 45 коров, и если она впоследствии

выходит замуж, то новый ее муж должен заплатить старому, оставленному ею мужу, опять 45 коров» [2, с. 27].

Однако женщине редко предоставлялось право на развод даже при наличии серьезных оснований. Как правило, инициатором развода выступал муж. Разведенную жену, по чьей бы инициативе ни был расторгнут брак, порицали, кроме того, она не имела права забрать с собой детей, которые при разводе оставались в семье мужа.

Основными юридическими последствиями развода являлись операции с имуществом, уплаченным в качестве брачного выкупа. Его судьба решалась исходя из конкретных обстоятельств развода.

Повторные браки допускались для обоих полов, при этом считалось более приличным, если они заключаются с вдовами или с разведенными, хотя мужчин это касалось все же меньше, чем женщин. Вдова, выходя замуж, должна была оставить родне мужа детей и брачный выкуп. Считалось также, что если у вдовы несколько детей, то она вправе посвятить себя их воспитанию, о чем она должна была сообщить родственникам покойного мужа. В таком случае она уже не выходила замуж, оставаясь жить в доме мужа на попечении его родных.

В таком виде семейное право у осетин функционировало вплоть до конца 50-х гг. XIX в., когда внутренняя жизнь местных обществ оказалась в зоне повышенного внимания правительственной администрации и духовных властей. По мнению экзарха Грузии архимандрита Евсевия, растущая опасность исламизации населения при отсутствии контроля со стороны православного духовенства могла привести к укоренению шариата на местной «языческой» почве. Поэтому экзарх полагал необходимым ограничить пределы действия обычно-правовых норм (трактуемых как возврат к «язычеству» и потому «вредных» для православной церкви). Особое внимание архиепископ обратил на нормы, связанные с обычаями заключения левиратных и сороратных браков, выплатой калыма, двоеженством и межконфессиональными браками. К его просьбе «об отобрании у христиан-двоеженцев лишних жен; об отобрании у магометан... христианских женщин и о приказании осетинским христианам, живущим в браке, не благословленном церковью, обвенчаться» [4, л. 1–1об.] прислушались в штабе войск Левого крыла [4,

л. 9]. Начальнику Военно-Осетинского округа полковнику Мусе Кундухову было настоятельно рекомендовано немедленно выполнить все распоряжения экзарха и окончательно устранить «вредные для церкви» народные обычаи [4, л. 14].

Для принятия новых правил в 1859 г. был созван «величайший народный сбор». На нем, помимо норм, относящихся к уголовно-правовой сфере применения адатов, были пересмотрены некоторые частные аспекты гражданско-правовых отношений, касающихся левирата, брачного выкупа, наследования, поминальных расходов. Несоблюдение принятых постановлений каралось внушительным штрафом в размере 100 руб. серебром. «Народное постановление» закреплялось циркуляром начальника округа, контроль же возлагался на старшин, которые обязывались докладывать начальству обо всех случаях нарушения нового порядка.

Однако властям не удалось сразу ликвидировать существовавшие обычаи, связанные как с «двоеженством», так и с практикой заключения левиратных, сороратных и межконфессиональных браков [4, л. 62–65об.]. Окончательному их изживанию, очевидно, мешала не только укорененность в сознании горца, но и вполне рациональная подоплека, обусловленная спецификой традиционного быта и хозяйствования и обеспечивавшая горскому социуму выживание в сложных условиях жизнеобеспечения.

Таким образом, семейное право составляло одну из наиболее важных сфер традиционной юридической практики в горских обществах Северного Кавказа, в том числе и у осетин. Его разработанность свидетельствовала о значимой роли семьи и брачно-семейных отношений в поддержании баланса в социально-экономической и правовой жизни традиционного горского социума, сдерживании партикулярных интересов отдельных семей в целях сохранения мирных отношений внутри сельской общины. В основе адатов, регулирующих брачно-семейные отношения, лежали укорененные в веках и в общественном сознании нормы, обусловленные спецификой традиционного жизнеустройства и потому имевшие вполне рациональное происхождение. Как и в других сферах внутриобщинной жизни, адаптивные механизмы, заложенные в нормах семейного права, обеспечивали горскому социуму его выживание и простое воспроизводство.

Литература и источники

1. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1882. Вып. 1. 447 с.

2. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1883. Вып. 2. 403 с.
3. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.
4. Центральный государственный архив РСФСР-А. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5.

References

1. Leontovich F. I. Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza (*The Adats of Caucasian mountaineers. Materials on the North and East Caucasus common law*). Odessa: P. A. Zelenyi's Printing house, 1882. Issue 1. 447 p.
2. Leontovich F. I. Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza (*The Adats of Caucasian mountaineers. Materials on the North and East Caucasus common law*). Odessa: P. A. Zelenyi's Printing house, 1883. Issue 2. 403 p.
3. Smirnova Ja. S. Sem'ja i semejnij byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraja polovina XIX–XX v.) (*Family and family mode of life of the peoples of the North Caucasus (the second half of the XIXth – the XX c.)*). Moscow: Nauka Publ., 1983. 264 p.
4. Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania. F. 25. Inv. 1. C. 5.

УДК 930.1(470.6)

Т. А. Колосовская

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА XVIII–XIX вв.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕМЫ

Статья посвящена рассмотрению отечественной историографии темы участия российских военных в изучении Северного Кавказа XVIII–XIX вв. и их роли в политике памяти, направленной на формирование императивов общеимперской идентичности в регионе. На основе анализа многочисленных работ по проблемам включения Северного Кавказа в российское государственное простран-

ство подчеркивается научная актуальность темы и необходимость продолжения ее изучения с привлечением широкого круга архивных материалов.

Ключевые слова: отечественная историография, Северный Кавказ, российско-северокавказские отношения, российские военные, научно-практическая деятельность.

T. A. Kolosovskaya

RUSSIAN MEN OF ARMS IN THE SOCIAL AND CULTURAL SPACE OF THE NORTH CAUCASUS IN XVIII–XIX cc.: THE HISTORIOGRAPHY CONTEXT

The article gives an overview of modern historiography as regards the participation of Russian soldiers in studying the Caucasus in XVIII–XIX cc. The study specifies their role in the policy of memorialisation and foundation of memory in order to form the all-imperial self-identification. Based on the analysis of numerous works and books on different aspects of the Caucasus

enclosure into the Russian state the article emphasizes the topicality of the study and the necessity of its further research with the reference to archive primary sources.

Key words: russian historiography, North Caucasus, Russian-North Caucasus relations, Russian men of arms, scientific and practical activity.

Вооруженные силы занимают особое место в истории развития российской государственности. На протяжении веков армия не только служила гарантом защиты страны от внешней агрессии, но и выполняла функции, далеко выходящие за рамки чисто военных, как один из важнейших государственных институтов. В имперский период российской истории, по мере расширения государственных границ и при-

соединения новых территорий армия активно включалась в изучение окраин страны, тем самым способствуя их интеграции в общероссийское пространство.

Значительный интерес в этом отношении представляет научно-практическая деятельность российских военных на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв., в ходе присоединения региона к Российской империи, его интеграции

и модернизации. Вопросы российско-северокавказского исторического взаимодействия указанного периода представлены обширным комплексом работ, созданных отечественными историками. В рамках настоящей статьи проанализируем, во-первых, отражение в российской историографии вопроса участия российской армии в изучении Северного Кавказа; во-вторых, осмысление отечественными историками роли российских военных в политике памяти на новой окраине страны, направленной на формирование императивов общеимперской идентичности. Все многообразие работ систематизируем по хронологическому принципу, выделив три основных периода: дореволюционный (имперский), советский и современный, внутри которых представим исследования по различным аспектам рассматриваемой темы.

Первые попытки осмыслить участие российских военных в познании Северного Кавказа и его народов осуществлялись уже во второй половине XIX в. В обобщающих работах по истории Кавказской войны не только раскрывался смысл и значение недавних военных событий, но и проводилась мысль о том, что ответственность за «понимание» новой окраины России легла в первую очередь на плечи военных. «Едва ли когда-либо и где-либо военная история представляла вопрос более сложный и трудный для разрешения, нежели тот, который встретился России в умиротворении Кавказа, — писал один из первых кавказских военных историков полковник Д. И. Романовский. — Недоступная, своеобразная местность этого края, его разноплеменное воинственное народонаселение, особые условия Кавказской войны и ее самобытный характер требовали основательного и глубокого изучения...» [41, с. 197]. Поскольку достоверной информации о регионе было крайне мало, у военных оставалось одно средство — «изучение на месте» [41, с. 197].

Утверждение об участии российской армии в «открытии» Северного Кавказа нашло свое развитие и подкрепление фактическими данными на страницах изданий, посвященных истории создания и деятельности русского Генерального штаба [5, 6]. В них представлены хотя и краткие, но опирающиеся на архивные документы сведения о службе офицеров Генерального штаба «по части разведок и ознакомления с краем» [6, с. 202].

Вопросы истории географического изучения Кавказа военным ведомством затрагиваются в коллективной работе, посвященной Корпусу военных топографов [12]. Издание было под-

готовлено к празднованию юбилея учреждения Корпуса и включало обширный материал отражающий проведение картографических, топографических, астрономических и тригонометрических исследований различных частей России. Для нас особый интерес в нем представляет обзор работ, произведенных военными топографами на Северном Кавказе: съемки малых пространств и маршрутов, тайные обзоры местностей, составление карт. Широкое использование архивных документов позволило авторам передать условия, в которых чинам Корпуса военных топографов приходилось выполнять свои служебные задания, показать затруднения и опасности, с которыми они сталкивались.

Отдельные аспекты организации военным ведомством мероприятий, направленных на топографическое и этнографическое изучение присоединяемых северокавказских территорий встречаем в работах известных историков-кавказоведов рубежа XIX–XX вв. Описание Эльбрусской военно-научной экспедиции генерала Г. А. Емануеля посвятил главу своего многотомного исследования В. А. Потто [36, с. 368–396], на проведение разведывательных экспедиций на Северо-Западном Кавказе в период управления краем И. Ф. Паскевича обращает внимание С. С. Эсадзе [49, с. 29–46], история осуществления «скрытных обзоров» горных районов Дагестана при Г. В. Розене и Е. А. Головине попала в поле зрения Е. Г. Вейденбаума [4, с. 281–297]. Представленные в этих работах многочисленные факты проливают свет на особенности организационных форм изучения российскими военными региона во время Кавказской войны.

Одним из дореволюционных направлений в изучении Северного Кавказа периода его присоединения к России стали полковые истории. Традиции их создания формируются в России на рубеже XVIII–XIX вв. и в дальнейшем получают широкое развитие как одно из направлений военной историографии. К началу XX в. большинство войсковых частей Кавказского военного округа располагали своими историями [19]. Многие из них по своему содержанию выходили далеко за рамки сухого перечня военных сражений. Большое внимание в них уделялось истории создания полковых штаб-квартир, организации досуговой деятельности офицеров и солдат полка, их стремлению к познанию Кавказа и его жителей, деятельности по благоустройству военных кладбищ и установке военных монументов. Приведенные в полковых историях сведения обращают внимание на отдельные стороны многогранного процесса воз-

действия российских военных на социокультурное пространство Северного Кавказа.

В контексте рассматриваемой темы особый интерес представляют работы, посвященные жизни и деятельности российских офицеров, связавших службу на Северном Кавказе с его изучением: Г. В. Новицкому [43], И. И. Ходзько [40], П. К. Услару [11] и др. К этой группе работ следует отнести библиографические исследования, отражающие жизненный путь и результаты научной деятельности военных кавказоведов-историков [8, 46, 47]. К сожалению, в большинстве своем эти работы оказались разбросанными по изданиям ученых обществ, журналам и газетам, что затрудняет их выявление и существенно ограничивает обращение к ним современных исследователей.

Следует отметить, что уже в дореволюционный период в исторических работах, посвященных региону затрагивались вопросы участия российских военных в сохранении памяти исторического прошлого Кавказа. Наиболее ярко эта тема нашла отражение в труде В. А. Потто о памятниках «русского владычества» на Кавказе [37]. Тем не менее, нельзя не учесть тот факт, что, возглавляя в начале XX в. Военно-исторический отдел при штабе Кавказского военного округа, Потто был не только непосредственным участником той политики памяти, которую проводила военная администрация на Кавказе, но и являлся одним из ведущих ее идеологов. Его труды скорее выступают в роли источников, нежели научных исследований по проблеме.

Бесспорно, что дореволюционная историография внесла значительный научный вклад в разработку отдельных аспектов исследуемой темы. Но в большинстве представленных выше работ вопрос о роли военных в культурном освоении региона только ставился, а дальнейшая его разработка была прервана в связи с изменившейся политической обстановкой в стране.

Советская историография отличалась негативизмом в отношении отечественной истории дореволюционного периода. Об этом свидетельствовали господствовавшие в ней такие парадигмы, как: народ страдал и бедствовал; элита маниакально преследовала корыстные классовые интересы, забывая об интересах общества, государства и нации; самодержавие было озабочено только интересами дворянства и самосохранением; Российская империя эксплуатировала все народы, населяющие страну; бюрократия отличалась некомпетентностью и коррупцией и т. д. [33, с. 15]. В таких условиях генералы и офицеры Русской импе-

раторской армии попали в разряд «царских слуг», сознательно и последовательно поддерживающих «колониальный режим царской России» на Северном Кавказе [44].

Повышенное внимание к социально-экономическим проблемам отодвигало на задний план вопросы изучения культурного многообразия Северного Кавказа и накопления знаний для органичного включения региона в единое государственное пространство России. В целом, советский историографический этап в изучении обозначенной проблемы ограничился обращением к теме северокавказского просветительства, а также рассмотрением роли декабристов и русских писателей в знакомстве с Кавказом российской общественности. При этом акцент делался на их подвижнической деятельности, как поборников прогресса, не обращая внимание на то, что многие из них были офицерами русской армии, а их научно-практическая деятельность напрямую была связана с выполнением служебных заданий.

Исключением в этом отношении являлись работы советского этнографа М. О. Косвена [21, 22]. Обращаясь к вопросам истории этнографического изучения Кавказа в русской науке, он собрал и опубликовал огромный фактический материал, свидетельствующий о длительном и плодотворном процессе постепенного накопления сведений о новой окраине России. Из приведенных им данных следует, что одними из активных участников этого процесса были военные, преимущественно офицеры Генерального штаба. Высокую оценку научно-практической деятельности российских военных давал известный кавказовед Н. И. Покровский, включив в источниковедческий обзор своего труда их имена и работы [35, с. 26–97]. Однако такие оценки являлись скорее исключением из общего правила. Примечательна в этом отношении судьба самой работы Н. И. Покровского. Написанная в 1930-х гг., она долгие годы пролежала в различных издательствах и была опубликована лишь в 2000-х гг.

Следует отметить ряд работ, посвященных жизни и исследовательской деятельности отдельных офицеров на Северном Кавказе [9, 48]. Материал об организации военным ведомством подготовки военной истории Кавказа встречаем в фундаментальной работе Л. Г. Бескровного по проблемам становления и развития военной историографии в России [2]. Рассмотрению участия российских военных в сохранении исторической памяти военного прошлого на примере деятельности Военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа посвящена работа Л. М. Паровой [34].

Тему участия российских военных в культурном освоении новой окраины страны в советский период вряд ли можно назвать приоритетной. На страницах коллективного двухтомного труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до 1917 г. [13, 14], ставшего вершиной отечественной историографии региона к концу 1980-х гг., на первый план выходит рассмотрение вклада ученых Академии наук в изучение местных природных богатств и самобытной культуры. Об участии военного ведомства в организации научного познания новой окраины страны упоминается лишь вскользь.

Следующий этап в изучении темы приходится на 1990-е гг. и до настоящего времени. В этот период усиливается интерес исследователей к истории окраин Российской империи, в том числе и Северного Кавказа. Во многом это определяется современной политической ситуацией, требующей изучения исторического опыта для укрепления основ государственного единства при сохранении культурного многообразия народов, входящих в состав страны. Свою роль играет изменение методологических основ исторических исследований, переход от изучения фактов и процессов к идеям и ментальностям, что позволяет расширить предметное поле темы российско-северокавказских отношений и обратиться к проблемам ранее не рассматриваемым.

В отдельное направление современного кавказоведения оформилась тема истории изучения Северного Кавказа. Важную роль в этом сыграла монография М. Е. Колесниковой [18], посвященная складыванию и развитию северокавказской историографической традиции. В ней рассматривается деятельность академических экспедиций, научно-исследовательская работа научных учреждений и обществ, исследовательская практика историков-любителей. Значительное внимание уделяется роли российской армии в историческом и этнографическом изучении региона XVIII–XIX вв. Обширность материала не позволила автору подробно проанализировать каждую из приводимых работ военных специалистов, показать ее специфику с учетом цели создания, формы представления, влияния на российскую политику в регионе. Это определяет необходимость продолжения разработки темы. Более того, рассмотрение исследовательской деятельности российских военных в широком историческом контексте постепенного сближения России с Северным Кавказом, позволит выявить мощный интеграционный потенциал такого исторического феномена как военное кавказоведение.

В последнее время тема научно-практической деятельности военных в контексте имперской политики на новых окраинах страны пользуется повышенным интересом ученых. Вопросы участия российских офицеров в изучении Кавказа, Туркестана, Сибири и Дальнего Востока попали в поле зрения М. К. Басханова [1]. О сборе стратегической информации о Северном Кавказе в конце 20–30-х гг. XIX в. в контексте российской политики в регионе писал Ю. Ю. Клычников [15]. Эти же вопросы, но уже в более широких хронологических рамках и в свете включения края в культурное поле России рассматриваются в коллективной монографии с его участием [16]. О проведении разведывательных экспедиций в горы Северо-Западного Кавказа и их роли в развитии этнографического и топографического исследования региона упоминает А. Е. Савельев [42]. Организации военным ведомством картографирования и географического изучения Северного Кавказа в XIX в. занимается А. А. Литвин [27].

Вопросы военного кавказоведения входят в сферу научных интересов кубанского историка О. В. Матвеева. Ему удалось собрать и проанализировать обширный документальный материал по истории создания полковых летописей Кубанского казачьего войска, реконструировать служебный и жизненный путь более и менее известных бытописателей казачества [30, 32]. Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет его исследование жизни и военно-литературной деятельности А. Л. Зиссермана. На примере этого «кавказца» лермонтовского типа О. В. Матвеев поднимает вопрос о роли российских офицеров «в преодолении межцивилизационных разломов и создании пространства общения и взаимопонимания» [32, с. 148] в период Кавказской войны.

На историографическом аспекте Кавказской войны следует остановиться подробнее, поскольку именно военные события выступали тем историческим фоном, на котором разворачивалась научно-практическая деятельность российских офицеров в регионе, а стремление к сохранению памяти военного прошлого Кавказа определяло практики политики памяти в мирное время.

На современном этапе не утихают споры о причинах, хронологических рамках и сущности этого вооруженного противостояния, даются диаметрально противоположные оценки его последствий. Преодоление этой «войны историкографий» многие современные историки видят в изменении вектора научных исследований и рассмотрении Кавказской войны «не

как поля классического вооруженного столкновения», а как пространства «сложного, и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции и навыки» [31, с. 285].

В связи с этим наметилось стремление осмыслить войну сквозь призму ментальности ее участников. Появился целый пласт работ, посвященных лидерам военной и гражданской администрации на Кавказе. В них наблюдается отказ от сложившейся еще в советский период прямолинейной и во многом тенденциозной оценки военно-административных деятелей как проводников «политики национального угнетения и русификации». На основе комплексного подхода предпринимаются попытки реконструкции их сложных психологических портретов, а оценка деятельности осуществляется с учетом их принадлежности к конкретной исторической эпохе.

Наблюдается отход от изучения исключительно боевых действий и смещение внимания исследователей к рассмотрению вопросов мирного сближения России с народами региона. В этом ключе представляют интерес работы, посвященные изучению меновой торговли, повседневной жизни в экстремальных условиях военного времени, российским крепостям и их месту в истории урбанизации Северного Кавказа. В поле зрения исследователей попадают офицеры-горцы на русской службе. Второе рождение переживают темы, связанные с феноменом северокавказского просветительства и декабристами на Кавказе.

Заметным историографическим явлением последнего десятилетия стало появление работ, посвященных проблемам формирования образа Кавказа и его жителей в глазах российской общественности XIX в. Немалую роль в этом сыграло обращение отечественных историков к концепции ориентализма Э. Саида, весьма спорной и противоречивой по своему содержанию. Работы современных ученых затрагивают вопросы участия российских офицеров в формировании представлений о новой окраине страны, содержат ряд интересных наблюдений и положений. Отдельно в этом отношении следует выделить исследования Т. А. Булыгиной [3], обращающейся к теме особенностей образа «другого» в текстах российских кадровых военных, от непосредственных действий которых зависело разрешение российско-северокавказских противоречий.

Для изучения российско-горского межкультурного диалога все чаще исследователи обращаются к понятию «фронтир». С его помощью

пытаются выявить этносоциальные особенности долговременного взаимодействия представителей различных культур на Северном Кавказе в ходе российской колонизации региона. В этом отношении большой интерес представляют труды петербургского исследователя В. В. Лапина о русской армии в Кавказской войне [24, 26]. Ученый не ограничился рассмотрением лишь боевой практики российских вооруженных сил в регионе в XVIII–XIX вв., а пошел дальше и охарактеризовал влияние среды на организацию самого пространства войны, вооружение и снаряжение российской армии, трансформацию методов и обычаев войны, складывание особой военной общности.

В своих трудах В. В. Лапин справедливо подчеркивает, что регулярная армия была вынужденно вовлечена в процесс формирования культуры фронта. Этому способствовало ведение воинскими частями своего хозяйства, длительное проживание в определенной местности, осознание солдатами необходимости адаптироваться к новым условиям. Новаторски звучит вывод исследователя о превращении Отдельного Кавказского корпуса в некий субэтнос, заметно отличающийся своим бытом и ментальностью от остальной императорской армии. При этом весьма спорным является тезис ученого о том, что «нежелание и неспособность российских военачальников понять образ мышления горцев, их обычаи и жизненный уклад туго затягивали узел конфликта» [26, с. 29].

Положения о нежелании военного ведомства изучить и понять своего противника можно встретить и в других современных исследованиях. Так, например, в работе А. В. Дубровина отмечается, что «основным источником информации для Петербурга являлись рассказы «фазанов», непродолжительное время находившихся на Кавказе и любивших приукрасить действительность» [10, с. 51]. Такие утверждения, на наш взгляд, требуют более основательного обоснования с опорой на архивные документы.

О российской армии на Северном Кавказе как универсальном инструменте имперской политики в регионе в конце XVIII – первой половине XIX в. пишет О. С. Пылков [38, 39]. В его трудах армия показана в качестве полифункциональной силы, используемой не только по прямому назначению. Стремление российских властей к истинной интеграции присоединяемых территорий приводило к активному использованию созидательного потенциала вооруженных сил, в том числе для экономического и культурного освоения региона. Строительство крепостей, прокладка дорог и устройство сопутствующей

инфраструктуры (мосты, почтовые станции и т. п.), организация при помощи армии системы медицинского обеспечения и распространение зачатков европейской образованности в регионе – вот далеко не полный перечень проблем, попавших в поле зрения исследователя.

Признавая неоспоримые заслуги О. С. Пылкова в деле исследования отдельных аспектов «цивилизаторской» роли российской армии на Северном Кавказе, считаем, что данная обширная тема требует продолжения исследования, в том числе за счет расширения ее хронологических рамок и использования новых теоретических подходов.

Среди работ последнего времени, посвященных истории Кавказской войны, заслуживают внимания труды Я. А. Гордина [7]. Исследователь отошел от событийного подхода в изложении и обратился к рассмотрению таких дискуссионных вопросов темы как причины движения России на Кавказ, а также методы и способы его «замирения». Тема проектов «покорения и устройства» Северного Кавказа, обозначенная в исследованиях Я. А. Гордина, получила активное развитие на современном этапе. Вопросу поиска наиболее эффективного и рационального пути разрешения военного противостояния с горцами посвящаются научные статьи и диссертации, публикуются сборники документов. Многообразие проектов, служебных записок, частных соображений показывают широкий спектр идей: от жестких военных методов до предложений компромиссного характера, учитывающих особенности психологии и традиций горских народов. Не малая часть подобного рода предложений была подготовлена кадровыми военными, принимавшими непосредственное участие в изучении региона.

Вопросам российской политики на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в., ее влиянию на устойчивость имперского сплочения иноэтнических сообществ края и завершения процесса государственной интеграции посвящены работы В. А. Матвеева [29]. Особый интерес в контексте рассматриваемой

нами темы представляет предложенный автором «принцип единого Отечества», являющийся, по его мнению, основополагающим в проводимой на окраинах политики. На наш взгляд, данный принцип позволяет объяснить не только российскую практику административно-политического обустройства новой окраины (что на основе разнообразных источников осуществляет В. А. Матвеев), но и пролить свет на особенности процесса формирования массового исторического сознания, важную роль в котором сыграли российские военные.

Качественно новое развитие на современном этапе получает тема сохранения исторической памяти военного прошлого Северного Кавказа. Следует назвать исследования, в которых рассматриваются монументальные практики коммеморации, характерные для региона во второй половине XIX – начале XX в. [23, 25]. Целый ряд работ посвящен военным историкам – бытописателям Кавказа: как общеизвестным, так и тем, имена которых оставались незаслуженно забытыми до настоящего времени [17 и др.]. Отдельно выделим основательную работу белорусского историка А. Н. Максимчика, посвященную истории создания и деятельности Кавказского военно-исторического музея [28].

В завершение историографического обзора отметим, что формированию основ военного кавказоведения в контексте военно-политических событий на Северном Кавказе XVIII–XIX вв. посвящена монография Д. С. Ткаченко и Т. А. Колосовской (2011 г.) [45]. Спустя четыре года в свет вышло еще одно исследование, существенно дополняющее предыдущее привлечением новых исторических фактов и акцентирующее внимание на роли научно-практической деятельности российских военных в формировании единого российско-северокавказского государственного пространства [19]. Анализ многочисленных работ по проблемам включения Северного Кавказа в состав России свидетельствует о научной актуальности данной темы, а также необходимости ее дальнейшей разработки с опорой на архивные материалы и современные методологические практики.

Литература и источники

1. Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. 296 с.
2. Бескровный Л. Г. Очерки военной историографии России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 319 с.
3. Булыгина Т. А. Образ «другого» в текстах «кавказцев» XIX века. Опыт сравнения // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. Ставрополь: СГУ, 2010. Т. 1. С. 381–384.
4. Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды: Исследования и заметки. Тифлис: Типография М. Мартиросянц, 1901. 327 с.
5. Гейсман П. А. Исторический очерк возникновения и развития в России Генерального штаба в 1825–1902 гг. СПб.: Военная типография, 1910. Вып. II. 416 с.
6. Глиноецкий Н. П. История русского Генерального штаба. СПб.: Военная типография, 1894. Т. II. 284 с.

7. Гордин Я. А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. М.: Время, 2014. 512 с.
8. Городецкий Б. М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: Биобиблиограф. очерки // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1913. Т. 18. С. 333–396.
9. Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. М.: Наука, 1976. 130 с.
10. Дубровин А. В. Бурные дни Кавказа. Изменение ментальности российских офицеров, участвовавших в Кавказской войне. М.: Издательские решения, 2016. 370 с.
11. Загурский Л. П. Петр Карлович Услар и его деятельность на Кавказе // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис: Типография Меликова, 1881. Кн. XII. С. I–LXXXIII.
12. Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872 гг. СПб.: [б. и.], 1872. 787 с.
13. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. академик А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 659 с.
14. История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII в.) / отв. ред. академик А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1988. 544 с.
15. Клычников Ю. Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. 494 с.
16. Клычникова М. В., Клычников Ю. Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. 158 с.
17. Колесников В. А. Историография Хоперского казачьего полка: от генерала И. Л. Дебу до отставного хорунжего П. Л. Юдина // Кубанский сборник. Краснодар: Книга, 2006. Т. 1 (22). С. 32–57.
18. Колесникова М. Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: СГУ, 2011. 496 с.
19. Колосовская Т. А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII–XIX вв. М.: Каллиграф, 2015. 240 с.
20. Колосовская Т. А. «Сохраняя правдивую память о совершенных подвигах»: о роли Кавказского военно-исторического отдела в развитии полковой историографии во второй половине XIX в. // Военный сборник. 2015. № 1 (7). С. 4–13.
21. Косвен М. О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1955. Вып. 1. С. 265–374; 1958. Вып. 2. С. 139–274; 1962. Вып. 3. С. 158–288.
22. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 157 с.
23. Кринко Е. Ф. Отражение Кавказской войны в мемориальной культуре юга России // Антропология конфликта и мира в культуре народов юга России, Кавказа: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Книга, 2014. С. 92–103.
24. Лапин В. В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский Дом. 2008. 400 с.
25. Лапин В. В. Кавказская война XVIII–XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. 2007. №6. С. 82–101.
26. Лапин В. В. Кавказская война // Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. Сборник. СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2006. С. 3–51.
27. Литвин А. А. Картографирование и географическое изучение Кавказа военным ведомством (по фондам Российского государственного военно-исторического архива) // Северный Кавказ в истории России. XIX век. Сборник статей. М.: Государственный исторический музей, 2004. С. 79–91.
28. Максимчик А. Н. Кавказский военно-исторический музей. История и судьба уникального музейного собрания // Кавказский сборник. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015. Т.9 (41). С. 262–292.
29. Матвеев В. А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 2006. 256 с.
30. Матвеев О. В. Из истории и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар: Экоинвест, 2011. 252 с.
31. Матвеев О. В. К преодолению историографического тупика в изучении Кавказской войны: концепции взаимопонимания // Теория и практика общественного развития. 2013. №11. С. 285–289.
32. Матвеев О. В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015. 272 с.
33. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Т. 1. 548 с.
34. Парова Л. М. Создание и деятельность Военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа // Военно-исторический журнал. 1988. №5. С. 87–91.
35. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2009. 584 с.
36. Потто В. А. Кавказская война: в 5 т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5. 400 с.
37. Потто В. А. Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1906. Вып. I. 160 с.; 1909. Вып. II. 248 с.
38. Пылков О. С. «Созидатели» в мундирах: универсальный инструмент российской политики на Кавказе в XIX в. // Кавказский сборник. М.: НП ИД «Русская панорама», 2015. Т. 9 (41). С. 76–89.
39. Пылков О. С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Армавир: ИП Шурыгин В. Е., 2011. 248 с.
40. Пятидесятилетний юбилей И. И. Ходзько // Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Тифлис: Типография Грузинского издательского товарищества, 1894. Т. I. С. 174–179.
41. Романовский Д. И. Кавказ и Кавказская война. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004. 404 с.
42. Савельев А. Е. Роль российских офицеров в исследовании Кавказа // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. №2. С. 9–13.
43. Сакович П. М. Георгий Васильевич Новицкий. Биографический очерк // Военный сборник. 1878. №6. С. 276–300.

44. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. 320 с.
45. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...». Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: СГУ, 2011. 304 с.
46. Томкеев В. И. Памяти Василия Александровича Потто // Кавказский сборник. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1912. Т. 32. Ч. 1. С. 1–9.
47. Фарфаровский С. В. Литературная деятельность И. Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь: Типография губернского правления, 1910. Вып. 2. С. 1–14.
48. Халфин Н. А. Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга // Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М.: Издательство восточной литературы, 1978. С. 5–27.
49. Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис: Типография Штаба Кавказского военного округа, 1914. 182 с.

References

1. Baskhanov M. K. *Russkie voennye vostokovedy do 1917 g. Bibliograficheskii slovar' (Russian military orientalists before 1917. Bibliographic Dictionary)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2005. 296 p.
2. Beskrovnyi L. G. *Ocherki voennoi istoriografii Rossii (Essays on Russian military historiography)*. Moscow: SA USSR, 1962. 319 p.
3. Bulygina T. A. *Obraz «drugogo» v tekstakh «kavkaztsev» XIX veka. Opyt sravneniya (The image of "another" in the texts of "Caucasus people" XIX century. Comparison experience)* // Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz (*Disgraced: Russian writers open the Caucasus*). Anthology: in 3 vols. Stavropol: SSU publ., 2010. Vol. 1. P. 381–384.
4. Veidenbaum E. G. *Kavkazskie etyudy: Issledovaniya i zametki (Caucasian etudes: research and notes)*. Tiflis: M. Martirosyants printing house, 1901. 327 p.
5. Geisman P. A. *Istoricheskii ocherk vozniknoveniya i razvitiya v Rossii General'nogo shtaba v 1825–1902 gg. (Historical outline of the emergence and development of the General Staff in Russia in 1825–1902)*. St. Petersburg: Military printing house, 1910. Vol. II. 416 p.
6. Glinetskiy N. P. *Istoriya russkogo General'nogo shtaba (History of the Russian General Staff)*. St. Petersburg: Military printing house, 1894. Vol. II. 284 p.
7. Gordin Ya. A. *Kavkazskaya Atlantida. 300 let voiny (Caucasus Atlantis. 300 years of war)*. Moscow: Vremya, 2014. 512 p.
8. Gorodetskiy B. M. *Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza: Biobibliograf. ocherki (Literary and public figures of the North Caucasus. Bibliographic essays)* // Kubanskiy sbornik. Ekaterinodar, 1913. Vol. 18. P. 333–396.
9. Dzidzariya G. A. F. F. *Tornau i ego kavkazskie materialy (F. F. Thornau and his Caucasus materials)*. Moscow: Nauka, 1976. 130 p.
10. Dubrovin A. V. *Burnye dni Kavkaza. Izmenenie mental'nosti rossiiskikh ofitserov, uchastvovavshikh v Kavkazskoi voine (Stormy days of the Caucasus. Change in the mentality of Russian officers who participated in the Caucasian War)*. Moscow: Izdatel'skie resheniya, 2016. 370 p.
11. Zagurskiy L. P. *Petr Karlovich Uslar i ego deyatel'nost' na Kavkaze (Petr Karlovich Uslar and his activities in the Caucasus)* // Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (*Caucasian Department of Imperial Russian Geographical Society Notes*). Tiflis: Melikov's printing house, 1881. Vol. 12. P. I–LXXXIII.
12. *Istoricheskii ocherk deyatel'nosti Korpusa voennykh topografov, 1822–1872 gg. (Historical outline of the activity of the Corps of military topographers. 1822–1872)*. St. Petersburg, 1872. 787 p.
13. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.) (History of the peoples of the North Caucasus (the end of the 18th century – 1917))* / ed. by A. L. Narochitskiy. Moscow: Nauka, 1988. 659 p.
14. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.) (History of the peoples of the North Caucasus (from ancient times to the end of the 18th century))* / ed. by A. L. Narochitskiy. Moscow: Nauka, 1988. 544 p.
15. Klychnikov Yu. Yu. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840 gg.) (Russian policy in the North Caucasus. 1827–1840)*. Pyatigorsk: PSLU publ., 2002. 494 p.
16. Klychnikova M. V., Klychnikov Yu. Yu. *Vkhozhdenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777–1864 gg.) (The entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia. 1777–1864)*. Pyatigorsk: FE Filippov, 2006. 158 p.
17. Kolesnikov V. A. *Istoriografiya Khoperskogo kazach'ego polka: ot generala I.L. Debu do otstavnogo khorunzhego P. L. Yudina (Historiography of the Koper Cossack Regiment: from General I.L. Debu to a retired chorusing P. L. Yudin)* // Kubanskiy sbornik. Krasnodar: Kniga, 2006. Vol. 1 (22). P. 32–57.
18. Kolesnikova M. E. *Severokavkazskaya istoriograficheskaya traditsiya: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka. (North Caucasus Historiographic Tradition: Second half of the XVIIIth – early XXth century)*. Stavropol: SSU publ., 2011. 496 p.
19. Kolosovskaya T. A. *Rossiiskie voennye v sotsiokul'turnom pro-stranstve Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv. (Russian military in the socio-cultural space of the North Caucasus XVIII–XIX centuries)*. Moscow: Kalligraf, 2015. 240 p.
20. Kolosovskaya T. A. «Sokhranyaya pravdivuyu pamyat' o sovershen-nykh podvigakh»: o roli Kavkazskogo voenno-istoricheskogo otdela v razvitiy polkovoi istoriografii vo vtoroi polovine XIX v. («Keeping solid memoirs about the performed exploits»: a case for the Caucasus military-historical department's role in the establishment of the regimental historiography in the late XIX c.) // *Voennyi sbornik*. 2015. No. 1 (7). P. 4–13.
21. Kosven M. O. *Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniya Kavkaza v russkoi nauke (Materials on the history of ethnographic study of the Caucasus in Russian science)* // *Kavkazskii etnograficheskii sbornik*. Moscow: Nauka, 1955. Vol. 1. P. 265–374; 1958. Vol. 2. P. 139–274; 1962. Vol. 3. P. 158–288.
22. Kosven M. O. *Etnografiya i istoriya Kavkaza. Issledovaniya i materialy (Ethnography and history of the Caucasus. Research and materials)*. Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1961. 157 p.

23. Krinko E. F. Otrazhenie Kavkazskoi voyny v memorial'noi kul'ture yuga Rossii (*Reflection of the Caucasian War in the memorial culture of the south of Russia*) // Antropologiya konflikta i mira v kul'ture narodov yuga Rossii, Kavkaza: materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (*Anthropology of conflict and peace in the culture of the peoples of the south of Russia, the Caucasus: materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*). Krasnodar: Kniga, 2014. P. 92–103.
24. Lapin V. V. Armiya Rossii v Kavkazskoi voine XVIII–XIX vv. (*The Russian Army in the Caucasian War of the XVIII and XIX centuries*). St. Petersburg: Evropeiskii Dom. 2008. 400 p.
25. Lapin V. V. Kavkazskaya voina XVIII–XIX vekov v istoricheskoi pamyati (*The Caucasian War of the XVIII–XIX centuries in historical memory*) // Rossiya XXI. 2007. No.6. P. 82–101.
26. Lapin V. V. Kavkazskaya voina (*The Caucasian War*) // Rossiya i Kavkaz – proshloe i nastoyashchee. Istoriya, obychai, religiya. Sbornik. St. Petersburg: Journal "Zvezda", 2006. P. 3–51.
27. Litvin A. A. Kartografirovaniye i geograficheskoye izucheniye Kavkaza voennym vedomstvom (*Mapping and geographical study of the Caucasus by the military department*) // Severnyi Kavkaz v istorii Rossii. XIX vek. Sbornik statei (*North Caucasus in the history of Russia. XIX century. Digest of articles*). Moscow: State Historical museum, 2004. P. 79–91.
28. Maksimchik A. N. Kavkazskii voenno-istoricheskii muzei. Istoriya i sud'ba unikal'nogo muzeinogo sobraniya (*Caucasian Military History Museum. The history and destiny of a unique museum collection*) // Kavkazskii sbornik. Moscow: Russkaya panorama, 2015. Vol. 9 (41). P. 262–292.
29. Matveev V. A. Rossiya i Severnyi Kavkaz: istoricheskie osobennosti formirovaniya gosudarstvennogo edinstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) (*Russia and the North Caucasus: historical features of state unity formation*). Rostov-on-Don: Kniga, 2006. 256 p.
30. Matveev O. V. Iz istorii i voenno-kul'turnogo naslediya kazachestva Kubani (*From the history of the military-cultural heritage of the Cossacks in the Kuban area*). Krasnodar: Ekoinvest, 2011. 252 p.
31. Matveev O. V. K preodoleniyu istoriograficheskogo tupika v izuchenii Kavkazskoi voyny: kontseptsii vzaimoponimaniya (*To overcome the historiographic deadlock in the study of the Caucasian War: concepts of mutual understanding*) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya (*Theory and practice of social development*). 2013. No. 11. P. 285–289.
32. Matveev O. V. Kavkazskaya voina: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki (*Caucasian war: from front to frontier. Historical and anthropological essays*). Krasnodar: Edvi, 2015. 272 p.
33. Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) (*Social history of Russia in the period of the empire (18 – the beginning of the 20th century)*). In 2 vols. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000. Vol. 1. 548 p.
34. Parova L. M. Sozdaniye i deyatelnost' Voennno-istoricheskogo otdela shtaba Kavkazskogo voennogo okruga (*The Military Staff of the historical department of the Caucasian Military District setting up and acting*) // Voennno-istoricheskii zhurnal. 1988. No. 5. P. 87–91.
35. Pokrovskii N. I. Kavkazskie voyny i imamat Shamilya (*The Caucasian wars and imamat of Shamil*). Moscow: ROSSPEN, 2009. 584 p.
36. Potto V. A. Kavkazskaya voina (*The Caucasian war*): in 5 vols. Stavropol': Kavkazskii kraj, 1994. Vol. 5. 400 p.
37. Potto V. A. Pamyatniki vremen utverzhdeniya russkogo vladychestva na Kavkaze (*Monuments of the times of the Russian domination in the Caucasus*). Tiflis: Typography Staff of the Caucasian Military District, 1906. Vol. I. 160 p.; 1909. Vol. II. 248 p.
38. Pylkov O. S. «Sozidateli» v mundirakh: universal'nyi instrument rossiiskoi politiki na Kavkaze v XIX v. (*“Creators in uniforms”: the universal instrument of Russian policy in the Caucasus in the 19th century*) // Kavkazskii sbornik. Moscow: Russkaya panorama, 2015. Vol. 9 (41). P. 76–89.
39. Pylkov O. S. Rossiiskaya armiya v transformatsionnykh protsessakh na Severnom Kavkaze (konets XVIII – pervaya polovina XIX vv.) (*The Russian army in the transformation processes in the North Caucasus (late 18th – first half of the 19th century)*). Armavir: FE Shurygin V. E., 2011. 248 p.
40. Pyatidesyatiletnii yubilei I. I. Khodz'ko (*Fiftieth anniversary of I. I. Hodzko*) // Izvestiya Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Tiflis: The printing house of the Georgian publishing association, 1894. Vol. I. P. 174–179.
41. Romanovskii D. I. Kavkaz i Kavkazskaya voina (*Caucasus and the Caucasian War*). Moscow: Russian State Historical Library, 2004. 404 p.
42. Savel'ev A. E. Rol' rossiiskikh ofitserov v issledovanii Kavkaza (*The role of Russian officers in the study of the Caucasus*) // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2010. No. 2. P. 9–13.
43. Sakovich P. M. Georgii Vasil'evich Novitskii. Biograficheskii ocherk (*Georgi Vasilievich Novitsky. Biographical sketch*) // Voennyi sbornik. 1878. No. 6. P. 276–300.
44. Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI–XIX vekakh (*Russia's policy in the Caucasus in the 16th and 19th centuries*). Moscow: Publishing house of social and economic literature, 1958. 320 p.
45. Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. «My na Kavkaze vovevali ne dlya togo, chtoby razbit' nepriyatela i uiti...». Sotsiokul'turnaya deyatelnost' Kavkazskoi armii (po vospominaniyam i issledovaniyam sovremennikov) (*“We fought in the Caucasus not to retreat after demolishing the foe...”*). *The Russian Imperial Army in the Social and Cultural study of the North Caucasus*. Stavropol': SSU publ., 2011. 304 p.
46. Tomkeev V. I. Pamyati Vasiliya Aleksandrovicha Potto (*In memory of Vasily Alexandrovich Potto*) // Kavkazskii sbornik. Tiflis: Typography of the Staff of the Caucasian Military District, 1912. Vol. 32. Part. 1. P. 1–9.
47. Farfarovskii S. V. Literaturnaya deyatelnost' I. D. Popko (*Literary activity I. D. Popko*) // Trudy Stavropol'skoi uchenoi arkhivnoi komissii. Stavropol': The printing house of the provincial government, 1910. Vol. 2. P. 1–14.
48. Khalifin N. A. Zhizn' i trudy Ivana Fedorovicha Blaramberga (*Life and works of Ivan Fedorovich Blaramberg*) // Blaramberg I.F. Vospominaniya (Memoirs). Moscow: Oriental Literature Publishing House, 1978. P. 5–27.
49. Esadze S. S. Pokoreniye Zapadnogo Kavkaza i okonchaniye Kavkazskoi voyny (*The Conquest of the western Caucasus and the end of the Caucasian war*). Tiflis: Typography of the Staff of the Caucasian Military District, 1914. 182 p.

УДК 94(476)

Г. Г. Краско

СТАБИЛИЗАЦИЯ ОБСТАНОВКИ В СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Вторая мировая война является одним из важнейших событий в мировой истории. Развитие советского государства и общества в первые годы после освобождения от немецко-фашистских оккупантов проходило в сложных условиях. По мнению автора, наличие на завершающем этапе Великой Отечественной войны в тылу Красной Армии многочисленных структур антисоветского вооруженного подполья являлось фактором, затруднявшим организацию проведения наступательных действий советских войск на основном театре военных действий. Террористическая де-

ятельность структур антисоветского подполья в условиях «холодной войны» серьезным образом дестабилизировала обстановку на западных рубежах советского государства. Автор полагает, что нейтрализация антисоветского вооруженного подполья на территории западных рубежей СССР, затянувшаяся более чем на десятилетие, в конечном итоге содействовала стабилизации внутривнутриполитической обстановки в стране.

Ключевые слова: разведка, контрразведка, спецслужба, антисоветское вооруженное подполье, холодная война.

G. G. Krasko

STABILIZATION OF THE DOMESTIC SITUATION IN THE USSR IN THE POST-WAR PERIOD: NEUTRALIZATION OF TERRORISM MANIFESTATIONS IN THE TERRITORY OF THE BYELORUSSIAN SSR

The Second World War is one the most important events in the world history. During the first years after liberation from Nazi invaders the Soviet state and society were developing under complicated circumstances. The author shows that numerous groups of anti-Soviet armed underground in the Red Army's rear at the final stage of the Great Patriotic War were a factor, which hampered Soviet troops advance actions. Under conditions of the Cold War the terroristic activity of anti-Soviet armed underground groups

significantly destabilized the situation in the western regions of the Soviet state. The author supposes that neutralization of anti-Soviet armed underground in the western territories of the USSR that took more than a decade eventually contributed to the stabilization of the domestic situation in the country.

Key words: intelligence, counter-intelligence, special service, anti-Soviet armed underground, the Cold War.

Развитие советского государства и общества в первые годы после освобождения от немецко-фашистских оккупантов проходило в сложных условиях. На территории Белорусской ССР, граничившей с серьезно пораженными деятельностью антисоветского подполья Украинской, Литовской и Латвийской ССР, а также Польшей, которая до войны являлась последовательным противником Советского Союза, одним из основных факторов дестабилизации обстановки являлась деятельность структур антисоветского вооруженного подполья и его отдельных участников, которые на протяжении нескольких лет терроризировали местное население. Политическая значимость и масштабы развернутой деструктивными силами вооруженной борьбы обусловили уча-

стие в нейтрализации этой угрозы органов государственной безопасности.

Различные аспекты развития советского государства в послевоенные годы нашли широкое отражение в научных трудах и публикациях отечественных и зарубежных ученых. Вместе с тем отдельные проблемы, связанные с мерами, предпринимаемыми государством и его институтами для стабилизации обстановки в послевоенный период, а также вопросы участия в этом процессе органов государственной безопасности остаются недостаточно полно раскрытыми в исторической науке. Положительной оценки в этой связи заслуживает российский опыт, где вопросы истории органов государственной безопасности изучаются, в том числе квалифицированными специалистами

в рамках деятельности «Общества изучения истории отечественных спецслужб».

На территории западных районов БССР с осени 1939 г., когда в результате освободительного похода РККА произошло воссоединение БССР и находившейся с 1921 г. в составе Польши Западной Беларуси, существовало польское антисоветское вооруженное подполье. Его участники выступали против мероприятий советской власти. Однако в предвоенные годы террористическая деятельность польского антисоветского подполья, во-первых, была фактически лишена внешней помощи (организационной, материальной, методической) в результате складывающейся международной обстановки, во-вторых, не получила широкой поддержки местного населения, которое в своем большинстве положительно отнеслось к освобождению от польского гнета. В силу этих обстоятельств антисоветское подполье не являлось серьезной угрозой для советского государства. Так, по оценкам белорусского исследователя А. В. Шаркова, к началу войны на учете в НКВД БССР находились 17 банд (90 участников) и 106 нелегалов. Как правило, их преступная деятельность сводилась к совершению террористических актов над советско-партийным активом, нападению на военнослужащих РККА, сотрудников НКВД и НКГБ, ограблению государственных учреждений и предприятий, а также местного населения [11, с. 24].

После изгнания немецко-фашистских оккупантов обстановка и масштабы вооруженной борьбы антисоветского подполья в БССР отличались существенным образом. В качестве его характерной особенности можно выделить организацию по национальному признаку. Так, в республике оперировали белорусские, польские, литовские, латышские, украинские вооруженные структуры, а также нелегальные формирования без четкой национальной ориентации, чего не было в иных регионах СССР. Это обстоятельство, по мнению автора, необходимо рассматривать как следствие сложного и противоречивого процесса становления белорусской государственности, проходившего с IX в. Автор согласен с мнением И. А. Валахановича, что антисоветское подполье на территории БССР в послевоенный период не являлось однородной структурой с четкими программно-уставными принципами [1, с. 3]. Его единство, как представляется, сводилось к отрицанию советской власти и борьбе с ней различными методами. Наибольшую опасность представляли структуры, которые в качестве основного метода своей деятель-

ности избрали вооруженную борьбу. На территории освобожденной в июле 1944 г. БССР уже в том же году действовало около трехсот вооруженных групп и формирований [9, с. 56]. По оценкам А. В. Шаркова, летом 1944 г. на территории белорусского Полесья только подпольные формирования ОУН – УПА насчитывали приблизительно 12–14 тысяч человек, а отдельные районы Брестской, Пинской и Полесской областей были им подконтрольны [11, с. 192].

По мнению автора, дестабилизации политической и социально-экономической обстановки в государстве содействовало и проведение участниками крупных структур антисоветского вооруженного подполья, наряду с вооруженной борьбой, пропагандистской работы среди местного населения.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что в послевоенный период, в отличие от 1939–1941 гг., в деятельности структур антисоветского вооруженного подполья (как на стадии организации, так и в последующем) прослеживается влияние специальных служб иностранных государств. Отдельные участники прошли подготовку в школах разведывательных и контрразведывательных органов нацистской Германии в период Великой Отечественной войны, специализированных заведений спецслужб стран Запада. Если учесть, что в послевоенные годы многие государства стали активно вовлекать разведывательные и контрразведывательные органы в политическую борьбу, использовать их возможности во внешнеполитической деятельности, такое развитие событий представляется закономерным. В частности, спецслужбы иностранных государств и связанные с ними организации для дестабилизации обстановки в СССР, как и в иных многонациональных государствах, активно использовали различные противоречия и «внутренние ресурсы». Интерес, как правило, представляли националистические группировки и отдельные лица, которые под воздействием деструктивной идеологии становились на путь вооруженной борьбы.

Уже в первые месяцы после освобождения БССР органами государственной безопасности было установлено, что некоторые структуры антисоветского подполья созданы при участии спецслужб Германии еще в период временной оккупации Белорусской ССР и оставлены в период наступления Красной Армии в западных областях для ведения разведывательной и подрывной работы против Советского Союза.

Нацистские спецслужбы продолжали забрасывать свою агентуру на территорию БССР и

после ее освобождения в 1944 г. Так, наркомы государственной безопасности и внутренних дел БССР в докладной записке от 6 декабря 1944 г. отмечали, что только в ноябре 1944 г. было арестовано 9 парашютистов, сброшенных немецкой разведкой на территорию республики с целью «установления связи с польским и белорусским националистическим подпольем и активизации подрывной работы против советской власти» [9, с. 649].

Борьба с вооруженным подпольем после освобождения Белорусской ССР от немецко-фашистских захватчиков проходила в сложных условиях.

Террористическая деятельность структур антисоветского вооруженного подполья рассматривалась в качестве одного из основных факторов, дестабилизировавших обстановку в Белорусской ССР, уже в первые месяцы после освобождения территории республики от оккупантов. Например, уже в августе 1944 г. НКГБ БССР отмечал, что структуры польского антисоветского подполья («Армия Крайова» и др.) по указанию эмигрантского правительства в Лондоне начали открытые вооруженные выступления против советской власти, проводя террористические акты над партийно-советским активом и гражданским населением. Отмечались случаи, когда бандитами поджигались целые населенные пункты.

Террор структур антисоветского вооруженного подполья, как правило, был направлен против партийно-советского актива. В качестве наиболее характерных террористических проявлений в первые послевоенные годы можно рассматривать следующие факты. Так, весной 1945 г. убит заместитель председателя Друйского сельсовета (Полоцкая область), в январе 1946 г. – заместитель председателя участковой избирательной комиссии Красногорского сельсовета (Полоцкая область), в марте – председатель Осинковского сельсовета (Полоцкая область) [3, л. 19, 32; 2, л. 5]. В августе 1945 г. вооруженная банда совершила убийство заведующего плановым отделом Радошковического райисполкома (Молодечненская область) и ограбление магазина, на хуторе Волосовка (Барановичская область) бандгруппой убит местный активист и ограблен ряд жителей. Неизвестная банда 23 августа ворвалась в Гозилковский сельсовет (Барановичская область), уничтожила все документы, ограбила магазин и 80 хозяйств местных жителей. Около деревни Дывново (Гродненская область) 17 августа того же года в лесу бандгруппой убиты красноармеец и местный житель. В ночь на 25 августа

неизвестная бандгруппа численностью в 20 человек произвела налет на Натечский сельсовет (Гродненская область), в результате которого был убит заведующий военным отделом Лидского райкома ВКП (б) [6, с. 538].

Архивные материалы, например, обкома КП(б)Б Полоцкой области за 1946 г., свидетельствуют о том, что бандитизм в западных районах этой административно-территориальной единицы занимал одно из главных мест среди всех видов преступлений. Как правило, деятельность структур антисоветского вооруженного подполья была тесно связана с уголовным бандитизмом или через некоторое время вырождалась в бандитизм, который демагогически прикрывался политическими и национальными идеями. С целью не столько достижения декларируемых политических целей, сколько запугивания органов власти и местного населения, а также получения необходимых для своего существования вещей, денег и продовольствия банды занимались разбоем, грабежами (совершали налеты на деревенские магазины, почтовые отделения, колхозные склады, личные хозяйства граждан, сельсоветы), которые сопровождалась погромами, поджогами, убийством как партийно-советских работников, так местных жителей.

Закономерно, что возникшая угроза требовала от государства принятия адекватных мер по противодействию такого рода преступным посягательствам. Террор, развернутый структурами антисоветского вооруженного подполья, обусловил адекватные оперативной обстановке ответные меры, в первую очередь со стороны органов внутренних дел и государственной безопасности.

Во второй половине 1944–1945 гг. приходилось противостоять достаточно крупным вооруженным структурам. Это, по мнению автора, обусловило приоритет силовых мер. Наиболее распространенной организационной формой борьбы с антисоветским вооруженным подпольем в первые послевоенные годы являлась чекистско-войсковая операция, которая, как правило, сводилась к выявлению на основе агентурной информации мест дислокации банд, дальнейшего их блокирования силами войсковых подразделений под руководством оперативных сотрудников с последующим задержанием или нейтрализацией участников. При этом чекистско-войсковые операции в областях, граничащих с Украинской и Литовской ССР, проводились по планам, разработанным совместно с наркоматами внутренних дел и государственной безопасности Украины и Литвы [9, с. 651].

Во время столкновений с крупными силами структур антисоветского вооруженного подполья массовые чекистско-войсковые операции были целесообразны и результативны. Например, 13 декабря 1944 г. в западных районах Белорусской ССР была начата единовременная чекистско-войсковая операция «по изъятию антисоветских элементов и ликвидации вооруженных бандгрупп», в результате которой органами НКВД – НКГБ уничтожено 14 и задержано 6819 человек. Из их числа: 506 – подозреваемые в принадлежности к разведывательным и контрразведывательным органам противника, 310 – бандиты, 508 – участники антисоветских организаций, 2256 – активные пособники немецко-фашистских оккупантов [8, с. 152]. Масштабные чекистско-войсковые операции проводились и в последующем. Так, по данным белорусского исследователя А. М. Литвина, в результате проведения чекистско-войсковых операций внутренними войсками НКВД СССР Белорусского округа за 1945 г. было нейтрализовано 189 нелегальных вооруженных структур (более 2,5 тысяч участников), обнаружено и уничтожено 3154 схрона и укрытия, изъято большое количество оружия и боеприпасов. Во время проведения операций явились с повинной и сдались 157 членов националистических вооруженных формирований, 333 дезертира и 6316 лиц, уклоняющихся от призыва на службу в Красную Армию [5, с. 150].

Необходимо отметить, что активизация чекистско-войсковых мероприятий в совокупности с усилением агитационной работы среди населения в районах, наиболее пораженных бандитизмом, содействовала увеличению явки в военкоматы военнообязанных. Так, в ходе названной чекистско-войсковой операции, проводившейся в декабре 1944 г., было задержано 545 дезертиров и уклоняющихся от призыва, которые скрывались в лесных массивах [8, с. 152].

В спецсообщении от 17 сентября 1945 г. народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия сообщал И. В. Сталину о том, что «в результате агентурно-оперативных мероприятий и чекистско-войсковых операций... с июля 1944 г. по 1 сентября 1945 г. НКВД Белорусской ССР арестовано и задержано... бандитов – 6 514, бандпособников – 1 036, участников антисоветских организаций – 651, немецких ставленников, пособников и другого антисоветского элемента – 6 141... Убито 3 282 бандита, дезертира и другого антисоветского элемента. Кроме того, явилось с повинной 698 бандитов, 44 участника антисоветских организаций и 8188 дезертиров и уклоняющихся от мобилизации» [7, с. 537–538].

В борьбе с антисоветским вооруженным подпольем использовался и опыт партизан, полученный в годы Великой Отечественной войны. С учетом того, что некоторые банды использовали бывшие базы советских партизан и оперативных групп НКВД – НКГБ, расположенные в лесах западных районов БССР, были созданы боевые отряды под руководством героев Советского Союза с. А. Ваупшасова и Е. И. Мирковского, которые в период оккупации проводили разведывательно-диверсионную работу в тылу противника. Они по договоренности с секретарем ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко комплектовались бывшими белорусскими партизанами и под соответствующими легендами направлялись в районы оперирования банд для их нейтрализации [9, с. 651].

В результате предпринимаемых мер, крупные структуры антисоветского вооруженного подполья в западных областях республики были нейтрализованы в 1944–1946 гг. Но отдельные выступления продолжались и позже. Принимаемые меры не всегда позволяли эффективно бороться с наиболее подготовленными и опасными участниками антисоветского вооруженного подполья. Их деятельность приобретала все более конспиративный и подпольный характер. Оставшиеся структуры антисоветского вооруженного подполья изменили тактику своей деятельности: старались избегать прямых боевых столкновений, наносящих им значительные потери, стали более мобильными. В 1947 г., когда международная обстановка еще более обострилась и возможность нового глобального конфликта стала реальностью, борьба с антисоветским вооруженным подпольем была возложена на органы государственной безопасности. Советской спецслужбе предстояло нейтрализовать особо опасные структуры и оставшихся на свободе участников с использованием специальных форм и методов своей деятельности. Работа органов государственной безопасности, по сути, сводилась к разложению структур антисоветского вооруженного подполья изнутри, а также уменьшению его социальной базы и недопущению втягивания в антигосударственную преступную деятельность новых лиц.

Представляется, что масштабности и живучести данного явления способствовала первоначальная недооценка руководством СССР серьезности самого факта существования антисоветского вооруженного подполья и отсутствие должной системы мер по противодействию террористическим проявлениям. Чтобы ликвидировать антисоветское подполье как яв-

ление, было необходимо выявлять и устранять причины и условия его возникновения. В целом борьбу с антисоветским вооруженным подпольем необходимо рассматривать как систему мер, которая включала в себя политические (пропаганда, агитация среди местного населения и др.), оперативные, и боевые и режимные мероприятия в населенных пунктах и в районах проведения операций.

По оценкам российских исследователей, в 1946–1953 г. только внутренними войсками (позднее войсками МГБ СССР) в западных регионах Советского Союза было проведено около 55 тысяч оперативно-войсковых мероприятий, в результате которых общие потери подполья составили примерно 230 тысяч человек, в том числе более 50 тысяч убитыми. По линии органов государственной безопасности за этот же период было арестовано около 80 тысяч участников антисоветского подполья и его вооруженных структур [4, с. 17]. Согласно данным КГБ при Совете Министров БССР, работу «по ликвидации бандитов и нелегалов» на территории республики органы государственной безопасности завершили в 1956 г. За это время органами государственной безопасности и внутренних дел БССР было ликвидировано 1264 бандитских групп и 16466 их участников. Из ликвидированных бандгрупп 840 были отнесены к категории «связанных с националистическим подпольем» [1, с. 128].

Таким образом, наличие на завершающем этапе Великой Отечественной войны в тылу

Красной Армии многочисленных структур антисоветского вооруженного подполья являлось фактором, затруднявшим организацию проведения наступательных действий советских войск на основном театре военных действий. В условиях начавшейся вскоре «холодной войны» террористическая деятельность структур антисоветского подполья серьезным образом дестабилизировала обстановку на западных рубежах советского государства. Это, несомненно, негативным образом влияло на преодоление республикой, отброшенной по промышленным и энергетическим мощностям на уровень 1913 г. и потерявшей каждого третьего жителя, тяжелейших последствий войны и возвращение к мирной жизни [10].

В результате борьбы с антисоветским вооруженным подпольем были выявлены и привлечены к ответственности не только его участники, но и немецкие пособники, каратели и уголовники, которые скрывались в лесах, терроризируя, в первую очередь гражданское население, а также агенты иностранных спецслужб, забрасываемые на территорию Советского Союза. Нейтрализация антисоветского вооруженного подполья на территории западных рубежей СССР в послевоенный период не только содействовала стабилизации экономической и политической обстановки в стране, но и позволила советской спецслужбе получить серьезный организационный и тактический опыт противодействия террористическим проявлениям.

Литература и источники

1. Валаханович И. А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. Минск: БГУ, 2002. 146 с.
2. Государственный архив Витебской области. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 68. Докладные и информации, сообщения и отношения на имя секретарей ЦК КП(б)Б о бандитских проявлениях в области, о переселении граждан польской национальности, о восстановлении г. Полоцка, о расходовании хлеба, об обеспечении инвалидов Отечественной войны, акт приема и сдачи обкома секретарями, ответ на заявление гр. Зубкова, 1946 г.
3. Государственный архив Витебской области. Ф. 10060. Оп. 1. Д. 86. Спецсообщения обкома КП(б)Б о бандитских, хулиганских проявлениях в районах области, докладные записки о поляках, желающих переселяться в Польшу, докладные секретарей РК КП(б)Б о положении дел в районах, 1946 г.
4. Лазарев В. И. Деятельность органов государственной безопасности СССР в послевоенный период (1945–1954) // Исторические чтения на Лубянке, 2001 г. / Федеральная служба безопасности РФ; редкол.: А. А. Зданович и др. М.: Великий Новгород, 2002. С. 3–19.
5. Литвин А. М. Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность / под общ. ред. В. Г. Рожнева. Минск: ФУАинформ, 2006. 304 с.
6. Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш», 1939 – март 1946 / Междунар. фонд «Демократия»; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия»: Материк, 2006. 636 с.
7. Лубянка: органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ, 1917–1991: справочник / Междунар. фонд «Демократия»; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: Материк [и др.], 2003. 766 с.
8. Полиция Беларуси, 1917–2007: документы и материалы / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Академия МВД; сост. К. И. Барвинок и др. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2007. 350 с.
9. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: в 8 т. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). М.: Кучково поле, 2007. 897 с.
10. Последствия Великой Отечественной войны для Беларуси: обзорная справка [Электронный ресурс]. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=704880>. (Дата доступа: 24.02.2010).
11. Шарков А. В. НКВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором и националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2012. 279 с.

References

1. Valakhanovich I. A. *Antisovetskoe podpol'e na territorii Belarusi v 1944–1953 gg. (Anti-Soviet underground in the territory of Belarus in 1944–1953)*. Minsk: Belarusian State University, 2002. 146 p.
2. State archive of the Vitebsk region. F.10060. Inv. 1. D. 68. Dokladnye i informatsii, soobshcheniya i otnosheniya na imya sekretarei TsK KP(b)B o banditskikh proyavleniyakh v oblasti, o pereselenii grazhdan pol'skoi natsional'nosti, o vosstanovlenii g. Polotska, o raskhodovanii khleba, ob obespechenii invalidov Otechestvennoi voiny, akt priema i sdachi obkoma sekretaryami, otvet na zayavlenie gr. Zubkova, 1946 g. (*Reports and information, messages and official letters addressed to the secretaries of the Central Committee of the Communist Party of Byelorussia on gangster activity in the region, migration of the Polish citizens, restoration of Polotsk, bread expenditure, support of disabled veterans of the Great Patriotic War, acts of delivery and acceptance of the regional committee by secretaries, response to the statement of Zubkov, 1946*).
3. State archive of the Vitebsk region. F. 10060. Inv. 1. D. 86. Spetssoobshcheniya obkoma KP(b)B o banditskikh, khuliganskikh proyavleniyakh v raionakh oblasti, dokladnye zapiski o polyakakh, zhelayushchikh pereselyat'sya v Pol'shu, dokladnye sekretarei RK KP(b)B o polozhenii del v raionakh, 1946 g. (*Special messages of the regional committee of the Communist Party of Byelorussia on gangster, rowdy activity in the districts of the region, staff reports on the Polish citizens willing to migrate to Poland, reports of the secretaries of the Central Committee of the Communist Party of Byelorussia on the state of affairs in the districts, 1946*).
4. Lazarev V. I. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v poslevoennyi period (1945–1954) (*Activity of the state security bodies of the USSR in the post-war period (1945–1954)*) // *Istoricheskie chteniya na Lubyanke, 2001 / Federal Security Service of the Russian Federation / ed. by A. A. Zdanovich and other Moscow: Veliky Novgorod, 2002. P. 3–19.*
5. Litvin A. M. Vnutrenniye voiska MVD Respubliki Belarus. Istoriya i sovremennost' (*Interior troops of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. History and the present time*) / ed by V. G. Rozhnev. Minsk: FUAinform, 2006. 304 p.
6. Lubyanka. Stalin i NKVD – NKGB – GUKR «Smersh», 1939 – Mart 1946 (*Lubyanka. Stalin and NKVD – NKGB – GUKR «Smersh», 1939 – March 1946*) / Mezhdunarodnyi Fond “Demokratiya”; compiled by V. N. Khaustov, V. P. Naumov, N. S. Plotnikova. Moscow: International Found “Demokratiya”: Materik, 2006. 636 p.
7. Lubyanka: organy VChK – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB, 1917–1991: spravochnik (*Lubyanka: bodies of VCheka – OGPU – NKVD – NKGB – MGB – MVD – KGB, 1917–1991: reference book*) / compiled by Kokurin A.I., Petrov N.V. Moscow: Materik, 2003. 766 p.
8. Militiya Belarusi, 1917–2007: dokumenty i materialy (*Militia of Belarus, 1917 – 2007: documents and materials*). Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2007. 350 p.
9. Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. T. 5. Kn. 2. Granitsy SSSR vosstanovleny (1 iyulya – 31 dekabrya 1944 g.) (*State security bodies of the USSR during the Great Patriotic War. Vol. 5 Book 2. The USSR's borders are restored (July 1 – December 31, 1944)*). Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 897 p.
10. Posledstviya Velikoi Otechestvennoi voiny dlya Belarusi: obzornaya spravka (*The consequences of the Great Patriotic War for Belarus: survey reference*) // Archives of Belarus, 2006. URL: <http://archives.gov.by/index.php?id=704880>. (Accessed: 24.02.2010).
11. Sharkov A. V. NKVD Belarusi v vooruzhennoi bor'be s natsistskim agressorom i natsionalisticheskim podpol'em v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (*NKVD in Belarussia in the armed struggle with the Nazi aggressor and nationalistic underground during the Great Patriotic War*). Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2012. 279 p.

УДК 379.821

О. В. Кузнецова

ПРОБЛЕМЫ КИНООБСЛУЖИВАНИЯ НА ЦЕЛИНЕ: СТАТИСТИКА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В статье рассматриваются актуальные вопросы кинообслуживания целинных районов 50–60-х гг. XX в. через инновационный комплексный подход микро- и макроистории. С одной стороны, проводится детальный статистический анализ количества кинопередвижек, приходящихся на каждый целинный район, анализируется рост числа киноустановок и широта охвата киносеансами целинных районов в указанный период, определяется

средняя посещаемость киносеансов целинников. С другой, кино рассматривается с точки зрения повседневной составляющей рабочих целинных совхозов. В статью включены воспоминания и впечатления целинников о популярных кинопрокатах, о месте и значении кино в их жизни.

Ключевые слова: кино, повседневность, целина, кинообслуживание, кинопрокат.

O. V. Kuznetsova

FILM SERVICE PROBLEMS ON THE VIRGIN SOIL: STATISTICS AND EVERYDAY LIFE

The article studies topical issues of film servicing of virgin land areas in 1950–1960s in the light of an innovative complex micro and macro history approach. On the one hand, a detailed statistic analysis of the quantity of the mobile cinemas per each virgin land area is carried out. As well as the analysis of dynamic increase in the number of cinema units and the width of a scope by film sessions of virgin areas within the specified period and the average attendance of film

sessions by the virgin landers. On the other hand, cinema is considered from the point of view of a daily integral part of working virgin collective farms. The article features the memories and impressions of virgin landers about popular films and the place and value of cinema in their lives.

Key words: cinema, everyday life, virgin lands, cinema facilities, film distribution and exhibition.

50–60 гг. XX столетия – это активный период целинной кампании, благодаря которой сформировался уникальный социум, перемешавший в себе различные формы и образы жизни людей разного уровня образования, подготовки и квалификации, возраста и интересов. Несмотря на многие отличия, единственное, что способствовало объединению всех этих людей, – это кино. Кино как средство формирования образа советского человека, способного решить любые задачи; кино как инструмент агитации – действенный и надежный способ распространения идеологически значимых идей и привлечения широких масс для активной общественно-политической жизни; кино как культурная потребность граждан СССР, возможность релаксации после тяжелого труда, форма проведения досуга. Иными словами, кино – это огромная часть повседневности советского человека, в которой преломлялось все многообразие окружающей действительности на различных уровнях и срезах лично-индивидуаль-

ного и общественно-культурного восприятия. Именно поэтому целью исследования стала проблема кинообслуживания на целине, особенностью которого было условие стихийности и экстремальности освоения новых территорий без учета материально-бытовых и культурных потребностей первоцелинников. Все это должно было наложить особенный отпечаток на проблемы кино на целине. Именно поэтому проблемы появления кино в целинных совхозах необходимо было решать оперативно.

На самом деле в целинных совхозах, особенно на первых порах, возможность кинообслуживания нередко отсутствовала, в частности в первые годы обустройства и нормализации функционирования их хозяйственной деятельности. Кино было редким праздником и малодоступным способом развлечения в жизни целинников.

Кинопобслуживание рабочих и служащих совхозов с начала целинной кампании осуществлялось в условиях жесткой нехватки по-

мещений, практически только кинопередвижками, численность которых была значительно

ниже потребностей нового целинного населения, о чем можно судить из табл. 1.

Таблица 1

Количество кинопередвижек по целинным районам за 1955–1957 гг. [2, 4]

Районы	Кол-во населенных пунктов	Гужевые кинопередвижки		Автопередвижки		Всего кинопередвижек	
		1955 г.	1957 г.	1955 г.	1957 г.	1955 г.	1957 г.
Адамовский	57	1	2	4	3	5	5
Буртинский	47	2	2	3	2	5	4
Ново-Орский	48	1	–	3	4	4	4
Кваркенский	25	4	3	3	3	7	6
Домбаровский	31	3	1	2	1	5	2
Тепловский	41	3	4	3	2	6	6

Из представленных данных видно, что количество передвижек практически во всех районах осталось прежним за 3 отчетных года, а в некоторых число их даже уменьшилось. Причем в Адамовском и Буртинском районах было больше автопередвижек, в Кваркенском, Домбаровском и Тепловском наоборот, например, на 4–7 гужевых передвижек приходилось соответственно 3–6 автопередвижек. Отметим, что количество населенных пунктов составляло 25–57 на район. Общее же число кинопередвижек в среднем составляло в 1954 г. 5–6 на район, в 1957 г. – 4–5, откуда следует, что число их уменьшалось, а не росло. По свидетельству инструкторов, в «большинстве целинных районов населенные пункты территориально разбросаны от 20 до 50 км. Тяжелые условия транспортировки приводили к большим затруднениям в бесперебойной работе сельских кинопередвижек» [5, л. 59]. Плохое дорожное сообщение дополнительно препятствовало превращению кино в доступный способ проведения досуга.

Сама система показа кино на селе в совхозах представляла собой частый повтор одних и тех же фильмов. Целинники, ожидая кино по месяцу и более, смотрели прежнюю кинокартину уже с другой кинопередвижки. Такая ситуация складывалась потому, что в районах существовали две параллельно действующие системы киноустановок: профсоюзная и государственная [11, л. 13]. Ещё одной проблемой была работа совхозных киноустановок в условиях отсутствия предусмотренного репертуарным расписанием кинокартин, взамен которых выдавали либо устаревшие, либо зарубежные фильмы. Тот же источник свидетельствует: «Из-за плохого киноснабжения, несвоевременного ремонта киноаппаратуры ... киноустановки совхозов нередко простаивают по 20–25 дней» [24, л. 89].

Но если первоначально целинники вынужденно смотрели кино в той частоте, которая задавалась кинопередвижками, то уже к концу 50-х гг. местом кинопоказа становятся клубы, часто не отвечающие правилам безопасности для содержания стационарной киноустановки. Приведем типичный пример из докладной инструктора: «Клуб на ферме № 1 молочного совхоза «Степной» расположен под одной соломенной крышей с конторой фермы, нет киноаппаратной и моторного помещения. Имеется единственный выход, который не отвечает требованиям пожарной безопасности. Демонстрация фильмов в клубе на широкой пленке запрещается» [11, л. 88].

Клубы строились в основном на центральных усадьбах, а совхоз имел, как уже отмечалось выше, от 2 до 7 отделений, где рабочие вынуждены были мириться с редкими приездами кинопередвижек [12, л. 10].

Но такая удручающая ситуация была характерна не для всех совхозов. Так, например, уже в 1954 г. в совхозе «Полевом» целинникам демонстрировалось кино не менее пяти раз в неделю [19]. А в совхозе «Караванном» в 1956 г. в соответствии с государственным планом работала «стационарная киноустановка, которая обслуживает население центральной усадьбы и выезжает по 3 раза в месяц для обслуживания кинопостановками население 2-го и 3-го отделений совхоза» [10, л. 145].

Охват целинного населения киносеансами хотя и возрос с 1954 по 1961 год, но не сделал ситуацию стабильнее. Для сравнения возьмем два года – 1955 г. и 1961 г. и выделим общее количество киноустановок по всей области с разделением их на сельские стационарные и сельские кинопередвижки. В 1955 г. было всего 555 кинопередвижек, из них 210 сельских стационарных и 258 сельских кинопередвижек.

В 1961 г. их стало 719, из них 396 сельских стационарных и 229 сельских кинопередвижек. Из чего следует, что общее увеличение составило 22,9 %, почти на треть. Большая часть киноустановок из общего числа приходилась на село (84 %), но при этом большая часть сеансов давалась в городе, так как зрителей по селу обслужено за 1955 г. чуть более 2 тысяч, к 1961 г. эта цифра увеличилась в 5 раз, а частота сеансов возросла всего в 1,5 раза, что

свидетельствует о доступности для сельского жителя кинопоказов к началу 1960-х гг.

Количество сельских установок с 1955 г. по 1961 г. увеличилось на 186 единиц, в то время как количество сельских кинопередвижек уменьшилось на 19 единиц [8, л. 4–5], что связано прежде всего с обустройством совхозной системы и созданием сети специально подготовленных помещений для показа кинофильмов (табл. 2.)

Таблица 2

Рост числа киноустановок и широта охват целинных районов за 1954–1961 гг.
[1, л. 12; 2; 13, л. 24; 8, л. 4–5, 39]

Районы	Кол-во населенных пунктов	Количество киноустановок					
		1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1961 г.
Адамовский	57	9	11	13	18	19	39
Буртинский	47	9	10	11,5	13	17,5	27
Ново-Орский	48	10	11,5	12	15	17	26
Кваркенский	25	9	11	11	12	12,5	26
Домбаровский	31	4,5	8	9	9	9	16
Тепловский	41	10,25	14	14	14	15	27

Таблица дает более ясное представление по непосредственно целинным районам. Исходя из данных, можно сделать вывод что, например, на Адамовский район с населением 32,2 тыс. человек приходилось всего 11, или 2 % от общего числа киноустановок в 1955 г., приходящихся на сельское население области, и 39, или 5,4 % – в 1961 г., обслуживающих 57 населенных пунктов. При этом взлет численности киноустановок в 1961 г. говорит о более широком распространении кино среди населения этих районов.

Больше всего рост числа киноустановок произошел в Буртинском, Ново-Орском и Тепловском районах. В среднем с 1954 по 1961 гг. число киноустановок увеличилось в 2–3 раза. Но по охвату населенных пунктов в наиболее выигрышном положении оказались рабочие совхозов Кваркенского района, где на 1 населенный пункт приходилось более 1 установки. Во всех остальных целинных районах киноустановок по-прежнему не более одной на каждые 2 населенных пункта. Даже к 1964 г. целинные районы не выполняли план по валовому сбору от кино. Так, в Кваркенском районе сборы составляли 65,6 % от плана, в Адамовском и Первомайском соответственно 81 % и 88,4 % от плана [14, л. 46]. Это свидетельствует о том, что даже к середине 1960-х гг. не все целинные совхозы были обеспечены стабильными кинопоказами.

Заметим, что даже такие показатели на фоне обеспеченности кинопоказами и клубами колхозного села выглядели значительными. Так, до реорганизации в 1957 г. 94 колхозов в совхозы в 19 районах области, в том числе и целинных, на их содержании находились 19 клубов и 1 киноустановка. После реорганизации 12 клубов прекратили свою деятельность в виду отсутствия финансирования [12, л. 9].

Согласно отчетам управления культуры Оренбургского облисполкома, к 1961 г. киноустановки должны работать в следующем режиме по целинным районам: «... для стационарных киноустановок – от 18 до 24 рабочих дней, сеансы 1,3–1,4 в день. Для кинопередвижек режим работы 24 рабочих дня, количество сеансов в день – 1,3» [13, л. 24].

Учитывая, что посещение кино было популярным и интересным времяпрепровождением, то, судя по данным средней посещаемости на целине, стабильность кинопросвещения стала достаточно высокой. В год в Адамовском районе на одного жителя приходилось 11,5 посещений, в Буртинском – 11, в Тепловском – 10 [7, л. 86]. Скорее всего, расчет производился с учетом всех возрастов населения, что дает возможность предположить, что на 1 рабочего без учета грудных детей и престарелых приходилось несколько больше посещений, поэтому можно утверждать, что 1–2 раза в месяц целинники имели возможность увидеть кино.

К 1965 г. средняя посещаемость значительно возросла и составила по целинным районам в среднем 21,73 посещения в год, или 2–4 раза в месяц [9, л. 10]. Это означало, что теперь в кино стали ходить чаще, то есть работа кинопередвижек стала доступнее и стабильнее.

Для рекламы фильмов на сельских киноустановках чаще всего использовали рекламные щиты, а репертуарные планы вывешивались в клубах, правлениях колхозов и совхозов [3, л. 15]. Рекламирование фильмов проводилось с помощью афиш, так называемых «безымянок». Но данная продукция была очень немногочисленна и не отвечала требованиям законов рекламы. «Органы кинофикации и кинопроката очень мало выпускают красочной афиши и мало работают над теми фильмами, которые по своему содержанию плохие и не имеют вала... Выпускаемая «Безымянка» очень бледна – не привлекает зрителя своим оформлением – без клише» [7, л. 20, 22].

Выделяются киносеансы двух видов: платные и бесплатные. К числу бесплатных относились те, на которых демонстрировались сельскохозяйственные и хронико-документальные кинокартины, обычно проходящие в рамках фестивалей. Платно показывались в основном фильмы художественного проката. Чаще всего киносеанс начинался с небольшой лекции на актуальные темы, затем демонстрировался сам фильм, после которого показывали короткометражки просветительского характера. Стоимость билетов на сеанс в 1961 г. была незначительной – 45 копеек за обычный (художественные фильмы) плюс 10 копеек дополнительный – удлиненный (с хронико-документальными фильмами), если учесть, что, например, обед в столовой стоил примерно 0,9–1,2 руб. [13, л. 81].

Особое место на селе занимали кинофестивали. Из методического письма «Как подготовить и провести фестиваль сельскохозяйственных кинофильмов в сельском клубе по пропаганде материалов Декабрьского пленума ЦК КПСС 1960 г.» видно, что за 10–15 дней до начала фестиваля подготавливался его основной репертуар. Фильмы демонстрировались 2–3 раза в неделю в течение месяца. Печатались афиши и пригласительные билеты с указанием даты показа, названием фильма и лекции перед фильмом, именем лектора. Лекции и беседы обычно продолжались 20–25 минут и увязывались с задачами местного совхоза. Сеанс с лекцией длился не больше 1 часа 20 минут [7, л. 97–99]. Кинокартины таких фестивалей, конечно, не имели очень широкой по-

пулярности, но планы по показу выполнялись стабильно, так как их посещение вменялось в обязанность.

Пригласительные билеты, выдаваемые целинникам, были разделены на две части: слева располагалось обращение к приглашенному, например, такого содержания: «Дорогие друзья! 28 ноября 1965 г. в Будамшинском клубе состоится кинофестиваль на тему «За большое молоко». Справа размещалась информация о программе фестиваля (например: «На кинофестивале Вы увидите фильмы, услышите выступление передовиков животноводства нашего района, специалистов сельского хозяйства. Начало в 7 часов вечера. Добро пожаловать на кинофестиваль») [15, л. 30].

Кроме того, в целинных совхозах практиковались кинолектории, сочетавшие просветительские задачи кинофестиваля и культурно-развлекательные задачи организации досуга целинников. Но в повседневный обиход на целине кинолектории стали входить в начале 1960-х гг., особое распространение получили только к 1965 г. Кинолектории готовились и проводились обычно группой специалистов от 6 до 10 человек. Чаще всего – с определенной тематикой, например, в совхозах «Урожайный» и «Рубежинский» Тепловского района в 1962 г. кинолектории проводились на тему «Партия нас к коммунизму ведет», в совхозе «Караванном» Чкаловского района – «За новый подъем в сельском хозяйстве». На установленную проблематику директорами совхозов и специалистами (зоотехники, агрономы и прочие) читались лекции и делались доклады, после чего демонстрировались фильмы в рамках указанных тем. Чаще всего кинолектории приурочивали к сельскохозяйственным фестивалям и политическим датам, и праздникам [8, л. 101]. Частота их проведения обычно составляла не более 1 раза в месяц к середине 1960-х гг., в 1962 г., например, они проводились значительно реже. По данным проверки управления кинофикации Оренбургского облисполкома на указанный год в Домбаровском, Кваркенском и Ново-Орском районах кинолектории проводились всего 4–6 раз в год, то есть не чаще чем 1 раз в 2–3 месяца. Больше всего кинолекториев проводилось в Буртинском районе – более 1 раза в месяц. В Адамовском и Акбулакском районах частота проведения кинолекториев составляла в среднем 1 раз в месяц, что говорит о расширении возможностей культурного досуга в среде целинников [8, л. 74].

Событием для целинников стали съемки кинофильма «Иван Бровкин на целине». Важ-

ность идеологического влияния такого фильма сегодня, как и тогда, очевидна, но для целинников виделось ценным внесение своего вклада в создание нового фильма и возможность увидеть свои места и себя на экране. Съемки проходили в совхозе «Комсомольском» Адамовского района. Даже сегодня нет единства среди самих первоцелинников в достоверности снятых кинокадров. Одни утверждают, что эта картина полностью отражает реалии целинного быта конца 1950-х гг. (картина вышла на экраны в 1959 г.), другие не отрицают создания на экране иллюзии благополучного быта на целине. Так, по воспоминаниям целинников, «зрители «Комсомольского», сами внесшие свой вклад в создание этого иллюзиона, прекрасно знали, что и клуб ещё не достроен, и хлеба не колосились так пышно тем неурожайным засушливым летом 1958-го» [21, с. 236].

Важным свидетельством того, что на целине даже при недостаточном охвате кинообслуживания кино всегда оставалось популярным видом отдыха, могут служить воспоминания А. Г. Зелепухина, работавшего на уборке урожая в целинных районах Оренбургской области: часто в вагончиках, особенно девичьих, встречались многочисленные открытки с изображением любимых артистов [16].

Особое значение по политическому и психологическому влиянию на советское население, в том числе и целинное, имели набор и качество кинофильмов, выходящих в кинопрокат. Фильмы «крутились» как полнометражные, так и короткометражные; узкоплёночные и широкоплёночные. Они в свою очередь разделялись на художественные, документально-хроникальные, научно-популярные и учебные. Последние три вида фильмов делились ещё по отраслям – сельскохозяйственные, животноводческие, технические и т. д. По данным управления кинофикации Оренбургского облисполкома, в 1955 г. около 90 % полнометражных художественных фильмов были черно-белые длительностью от 7 до 12 часов. Документально-хроникальные и научно-популярные полнометражные – только черно-белые длительностью от 3 до 9 часов и от 6 до 7 часов, учебные полнометражки длились в среднем 6 часов. Среди короткометражных лент цветных было больше. Например, детские короткометражные кинофильмы были примерно на 95 % цветными и длились от 1 часа до 6 часов, документально-хроникальные и научно-популярные, соответственно, на 30 % и 10 % длительностью от 1 часа до 5 часов и те, и другие. Учебные короткометражные

фильмы лишь на 1 % цветные длительностью от 1 до 4 часов. Такая градация сохранялась и в последующие г. [6, л. 70–83].

Цветные киноленты производили большее впечатление на зрителя, но, несмотря на это, черно-белые фильмы тех лет при всем их наиве и политизированности до сих пор производят художественное впечатление.

В большинстве своем фильмы на целине демонстрировались на узкоплёночной ленте, о чем свидетельствует особая отметка в справке о состоянии кинообслуживания населения целинных районов за 1959 г. В качестве достижения организаторов досуга на целине фиксируется факт выездов специальной автомашины ГАЗ-69, оборудованной широкоэкранным кинопередвижкой, которая за 1959 г. дала по целинным районам 113 сеансов и обслужила 18 тыс. зрителей [7, л. 1].

По мнению А. А. Левандовского, «характерной чертой советского общества 50-х гг. является социальный оптимизм, вера народа в то, что трудности временные и их преодоление гарантирует счастливое будущее...» [20, с. 75]. Эту уверенность, на наш взгляд, и формировало кино второй половины 50–60-х гг. Другими словами, кино формировало советскую личность, определяло её через систему советских ценностей.

Знаковыми здесь можно назвать такие художественные картины, как «Карнавальная ночь» Э. А. Рязанова (1957), «Застава Ильича» и «Июльский дождь» М. Хуциева, «Детство Горького» М. Донского, особенно много показываемые на целине во второй половине 1950-х, и, например, такие популярные ленты, как «Королева бензоколонки», «Приходите завтра», «Яблоко раздора», демонстрировавшиеся в первой половине 1960-х гг., а также многие другие. Но на целине чаще показывали одни и те же фильмы: «Весна на заречной улице», «Тихий Дон», «Мы подружались в Москве», «К черному морю», «Безумный день», «Подвиг разведчика», «Дети капитана Гранта» и др. – на что постоянно поступали жалобы целинников. [24, л. 4, 25]. Но и они имели определенное влияние на советского человека, формировали в нем новое отношение к будущему своей страны, своей жизни и своей истории.

Художественный образ, созданный на экране, имеет особую способность воздействовать на сознание человека. Он заставляет поверить в себя, поднять дух, вселить надежду. Такой силой обладало и кино исследуемого периода. «Кино 60-х играло совершенно особую роль в нашей тогдашней жизни; оно являло собой не

зрелище, а Школу, о какой сейчас и мечтать не приходится. Кинофильмы того времени задавали жизненные ориентиры, буквально входившие в подсознание, формировали не мировоззрение даже, а характер...» [20, с. 75]. Кино вырабатывало определенные постулаты в сознании советского человека, которые становились его частью: «... родину и родителей нельзя не любить; ... деньги в этой жизни – не самое главное; ... обижать слабого нельзя, так же, как нельзя унижаться перед сильным; ... ябедничать, сиречь, доносить – мерзко; ... сожительство без любви – отвратительно...» [20, с. 75] Действительно, после демонстрации фильмов в сельских клубах происходило заинтересованное неформальное обсуждение поступков героев и сюжетов картин [17].

Особенно стоит выделить такую часть первоцелинников, как реэмигранты из Китая, в жизни которых советский кинематограф сыграл комически-драматическую роль. Особенность указанной группы заключается в том, что, по нашим подсчетам, она составляла большую часть прибывших на целину в первый год её освоения. Общее число прибывших реэмигрантов, включая детей до 16 лет, достигало 5 073 человека на 31 июля 1954 г. [24]. По межрайонному набору в Чкаловскую область тогда же приехали 3 212 человек [23, л. 10]. Именно поэтому восприятию ими советского кино стоит уделить особенное внимание.

Являясь носителями русской культуры в Китае, с момента исхода их предков из Российской Империи в годы гражданской войны представители русской диаспоры крайне трепетно относились ко всему, что так или иначе было связано с Родиной. Поэтому, когда в 1954 г. появилась возможность по разрешению советского правительства вернуться обратно в рамках целинной кампании, большая часть реэмигрантов воспользовалась ею незамедлительно. Готовясь к отъезду, находясь в условиях значительной нехватки информации о реальной ситуации в Советском Союзе, реэмигранты ориентировались «по вопросам сельскохозяйственной экипировки... на последний советский фильм «Свадьба с приданым», – сапожки лакированные, платочки в горошек»

[18, с. 212]. Реальность же оказалась менее праздничной, чем демонстрировалась на экране. Этот пример говорит о значимости художественного кино, которое носило больше пропагандистский характер и создавало иллюзию благополучия жизни советского народа.

Подведем итоги. Анализ кинообслуживания на целине показал:

1) в первые три года освоения целины отмечались проблемы:

– колоссальной нехватки кинопередвижек, приходящихся на число населенных пунктов. В среднем – 1 кинопередвижка на 15–20 населенных пунктов;

– частых повторов киносеансов в связи с несогласованностью параллельно действующей системой профсоюзных и государственных киноустановок;

– строительства клубов. В большинстве совхозов их не было, или они были не приспособлены к кинопоказам;

2) к началу 1960-х гг. в ситуация стала выправляться:

– численность киноустановок возросла в 2–3 раза по всем целинным районам;

– как следствие, увеличилась средняя посещаемость кинопоказов целинниками: 1–2 раза в месяц;

– особенное место занимали кинофестивали и кинолектории, получившие особое признание на целине;

3) в 50–60-х гг. XX в. кино в повседневной жизни первоцелинников – это особое событие: его обсуждали, с удовольствием пересматривали, хранили открытки с любимыми актерами;

4) проблема кинообслуживания на целине носила многогранный характер. С одной стороны, кино использовалось на повседневном и идеологическом уровне как инструмент воздействия, формирующий мировоззрения молодого поколения, создающий идеологически необходимые цели и задачи, которые виделись подлинными и вполне достижимыми в обычной жизни; с другой – реализация действия такого идеологического инструмента диктовалась возможностями совхозов и нередко не совпадала с запросами новоселов, привыкших к многовариативности городского отдыха.

Литература и источники

1. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 720.
2. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 83.
3. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 94.
4. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 106.
5. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 167.
6. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 171.
7. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 194.

8. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 303.
9. ГАОО. Ф. Р-2138. Оп. 2. Д. 560.
10. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 53.
11. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 113.
12. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 187.
13. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 423.
14. ГАОО. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 649.
15. Из беседы с А. Г. Зелепухиным от 4.07.2006. Из личного архива автора.
16. Из беседы с Д. М. Фаттаховым от 26.04.2006. Из личного архива автора.
17. Кравченко Л. Земля за холмом. Пейзаж с эвкалиптами. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. 528 с.
18. Красная степь. 1954. 5 августа.
19. Левандовский А. А. Последняя застава // Отечественная история. 2003. № 6. С. 70–82.
20. Никоноров Н. На целине Ивана Бровкина // Планета целина: сб. ст. / под ред. В. И. Дубровкиной. Оренбург: Оренбургский край, 2004. С. 235–237
21. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 32. Д. 154.
22. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО). Ф.371. Оп. 17. Д.1965.
23. ЦДНИОО. Ф.8003. Оп.2. Д. 1-9.
24. ЦДНИОО. Ф. 8038. Оп.1. Д. 860.

References

1. Statw archive of Orenburg territory (GAOO) F.846 Inv.3 D.720.
2. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 83.
3. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 94.
4. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 106.
5. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 167.
6. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 171.
7. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 194.
8. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 303.
9. GAOO F. 2138. Inv. 2. D. 560.
10. GAOO F. 2568. Inv. 1. D. 53.
11. GAOO F. 2568. Inv. 1. D. 113.
12. GAOO F. 2568. Inv. 1. D. 187.
13. GAOO F. 2568. Inv. 1. D. 423.
14. GAOO F. 2568. Inv. 1. D. 649.
15. Iz besedy s A. G. Zelepuhinym ot 4.07.2006. Iz lichnogo arhiva avtora (*From a conversation with A. G. Zelepukhin of 4.07.2006. From personal archive of the author*).
16. Iz besedy s D. M.Fattahovym ot 26.04.2006. Iz lichnogo arhiva avtora (*From a conversation with D. M. Fattakhov of 26.04.2006. From personal archive of the author*).
17. Kravchenko L. Zemlja za holmom. Pejzazh s jevkaliptami (*The earth behind the hill. A landscape with eucalyptuses*) Novosibirsk: Novosibirsk book publishing house 1988. 528 p.
18. Krasnaja step'. 1954. 5 avgusta. (*Red steppe. 1954. August 5*).
19. Levandovskij A. A. Poslednjaja zastava (*Last outpost*) // Otechestvennaja istorija. 2003. No. 6. P. 70–82.
20. Nikonorov N. Na celine Ivana Brovkina (*On Ivan Brovkin's virgin soil*) // Planeta celina / ed by V. I. Dubrovkina. Orenburg: Orenburgskij kraj, 2004. P. 235 – 237.
21. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii (RGANI). F.5 Inv.32 D. 154.
22. Centr dokumentacii novejshej istorii Orenburgskoj oblasti (CDNIOO). F.371 Inv.17. D. 1965.
23. CDNIOO. F. 8003. Inv. 2. D. 1-9.
24. CDNIOO. F. 8038. Inv.1. D. 860.

УДК 94(47).084.6

А. В. Майгур

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОДПИСАНИЯ СОВЕТСКО-БРИТАНСКОГО ТОРГОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

В статье на основании опубликованных документов и опубликованных архивных данных показана краткая история подписания советско-британского торгового договора. Особое внимание уделяется деятельности двух стран на пути к компромиссному решению. В статье делается вывод о том, что, несмотря на взаимную заинтересованность в заключении пакета договоров о торговле,

Великобритания из-за борьбы за власть внутри парламента вынудила правительство расторгнуть договор, и испортили взаимоотношения с Россией вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: СССР, Великобритания, торговое соглашение, взаимоотношения, «письмо Зиновьева», «инцидент Кемпбелла».

A. V. Majgur

POLITICAL AND ECONOMIC CONTEXT OF SIGNING SOVIET-BRITISH TRADE AGREEMENT

With the reference to published documents and published historical data the article gives a brief outline as regards the history of signing the Soviet-British trade agreement. Particular attention is paid to the activities of the two countries on the path to a compromise solution. The article concludes that in spite of their mutual interest in the conclusion of a package of

trade agreements the United Kingdom made the government cancel the contract due to power struggle in the parliament. It resulted in deterioration of relations with Russia up to the present time.

Key words: the USSR, Great Britain, trade agreement, relationship, "Zinoviev's letter", "Campbell's case".

Провозглашенная Советским Союзом внутриполитическая и внешнеполитическая система отличалась некоторыми особенностями, в первую очередь – в вопросе межгосударственных отношений. Внутриполитическая программа, направленная на построение коммунистического будущего, и внешнеполитическая программа, основной целью которой было установление коммунистического режима в капиталистических государствах путем вооруженных восстаний и революций, создавали определенные трудности в установлении взаимоотношений с европейскими государствами.

Мировые внешнеполитические державы, сконцентрировавшиеся на территории Европы, не были склонны идти навстречу коммунистическому государству в вопросе сотрудничества. Поэтому Советский Союз выбрал, возможно, более медленный вариант заключения внешнеполитических договоров, используя подконтрольные государству организации, такие, как Коммунистический Интернационал, а также частные компании, выступавшие от имени СССР.

В материалах Коминтерна не раз указывалось, что основная цель его деятельности –

свержение монархических и буржуазных правительств путем мировой революции, отставание точки зрения революционного марксизма [6, с. 3]. В июле – августе 1920 г. в ходе работы II Конгресса Коминтерна был разработан Устав этого международного объединения, в котором говорилось, что «...Коммунистический Интернационал ставит себе целью борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание международной советской республики» [7, с. 620]. Одной из стратегических целей Коминтерна являлось «...завоевание под свое влияние большинства членов собственного класса...осуществление гегемонии пролетариата над широкими кругами трудящихся масс» [7, с. 41–42].

Причины, лежащие в основе заинтересованности СССР установления прочных взаимоотношений с Великобританией, следующие: Великобритания в межвоенный период, несмотря на все трудности в социально-экономической сфере первых послевоенных лет, оставалась одной из наиболее промышленно развитых государств капиталистического мира. В сложных

социально-экономических условиях первых лет после окончания мировой войны у власти находилось коалиционное правительство, которым руководил Дэвид Ллойд Джордж, однако большинство других постов в его Кабинете Министров оставалось у консерваторов. Страна играла значительную роль в европейской и мировой политике, её представители занимали ведущие позиции в созданной в 1919 г. Лиге Наций. Великобритания обладала огромной колониальной империей, её площадь на момент того же года составляла около 1/5 всей земной части суши, а население – приблизительно четверть всех жителей планеты [4, с. 7]. Кроме того, подавляющее большинство населения Британии были рабочими, что вызывало дополнительный интерес к этой стране со стороны руководителей Коминтерна и Советского государства.

Сразу после установления Советской власти большевикам пришлось чуть ли не кардинально менять основные пункты внешней политики, особенно на западноевропейском направлении, являвшемся исторически приоритетным. Но вследствие активного сопротивления Запада коммунистической идеологии Советскому Союзу пришлось, по сути, прижиться, установив политику «двойных стандартов»: одновременной поддержкой курса мирового революционного процесса и стремлением к установлению прочных межгосударственных контактов. Большевики действительно понимали, что обороноспособность государства зависит от выполнения экономических планов, для чего необходимы были прочные экономические связи с передовыми промышленными странами Запада [12, с. 232].

В начале 1920-х РСФСР установил дипломатические отношения с 8 государствами. Но действительно важным моментом в так называемой «полосе признания» было заключение 16 марта советско-британского торгового-экономического соглашения. Данный шаг говорил о фактическом признании одного из ведущих европейских государств суверенитета страны с марксистско-ленинской, коммунистической идеологией. Отчасти к факту подписания данного договора приложила руку КПВ: всё-таки коммунизм в первую очередь и идеологически, и экономически выгоден рабочему классу, которого в промышленной Англии всегда было достаточно. Именно данный факт является объяснением недовольства выбранным курсом британского консервативного правительства относительно Советской России; немедленное возобновление торговых связей с Советской

Россией было действительно выгодно Великобритании, как минимум для расширения рынка труда и налаженного рынка сбыта.

Заключение торгового соглашения началось с переговоров советской торговой делегации в Великобритании, а именно – с предложения Леониду Красину как главе делегации. 30 июня 1920 г. им в Москву была доставлена и передана известная записка от правительства Великобритании с заявлением о желании британского правительства установить нормальные торговые взаимоотношения с советским правительством. По этому вопросу, а точнее – по вопросу продолжения экономической и внешнеполитической блокады, Кабинет Министров Великобритании высказался наиболее точно в начале 1920 г.: «...у нас нет ни людей, ни денег, ни кредита и общественное мнение также настроено против такого курса» [14, р. 38]. Данное решение было принято по итогам двух прошедших конференций, в Каннах (6–13.01.1920) и в Сан-Ремо (19–26.04.1920). Эти внешнеполитические конференции были посвящены в основном экономическим вопросам. Одной из самых обсуждаемых была проблема установления взаимоотношений с СССР, столь успешно заблокированными практически всеми мировыми державами. На вышеуказанных конференциях было принято решение установить торговые взаимоотношения, что было продиктовано прежде всего внутривнутриполитическими и внутриэкономическими проблемами государств, поддержавших блокаду.

На этапе согласования спорных моментов, интересующих оба государства, возникали определенные препятствия, создаваемые в первую очередь британской стороной – Великобритания решила воспользоваться решимостью СССР идти на любые уступки ради заключения торгового договора. Поэтому включила в обязательные условия вопрос о подданных Британской империи, задержанных в Баку. В частности, в ноте от 1 октября 1921 г. лорд Керзон безапелляционно заявил о готовности правительства Великобритании предпринять любые действия, какие оно сочтет необходимыми, для освобождения своих граждан в случае отсутствия подтверждения одобрения советского государства выпустить задержанных британцев [3, с. 244]. Ответный шаг со стороны СССР не заставил себя ждать – 1 ноября 1920 г. было подписано соответствующее соглашение об обмене пленными. Данная уступка СССР в пользу Великобритании еще раз подтверждала, насколько большевикам было необходимо заключение торгового соглашения.

Казалось бы, препятствий для заключения торгового соглашения больше нет. Но Великобритания в очередной раз продемонстрировала свою способность видеть и извлекать выгоду в любых обстоятельствах. Вопрос касался Ближнего Востока, а именно – поддержки СССР Турции. Послевоенная Турция, согласно Севрскому договору, была урезана и в правах, и в территориях. А поскольку Великобритания всегда считала Ближний Восток и Индию своими колониями, если не настоящими, то будущими, то она потребовала от СССР отказаться от поддержки правительства Ататюрка. Но это требование не было удовлетворено, и правительства СССР и Турции вскоре, на первой Лондонской конференции в марте – апреле 1921 г., подписали договор о взаимном признании.

Вышеперечисленные инциденты со стороны Великобритании были не единственными. В этот вопрос вмешалась внутренняя политика Великобритании. Кроме двух существовавших партий – консерваторов и либералов, на политической арене появилась еще одна – партия лейбористов, или социалистов, появившаяся в 1906 г. Всего через 17 лет, в 1921 г., на внеочередных выборах в парламент, лейбористская партия получила 191 место, консерваторы 258, а либералы 159. В Великобритании действуют свои внутренние законы, согласно которым власть должны были получить лейбористы. Таким образом, в Великобритании должно было сформироваться первое в истории однопартийное социалистическое лейбористское правительство. Согласно британским парламентским традициям, прецедент создания коалиционного правительства считался недопустимым, даже при условии прихода к власти социал-демократов. Таким образом, в Великобритании впервые за всю государственную историю к власти могли прийти социалисты, иными словами – правительство, очень лояльно относящееся к СССР. Естественно, консерваторы не могли этого допустить, и ответили с присущей англичанам тонкостью: позволили себе порекомендовать королю дать команду на составление Кабинета Министров лидеру лейбористов, рассчитывая, что они не справятся с безработицей и грозящими внутренними беспорядками [13, с. 119]. Но лейбористское правительство ушло с политической арены раньше – в результате внутривнутриполитического скандала, вышедшего за пределы Великобритании, называемого в литературе и историографии как «красное письмо» или «письмо Зиновьева». Однако инцидент, связанный с «письмом Зиновьева» – «инцидентом Кембелла» (Campbell's case).

25 июля 1924 г. в газете Workers Weekly от 25 июля 1924 г. членом коммунистом Джоном Россом Кемпбеллом была опубликована довольно провокационная статья для «недели антивоенной кампании», проводимой КПВ, озаглавленная как «Открытое военное письмо к вооруженным силам» [15, с. 366–367]. В этом письме звучали призывы к свержению существовавшего строя: «Turn your weapons on your oppressors!» [15, с. 366–367]. В этой статье Кэмпбелл призывал к объединению рабочих классов для открытого вооруженного восстания. Кроме того, в статье содержались подробные тезисы к подготовке восстания и его проведению. Сразу же после публикации Кемпбелл был задержан, и дело перешло в Палату Общин, где Кемпбелла обвинил в просоветской деятельности генеральный прокурор Англии и Уэльса Патрик Гастингс. Обвинение выглядело и являлось выпадом в сторону СССР, поскольку на тот момент Кемпбелл уже состоял в КПВ. В результате судебных препирательств он был оправдан, и, судя по всему, не без участия влияния партии лейбористов. Но через некоторое время начался очередной виток внутрипартийной борьбы в британском парламенте, значительно повлиявший на взаимоотношения СССР и Великобритании.

15 сентября 1924 г. британский МИД получил из МИ5 копию письма, подписанного председателем Исполкома Коминтерна Григорием Зиновьевым, главой британской коммунистической партии Артуром Мак-Манусом и одним из руководителей Коминтерна Отто Куусиненом. В письме в весьма точных формулировках повторялись основные положения статьи, опубликованной Кемпбеллом в июле того же года. А 25 октября, всего за 4 дня до выборов, это письмо было опубликовано в газете «Daily Mail». Британский МИД отреагировал предсказуемо, в тот же день вручив ноту протеста поверенному СССР в делах в Великобритании Христиану Раковскому, в которой данное письмо «...квалифицировалось как прямое вмешательство Советского государства во внутренние дела Великобритании» [1, с. 24].

СССР было крайне невыгодно терять потенциального партнера, при условии получения столь необходимого займа. Поэтому на следующий же день Раковский отправил ответную ноту, в которой подробно доказывался факт отсутствия подлинности письма. Далее произошел небольшой инцидент, единственное упоминание о котором нами найдено у В. П. Козлова в его книге «Обманутая, но торжествующая Клио», а именно – попытка дискредитации лон-

донского представительства СССР. 29 октября некий Синклтон, за два дня до этого искавший встречи с советским послом, был принят первым секретарем советского представительства Битнером, предъявив часть фальшивых документов, которые вскоре будут использованы для компрометации СССР [5, с. 21]. Через несколько дней, 3 ноября 1924 г., Раковский предоставил информацию о случившемся визите Синклтона премьер-министру Великобритании, передав часть наиболее компрометирующих фальшивок, предварительно скопированных в полпредстве с согласия самого Синклтона. Ответа от британского МИДа не последовало, и Синклтон больше не появлялся.

Одновременно с действиями советского правительства некоторые шаги были предприняты Коминтерном. В ноябре этого же года делегация британских профсоюзов прибыла в Москву по приглашению Исполкома Коминтерна с целью обнаружения следов какой-либо подрывной деятельности в архивах. По результатам данной поездки профсоюзы опубликовали отчет, в котором отмечалось полное отсутствие документов, содержащих информацию о подрывной деятельности против Великобритании [8, с. 119–120].

Самое любопытное в интервью Зиновьева – то, что, отрицая подлинность документа и отмечая, что грубость подлога обнаруживается прежде всего из его содержания, он в отношении этого содержания фактически подтвердил большинство программных установок Коминтерна, содержащиеся в фальшивке. В этом смысле весьма многозначительно звучали слова о привлечении в компартию ученых, специалистов технического и естественнонаучного профиля, что являлось стратегической, но не тактической целью для коммунистического государства. К тому же, эта цель не являлась на тот момент жизненно необходимой для Коминтерна.

Возможно, этот факт и заставил министра иностранных дел Великобритании Остина Чемберлена в официальной ноте Раковскому настаивать на подлинности «письма Зиновьева». Чемберлен принял к сведению аргументы Раковского касавшего вызвавшего такой хаос документа, и дал письменный ответ на них, указав следующее: «Правительство Его Величества не может принять этих утверждений, которые опровергаются ссылкой на официальные издания и ежедневную прессу Союза». [9, л. 1; 10, л. 1]. Согласно мнению Чемберлена, установки, прописываемые в письме, подтверждаются и интервью самого Григория Зиновьева, и основными положениями Коммунистического

Интернационала, указанными выше.

«Письмо Зиновьева» после опубликования стало предметом массового интереса. В течение октября – декабря вопросы, прямо или косвенно связанные с ним, не раз выносились на обсуждение в парламенте Великобритании.

В середине декабря ситуация, связанная с письмом, вновь накалилась, причем в значительной степени в связи с обострением политической борьбы в самом британском парламенте. 15 декабря со специальной речью по этому вопросу здесь вновь выступил О. Чемберлен, призывая не принимать во внимание подписи Мак-Мануса и Куусинена на письме, поскольку рассмотрение их подписей могло дискредитировать не только Коминтерн, но и британцев. Именно по этой причине был ранее отпущен Джозеф Кемпбелл.

В начале 1925 г. Генеральный совет британских профсоюзов ответил на предложение Коминтерна и отправил делегацию для проверки документации Исполкома Коминтерна. После проверки, в мае того же года, совет профсоюзов сделал заявление, в котором особенно отмечалось следующее: «...делегация ... полностью расследовала вопрос об аутентичности так называемого «красного письма» в той мере, как это зависело от России» [11, л. 8]. Британское правительство продолжало отмалчиваться от комментариев, относящихся к докладу, продолжая считать письмо подлинным.

Можно твердо заключить, что в том виде, в каком этот документ был опубликован и приложен к официальной ноте МИД Великобритании, его в природе действительно не существовало. Подлог сыграл свою политическую роль накануне выборов в британский парламент, а после этого в течение нескольких месяцев сам факт его легализации, внутривнутриполитические и международные последствия служили поводом для политической борьбы в британском обществе. Также по итогам выборов в британский парламент победу одержали консерваторы, вследствие чего подписанный в августе советско-британский торгово-экономический пакет договоров не был ратифицирован правительством.

Организовал подделку, ее обсуждение и последовавшие за ее публикацией события британский разведчик и близкий друг Уинстона Черчилля майор Десмонд Мортон. В феврале 1968 г. газете «Санди Таймс» появились публикации, связанные с обнаружением в архивах Гарвардского университета фотокопий рукописи «письма Зиновьева» [16, р. 24]. Графологический анализ, проделанный экспертом Джоном Конвеем, показал их принадлежность

известному британскому разведчику Сиднею Рейли. Таким образом, даже он оказался причастен к фабрикации фальшивки.

Однако вопрос авторства оставался открытым вплоть до конца XX в. В это время глава МИДа правительства Блэра Робин Кук распорядился открыть некоторые архивы, и пригласил британского историка Джилл Беннетт (Jill Bennett) для подробного изучения документов, относящихся к фальшивке. [17, р. 119.] Джилл Беннетт выяснила, что «письмо Зиновьева» было передано русским эмигрантом из Берлина, специализировавшемся на изготовлении таких документов.

Таким образом, в системе международного права сложился действительно уникальный прецедент: страны с несопоставимыми идеологическими установками, политическими и экономическими системами не признают друг друга вплоть до призывов к открытой военной конфронтации, реализация которой имела место в начале XX в. Но в нашем случае две системы идут навстречу друг другу исключительно вследствие острой взаимобратной и взаимовыгодной экономической зависимости.

Необходимость заставила два враждующих государства пойти на уступки и заключать договор об экономическом сотрудничестве, но идеологические противоречия не позволили заключить пакет договоров о взаимном признании. И, в нашем случае, внутренняя политика, а именно межпартийная борьба за власть в Великобритании заставила поступиться экономической и политической выгодой и сорвать подписание договора, сфабриковав призыв к восстанию за подписью главы ИККИ, главы ячейки Коминтерна в Европе и в Великобритании, что еще раз показывает беспринципность консервативной части правящей верхушки правительства Великобритании и одновременно помогает понять деятельность правительства Великобритании, направленную на усиление гитлеровской Германии как противовеса СССР. Так или иначе, но внешнеполитические взаимоотношения во всех сферах межгосударственных взаимоотношений остаются испорченными и по сей день, в основном, в силу нежелания правительства Великобритании признать ошибочность своих поступков в прошлом.

Литература и источники

1. Антисоветские подлоги: История фальшивок. Факсимиле и комментарии. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1926. 167 с.
2. Второй Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Петроград: Изд-во Коммунистического Интернационала, 1921. 682 с.
3. Документы внешней политики СССР М.: Госполитиздат, 1959. Т. 3. 648 с.
4. Ерофеев Н. Закат Британской империи. М.: Мысль. 1967. 279 с.
5. Козлов В. П. Обманутая, но торжествующая Клио. М.: РОССПЭН, 2001. 221 с.
6. Коммунистический Интернационал в документах. Ленинград: Госиздат, 1923. С. 74–111.
7. Коммунистический интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания Конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932 гг. М.: Партийное издательство, 1933. 1027 с.
8. Млечин Л. 23 главных разведчика России. М.: Алгоритм, 2015. 559 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 475.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 481.
11. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 100. Д. 219.
12. Шишкин В. А. Власть. Политика. Экономика: послереволюционная Россия (1917–1928 гг.). Институт Российской Истории. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. 399 с.
13. Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М.: Юрист, 2002.
14. Adamthaite A. The last Peace: International Relations in Europe. 1918–1939. London, 1980.
15. James Klugmann, History of the Communist Party of Great Britain: Volume One: Formation and Early Years, 1919–1924. London: Lawrence and Wishart, 1968. 619 p.
16. Gill Bennett, «A Most Extraordinary and Mysterious Business”: The Zinoviev Letter of 1924», Historians LRD No. 14. London: Foreign and Commonwealth Office, Jan. 1999. 109 p.
17. Gill Bennett, Churchill’s Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London: Taylor & Francis, 2006. 404 p.

References

1. Antisovetskie podlogi: Istorija falshivok. Faksimile i komentarii (*Anti-Soviet approaches: the history of fakes. Facsimile and comments*). Moscow: Litizdat N.K.I.D., 1926. 167 p.
2. Vtoroj Kongress Kommunisticheskogo Internacionala. Stenograficheskij otchet (*The Second Congress of the Communist International. Verbatim report*). Petrograd: Publishing house of the Communist International, 1921. 682 p.
3. Dokumenty vneshnej politiki SSSR (*Documents of Foreign Policy of the USSR*). Moscow: Gospolitizdat, 1959. Vol. 3. 648 p.
4. Egoreev N. Zakat Britanskoj imperii (*Sunset of the British Empire*). Moscow: Mysl', 1967. 279 p.
5. Kozlov V. P. Obmanutaja, no torzhestvujushhaja Klio (*Deceived, but triumphant Clio*). Moscow: ROSSPJeN, 2001. 221 p.
6. Kommunisticheskij Internacional v dokumentah (*The Communist International in documents*). Leningrad: Gosizdat, 1923. P. 74–111.

7. Kommunisticheskij internacional v dokumentah. Reshenija, tezisy i vozzvanija Kongressov Komintern a i plenumov IKKI (*The Communist International in documents. Decisions, theses and appeals of the Congresses of the Cominterns and Plenums of the ECCI*) 1919–1932 gg. Moscow: Party publishing house, 1933. 1027 p.
8. Mlechin L. 23 glavnyh razvedchika Rossii (*23 chief intelligence officers of Russia*). Moscow: Algoritm, 2015. 559 p.
9. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). F. 17. Inv. 3. D. 475.
10. RGASPI. F. 17. Inv. 3. D. 481.
11. RGASPI. F. 495. Inv. 100. D. 219.
12. Shishkin V. A. Vlast'. Politika. Jekonomika: poslerevoljucionnaja Rossija (1917–1928 gg.) (*Power. Policy. Economics: post-war Russia (1917–1928)*) / St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1997. 399 p.
13. Chernilovskij Z. M. Vseobshhaja istorija gosudarstva i prava (*The general history of the state and law*). Moscow: Jurist, 2002.
14. Adamthaithe A. The last Peace: International Relations in Europe. 1918–1939. London, 1980.
15. James Klugmann, History of the Communist Party of Great Britain: Volume One: Formation and Early Years, 1919–1924. London: Lawrence and Wishart, 1968. 619 p.
16. Gill Bennett, «A Most Extraordinary and Mysterious Business»: The Zinoviev Letter of 1924», Historians LRD No. 14. London: Foreign and Commonwealth Office, Jan. 1999. 109 p.
17. Gill Bennett, Churchill's Man of Mystery: Desmond Morton and the World of Intelligence. London: Taylor & Francis, 2006. 404 p.

УДК 94 (47)

А. А. Панарин

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЛАНОВ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В 1917–1920 гг.

В статье рассматриваются действия большевистской партии после Октябрьской революции 1917 г. по «подталкиванию» мировой социалистической революции путем активизации леворадикальных партий и народных масс в ряде западноевропейских стран. Объясняются причины такой деятельности, связанные со стремлением к реализации марксистской теории социалистической революции, предусматривающей ее победу в

нескольких развитых капиталистических странах. Приводятся сведения о попытках участия большевиков в революционных событиях на территории Венгрии и Баварии, стремлении активизировать революционный процесс в Европе в ходе советско-польской войны.

Ключевые слова: большевистская партия, мировая социалистическая революция, Советская республика, Европа, пролетариат.

А. А. Panarin

IMPLEMENTATION OF BOLSHEVIK PARTY PLANS FOR THE WORLD SOCIALIST REVOLUTION IN 1917–1920

The article discusses the actions of the Bolshevik Party after the October revolution of 1917 as far as they concern the promotion of World Socialist Revolution through radical leftist parties and the masses in some Western European countries. The activities resulted from the desire to realize Marxist theory of socialist revolution, which presupposed its domina-

tion in several developed capitalist countries. The article features information about Bolshevik's attempts to get involved in the revolutionary events in Hungary and Bavaria, an effort to strengthen the revolutionary process in Europe during the Polish-Soviet war.

Key words: Bolshevik Party, the World Socialist Revolution, Soviet Republic, Europe, proletariat.

100-летний юбилей Октябрьской революции в России активизировал внимание к одному из самых значительных событий мировой истории XX в. Несмотря на самые разные, зачастую прямо противоположные его оценки, бесспорным для всех является признание огромного влияния русской революции на всё последую-

щее развитие человечества. В контексте этого утверждения хотелось бы отметить, что, по замыслам большевистской партии, установление Советской власти в России должно было стать началом мировой социалистической революции. Более того, руководство большевиков рассматривало возможность осуществления

социалистической революции в России в неразрывной связи с перспективами ее победы в ведущих капиталистических странах. Объяснялось это неготовностью России к самостоятельному строительству социализма, ввиду отсутствия таких сформулированных классиками марксизма предпосылок, как достижение необходимого для утверждения общественной собственности на средства производства уровня развития производительных сил, преобладание рабочего класса в общей массе населения и его высокий культурный уровень. Поэтому предполагалось, что победивший передовой западноевропейский пролетариат поможет российскому рабочему классу построить социалистическое общество.

Надежды на осуществление мировой социалистической революции связывались как большевиками, так и леворадикальными партиями и движениями в Западной Европе, с продолжающейся Первой мировой войной. По их замыслам, доведенный в условиях войны до отчаянного положения пролетариат должен был повернуть полученное от своих эксплуататоров оружие против них самих и захватить власть. Выдвигались также экономические обоснования возможности осуществления мировой социалистической революции в условиях мировой войны. По этому поводу Ленин писал: «Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму» [2, с. 193].

Всемирная социалистическая революция, как считал Владимир Ильич, являлась важнейшим средством преодоления угрозы гибели человеческой цивилизации, причем преодоления окончательного, ввиду того, что при сохранении капиталистического строя новые мировые войны, по его мнению, были неизбежны. В этих целях предполагалось осуществить завоевание власти пролетариатом в ряде стран и создать объединенное государство в форме Советов рабочих и солдатских депутатов. Лозунг Всемирной Республики Советов (или Советских Соединенных Штатов) полностью отвечал концепции пролетарской революции, причем предполагалось, что революционный процесс будет протекать не одновременно во всех странах, а переходить из страны в страну в теснейшей связи друг с другом. В первую очередь на территории Европы [7, с. 73–74].

Деятельность российского пролетариата рассматривалась Лениным в неразрывном

единстве с революционной борьбой западноевропейского пролетариата, успех которой, как уже отмечалось, мог обеспечить победу социалистической революции в России. В резолюции «О текущем моменте» Седьмой Всероссийской конференции РСДРП(б), состоявшейся в апреле 1917 г., записано: «Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования» [1, с. 451]. В то же время это не означало пассивного поведения российского пролетариата и большевистской партии, а, напротив, предполагало осуществление мер по созданию условий для перехода к социалистическим преобразованиям, усилению влияния на полупролетариев деревни.

В силу сложившихся обстоятельств, когда российская буржуазия оказалась не в состоянии руководить страной, а революционная активность народных масс требовала коренного изменения политической ситуации, в России возникли реальные предпосылки для установления Советской власти, ставшей первой в истории формой политической системы социализма. Руководство большевистской партии осознавало, что новая политическая надстройка создается без наличия соответствующего базиса, что вступало в противоречие с марксистской теорией. В связи с этим основные надежды Ленина и его сторонников были связаны с развертыванием социалистических революций в ряде стран Западной Европы и прежде всего Германии.

Сразу после захвата власти в Петрограде 26 октября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов была принята резолюция, которая завершалась словами: «Совет убежден, что пролетариат западноевропейских стран поможет нам довести дело социализма до полной и прочной победы» [8, с. 5]. В Декрете о мире, помимо общего обращения к правительствам воюющих стран о необходимости заключения всеобщего мира, было отдельное воззвание к рабочим Англии, Франции и Германии с надеждой, что они поддержат своими действиями свершившуюся революцию в России.

Такая позиция Ленина, в частности, объясняет его настойчивость при заключении тяжелого Брестского мира с кайзеровской Германией. В горячих дебатах с «левыми коммунистами» Ленин считал, что заключение этого крайне тяжелого мира необходимо не только в интересах Советской республики, но и в интересах

грядущей мировой социалистической революции, для успеха которой следует сохранить завоеванный российским пролетариатом плацдарм для наступления на мировой капитал.

Совершенно понятно, что Брестский мир стал не только временной передышкой для ослабленной Советской России, но проявлением ожидания запаздывающей по прогнозам руководства большевиков социалистической революции в Европе. Примечательно, что состоявшийся вскоре после подписания мира Седьмой экстренный съезд РКП(б) не только признал необходимость этого акта, но и увидел «надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию» [3, с. 36].

В это же время в рядах большевиков проявляла себя и более активная позиция в осуществлении внешней политики молодой Советской республики, связанная с мерами по подталкиванию всемирной социалистической революции. В резолюции Седьмого съезда РКП(б) «О войне и мире» отмечалось: «В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран» [5, с. 27]. В секретном дополнении к резолюции съезд подчеркнул, что «Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну» [5, с. 27].

Во время Гражданской войны, когда происходило постепенное укрепление Красной армии, тактика «подталкивания» мировой революции стала проявляться более ощутимо, предусматривая различные меры поддержки революционных выступлений западноевропейского пролетариата. С целью консолидации усилий наиболее радикально настроенных партий и групп в марте 1919 г. был создан III Коммунистический Интернационал, основной задачей которого стала подготовка и проведение социалистических революций в западноевропейских странах. В связи с этим коммунистические партии становились основными проводниками всемирной социалистической революции, а социал-демократы объявлялись главными врагами рабочего класса. Такая категоричная оценка последних была связана с реформистской политикой между-

народной социал-демократии, уводившей, по мнению коммунистов, пролетариат от борьбы за завоевание власти.

Создавая III Интернационал, руководство большевиков было уверено в том, что началась решающая фаза борьбы за мировую революцию. Убежденность в правильности такой оценки усилилась после Валдайского солдатского восстания в Болгарии и провозглашения там крестьянской республики в сентябре 1918 г., и особенно после ноябрьской революции 1918 г. в Германии. Сведения о революционном брожении, экономическом хаосе и разрухе в Европе, трудностях демобилизации в державах-победительницах, росте протестов против их участия в интервенции укрепляли веру в неизбежное скорое торжество мировой пролетарской революции. Все это породило у коммунистов России надежду на быстрый и решительный прорыв в Европу, прежде всего через Польшу [7, с. 76].

В марте 1919 г. в результате действия революционных сил были образованы Венгерская, Баварская и Словацкие советские республики. Председатель Исполкома Коминтерна Г. Зиновьев выступил на страницах 1-го номера журнала «Коммунистический Интернационал» с обширной статьей, где заявил: «Теперь III Интернационал имеет своей главной базой три советские республики: Россию, Венгрию и Баварию. Старая Европа бешеными темпами мчится навстречу пролетарской революции... Ибо через год вся Европа будет коммунистической. Борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а может быть, и в Азию, и в другие части света» [7, с. 78].

На помощь Венгерской, Баварской и Словацкой советским республикам были брошены части Красной армии, однако ввиду успешных действий польской армии и войск Деникина эта попытка закончилась неудачей. В марте 1919 г. были также предприняты попытки проведения социалистической революции в Австрии. Кроме того, весной 1919 г. в течение 76 дней существовала Галицийская Советская республика, в которой проводились преобразования, схожие с Советской Россией.

Наиболее решительные действия большевистской партии по «подталкиванию» социалистической революции проявились в ходе советско-польской войны. Фактически эта война стала в большей степени войной не между двумя государствами, а между сторонниками и противниками всемирной пролетарской революции. Лидеры стран Антанты помогли буржуазному правительству Польши, поста-

вив тысячи тонн военного снаряжения и оружия, направив сотни военных инструкторов. Из Франции была переброшена 70-тысячная армия польских добровольцев-легионеров. В то же время наступление Красной армии поддерживали 18 тыс. коммунистов-поляков, происходило формирование 1-й польской Красной армии. Одновременно была сформирована Отдельная стрелковая бригада особого назначения при РВС Западного фронта, состоявшая из немцев и австрийцев. Эти интернациональные бригады должны были оказывать помощь Красной армии. На захваченной польской территории создавались советы, ревкомы, отряды народной милиции [7, с. 85–86].

Именно по классовому, а не по национальному признаку оценил Коминтерн в своем обращении к воинам Красной армии на II конгрессе летом 1920 г. войну с Польшей, провозгласив ее «самой справедливой войной, какую когда-либо знала история. Вы воюете не только за интересы Советской России, а за интересы всего трудящегося человечества, за Коммунистический Интернационал»... После этого обращения последовал приказ командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского: «Вперед на Запад! На Варшаву! На Берлин! На штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир!» [7, с. 84].

Руководство большевиков оптимистично оценивало революционные перспективы войны в Польше. В тезисах ЦК РКП(б) «Польский фронт и наши задачи» отмечалось, что «...исход предстоящей борьбы не может оставлять места сомнениям. Шляхта и буржуазия Польши будут разгромлены. Польский пролетариат превратит свою страну в социалистическую республику» [6, с. 290].

Однако стремительное продвижение Красной армии в августе 1920 г. в итоге обернулось поражением. Причинами неудач в войне стали не только просчеты военного руководства, но и отсутствие поддержки со стороны большей части населения Польши, для которой идея независимости национального государства была гораздо привлекательней, чем идея Польской советской республики в составе СССР.

Не увенчалась успехом и попытка с помощью войны в Польше поднять на вооруженное восстание западноевропейский пролетариат. Ленин объяснил это тем, что «мелкобуржуазная демократия капиталистических стран, представленная в передовой части вторым Интернационалом и Интернационалом II ½, является в данный момент главной опорой капитализма, поскольку под ее влиянием остается

большинство или значительная часть промышленных и торговых рабочих и служащих, которые боятся, в случае революции, потерять свое сравнительное мещанское благополучие, созданное привилегиями империализма» [4, с. 4].

Невзирая на столь неблагоприятные обстоятельства, руководство большевистской партии строило новые планы по «подталкиванию» социалистической революции в Европе. Так, на IX конференции РКП(б) в сентябре 1920 г. Карл Радек провозгласил: «... мы всегда были за революционную войну». Ему вторил Каменев, призвавший сделать «следующую вылазку» в Европу. Бухарин настаивал на включении в Программу Коминтерна пункта о «праве каждого пролетарского государства на красную интервенцию», поскольку «распространение Красной армии является распространением социализма, пролетарской власти и революции» [7, с. 87–88].

Троцкий назвал поход на Варшаву лишь «прощупыванием» и потребовал после разгрома Врангеля снова бросить Красную армию на Запад как силу международного действия. В этом мнении он был далеко не одинок. В большевистской партии образовалось сильное леворадикальное крыло, представленное прежде всего Л. Д. Троцким с его идеей экспорта революции вплоть до прямых военных акций [7, с. 88].

В декабре 1921 г. на Одиннадцатой Всероссийской конференции РКП(б) были одобрены тезисы Исполкома Коминтерна, в которых, в частности, отмечался начавшийся процесс полевения рабочих масс в Европе и Америке. С другой стороны, указывалось на то, что «под влиянием все усиливающегося натиска капитала среди рабочих пробудилось стихийное, буквально неудержимое стремление к единству, идущее параллельно с постепенным ростом доверия широких масс рабочих к коммунистам» [9, с. 458].

Соответственно, были поставлены задачи обеспечения руководства рабочим движением со стороны коммунистических партий и разоблачения оппортунистической сущности социал-демократических партий. На этой идеологической платформе попытки «подтолкнуть» западывающую пролетарскую революцию на Западе повторялись в тех или иных формах вплоть до середины 1920-х гг. Так, в 1923 г. были предприняты меры по проведению социалистической революции в Германии, Польше, Болгарии и Италии, в 1924 г. – в Эстонии.

Вместе с тем, с 1921 г., одновременно с осуществлением новой экономической политики, руководство большевистской партии посте-

пенно осознано невозможность осуществления социалистической революции в западных странах в ближайшей перспективе. Сделав вывод о временной стабилизации в развитых капиталистических государствах, Ленин и его соратники взяли курс на развитие экономического сотрудничества с ними, реализуемого в рамках концепции мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим строем.

С другой стороны, в условиях перехода к НЭПу в политике РКП(б) стала усиливаться тенденция самостоятельного строительства социализма России в условиях капиталистического окружения. Своеобразие нэповской модели проявилось в том, что она позволяла, по мнению Ленина, прийти к социализму обходным путем, т. е. постепенного втягивания в социалистические отношения мелкобуржуазных элементов города и деревни. На основе этого подхода стала создаваться концепция строительства социализма применительно к крестьянской стране, хотя официально об этом не заявлялось.

Решающим толчком в этом направлении стала провозглашенная Сталиным на XIV съезде ВКП(б) возможность построения социализма в одной стране, что стало существенным отступлением от марксистской схемы. Речь в данном случае шла не только о том, что, вопреки марксизму, социализм стал утверждать себя не в нескольких, а только в одной стране мира, но и в том, что эта страна была по-преимуществу крестьянской. Тем не менее реализация национально ориентированного проекта социалистического преобразования российского общества, вобравшего в себя многовековые ожидания народа, способствовала преодолению системного кризиса в стране и дальнейшему развитию российской цивилизации. Следовательно, советский период следу-

ет рассматривать как составную часть истории российской цивилизации. Западноцентристская модель марксистской теории социализма была преобразована на российской почве с учетом соответствующих цивилизационных особенностей.

Не случайно идеи Октябрьской революции оказались более притягательными не для передового западного пролетариата, а для народов с традиционным общинным укладом жизни. Почувствовав на себе тиски капиталистической эксплуатации и колониализма буржуазных государств, они восприняли опыт революционных преобразований в России в качестве важнейшего средства сохранения цивилизационной идентичности. Воплощаемые в СССР идеалы свободы, равенства и социальной справедливости, утверждаемые в ходе социалистического строительства коллективистские принципы морали и общественного устройства находили горячий отклик у народных масс целого ряда развивающихся стран, вступивших на путь социализма.

В результате реализации сталинской концепции социализма, несмотря на все трудности и жертвы, в СССР было построено сильное государство, которое из вспомогательного элемента мирового коммунистического движения превратилось в его авторитетный центр прежде всего для стран с традиционной моделью развития. Тем самым была опровергнута установка марксизма на первоочередность социалистической революции в ведущих капиталистических странах. Пример Октябрьской революции и последующего развития Советской России, а затем СССР доказывает, что социальная практика часто корректирует теоретические проекты, в результате чего возникают исторические феномены, к которым можно отнести советское общество.

Литература и источники

1. Ленин В. И. Резолюция о текущем моменте // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 449–452.
2. Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 151–199.
3. Ленин В. И. Резолюция о войне и мире Седьмого экстренного съезда РКП(б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 35–36.
4. Ленин В. И. Тезисы доклада о тактике РКП на III Конгрессе Коммунистического Интернационала 13 июня 1921 г. // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 3–12.
5. О войне и мире: резолюция Седьмого экстренного съезда РКП(б) от 8 марта 1918 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. Т. 2. М.: Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1983. С. 26–27.
6. Польский фронт и наши задачи: тезисы ЦК РКП(б) от 23 мая 1920 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. Т. 2. М.: Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1983. С. 290–293.
7. Пятницкий В. И. Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 2004. 720 с.

8. Резолюция Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 26 октября 1917 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 35. М.: Политиздат, 1969. С. 4–5.

9. Тезисы Исполкома Коминтерна на Одиннадцатой Всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1921 г.) // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. Т. 2. М.: Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1983. С. 457–466.

References

1. Lenin V. I. Rezolyutsiya o tekushchem momente (*Resolution about the current moment*) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii (*Complete collection of writings*). Vol. 31. Moscow: Politizdat, 1969. P. 449–452.

2. Lenin V. I. Grozyashchaya katastrofa i kak s neiborot'sya (*Impending catastrophe and how to fight it*) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii (*Complete collection of writings*). Vol. 34. Moscow: Politizdat, 1969. P. 151–199.

3. Lenin V. I. Rezolyutsiya o voine i mire Sed'mogo ekstrennogo s'ezda RKP(b) (*Resolution on war and peace of the seventh emergency Congress of the RCP (b)*) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii (*Full composition of writings*). Vol. 36. Moscow: Politizdat, 1969. P. 35–36.

4. Lenin V. I. Tezisy doklada o taktike RKP na III Kongresse Kommunisticheskogo Internatsionala 13 iyunya 1921 g. (*Abstracts on the tactics of the RCP at the III Congress of the Comintern June 13, 1921*) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii (*Complete collection of writings*). Vol. 44. Moscow: Politizdat, 1970. P. 3–12.

5. O voine i mire: rezolyutsiya Sed'mogo ekstrennogo s'ezda RKP(b) ot 8 marta 1918 g. (*On war and peace: the resolution of the seventh emergency Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks) dated March 8, 1918*) // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i Plenumov TsK (1898–1988) (*Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*) / ed by A. G. Egorova, K. M. Bogolyubova. Vol. 2. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee, 1983. P. 26–27.

6. Pol'skii front i nashi zadachi: tezisy TsK RKP(b) ot 23 maya 1920 g. (*The Polish front and our tasks: abstracts of the Russian Communist Party (Bolsheviks) of May 23, 1920*) // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i Plenumov TsK (1898–1988) (*Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*) / ed by A. G. Egorova, K. M. Bogolyubova. Vol. 2. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee, 1983. P. 290–293.

7. Pyatnitskii V. I. Osip Pyatnitskii i Komintern na vesakh istorii (*Osip Pyatnitsky and the Comintern on the scales of history*) / ed by A. E. Taras. Minsk: Kharvest, 2004. 720 p.

8. Rezolyutsiya Petrogradskogo Soveta rabochikh i soldatskikh deputatov ot 26 oktyabrya 1917 g. (*Resolution of the Petrograd workers' and soldiers' deputies Council of October 26, 1917*) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii (*Complete collection of writings*). Vol. 35. Moscow: Politizdat, 1969. P. 4–5.

9. Tezisy Ispolкома Коминтерна на Одинадцатой Всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1921 г.) (*Abstracts of the Executive Committee of the Comintern at the eleventh Conference of the RCP (b) (January, 1921)*) // Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsii i Plenumov TsK (1898–1988) (*Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988)*) / ed by A. G. Egorova, K. M. Bogolyubova. Vol. 2. Moscow: Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee, 1983. P. 457–466.

УДК 283/284:911.6

Т. Н. Плохотнюк

ПРОТЕСТАНТИЗМ И МИГРАЦИЯ: РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НЕМЦЕВ НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

В статье анализируется религиозный фактор миграционных процессов. Протестанты мигрировали на те территории, условия которых позволяли им реализовать свое учение или строго следовать ему. Территория Северного Кавказа отвечала таким требованиям протестантизма в связи с необустроенностью, примитивностью форм социальной жизни, удаленностью институтов власти.

Здесь протестанты евангелизировали население (протестантские миссионеры), сохраняли чистоту веры (меннониты), искали место спасения для истинных верующих на земле (сторонники Движения Исхода).

Ключевые слова: протестантизм, меннониты, Движение Исхода, миссионеры, миграция, религиозный фактор.

T. N. Plokhotnyuk

THE PROTESTANTISM AND MIGRATION: THE RELIGIOUS FACTOR OF THE GERMAN RESETTLEMENT TO THE NORTH CAUCASUS

The article analyzes the religious factor of migration processes. The Protestants migrated to those territories whose conditions were suitable for the realization of their confession, or they could strictly follow it. The territory of the North Caucasus met the requirements of the Protestantism, such as lack of order, primitive forms of social life, remoteness of in-

stitutions of power. Here the Protestants evangelized the population (Protestant missionaries), preserved the purity of faith (Mennonites), sought a place of salvation for the true believers on earth (representatives of the Exodus Movement).

Key words: Protestantism, Mennonites, Exodus Movement, missionaries, migration, religious factor.

Пятьсот лет назад единство западного христианского мира было расколото. Это произошло 31 октября 1517 г. в немецком городе Виттенберге. В этот день местный монах, доктор теологии Мартин Лютер вывесил на дверях Замковой церкви «95 тезисов об индульгенциях». Эта акция стала началом широкой и весьма ожесточенной дискуссии о способах искупления грехов. Выступая против индульгенций, Мартин Лютер желал защитить чистоту веры, избавиться от ее искажений и впредь не допускать их. Лютер настаивал на том, что покаяние истинного христианина нельзя ограничить, свести к таинству покаяния и отпущения, и тем более к индульгенции, так как оно длится всю жизнь христианина и заканчивается только с вхождением в Царствие Небесное [12, с. 7].

Формулируя свои тезисы, Лютер руководствовался важной христианской концепцией об абсолютной ценности человека. В соответствии с этой концепцией человек создан высшим творцом по своему образу и подобию, а, следовательно, каждый из людей священен и выступает носителем абсолютной ценности и образа Божьего. Человек способен действо-

вать и говорить только по той причине, чтобы реализовать задуманное Богом, и тот, кто препятствует его деяниям, вмешивается в Божий промысел [15, з. 12].

Но утверждая абсолютную ценность человека, христианская концепция обосновывала идею долга, особой миссии человека в течение земной жизни: человек должен оставить свой след на земле, должен стремиться к идеалу, совершенствоваться. Совершенство, к которому должен стремиться христианин, – это сам Господь: «Будьте столь же совершенны, как совершенен и ваш Небесный Отец» [Мф 5:43–48]. В соответствии с этой концепцией почитание Бога выражается в преодолении своих слабостей, в стремлении к высшему идеалу, в проявлении безграничного милосердия. В свете этой концепции покупка индульгенций трактовалась как кощунство, а индульгенция, призванная отпустить грехи, представлялась греховной [11].

Актом публичной критики отпущения церквью грехов за плату, Лютер дал толчок к развитию нового религиозного движения и оформлению протестантизма – еще одного са-

мостоятельного направления в христианстве. В протестантизме сохранились основные христианские идеи, догмы, доктрины, концепции, например, доктрина тринитаризма, концепция бессмертия души, учение об откровении и другие. основополагающими принципами протестантизма, обеспечившими его новизну, стали принцип спасения личной верой, принцип священства всех верующих и принцип исключительного авторитета Библии [15, з. 14, 23, 24].

Существенным и значимым для оформления протестантизма стал принцип религиозного субъективизма, который усугубил процесс разрушения христианской церкви как единой организации и обеспечил появление множества новых. Этот процесс не прекращается и на современном этапе развития общества. Предположительно количество протестантских конфессий исчисляется тысячами. Точное число их невозможно подсчитать из-за определенной размытости дефиниции самого понятия «протестантизм». Уже в первые десятилетия после начала Реформации последователи Мартина Лютера не сохранили единства. Появились такие конфессии, как реформатство, анабаптизм, гугенотство, меннонитство и др. Их основатели – последователи Лютера, которые, реализуя провозглашенные им положения и принципы, внесли субъективизм в их прочтение и интерпретацию. Эти конфессии развивались как самостоятельные течения, исходя из принципа гуманизма «религия – частное дело каждого» [6, с. 87].

В целом протестантские идеи сформировали новый тип личности с новым отношением к миру. Жизненное поведение человека стало рациональным, а вся его деятельность теперь основывалась на трезвом рациональном расчете, идеях профессионального призвания, а не на эмоциональных порывах. Протестантизм сформировал аскетическую культуру повседневной жизни, потребовал строгого образа жизни, отказа от роскоши и предписал использовать предельно ограниченный набор материальных благ, чтобы ничто не мешало человеку жить Богом каждую минуту, совершенствоваться и творить. Протестантизм изменило церковную организацию, отказалось от монастырей и монашества, сделало церемонию богослужения простой [12, с. 8].

Европейский протестантизм создал новое культурное пространство, развивая евангельские тенденции во взглядах и деятельности многих деятелей культуры. Реформация заострила социальные и идеологические проблемы, способствовала тому, что важное место в

искусстве заняли политические и религиозные мотивы. Следствием этого стало изменения отношения ко многим социальным институтам, в том числе и к государству. С одной стороны, протестантизм способствовал образованию национальных государств, а с другой – многие из его последователей признали государство крайне несовершенным. Отношения последователей некоторых из протестантских конфессий с государством складывались очень напряженно. Они отрицали такие важные институты как суд, армия, подданство, потому как в силу своего функционала они порождали многочисленные препятствия для сохранения конфессии в чистоте, например, заставляли принести присягу, брать оружие в руки.

Чтобы избежать этих препятствий, а заодно рестрикций и репрессий со стороны государства, последователи вновь образующихся протестантских конфессий прибегали к миграции, видя в ней спасение. Среди тех, кто выбрал миграцию с целью или сохранить в чистоте свое учение, или реализовать его во всей полноте, были пресвитериане (представители одного из вариантов реформатства), меннониты, сторонники Движения Исхода и др. Остановимся на этих трех названных конфессиях, которые приняли участие в колонизации территории Северного Кавказа.

Одними из первых из представителей протестантизма на Северном Кавказе появились пресвитериане. В 1802 г. они были посланы сюда Эдинбургским миссионерским обществом с целью евангелизации горского населения Северного Кавказа [10, с. 78]. Миссионеры из Эдинбурга продолжали дело Лютера по переводу Библии на языки других народов. Так, за 10 лет до открытия Российского Библейского общества на удаленной окраине Российской империи начала действовать маленькая типография, главной целью которой было издание Библии на татарском языке [1, с. 926–930]. Таким образом, на Кавказе появилась протестантская миссия с собственной типографией. Здесь на этой отдаленной от центра территории России, инкорпорируемой в российское общество, она стала возможной с разрешения Александра Первого, который 25 декабря 1806 г. издал по этому поводу специальную грамоту [4, с. 2–4].

В соответствии с ней миссионеры получили свободу вероисповедания. На длительный срок они были освобождены от уплаты налогов и несения повинностей [3, с. 243]. Колонисты, поселяемые на казенных землях, получали право потомственного владения землей. Отчуждение земли, сдача ее в аренду запрещалась.

лись. Первоначально под колонию Шотландскую отводилось 7 000 десятин. Но Бронтон и Патерсон просили оставить за колонией только 2 500 десятин, а на отмежеванных землях учредить самостоятельные поселения немцев-реформатов [7, с. 177]. Они прибыли сюда из поволжской Сарепты, когда обнаружилось, что создание на Северном Кавказе чисто шотландской протестантской миссии невозможно (из Шотландии прибыли 23 переселенца, 10 из них умерли). К 1813 г. в колонии насчитывалось 123 немца [2, с. 910].

Евангелизация взрослого населения была почти невозможна, поэтому миссионерам разрешили приобщать к христианству детей. С разрешения российского правительства они покупали у горцев детей, не достигших 16 лет. Дети должны были прожить среди миссионеров до достижения 23 лет, после чего они сами принимали решение, останутся ли они в христианстве или нет [1, с. 926].

Реализация цели миссии протекала в сложных условиях. Причиной тому были не только необустроенность и нужда самих миссионеров, но и сложности взаимоотношений с местным населением и представителями российского правительства. И все же Генри Бронтон, который в совершенстве владел арабским языком, сумел завоевать авторитет среди местного населения. В типографии колонии, снабженной арабским шрифтом, было отпечатано Евангелие на татарском языке [4, с. 3]. К сожалению, пока что не удалось выявить ни одного экземпляра изданного Евангелия, но можно предположить, что миссионеры использовали татарскую письменность, в основе которой лежало арабское письмо.

Вполне допустимо предположить, что именно миссионерская деятельность обусловила появление второй составной части названия колонии – Каррас (Карас). Это название употреблялось наряду с названием Шотландская на протяжении всего XIX в. – «Шотландская колония Каррас», и только в начале XX в. официально за этой колонией утвердилось название «Каррас». Мы видим возможным проследить этимологию этого названия из английского термина «саггу» – «поддерживать, передавать, увлекать за собой, проводить». В пользу этого свидетельствует и наиболее употребляемое написание этого названия на русском языке с удвоенной «р».

Сложные отношения с местным населением, а также конфликты внутри колонии существенно затрудняли миссионерскую деятельность. В 1835 г. Положением комитета Министров ко-

лония Шотландская была переустроена. Воспрещалась миссионерская деятельность. Введение этого пункта было вызвано опасением, что миссионерская деятельность – всего лишь предлог и великолепное прикрытие для истинных целей Брентона и Патерсона. Без всяких оснований подозрения в осуществлении ими шпионской деятельности в пользу Великобритании высказывались князем Цициановым еще в момент возникновения колонии [7, с. 173].

Но тем не менее, можно констатировать, что, определив свое миссионерство как общехристианскую деятельность, представители Эдинбургской пресвитерианской миссии активно пропагандировали христианские идеи. Они начинали свою деятельность среди горских народов Северного Кавказа – кабардинцев, термигойцев, ингушей, чеченцев, а также среди народов Закавказья в очень сложное для региона время. В соответствии с целью Библейских обществ исполняя заповедь Спасителя (Мк 13:10; 16:15) и донося Слово Божье до максимального числа людей, протестанты попытались реализовать эту традицию и на территории Кавказа.

Появление меннонитов в России в целом и на Северном Кавказе в частности было продиктовано стремлением сохранить в чистоте свое религиозное учение, создать условия для полной реализации его содержания, прежде всего организовать свою повседневную жизнь в соответствии с требованиями евангельских норм. Появление меннонитского учения явило собой этап трансформации анабаптистского учения, центральным пунктом которого было отрицание государства. Но если анабаптистское неприятие проявлялось в анархо-революционном «противленчестве», то в меннонитстве оно выразилось в «уходе» от государства. Меннонитство, названное по имени идейного основателя этой протестантской конфессии Менно Симонса, возникло в 30-е гг. XVI в. в Нидерландах. Оно объединило представителей из числа немцев, голландцев. Позже в результате миграции к последователям Менно Симонса присоединились поляки и евреи [9, с. 18].

Смешение последователей Менно Симонса с анабаптистами вызвало гонение на них со стороны правительств западноевропейских государств. Во время этих гонений среди меннонитов оказались так называемые «падшие», из страха отрекавшиеся от своих убеждений, когда же гонения на время затихали, возникал вопрос об отношении меннонитской общины к своим «падшим» сочленам. Радикальные элементы меннонитской конфессии во гла-

ве с Дирком Филиппом требовали отлучения всех «падших» без права возвращения. Более умеренные соглашались на воссоединение с ними. Это вызвало раскол в движении. Сам Менно Симонс вынужден был примкнуть к радикальному большинству. Умеренная партия, отлученная от общины, соединилась с ватерландами, образовав новое течение либеральных тауфиезитов, тогда как радикальная партия удержала за собой название «строгих» или «утонченных» меннонитов [14, з. 48–49].

О меннонитах можно сказать, что их учение оформилось и сохранилось как самостоятельное направление протестантизма только благодаря миграции. Последователи Менно Симонса смогли сохранить свою физическую жизнь, только вовремя уходя от преследований со стороны государств (в случае переселения из Нидерландов в Пруссию), смогли сохранить свое учение, отыскав государство, предоставившее им возможность организовать свою жизнь в соответствии с требованиями евангельских норм (в случае переселения из Пруссии в Россию). Именно в условиях миграции меннонитство приобрело единство. Получив возможность проживать компактно сначала на территории Пруссии, затем на территории России, меннониты эволюционировали в так называемую этноконфессиональную общность, для которой характерна определенная закрытость, так как они считали себя богоизбранными. Их этническое самосознание было религиозным. Их ментальность тоже формировалась под воздействием христианского учения [14, з. 58].

Меннониты интерпретировали идею божественной предопределенности профессиональной деятельности человека в соответствии с Евангелием: человек является в этот мир, чтобы возделывать землю, делать ее лучше. Они считали своим религиозно-нравственным долгом превратить любую болотистую или каменную почву в плодоносящую пашню. Надежда на посмертное воздаяние за деятельность в миру вырабатывала у меннонитов ревностное трудолюбие. В своем преуспевании они чувствовали «присутствие Бога». Обще-протестантская догма «спасение верой» не исключала «спасения делами». Они не «оправдывались делами», а вершили «добрые дела». Свою будничную, повседневную работу они делали с фанатичным рвением, объясняя это апостольским изречением «Вера без дел мертва» [8, с. 70].

Меннониты эмигрировали в Россию после непримиримого конфликта с прусской монархией, который разгорелся во второй половине

XVIII в. В соответствии со своим религиозным учением меннониты не соглашались служить в армии. Они были готовы заплатить за освобождение от военной службы, но прусское правительство, заинтересованное в увеличении численности своей армии, оказалось не способным к компромиссам: в соответствии с королевской декларацией 1801 г. меннонитам было запрещено увеличивать земельную собственность, если сыновья отказывались от военной службы. Поэтому меннониты воспользовались приглашением Павла I и при Александре I переселились в Причерноморье [9, с. 49].

Со временем здесь образовалось несколько меннонитских округов и в 60-е г. XIX в. в одном из них произошел раскол в меннонитской общине. Это случилось в общине колонии Гнаденталь Молочанского округа Екатеринославской губернии. Хотя поводом к размежеванию стала дискуссия о правильности обряда крещения, истинную причину следует искать в вопросах земельной собственности. Каждый меннонит стремился не только добиться самой высокой рентабельности своего хозяйства, но и к увеличению его размеров, прежде всего земельного надела. В течение 50 лет численность меннонитских общин выросла и поэтому неизбежно встал вопрос об обеспечении меннонитских хозяйств землей. Весь этот сложный комплекс причин способствовал появлению так называемых ново-меннонитов [14, з. 63]. Ново-меннониты вынуждены были покинуть Новороссию и переселиться на Северный Кавказ. Здесь по разрешению императора Александра I им были выделены земли в Кубанской области и Ставропольской губернии, на которых были основаны несколько меннонитских поселений [5, с. 90–91].

Меннониты, как и все другие реформированные деноминации, пошли по пути соединения общественного и религиозного устройства и порядка. Во главе меннонитской общины стоял духовный старшина (Aeltester). Эта должность считалась почетной, и вознаграждения ему не полагалось, несмотря на разнообразие обязанностей. Но если духовный старшина был несостоятельным, то ему помогали все члены общины. Его выбирали из числа общинников, как правило, это был высоконравственный человек с особыми аналитическими и ораторскими способностями [5, с. 110]. Старшина проводил службу в молитвенном доме, во время которой он читал и интерпретировал Библию [5, с. 116]. Он же готовил общинников к принятию крещения. Меннониты крестились только во взрослом состоянии [5, с. 120].

В соответствии со своими религиозными убеждениями меннониты очень серьезно относились к труду и к жизни в целом. Каждый член общины был на виду и стремился к тому, чтобы все деяния и поступки были глубоко нравственными. Поведение меннонитов было строго регламентировано религиозными предписаниями в соответствии с евангельскими нормами. Самым суровым наказанием для меннонита было исключение его из братской общины [5, с. 123].

Условия миграции сформировали определенную толерантность у представителей протестантизма. На Северном Кавказе последователи разных протестантских конфессий не только временно селились вместе, но и могли позволить проведение богослужений в своем молитвенном доме представителям другой протестантской конфессии. Например, в поселении Александрдар Баталпашинского отдела Кубанской области ново-меннониты и старо-меннониты часто объединялись для совместных молитвенных собраний, особенно в праздничные дни. А лютеране, поселившиеся здесь, могли проводить в этом молитвенном доме свои богослужения, пока не отстроили собственную кирху [5, с. 125].

Выбор протестантами северокавказской территории для поселения в основном был добровольным. Помимо меннонитов и пресвитериан, в регионе обосновались так называемые сторонники Движения Исхода. Дважды в течение XIX в. на территории Германии вызрела идея Исхода, которая отчасти была реализована в атмосфере эсхатологического настроения, вызванного разрушениями и лишениями после наполеоновских войн в начале века и франко-прусской войной 1870–1871 г. Реализация идеи Исхода способствовала оформлению Движения Исхода [10, с. 88]. Первое Движение Исхода было организовано и профинансировано Юлией фон Крюденер, которая ссылаясь на Бенгеля, Юнг-Штиллинга, Шпенера предсказала второе пришествие Иисуса Христа в 1836 г. на горе Арарат и начало тысячелетнего царствия Божьего. Результатом этого движения стало возникновение семи немецких колоний под Тифлисом и к югу от него [10, с. 112]. Когда же в 1836 г. пришествие Христа не состоялось, то последовало сближение сторонников Движения Исхода с евангелическо-лютеранской церковью [4, с. 34].

Основателем и вдохновителем второго Движения Исхода во второй половине XIX в. стал пастор гессельбергской общины Самуэль Готфрид Кристоф Клётер. Он один из первых

пытался реализовать экуменическую идею, пытаясь объединить последователей реформированной и лютеранской конфессий, т. е. реформатов и лютеран. Изгнанный за это из лона лютеранской церкви, он посвятил свою жизнь реализации идеи Исхода [13, з. 274].

Давая обоснование Движению Исхода, Клётер ссылаясь на Библию. В качестве примеров он приводил спасение Ноя в ковчеге, исход евреев из Египта, бегство первой христианской общины при завоевании и разрушении Иерусалима римским императором Титом [Быт., 6, 11–13; Быт., 12, 1–10; Исход; Мф., 2, 13–15]. Организационным центром Движения Исхода стала газета Клётера «Der Bruderbote», издававшаяся с 1867 по 1896 г. Так как во время Исхода 1817–1818 г. строгого отбора выезжающих не было и к нему присоединились люди, пытавшиеся решить свои материальные проблемы, то на этот раз Клётер через «Der Bruderbote» предупреждал тех, кто хочет выехать в Россию по экономическим и материальным причинам, воздержаться от выезда. Это ограничение способствовало тому, что второе Движение Исхода верующих в тысячелетнее Царство Христа, организованное Клётером, не было многочисленным [13, з. 296]. Но все же они создали на территории Северного Кавказа восемь поселений [13, з. 299]. По мысли Клётера, это были только лишь первые поселения на самой безопасной территории. Расположение этой территории определил сам Клётер в результате интерпретации текста Библии. Он предположил, что эта территория тянется тонкой линией от Крыма до Ферганской долины, а ее центром и самым безопасным местом является Северный Кавказ. Именно здесь и был основан центр второго Движения Исхода поселение Гнаденбург [13, з. 299].

Так же, как и у меннонитов, повседневная жизнь сторонников Движения Исхода была строго регламентирована. Следование вере было важнейшим условием для тех, кто вошел в общину. Староста строго следил за соблюдением религиозно-этических норм, наказывая нарушителей. Система наказаний бала тщательно продумана, самых неисправимых ожидало изгнание из общины с экспроприацией имущества [13, з. 300]. Правила устава общины строго выполнялись. Община неустанно требовала следовать им. На этой почве к началу XX в., когда сменилось поколение приехавших из Германии, возникли конфликты, что привело к уходу молодежи из общины [13, з. 302].

Поначалу церковный староста руководил богослужением и выполнял такие действия,

как крещение, отпевание, но венчание производил лютеранский пастор близлежащего евангелическо-лютеранского прихода или общины, поскольку заключение брака было связано с правовыми вопросами. После некоторых колебаний Клётер решил привлечь в качестве руководителя церковной общины баварского кандидата теологии Хемана, но неудачно, так как Хеман умер вскоре после своего прибытия в Гнаденбург. После смерти самого Клётера община приняла кистерлерера Пауля Келера из Эммауса в качестве проповедника и пастора [13, з. 301].

Итак, как мы видим, во многих случаях протестантизм в том или ином проявлении был способен выступить фактором миграции. Благодаря реализации потребности в перемеще-

нии общество существует и обеспечивает многообразные интересы и потребности в самых различных сферах. Странники протестантизма обращались к миграции в случаях, когда они искали условия, наиболее благоприятные для своего вероисповедания. Они мигрировали с целью найти территорию, наименее обустроенную, с более примитивными формами социальной жизни, удаленную от государственных институтов. На протяжении XIX в. территория Северного Кавказа отвечала этим требованиям. Таким образом, протестанты переселялись на Северный Кавказ с целью евангелизации населения (протестантские миссионеры), сохранения веры в чистоте (меннониты), в поисках места спасения для истинных верующих на земле (сторонники Движения Исхода).

Литература и источники

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. II. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1868. 1237 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. V. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1873. 1185 с.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. VII. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. 1015 с.
4. Апухтин И. Колония Каррас, ее прошлое и настоящее. Пятигорск: [б.и.], 1903. 87 с.
5. Заалов М. Меннониты и их колонии на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1897. Вып. 23. С. 89–127.
6. Зноско-Боровский Митрофан, протоиерей. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектанство. (Лекции по сравнительному богословию читались в Свято-Троицкой духовной семинарии). Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991. 159 с.
7. Известия Кавказского отдела императорского русского географического общества. Т. VII. 1881. №1. С. 170–176.
8. Ипатов А. Н. Меннониты (Вопросы формирования и эволюции этно-конфессиональной общности). М.: Мысль, 1978. 213 с.
9. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII веке. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1909. 84 с.
10. Пыпин А. Н. Религиозные движения при Александре I. Т. 1. Пг.: [б.и.], 1916. 486 с.
11. Российское Библийское общество. http://www.biblia.ru/reading/new_translations/sinodal2.htm (Дата обращения: 19.06.2017).
12. Щедровицкий Д. Библия в переводе Лютера // Христианин. 1991 № 1. С. 7–9.
13. Bieri G. Die Gemeinde Gnadenburg im Nordkaukasus // Die Kirchen und das religioese Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil. Stuttgart: AER Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1978. Z. 273–303.
14. Friesen P. M. Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruederschaft in Russland (1789–1910). Halbstadt, 1911. 120 z.
15. Luther M. Der Kleine Katechismus Doktor Martin Luthes. Bielefeld: Luther.Verl., 1986. 96 z.

References

1. Akty, sobrannyye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (*Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission*). Vol. II. Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1868. 1237 p.
2. Akty, sobrannyye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (*Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission*). Vol. V. Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1873. 1185 p.
3. Akty, sobrannyye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (*Acts collected by the Caucasian Archaeological Commission*). Vol. VII. Tiflis: The printing house of the Chief Directorate of the Viceroy of the Caucasian, 1878. 1015 c.
4. Apuhtin I. Kolonija Karras, ee proshloe i nastojashhee (*Karras colony, its past and present*). Pjatigorsk, 1903. 87 p.
5. Zaalov M. Mennoniti i ih kolonii na Kavkaze (*The Mennonites and their colonies in the Caucasus*) // Sbornik materialov dlja opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza. Tiflis, 1897. Issue 23. P. 89–127.
6. Znosko-Borovskij Mitrofan, protoierej. Pravoslavie, rimo-katolichestvo, protestantizm i sektanstvo (*The Orthodoxy, the Roman Catholicism, the Protestantism and the sectarianism*) (Lekcii po sravnitel'nomu bogosloviju chitalis' v Svjato-Troickoj duhovnoj seminarii). Izdanie Svjato-Troickoj Sergievoj Lavry, 1991. 159 p.
7. Izvestija Kavkazskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Vol. VII. 1881. No. 1. P. 170–176.
8. Ipatov A. N. Mennoniti (Voprosy formirovaniya i jevoljucii jetno-konfessional'noj obshhnosti) (*The Mennonites. (The formation and evolution of ethno-confessional community)*). Moscow: Mysl', 1978. 213 p.
9. Pisarevskij G. G.. Iz istorii inostrannoj kolonizacii v Rossii v XVIII veke (*From the history of foreign colonization in Russia in the 18th century*). Moscow: A. I. Snegireva's Ju printing office, 1909. 84 p.

10. Pypin A. N. Religioznye dvizhenija pri Aleksandre I. (*The Religious movements under Alexander I*). Petrograg, 1916. 486 p.
11. Rossijskoe Biblejskoe obshhestvo. http://www.biblia.ru/reading/new_translations/sinodal2.htm (Accessed: 21.05.2017).
12. Shhedrovickij D. Biblija v perevode Ljutera (*The Bible in Luther's translation*) // Hristianin. 1991. No. 1. P. 7–9.
13. Bieri G. Die Gemeinde Gnadenburg im Nordkaukasus // Die Kirchen und das religioese Leben der Russlanddeutschen. Evangelischer Teil. Stuttgart: AER Verlag Landsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1978. Z. 273–303.
14. Friesen P. M. Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Russland (1789–1910). Halbstadt, 1911. 120 z.
15. Luther M. Der Kleine Katechismus Doktor Martin Luthes. Bielefeld: Luther.Verl., 1986. 96 z.

УДК 94(430+470).084.8

Г. Н. Рыкун

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

В статье представлены два взгляда, два подхода к памяти о Второй мировой войне, о людях, преградивших путь фашизму к мировому господству. С одной стороны – победители, которые свято чтут память воинов, защитивших страну от порабощения, с другой стороны – побежденные, которые почитают дезертиров, покинувших поле боя или отказавшихся служить в гитлеровском вермахте. Автор статьи считает, что современное немецкое общество вынуждено делать это, чтобы избавиться от чувства вины за развязанную фашистами войну. В то же время, по мнению

автора, такой подход не сплачивает, а, наоборот, разобщает немецкое общество, делит его на сторонников и противников такой памяти. Память о войне должна основываться только на правде, на искреннем уважении к людям, отдавшим свои жизни в борьбе против фашизма, которая исключает любые попытки фальсификации и подмены реальных событий военной поры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, историческая память, народный подвиг, фашизм, памятник дезертирам.

G. N. Rykun

COLLECTIVE MEMORY OF THE WAR IN RUSSIAN AND GERMAN PUBLIC CONSCIOUSNESS

The article presents two views, two approaches to the memory of the Second World War and the people who blocked fascist movement on the way to world domination. On the one hand, the winners which keep sacred memory of the soldiers who defended the country from enslavement, on the other hand, the losers who honor the deserters, who left the battlefield or refused to serve in the Wehrmacht. The author believes that modern German society has to do it to get rid of the guilt of the war unleashed by Nazis. At the same time, according to the author, this

approach does not unite, but rather divides German society, divides it into supporters and opponents of this kind of memory. The memory of the War, in his opinion, should be based only on truth, on a sincere respect for the people who gave their lives for their country, which excludes any attempt of falsification and substitution of real events of wartime.

Key words: the Great Patriotic War, the Second World War, historical memory, people's feat, fascism, monument to deserters.

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло более 70 лет, но, несмотря на это, научно-исследовательский интерес к событиям войны не уменьшается, а возрастает как в России, так и за рубежом. Многие уже известно о тех суровых годах, и все же вновь и вновь мы открываем еще не познанные страницы тех лет и переосмысливаем уже известные события в свете нового знания и опыта

современности. Почему же военные события не теряют своей актуальности? Наверное, потому, что победа советского народа в Великой Отечественной войне стала точкой отсчета, символом цивилизационного развития всего европейского континента [3, с. 13].

Такие великие исторические события, каким была Великая Отечественная война, должны остаться в памяти народов, чтобы не потерять

историческую перспективу и не утратить понимания самих себя. Поэтому нужно признать опасную тенденцию вытеснения из памяти правды о войне, героизме и мужестве советского народа и о его решающем вкладе в общую победу над фашизмом.

В Германии сегодня нередко можно услышать, что память о войне для новых поколений уже не имеет значения. При такой постановке вопроса исчезает не только понятие войны, но и связанная с ней проблема: нежелание думать о неприятном прошлом. Ведь для многих немцев 1945 г. означал и означает до сих пор «поражение», а не «освобождение», как сказал в 1985 г. в своей официальной речи в парламенте экс-президент Рихард фон Вайцекер. «Поколение побежденных» – тех, которые непосредственно участвовали в войне 1941–1945 гг. и которых остается все меньше, – старалось забыть о содеянном и пережитом в годы нацизма. Поэтому понятно стремление многих немцев называть себя «европейцами». Они не рассказывали своим детям и внукам о прошлом. Это молчание как социально-психологический феномен проанализировали А. и М. Митчерлих в своей работе «Неспособность к скорби» («Die Unfähigkeit zu trauern») и сделали вывод о необходимости «переработки прошлого» (Die Vergangenheitsbewältigung). В Германии преобладало желание подвести черту под проблемой вины и предать преступление эпохи забвению.

Стремление вытеснить ту эпоху из памяти выразилось сначала в тенденции отказа от преследования за нацистские преступления. Затем проявилось в практике применения срока давности к военным преступлениям – за немногими исключениями, когда по этому поводу раздавались протесты общественности внутри страны и из-за рубежа.

Эта тенденция началась с закона об освобождении от наказания, принятого 31 декабря 1949 г. и амнистировавшего осужденных по делам о преступлениях, которые наказывались тюремным заключением на срок до шести месяцев, и продолжилась в его новой редакции с 1954 г. и со свертыванием денацификации в западных зонах оккупации Германии. Бывшие союзники СССР поддержали эту тенденцию, помиловав или досрочно освободив большинство осужденных нацистских преступников.

В этих условиях сформировался двойственный взгляд на проблему вины, которая оставалась по-прежнему национально-культурной проблемой. Дилемма ее заключается в том, что передача чувства вины в процессе соци-

ализации вызывает чувство протеста: это совершили не «мы», а наши предки; исключение этого чувства из социализации ставит вопрос о разрыве с «немецкостью». В то же время вытеснение памяти о войне на основе аргумента о поколениях, не участвовавших в войне и не ответственных за действия отцов и дедов, разрушает самое главное – преемственность поколений.

«Переработка прошлого» в Германии началась с переименования улиц, называвшихся именами антифашистов, сражавшихся на стороне Красной Армии. Немцы-антифашисты стали рассматриваться как выступившие «против своего народа». Это объясняет тот факт, что в Германии так и не утвердился единый антифашистский день. Только на территории бывшей ГДР 8–9 мая на уровне одной земли в Трептов-парке ежегодно проходили митинги около памятника Вучетича советскому воину-освободителю со спасенным из огня немецким ребенком на руках. Это реальный случай, имевший место при взятии Берлина, о котором едва ли теперь могут рассказать немецкие жители. Поколение немцев, которое обладало этой памятью, не желает помнить об этом. При этом немецкая общественность все же выступает за сохранение памятников павшим советским солдатам на территории Германии, но только как аргумент ответственности нападающей и обороняющейся сторон в войне 1941–1945 гг. По их мнению, такие памятники, как, например, разрушенная после бомбежки церковь в центре Берлина на улице Курфюрстендам, должны быть сохранены в качестве символа неприятия ужасов войны.

Возможно, это объясняется еще и тем, что война не может иметь одинаковое значение для воюющих сторон. Смысл её меняется в зависимости от того, кто оборонялся или кто нападал. Формула войны как ужасного события показывает её внешнюю сторону – гибель людей, разрушения, потери. При этом смысл и суть войны, которая она имела для участников, уходит на второй план. Если рассматривать войну с точки зрения солдат и офицеров немецкой армии, то это было исполнением их солдатского долга. При этом важно заметить, что общий характер войны и победы не меняется от того, что определенная часть населения оккупированных территорий (по некоторым оценкам до 1 млн человек) вынуждена была сотрудничать с вермахтом. Не изменяют характер войны и факты перехода на сторону врага. Такого рода действия всегда и всюду имеют одно название: предательство и измена

родине. И без жесткой оценки предательства сама победа вряд ли была возможна.

В начале осени 1991 г. в Потсдаме на площади Единства появилась странная скульптура, не только по форме – к этому современники сюрреализма и абстракционизма уже привыкли; вызвала недоумение, удивление и вообще сложную гамму чувств табличка на деревянном постаменте скульптуры. На ней указывалось, что памятник посвящен дезертирам Второй мировой войны. Он выставлялся на площадях многих европейских городов с просьбой к городским властям и горожанам взять скульптуру на «постоянное место жительства». Стоял он на деревянном настиле, как бы готовый снова незамедлительно отправиться в дорогу. То, что памятник дезертирам, объехав чуть ли не пол-Европы, долго не мог найти пристанища, думается, глубоко символично. Ведь, казалось бы, дезертировавшие с фронтов Второй мировой войны выражали свое несогласие с кровавой войной, нежелание участвовать в этой войне, в уничтожении цивилизации – и этим могли заслужить право на увековечение. Но, видно, лежит в основе любого дезертирства нечто такое, что можно объяснить, но трудно, почти невозможно, оправдать или простить.

Возможно, это было взято «ревизионистами» на вооружение. Их подход к истории Великой Отечественной войны формировался еще во время войны. Один из главных тезисов выдвигавшихся, в частности, генералом Власовым состоял в том, что его измена была «борьбой против сталинской диктатуры». Однако выбор, сделанный генералом Власовым, по законам военного времени был изменой, совершенной ради сохранения собственной жизни.

После распада СССР ревизионистский подход получил еще большее распространение, так как исчезла главная опорная точка интерпретации Великой Отечественной войны. «Разоблачители догм, – пишет Л. Ионин, – фактически предлагают отказаться от сознания победы и признать поражением всю собственную историю. Те же, кто продолжают видеть войну так, как они видели ее все прошедшие годы, чувствуют себя униженными и обманутыми. У них похитили победу, завоеванную ценой миллионов жизни, украли и обесценили их всемирный триумф – триумф правого дела, триумф освободителей, ибо ни один русский солдат не шел в Европу искать «рабов», «жизненного пространства», сырья и рабочей силы» [4, с. 50].

Поэтому так важно сейчас в связи с тенденцией возрождения фашизма в некоторых странах – бывших союзных республиках Советского Союза объединить усилия общественности и научного сообщества против всевозможных лженаучных высказываний. В последнее время зарубежными историками навязываются дискуссии о тоталитаризме и коммунизме, интерпретации создания и истории ГДР как оккупации Восточной Германии советскими войсками, приравниваемой к гитлеровскому режиму. Особенно наглядно эта интерпретация представлена на постоянной выставке в Берлине «Топография террора» [8].

В ходе известной дискуссии «Historikerstreit» (спор историков) были сформулированы различные точки зрения на проблемы Второй мировой войны. Немецкий историк В. Випперман, автор энциклопедического издания «Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982» [2], дал следующую характеристику этой дискуссии: «Спор историков» был вызван провокационным вопросом немецкого историка Эрнста Нольте «Не осуществил ли Гитлер свое деяние лишь потому, что национал-социалисты считали себя потенциальными жертвами некоего «азиатского деяния»? Не предшествовал ли Освенциму Архипелаг ГУЛАГ?». Этим тезисом, развитым им позже в объемистом томе о «европейской гражданской войне между национал-социализмом и большевизмом» [2, с. 187], Нольте отмежевался от защищаемой прежде концепции фашизма, чтобы сделать более радикальной доктрину тоталитаризма. Поэтому коммунизм и фашизм для него равны и сопоставимы. При этом совершенные фашизмом преступления обретали в определенном смысле превентивный характер. Высказывались также мнения, что преступления немцев в сравнении с «преступлениями других» могут и должны привести к релятивизму в отношении их собственной вины» [6].

«Спор историков» не закончен, он продолжается. Есть как противники подобной точки зрения, так и ее последователи, и не только в Германии, но и у нас в России. Так в предисловии к книге «Другая война» Ю. Н. Афанасьев ставит под сомнение многие положения советской историографии Великой Отечественной войны [1]. Главным объектом критики выступает сталинское руководство войной. Выдвигается тезис о том, что Советский Союз вступил в войну не 22 июня 1941 г. а в сентябре 1939 г., когда принял участие в разделе Польши. По мнению Ю. Н. Афанасьева, СССР участвовал во Второй Мировой войне на стороне Герма-

нии и, следовательно, Сталин был заинтересован в развязывании войны в Европе, так как у него была уверенность в возможности «расширения коммунизма» в результате поражения Германии. Иными словами, автор утверждает, что Сталин спровоцировал Гитлера на войну. Вместе с тем даже Ю. Афанасьев не поддерживает концепцию, выдвинутую другим «ревизионистом» – беглым сотрудником ГРУ СССР В. Суворовым (В. Резун) о том, что со стороны Гитлера война носила превентивный характер [7].

Сегодня, как никогда ранее, возносится роль союзников по антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом. В Германии экскурсоводы рассказывают о заботе, которую проявили союзники в отношении будущего их страны и как много несчастья принесли им русские при Сталине. Для немецкого общественного самосознания поражение в войне с Советским Союзом остается тайной и до сих пор не разгаданной загадкой. Ни в 1945 г., ни сейчас оно не может понять истоки мужества и массового героизма, мощи государства, которое еще за десять лет до начала фашистской агрессии находилось в разрухе, не имело собственного промышленного производства и технического потенциала. Это вызывало у немецкого общества ностальгию по былому могуществу своей страны. Оно готово было принять поражение от союзников (США, Великобритании, Франции) как от силы более цивилизованной, по их мнению, но поражение от советов, от «неправильного союзника» всячески вытесняется из общественной памяти. По этому поводу в Германии в различных средствах массовой информации пересказывается анекдот об отношении У. Черчилля к итогам Второй мировой войны. Он якобы сказал: «Wir haben eine Falsche Gans geschalten» (мы, (т. е. союзники), убили не того гуся). Но при этом с высказываниями У. Черчилля о ходе войны не знакомы не только студенты, но и многие профессиональные историки из университетов Германии. Да и о Потсдамской конференции смогут рассказать, только лишь жители бывшей ГДР, на территории которой находится музей в парке Цецилиенхоф, теперь он называется «Neue Garten» (Новый парк).

Что касается памятника дезертирам Второй мировой войны, то он все же был установлен в Потсдаме на той самой площади Единства, но на нем появилась надпись о том, что памятник установлен лицам, отказавшимся стрелять в ближних. К слову, автором данного памятника является турецкий скульптор М. Аксой, а соз-

дан он был специально для Боннского пленума мира, проходившего в столице тогда еще Западной Германии в 1989 г. Сделанная надпись в корне изменила смысл памятника, германская общественность связывает его с памятью о более чем 25 тысячах немцев, расстрелянных фашистами за отказ служить в вермахте. Это свидетельствует о том, что признание памятника стало своего рода протестом против войны. Такой же монумент в 2015 г. появился и на месте бывшего фашистского концлагеря Маутхаузен в Австрии, где были уничтожены свыше 20 тысяч немецких отказников. В канун 70-й годовщины начала Второй мировой войны такой же памятник появился и в самом центре Кельна на площади Аппелльхофплатц (Appellhofplatz). Осенью 2015 г. памятник немцам, отказавшимся служить в вермахте во время Второй мировой войны, открылся также в Гамбурге [10].

Немецкий историк Т. Гельдмахер считает, что люди, расстрелянные из-за нежелания воевать, давно заслужили право быть увековеченными, однако, по его же мнению, далеко не все немецкое общество согласно с таким заключением. Многие до сих пор воспринимают отказников и дезертиров как предателей, трусов и даже пособников убийц своих боевых товарищей. При этом они продолжают открыто почитать бывших гитлеровских военачальников и устраивают в их честь официальные военные церемонии. В майских номерах известных немецких газет вышли статьи о тех, кто служил в вермахте, рассказывая о них как о героях [5].

Ярким подтверждением этих слов являются дискуссии вокруг вопроса об установке памятника дезертирам вермахта в г. Ульме на юге Германии (Земля Баден-Вюртемберг). Более 16 лет общественные организации, в том числе участники молодежного движения добиваются разрешения на установление памятника. Но земельные власти считают, что оказание почестей дезертирам неуместно, поскольку они оставили в беде своих товарищей, и несвоевременно, так как это может негативно сказаться на боеготовности частей современной немецкой армии, участвующей в миротворческих и других военных акциях в различных регионах мира [9].

В Германии историки говорят о новой истории. Но новая история не может быть оторванной от прошлого, ее невозможно переписать по желанию, вытеснив из памяти то, о чем не хочется помнить. Возможно, память о тех, кто своим бегством выразил протест против войны, имеет право на существование. Но эта

память, как показывает приведенный пример, лишена сплывающего потенциала, она разделила общество на тех, кто «за», и на тех, кто «против». Современные и будущие поколения должны знать правду о Второй мировой и Великой Отечественной войне. Сама перспектива интерпретации истории войны, с одной сто-

роны, дает новые возможности преодоления прошлого и новые ориентиры его переосмысления, а с другой, подводит к опасной черте проникновения в сознание новых поколений определенного схематизма, сыгравшего роковую роль в том самом прошлом, которое теперь переосмысливается или забывается.

Литература и источники

1. Афанасьев Ю. Н. Другая война: 1939–1945: для студентов интересующихся историей Второй мировой войны. М.: РГГУ, 1996. 478 с.
2. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982 / пер. с нем. А. И. Федорова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 239 с.
3. Гудков Л. Победа в войне: к социологии одного национального символа // Экономические и социальные перемены. Информационный бюллетень. 1997. № 5. С. 11–15.
4. Ионин Л. Свобода в СССР. Статьи и эссе. СПб.: Университетская книга, 1997. 368 с.
5. Мир. 2009. 1 сентября.
6. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003. 528 с.
7. Суворов В. Ледокол. М.: АСТ, 2007. 368 с.
8. Топография террора хранит память о нацистах [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.com/ru/топография-террора-хранит-память-о-нацистах/a-16074091> (Дата обращения: 14.05.2017).
9. Труд. 2005. 5 Мая.
10. Deutsche Welle. 2015. November 25.

References

1. Afanas'yev Yu. N. Drugaya voyna: 1939–1945: dlya studentov interesuyushchikhsya istoriey Vtoroy mirovoy voyny (*Another War: 1939–1945: for students interested in the history of the Second World War*). Moscow: RSHU publ., 1996. 478 p.
2. Viperman V. Evropeyskiy fashizm v sravnении. 1922–1982 (*European fascism in comparison. 1922–1982*) / translated by A. I. Fedorov. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2000. 239 p.
3. Gudkov L. Pobeda v voynе: k sotsiologii odnogo natsional'nogo simvola (*Victory in war: to the sociology of one national symbol*) // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. Informatsionnyy byulleten'. 1997. No. 5. P. 11–15.
4. Ionin L. Svoboda v SSSR. Stat'i i esse (*Freedom in the USSR. Articles and essays*). St.Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997. 368 p.
5. Mir. 2009. September 3.
6. Nol'te E. Evropeyskaya grazhdanskaya voyna (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol'shevizm (*European Civil War (1917–1945). National Socialism and Bolshevism*). Moscow: Logos, 2003. 528 p.
7. Suvorov V. Ledokol (*Icebreaker*). Moscow: AST, 2007. 368 p.
8. Topografiya terrora khranit pamyat' o natsistakh. Elektronnyy resurs (*Topography of terror keeps the memory of the Nazis*). URL: <http://www.dw.com/ru/topografiya-terrora-khranit-pamyat'-o-natsistakh/a-16074091> (Accessed: 07.05.2017).
9. Trud. 2005. May 5.
10. Deutsche Welle. 2015. November 25.

УДК 9. 93

Е. В. Туфанов

БЫТ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧИНОВНИКА В 1920–1930-е ГОДЫ

В статье освящается актуальная для исторической науки проблема, посвященная образу жизни партийно-государственной номенклатуры в период ее становления. Рассматривается процесс формирования системы закрытого обеспечения представителей партийной и советской элиты, структура льгот для руководящего состава Советского государства. Кроме того, посредством анализа введенных впервые в научный оборот архивных материалов прослеживается вопрос обеспечения ответственных партийных работников жильем и состояние этого жилого фонда. Рас-

крывается иерархический характер льгот и образа жизни партийно-государственной номенклатуры. Источники позволили автору выявить, что в исследуемый период окончательно проявился централизованный характер механизма определения прав и на льготы и их размеров, а также законодательное закрепление системы обеспечения ответственных партийных и советских работников.

Ключевые слова: номенклатура, правящая партия, руководитель, привилегии партийно-государственной элиты, тарифные ставки, социальный статус, региональная элита, льготы, образ жизни.

E. V. Tufanov

THE EVERYDAY LIFE OF A SOVIET OFFICIAL IN 1920–1930s

The article studies a relevant in historical science issue dedicated to the lifestyle of the party-state nomenclature in the period of its formation. The process of forming a private provision system for party representatives and Soviet elite, structure set of benefits for the governing body of the Soviet state. The analysis of archival materials, which are introduced into scientific circulation for the first time, reveals the provision of responsible party workers with housing and the housing condition of the housing stock. The

hierarchical nature of the benefits and lifestyle party-state nomenclature is shown. The period under consideration displayed a centralized mechanism to determine the rights and benefits, as well as legislative consolidation of the system of responsible party and Soviet workers.

Key words: nomenclature, ruling party, leader, privilege of the party-state elite, tariff rate, social status, regional elite, benefits, lifestyle.

Одним из популярных направлений в современной отечественной историографии сегодня является история повседневности, о чем свидетельствует большой объем выходящей в последнее время литературы. Наиболее глубокими представляются работы Н. Б. Лебиной [5]. Однако исследователь в основном рассматривает общие тенденции формирования и функционирования советской повседневности в жизни «простого советского человека». В. П. Мохов предметно рассматривает повседневность советской номенклатуры, но не с позиций ее конкретной истории, а с точки зрения социологического анализа самого понятия и ее природы [6]. В связи с этим целью данной работы является изучение конкретных проявлений понятия «повседневность номенклатуры» в период оформления этого элитного слоя в социальной структуре советского общества

в контексте становления советской политической системы.

Создание советской политической системы началось буквально в первые дни утверждения власти большевиков. В рамках этой системы с начала 1920-х гг. не только начало неуклонно расти количество партийно-советского аппарата, но и столь же последовательно стала расширяться его значимость в системе политической власти и в жизни всей страны.

Переход государственной системы управления под контроль новой политической группы, прежде всего под влияние их лидеров и их сподвижников имел огромное значение. Именно из этих групп создавался новый кадровый, руководящий состав государственной системы. Следует согласиться с утверждением Е. Г. Гимпельсона, который назвал представителей новой элиты корпусом «носителей вла-

сти» [1, с. 170], т. к. от их профессиональных и человеческих качеств и компетенции зависела реализация экономических, политических и социальных задач государства. Вследствие этого основная часть проблемы государственной власти – это кадры, т. е. люди, олицетворяющие характер и нрав утвердившегося режима, проводящие в жизнь решения и постановления государственной власти и применяющие любые средства давления для достижения поставленных задач.

Октябрь 1917 г. прервал кадровую преемственность, и к руководству государством пришли люди из тех социальных слоев, которые ранее к власти не были допущены. Это представители самых разных социальных и культурных слоев общества, которых объединяли по большей части чувство и жажда социальной справедливости. В этот период берет начало процесс формирования феномена партийно-государственной номенклатуры. Решение задачи обеспечения кадрами всех государственных учреждений брала на себя главная политическая сила в государстве – коммунистическая партия, а точнее, ее аппарат. Ее постановления считались законодательными для всего государственного аппарата [7, с. 240]. Попав в состав номенклатуры, член партии превращался в руководителя-универсала и мог по решению партии возглавить любое предприятие или структуру.

Понятие номенклатуры имеет не только теоретико-социологический, но и антропологический смысл. Исходя из антропологического характера этого слоя советской политической власти, можно говорить об образе жизни номенклатурных деятелей, который сложился в целом в период утверждения и структурирования Советской власти. Номенклатура в эти десятилетия превратилась в особый класс со своим горизонтом ожидания и с клановыми чертами повседневной жизни.

Примером этой «особости» образа жизни стала система обеспечения номенклатуры жильем, т. к. жилищная проблема была в эти годы наиболее болезненной для всего общества. В первые годы советской власти возник «гнездовой» принцип расселения верхушки номенклатурных работников. Смольный, который был центром управления Петроградом, являлся также и местом жительства для многих партийных функционеров. Другим «гнездом» расселения партийного аппарата стала бывшая гостиница «Астория», преобразованная в 1-й Дом Советов [8, с. 220]. Данные дома охранялись специализированными подразделениями.

Допуск обычных граждан в них был ограничен. Граждане, не работавшие в Смольном или не являвшиеся членами партии, выселялись из этих жилых зданий, между тем как горожане ютились в бараках, общежитиях и квартирах коммунального типа, где каждая отдельная семья проживала в одной комнате. Это вело к махинациям с жилым фондом, когда в своих квартирах прописывали сторонних людей в статусе родственников, заключали фиктивные браки и разводы, сдавали в аренду койку в общей комнате.

В столице партийная и советская номенклатура проживала в Кремле, а также в отелях «Метрополь» и «Националь». Это при том, что в Москве к 1930 г. средняя норма жилплощади составляла 5,5 м² на человека. В условиях острейшего жилищного кризиса в столицах государство не могло обеспечить отдельную жилую площадь для представителей номенклатуры. Этим и объясняется «гнездовой» способ их поселения.

Для обеспечения контроля и содержания жилья для верхушки партии, и государства в середине 1920 г. было создано управление Кремлем и домами ВЦИК. В его ведении была вся кремлевская территория, т. е. 13 владений в Кремле и 18 домов вне Кремля, а для обслуживания территорий был создан штат численностью 2 140 сотрудников. В первую потребность в жилье удовлетворялась членам коллегий наркоматов и ответственных партийных работников. Общий жилой фонд состоял из 703 отдельных квартиры и 576 номеров [3, л. 3–16].

Ситуация изменилась в 1930-е гг. В 1931 г. в Москве для управленческой элиты был построен 12-этажный дом на Берсеневской набережной на Болотном острове, в котором было 505 квартир. Официально он именовался «Дом правительства», Первый Дом Советов, Дом ЦИК и СНК СССР. На то время это было самое большое жилое здание в Европе. В доме функционировали клуб, кинотеатр, спортивный зал, универмаг, прачечная, амбулатория, сберкасса, отделение связи, детский сад. В центре Ленинграда в 1929–1930 гг. был построен Дом-коммуна Общества политкаторжан. Этот дом также был автономен, как и другое жилье для номенклатурных работников. Комплекс состоял из разноэтажных корпусов, наряду с жилыми квартирами разной площади, были устроены электрифицированные шкафы для подогрева готовой пищи, так что кухонь в домах не было. В нижних этажах были устроены музей каторги и ссылки, зал на 500 мест с ки-

ноустановкой и эстрадой, столовая-ресторан, детский сад, механизированная прачечная. Выделялись и дома ответственных работников в регионах и столицах республик.

Оплата коммунальных услуг в период военного коммунизма и Гражданской войны имела символический характер. В 1920 г. она была отменена совсем. При переходе к мирной жизни оплата за жилье была введена вновь, и ее размеры постоянно росли. Квартплата не покрывала расходов на содержание коммунальных служб, и разница погашалась за счет средств регионального бюджета.

Внешние признаки особого образа жизни представителей номенклатуры проявлялись не только в жилищном вопросе. Автомобильный парк страны был весьма небольшим, и поэтому те редкие автомобили, которые находились в региональных центрах, конфисковывались и передавались местной власти. Такая же ситуация была и в столицах. Значительное количество уцелевших в Петрограде автомобилей, которые входили в ведение специального отдела, принадлежали высшему городскому руководству. Для руководителей высшего звена в местах культурного отдыха были выделены персональные места, как правило, ложи. В Смольном действовали собственная парикмахерская, баня, прачечная, кинематограф, детский сад, сапожная мастерская. Территориальная обособленность дополнялась автономностью обслуживания. Ответственные работники составляли отдельную группу в ряду советских служащих при определении им заработной платы. Тарифные ставки для них были значительно выше, чем для остальных служащих, а также для рабочих и интеллигенции. Стоит отметить, что оплата труда различалась не только в сравнении с другими категориями трудящихся, но и внутри данной категории.

Анализ источников свидетельствует также об иерархическом характере номенклатурной повседневности, как следствии иерархическом расслоении самой номенклатуры. Впервые официально вопрос о «верхах» и «низах» встал на пленуме ЦК РКП (б) в июле 1920 г. Государственно-партийная власть признала, что выделение управленческой элиты как особого слоя в условиях нехватки кадров управленцев было осознанным актом и входило в государственную политику. Имелись в виду не только представители руководящей партийной и советской элиты, но и люди науки с их «академическим пайком» и другие привилегированные группы населения.

Летом 1922 г. XII партийная конференция законодательно утвердила сформировавшуюся

систему привилегий для представителей партийной и советской бюрократической машины. В резолюциях конференции говорилось о разработке положения о фонде взаимопомощи среди коммунистов. Фонд должен быть образован в центре, областях и губерниях и существовать за счет ассигнований партийных организаций, членских взносов и отчислений, образуемых со сверхставок. Категория членов партии, которым возможно оказание помощи из этого фонда, должна быть ограничена. Должны быть образованы специальные комиссии по оказанию помощи членам партии [4, с. 676]. Эти комиссии могли контролировать и вести учет работников всех уровней государственной системы. Также конференция приняла постановление о ставках для ответственных политических, советских, кооперативных, профессиональных и хозяйственных работников [4, с. 678].

В документе не говорилось четко, кто именно на региональном уровне оказывался в категории привилегированных граждан, однако следует констатировать, что речь шла о представителях региональной политической элиты: секретарях и членах бюро, заведующих отделами и подотделами губкомов. Активисты не только получали повышенные оклады согласно новой тарифной сетке, но им было необходимо решить жилищный вопрос, обеспечить медицинскую помощь по линии Наркомздрава и решение вопроса воспитания и образования их детей. Следует отметить, что все мероприятия должны были проводиться за счет партии, но реальная власть коммунистического аппарата в стране предполагала использование средств для этих целей из государственного бюджета.

Мы можем констатировать, что решения партийной конференции положили начало официальной системе привилегий и льгот партийной и советской номенклатуре, вертикаль которой выстраивалась в зависимости от занимаемой должности. Документ не указывал размеры оклада и объем продовольственного пайка и места возможного досуга. Все это определялось ведомственными и партийными решениями.

Вместе с тем, деление членов партии и служащих в советских учреждениях на активистов и рядовых сотрудников с материальной точки зрения началось с момента основания Советского государства. Это было связано с экономической ситуацией в стране в целом и в частности с продовольственным кризисом, когда государство вынужденно было обеспечи-

вать продовольствием определенные группы населения: партийных и советских руководителей, представителей науки и интеллигенции, рабочих определенных профессий за счет других слоев населения. Однако представители партийной и советской номенклатуры в количественном эквиваленте всех «льготников» имели численное превосходство и в Центре, и в регионах. Попадание в разряд льготников и возможность получения материальных привилегий стали своеобразными символами принадлежности к власти, а данная группа населения страны возвышалась над массой, «низами» «равноправного» социума.

В результате часть номенклатурных привилегий стала официальной, т. е. была закреплена должностными инструкциями. Это стало лазейкой для получения льгот, основанных на личных связях. В начале 1920-х гг. подобные факты вызвали жесткие дискуссии внутри самой партии, которые велись в течение 2 лет – с 1920 по 1922 г. Проблема внутрипартийной борьбы о привилегиях «верхов» требует самостоятельного рассмотрения, и мы в этой статье не будем углубляться в суть этих споров. Необходимо только констатировать, что в конечном итоге вплоть до роспуска КПСС в 1991 г. номенклатурные льготы продолжали активно действовать.

В условиях нехватки продовольствия и периодического голода в 1920–1930-е гг. наряду с жилищным самым насущным оставался вопрос продовольственного снабжения, поэтому он не мог не быть включен в систему номенклатурных привилегий. Впервые формирование списков ответственных работников на получение повышенного продовольственного пайка проводилось еще в период Гражданской войны. Декрет СНК РСФСР о трудовом пайке 1920 г. выделил группу рабочих и служащих, занятых вредным и высококвалифицированным трудом. Представители партийной и советской приравнивались к данной категории на получение продовольственных пайков. Следовательно, нормы продовольственного обеспечения руководящих работников и рабочих формально уравнивались. Однако на практике нормы пайка у рабочих постепенно снижались, а у ответственных работников оставались в прежних пределах.

Кроме этого, партийно-советская номенклатура пользовалась продовольственными льготами в сфере общественного питания. Уже на заре Советской власти возникли отдельные закрытые столовые для руководящего состава. Доступ в них для простого гражданина

был ограничен. Наличие закрытых пунктов общественного питания для руководителей любого масштаба позволяло не просто оградиться от взглядов рядовых посетителей, но и обеспечить «своих» едоков качественными и дешевыми обедами. Возможность посещения привилегированных объектов общественного питания рассматривалось как признак приобщения к избранным. Этот опыт оказался особо востребованным в конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда в результате продовольственного кризиса страна была вынуждена перейти к карточному распределению продуктов. Представители власти опять оказались среди тех групп общества, которые обеспечивались предметами первой необходимости и продуктами питания в первую очередь и на привилегированных условиях. Их льготы были дифференцированы согласно должностной иерархии советской номенклатуры. В связи с централизацией управления в этот момент было полностью централизовано и право на определение и размер льгот. Распределение товаров первой необходимости и продовольствия означало не только материальную поддержку руководящего состава, но и служило атрибутом власти.

В связи с этим стремление отдельных граждан занять место в партийно-государственной номенклатуре мотивировалось не только карьерными, но и материальными соображениями. В годы нэпа они стали более разнообразными и естественно отражались на материальном уровне жизни советских чиновников. Большие средства тратились на ежегодный отдых и лечение номенклатуры в предназначенной для нее сети санаториев и домов отдыха [2, с. 173]. Первоначально был провозглашен принцип общих домов отдыха – этих «фабрик здоровья», в которых 60 % мест предусматривалось отводить трудящимся слоям населения для «починки» и восстановления рабочей силы. Однако руководящих специалистов, находившихся в стадии физического и морального переутомления, по мнению центрального комитета партии, было слишком много, что недалеко от истины, особенно на местном уровне. Однако мест в санаториях и домах отдыха для всех не хватало. Центральная власть, чтобы удовлетворить потребности кадров в отдыхе и поправке здоровья, издала циркулярное письмо за подписью секретаря ЦК В. М. Михайлова и наркома здравоохранения Н. А. Семашко, где предлагалось в пределах каждого региона организовывать территориально изолированные от других здравниц дома отдыха и санатории, которые снабжались продоволь-

ствием по полной санитарной норме. Этот документ требовал создания специальных домов отдыха и здравниц закрытого типа для представителей номенклатуры.

Кроме того, для ответственных работников Наркомздрав по распоряжению ЦК партии предоставлял в специальных санаториях на курортах Крыма, Кавказа и Черноморского побережья каждой губернской организации по пять мест, областным комитетам – по 10. Установленный принцип на долгие годы создал привилегированное положение для лечения советской бюрократии [8, с. 247]. В 1920-е гг. руководители выезжали на лечение на основании решения отборочной комиссии. Они снабжались удостоверениями, подписанными региональным секретарем партийной организации, обеспечивались зарплатой за два месяца вперед и суточными. В эти годы у номенклатурных работников особенно популярным было лечение за границей, чаще в Германии, куда они выезжали даже в сопровождении родственников. Для этих целей был сформирован специальный фонд «для лечения товарищей за границей». В названный период сформировались правила предоставления и сроки очередного отпуска, а также вводилась компенсация за неиспользованное время отдыха. Условия отдыха и лечения находились в прямой зависимости от занимаемой должности.

Номенклатура имела привилегии и в случае девиантного и или прямо преступного поведения. Основными правонарушениями среди ответственных работников были пьянство, мздоимство и злоупотребление служебным положением. При определении наказания за проступки и преступления использовался более щадящий режим, нежели за такие же правонарушения, допущенные рядовыми гражданами. Следует отметить, что в этом вопросе среди ответственных работников тоже наблюдалась дифференциация. Чем была выше занимаемая должность провинившегося, тем мягче было наказание. Это противоречило официально провозглашаемому принципу, когда представитель номенклатуры должен был

нести двойную ответственность перед партией и перед государством. При возбуждении дел против коммуниста судебно-следственные органы должны были в течение суток поставить в известность местную партийную организацию. Такой же срок отводился на оповещение губернского комитета партии об аресте члена партии. Нарушая принцип независимости суда, прописанный в новом Положении о судопроизводстве РСФСР (1922), местные партийные органы могли беспрепятственно ознакомиться с материалами судебных дел. Циркуляр ЦК РКП (б) от 4 января 1922 г. установил вместо двойной ответственности коммунистов принцип равной ответственности перед обществом согласно советской судебной реформе. Правда, Пленум ЦК РКП (б) 26 апреля 1925 г. установил равную степень наказания как для коммунистов, так и для простых граждан, а парторганизациям предписывал не вмешиваться в судебные и следственные дела по отношению к членам партии. Однако практика «смягчения» судебной ответственности для номенклатурной бюрократии не прекращалась, а только наращивалась.

Возможность пользоваться властью, различного рода привилегиями и связанными с ними материальными преимуществами стала побудительной причиной вступления ряда граждан в состав правящей партии. Анализ привилегий номенклатуры приводит к выводу о том, что в 1920-е гг. процесс консолидации партийного и советского управленческого аппарата как изолированной системы, относительно закрытой, с корпоративными интересами, приобретающими самодостаточный характер, ускоряется. Формирование и укрепление системы льгот и привилегий для руководящего состава стало отражением процесса изоляции власти от общества, которая, за исключением периода Великой Отечественной войны, и то в основном для региональных управленцев как в центре, так и на местах, только усиливалась и в конечном счете стала одной из предпосылок относительно легкого распада СССР и ликвидации советской политической системы.

Литература и источники

1. Гимпельсон Е. Г. Становление и эволюция Советского государственного аппарата управления 1917–1930 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2003. 226 с.
2. Гимпельсон Е. Г. НЭП Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). М.: Собрание, 2004. 302 с.
3. Государственный архив Российской Федерации. Р. 551. Оп. 1. Д. 4.
4. Двенадцатая всероссийская конференция РКП (б). // КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. Часть 2. М.: Институт Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, 1954. С. 654–679.
5. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.

6. Мохов В. П. Повседневность советской номенклатуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. Ч. 1. С. 124–127.
7. Туфанов Е. В. Кравченко И. Н. К проблеме формирования номенклатуры – правящего класса советского государства // Вестник Пятигорского лингвистического университета 2015. № 1. С. 239–242.
8. Чистиков А. Н. Партийно-государственная бюрократия Северо-запада Советской России 1920-х годов. СПб: Европейский Дом, 2007. 294 с.

References

1. Gimpel'son E. G. Stanovlenie i evolyutsiya Sovetskogo gosudarstvennogo apparata upravleniya 1917–1930 gg. (*Formation and evolution of the Soviet state apparatus 1917–1930*). Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2003. 226 p.
2. Gimpel'son E. G. NEP Novaya ekonomicheskaya politika Lenina-Stalina. Problemy i uroki (20-e gody XX veka) (*NEP New economic policy of Lenin and Stalin. Challenges and lessons (20-ies of XX century)*). Moscow: Sobranie, 2004. 302 p.
3. State archive of Russian Federation. R. 551. Inv. 1. D. 4.
4. Dvenadtsataya vserossiiskaya konferentsiya RKP (b). (*The twelfth all-Russian conference of the RCP (b) // KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov konferentsii i plenumov TsK (Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee)*). Part 2. Moscow: Institut Marksizma-Leninizma pri TsK KPSS, 1954. P. 654–679.
5. Leбина N. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shому stilyu (*Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to the Grand style*). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 488 p.
6. Mokhov V. P. Povsednevnost' sovetskoi nomenklatury/Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (*Everyday life of the Soviet nomenclature / Historical, philosophical, political and law Sciences, Culturology and Arts. Issues of theory and practice*). Tambov: Gramota, 2013. No. 11. Part 1. P. 124–127.
7. Tufanov E. V. Kravchenko I. N. K probleme formirovaniya nomenklatury – pravlyashchego klassa sovetskogo gosudarstva (*To the problem of formation of the nomenclature – the ruling class of the Soviet state*) // Vestnik Pyatigorskogo lingvisticheskogo universiteta 2015. No. 1. P. 239–242.
8. Chistikov A. N. Partiino-gosudarstvennaya byurokratiya Severo-zapada Sovetskoi Rossii 1920-kh godov (*The party-state bureaucracy in the North-West of Soviet Russia in the 1920s*). St.Petersburg: Evropeiskii Dom, 2007. 294 p.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347.73:378.3(470.63)

Д. А. Смирнов, Л. Э. Боташева

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА И ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО ПРОФИЛЯ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Статья посвящена анализу актуальных вопросов подготовки юристов в финансово-правовой сфере в Северо-Кавказском федеральном университете. Приводится практика учебной и научной деятельности кафедры административного и финансового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета. Практически значимым является рассмотрение учебных планов образовательного учреждения и формируемых компетенций обучающихся. Анали-

зируются учебные дисциплины и их современное учебно-методическое обеспечение.

Ключевые слова: финансовое право, налоговое право, бюджетное право, образование, юриспруденция, отрасль права, финансово-правовой профиль, учебная дисциплина, учебные планы, бакалавриат, магистратура, аспирантура, Северо-Кавказский федеральный университет, актуализация учебных планов, профессиональные компетенции.

D. A. Smirnov, L. Je. Botasheva

RELEVANT DEVELOPMENT DIRECTIONS OF FINANCIAL LAW AND FINANCIAL AND LEGAL PROFILE AT THE NORTH-CAUCASUS FEDERAL UNIVERSITY

The article studies relevant development directions of financial law and financial and legal profile in the North-Caucasus Federal University. Practice of educational and scientific activity of administrative and financial law department at the Institute of law, the North-Caucasus federal university, is given. The study of educational curricula and the competences formed with students is viewed as significant from the

practical point. Subject matters and their modern educational methodological support are analyzed.

Key words: financial law, tax law, budgetary law, education, jurisprudence, branch of law, financial and legal profile, subject matter, curriculum, Bachelor courses, Master courses, Postgraduate studies, North-Caucasus federal university, curricula updating, professional competences.

Современные реформы системы высшего образования, которые сегодня повсеместно проводятся, актуализируют вопросы адаптации образовательных программ под требования и запросы экономики страны и регионов. Главной целью создания федеральных университетов является реализация образовательной, научной и инновационной деятельности по широкому спектру направлений с целью интегрированного кадрового и научного обеспечения масштабных проектов и программ федерального и регионального уровня [2].

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказский федеральный уни-

верситет создано в 2012 г. на базе нескольких вузов Ставропольского края и в настоящее время является основной универсальной площадкой по развитию научно-образовательного и инновационного сектора экономики Северо-Кавказского федерального округа. Один из десяти федеральных университетов России вуз как крупнейшее образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказского федерального округа обеспечивает подготовку квалифицированных кадров для решения задач приоритетных направлений социально-экономического развития региона. Являясь ключевым элементом научно-образовательного комплекса Северного Кавказа в целом, СКФУ

обеспечивает эффективный трансфер лучших в России образовательных, научных и инновационных практик, а также интеграцию образовательной и научной деятельности в округе.

Юридический институт является структурным подразделением Северо-Кавказского федерального университета, миссия которого выражается в обеспечении устойчивого воспроизводства юридических кадров в Северо-Кавказском федеральном округе, разработке и внедрении механизмов модернизации профильного высшего юридического образования, а также сохранении и укреплении лидирующего положения в деле подготовки высококвалифицированных юристов и качественных образовательных продуктов.

Стратегической целью развития Юридического института Северо-Кавказского федерального университета является обеспечение и упрочнение образовательной, научной и кадровой конкурентоспособности института посредством подготовки квалифицированных юристов, способных обеспечить правовое регулирование экономики и социальной сферы Северо-Кавказского федерального округа, готовых к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности; создание новых и повышение эффективности существующих научных школ, направлений, отраслей научных знаний; внедрение отвечающих современным условиям социально-экономических механизмов развития юридического образования и выполнение научно-исследовательских работ в соответствии с задачами и потребностями страны и региона.

Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета – единственное высшее учебное заведение в Северо-Кавказском федеральном округе, которое осуществляет образовательную деятельность по всем уровням юридического образования (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации), что позиционирует Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета как базовую площадку для подготовки квалифицированных юридических кадров для всего Северо-Кавказского федерального округа.

В настоящее время значительная часть юристов – специалистов органов государственной власти и местного самоуправления, судебных и правоохранительных органов, а также организаций реального сектора экономики Северо-Кавказского федерального округа состоит из выпускников Юридического института Северо-Кавказского федерального университета.

Конкурентоспособность выпускников института на рынке труда региона, их профессиональный и карьерный рост способствует повышению конкурентоспособности университета на рынке образовательных услуг и, в конечном счете, его экономическому благополучию.

Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета прошел общественную и профессионально-общественную аккредитацию основных образовательных программ «Юриспруденция» Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», профессионально-общественную аккредитацию программы дополнительного профессионального образования «Юриспруденция» Общероссийской общественной организации «ОПОРА РОССИИ», подтвердивших соответствие образовательных программ потребностям рынка труда и успешность их реализации.

В структуре Юридического института семь кафедр, в том числе кафедра административного и финансового права. Сегодня финансовое право в полной мере интегрировалось в систему высшего юридического образования. Широкая и межотраслевая характер учебной дисциплины «Финансовое право» вызвали обязательность ее изучения для будущих юристов. Наличие самостоятельной кафедры финансового права в высшем учебном заведении является несомненным показателем качества образовательных услуг. В настоящее время Северо-Кавказский федеральный университет является единственным в округе вузом, где осуществляется подготовка юристов в рамках финансово-правовой специализации. Изучение обучающимися дисциплин финансово-правового профиля, а именно: налогового права, налогового процесса, банковского права, валютного права, страхового права, бюджетного права и др. – позволяет выпускникам университета свободно ориентироваться в финансовом законодательстве и делает их востребованными широким кругом работодателей не только в Северо-Кавказском федеральном округе, но и за его пределами.

Кафедра административного и финансового права Северо-Кавказского федерального университета реализует образовательные программы высшего образования по следующим направлениям: 40.03.01 Юриспруденция, профиль «Финансово-правовой»; 40.04.01 Юриспруденция – магистерская программа «Административное право, финансовое право».

В 2016 г. кафедрой административного и финансового права разработан и реализуется

новый профиль 40.06.01 Юриспруденция для формирования цикла обучения по программе аспирантуры 12.00.04 «Финансовое право; налоговое право; бюджетное право», проект которой прошел процедуру внешней независимой экспертизы Гильдии экспертов в сфере профессионального образования и рекомендован к использованию для реализации образовательных программ. Экспертное исследование образовательной программы независимыми специалистами подтверждает согласованность цели образовательной программы с миссией и стратегической целью развития Северо-Кавказского федерального университета, а также согласованности структуры, содержания и ресурсного обеспечения самостоятельно установленному образовательному стандарту. Важным показателем независимой экспертизы является возможность реализации в рамках образовательной программы ключевых Европейских принципов формирования единого образовательного пространства.

В своей образовательной и научно-исследовательской деятельности кафедра административного и финансового права опирается на опыт ведущих научных школ финансового права России, учитывает неопределимый опыт профильных кафедр вузов, задающих тренды современного юридического образования. Выполняя миссию ведущего образовательного учреждения Северо-Кавказского федерального округа, кафедра активно развивает научные связи с кафедрами финансового права центральных вузов и исследовательскими центрами. Крайняя степень нестабильности финансового законодательства ориентирует кафедру на регулярное обновление учебных планов и учебно-методических комплексов. Кафедра добивается оптимального сочетания современных образовательных технологий с традиционными. Одним из центральных законодательных новшеств в образовании является возможность реализации самостоятельных образовательных стандартов.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 11, п. 10) наделяет федеральные университеты правом самостоятельно разрабатывать и утверждать образовательные стандарты по всем уровням высшего образования.

Право принятия самостоятельного образовательного стандарта реализовано в Юридическом институте Северо-Кавказского федерального университета по всем направлениям подготовки. Образовательные стандарты высшего образования Северо-Кавказского феде-

рального университета представляют собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры по направлению подготовки «Юриспруденция» в Северо-Кавказском федеральном университете.

Реализация образовательных программ кафедры административного и финансового права обеспечены научно-педагогическими кадрами, имеющими базовое образование, соответствующее профилю преподаваемой дисциплины, и систематически занимающимися научной и научно-методической деятельностью.

Доля преподавателей кафедры административного и финансового права, имеющих ученую степень и ученое звание, в общем числе преподавателей, обеспечивающих образовательный процесс по соответствующим образовательным программам, соответствует аккредитационным показателям.

Реализуемые образовательные программы кафедры административного и финансового права обеспечены современным учебным, учебно-лабораторным, мультимедийным оборудованием, а также программными продуктами, справочными информационными системами и информационными ресурсами.

Приоритетным при разработке образовательных программ является междисциплинарный подход. Кафедра административного и финансового права развивает междисциплинарное пространство в рамках реализации магистерской программы «Административное право; финансовое право», уделяя особое внимание подготовке специалистов с профессиональными компетенциями, охватывающими широкий спектр знаний, навыков и умений.

Собственный образовательный стандарт включает перечень компетенций, которыми должен обладать магистр права, они подразделяются на общекультурные и профессиональные. Образовательный стандарт Северо-Кавказского федерального университета по направлению подготовки магистров определяется как совокупность требований, обязательных для исполнения всеми структурными подразделениями СКФУ, участвующими в разработке и реализации основных образовательных программ по данному профилю подготовки магистров. В указанном документе сформулировано понятие компетенции. Компетенция – это результат образовательного процесса и воспитания, означающий способность лица, освоившего соответствующую образовательную программу применять полученные знания,

выработанные умения и приобретенные навыки на основе профессионально – ценностных ориентиров и личностных качеств.

Выпускник магистратуры должен обладать такими общекультурными компетенциями, как иметь сформированную общегражданскую российскую идентичность; реализовать требования профессиональной этики; быть готовым работать на благо общества (ОК-1).

Кроме того, он должен обладать следующими социально-личностными компетенциями:

– на основе уважения общепризнанных прав человека, этнокультурного и поликонфессионального многообразия способствовать укреплению государства, консолидации общества, позиций гражданственности и патриотизма (ОК-2);

– самосовершенствоваться, расширять границы своих научных и профессиональных познаний; обладать способностью к лидерству, уметь принимать взвешенные решения; уметь мотивировать обоснованность принятых решений и их реализацию (ОК-3).

Для дальнейшей профессиональной деятельности выпускнику необходима такая коммуникативная компетенция, как умение публично оперировать оборотами устной речи, владеть письменным профессиональным языком и быть готовым профессионально общаться на иностранном языке (ОК-4).

При освоении основной образовательной программы магистратуры формируются следующие профессиональные компетенции: правореализационная и консультационная компетенция, правоохранительная компетенция, нормопроектная и экспертная компетенция, организационно-управленческая компетенция, правозащитная компетенция, медиационная и педагогическая компетенции, а также научно-исследовательская компетенция.

В соответствии с требованиями образовательного стандарта Северо-Кавказского федерального университета магистр должен обладать, следующими профессиональными компетенциями:

– владеть навыками толкования, соблюдения, исполнения и применения норм права в профессиональной деятельности, в том числе квалификации юридических значимых фактов; обладать навыками юридического консультирования (ПК-1);

– готовностью к выполнению должностных обязанностей по обеспечению законности, правопорядка, безопасности личности, общества, государства, выявлению, пресечению, расследованию и раскрытию преступлений и иных правонарушений; умением составлять

процессуальные документы; способностью выявлять и устранять причины и условия, способствующие совершению правонарушений, давать оценку коррупционного поведения и содействовать его пресечению (ПК-2);

– умением разрабатывать проекты нормативных правовых актов; умением проводить правовую экспертизу нормативных правовых актов, в том числе антикоррупционную, владеть навыками юридической техники (ПК-3);

– способностью осуществлять верификацию и структуризацию управленческой информации и реализовывать инновации в профессиональной деятельности (ПК-4);

– готовностью оказывать квалифицированную юридическую помощь физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, обеспечивать доступ к правосудию (ПК-5);

– знать специализированные системы мероприятий внесудебных согласительных, в том числе медиационных процедур;

– способностью участвовать в примирительных процедурах (ПК-6);

– готовностью преподавать юридические дисциплины, способен применять современные образовательные технологии; способен к организации учебного процесса; способствовать формированию правовой культуры обучающихся (ПК-7);

– способностью создавать новое знание, соотносить это знание с имеющимися отечественными и зарубежными исследованиями; владеть актуальными методами научного познания и самостоятельно формулировать выводы и рекомендации применения результатов исследования (ПК-8).

Магистры в рамках учебного процесса получают возможность изучения таких дисциплин, как «Актуальные проблемы административного и финансового права», «Налоговые системы зарубежных стран», «Международное банковское право», «Административный процесс», «Валютное право», «Бюджетное право», «Финансовый контроль», «Государственное и муниципальное управление», «История финансово-правовой мысли», «Правовые основы рынка ценных бумаг», «Правовой статус налогоплательщиков», «Страховое право», «Международное экономическое право», «Антимонопольное право», «Таможенное право», «Административная ответственность», «Европейское налоговое право» и др.

Программа подготовки магистров направлена на формирование у обучающихся комплексной системы теоретических и практических

знаний, навыков и компетенций, позволяющих иметь возможность баланса в выборе будущей работы, как в государственной службе, так и в частном секторе экономики.

Магистерская программа «Административное право, финансовое право» нацелена на подготовку высококвалифицированных специалистов, обладающих современными знаниями в области финансового, и административного права и способными:

- применять эти знания на службе в государственных и муниципальных органах, осуществляя правовое обеспечение финансовой деятельности государства и муниципальных образований, а также внешнеэкономической деятельности органов публичной власти;

- использовать полученные знания для оказания консалтинговых и экспертных услуг, юридического сопровождения бизнеса, прежде всего по вопросам взаимодействия публичных и частных финансов, налогообложения и по административным вопросам;

- проводить юридические и междисциплинарные научные исследования по проблематике магистерской программы как фундаментального, так и прикладного характера, внедрять результаты проведенных исследований в практическую деятельность государственных и муниципальных органов, частного бизнеса, а также применять их в педагогическом процессе в высших учебных заведениях [3].

Создавая программу магистратуры, специалисты кафедры учли основные направления современной государственной финансовой, налоговой и таможенной политики. Структура и содержание образовательной программы нацелены на изучение важных, значимых обновлений соответствующих отраслей законодательства, достижений публично-правовой науки, правоприменительной практики в соответствующих сферах [1].

Кафедра административного и финансового права ведет подготовку высококвалифицированных кадров в области юриспруденции с востребованными компетенциями для органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных органов и организаций реального сектора экономики Северо-Кавказского федерального округа, в том числе мотивированных на реализацию предпринимательской активности.

Финансовое право и финансовое законодательство в современных условиях весьма активно развиваются и требуют активного научного и практического осмысления. Современная государственная политика управления общественными финансами меняется и новые подходы усиливают внимание финансово-правовой науки, практики, усиливая ответственность за качество подготовки специалистов в этой области.

Литература

1. Козырин А. Н. Экономическая компонента публичного права: концепция магистерской программы «Финансовое, налоговое и таможенное право» в Высшей школе экономики // Реформы и право. 2010. №1. С. 64–73.
2. Ласкина Н. В. Комментарий к Федеральному закону от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2012.
3. Официальный сайт Северо-Кавказского федерального университета. [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Documents %20and %20Settings/student-sl-426/ %D0 %9C %D0 %BE %D0 %B8 %20 %D0 %B4 %D0 %BE %D0 %BA %D1 %83 %D0 %BC %D0 %B5 %D0 %BD %D1 %82 %D1 %8B/Downloads/[%D0 %A1 %D0 %9A %D0 %A4 %D0 %A3] op_-04.04.01.-Yurispr-AFP-2016_Date %20(1).pdf (Дата обращения 22.02.2017)

References

1. Kozyrin A. N. Jekonomicheskaja komponenta publicnogo prava: koncepcija magisterskoj programmy «Finansovoe, nalogovoe i tamozhennoe pravo» v Vysšej shkole jekonomiki (*Economical componet of the public law: the concept of the master program «Financial, Tax and Customs Law» in Higher School of Economics*) // Reformy i pravo. 2010. No. 1. P. 64–73.
2. Laskina N. V. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 22 avgusta 1996 g. № 125-FZ «O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii» (postatejnij) (*The comment to the Federal law of August 22, 1996 No. 125-FZ «About the higher and postgraduate professional education» (itemized)*) // SPS Konsul'tantPljus. 2012.
3. Oficial'nyj sajт Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta (*Official site of the North-Caucasus federal university*) URL: file:///C:/Documents %20and %20Settings/student-sl-426/ %D0 %9C %D0 %BE %D0 %B8 %20 %D0 %B4 %D0 %BE %D0 %BA %D1 %83 %D0 %BC %D0 %B5 %D0 %BD %D1 %82 %D1 %8B/Downloads/[%D0 %A1 %D0 %9A %D0 %A4 %D0 %A3]op_-04.04.01.-Yurispr-AFP-2016_Date %20(1).pdf (Accessed 22.02.2017).

УДК 34:002

Б. Г. Койбаев, З. Т. Золоева

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ)

В статье анализируется процесс развития информационного общества в некоторых субъектах Северо-Кавказского федерального округа. Авторы предпринимают попытку анализа действующих политических и нормативно-правовых документов с целью выявления их достоинств и недостатков, а также определения их роли в процессе формирования и развития информационного общества в Российской Федерации. На основе сравнитель-

ного анализа авторами были выявлены перспективы и направления совершенствования нормативно-правовой базы РСО – Алания в сфере развития информационного общества.

Ключевые слова: информатизация, информационное общество, информационное право, электронное правительство, электронный регион, информационные технологии.

B. G. Koybaev, Z. T. Zoloeva

LEGAL BASES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF INFORMATION SOCIETY IN THE REGION (BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA – ALANIA)

The article analyzes the process of information society development in some regions of the North-Caucasus Federal district. The authors attempt to analyse acting political and legal documents and identify their advantages and disadvantages, their role in the process of formation and development of information society in the Russian Federation. On the basis of

comparative analysis the authors have identified the prospects and directions of enhancing normative-legal base RNO – Alaniya in the sphere of information society development.

Key words: informatization, information society, information law, e-government, e-Region, information technology.

Использование информационных технологий в различных областях жизни современного общества легло в основу для формирования нового этапа развития цивилизации – информационного общества. Развитие сферы информационных технологий вызывает ряд последствий, выражающихся в смене всей модели развития общества и государства. Возрастание значения информации и информационных технологий, проявляемое в новых возможностях граждан и государства, неизбежно влечёт за собой формирование информационного общества.

В условиях мощных информационных потоков государство тоже становится информационным. Государственные органы переходят на оказание услуг в электронной форме, на электронный документооборот, начинается процесс формирования электронного правительства. Все эти процессы непосредственным образом влияют на права человека. Для многих информатизация общественных отношений выступает

как несомненное благо, как дополнительный ресурс во взаимоотношениях личности с государством. Но для значительной части общества, не обладающей достаточным уровнем компьютерной грамотности, информатизация общества создаёт проблемы, затрудняет реализацию прав и защиту законных интересов [4, с. 112].

Процесс формирования информационного общества представляется объективной реальностью, обусловленной всем ходом научно-технического прогресса. Юридическая регламентация отношений, которые складываются в условиях формирования информационного общества, представляет собой сравнительно новую сферу интересов российского государства. Необходимость такой регламентации обусловлена возрастанием роли информации в жизни современного общества [5, с. 63].

Формирование информационного общества в России связано с реализацией ряда политических и правовых документов: Стра-

тегией развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. № ПР-212, Государственной программы «Информационное общество (2011–2020 гг.)», Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ и др. [2, с. 141].

Стратегия определяет основные направления государственной информационной политики, касающиеся формирования информационного общества в стране, так как она, как отмечается в документе, «является основой для подготовки и уточнения доктринальных, концептуальных, программных и иных документов, определяющих цели и направления деятельности органов государственной власти, а также принципы и механизмы их взаимодействия с организациями и гражданами в области развития информационного общества в Российской Федерации» [6].

Что касается федеральной программы «Информационное общество (2011–2020 гг.)», то нужно отметить, что она пришла на смену государственной программе «Электронная Россия», которая оказалась неэффективной и так и не достигла поставленных целей. Программа «Информационное общество (2011–2020 гг.)» знаменует переход к новой эпохе – эпохе информационного общества, так как определяет основные ориентиры государственной политики направленной на формирование и развитие информационного общества и предполагает модернизацию федеральных и региональных нормативно-правовых актов.

Значимое место в регулировании вопросов формирования информационного общества занимает ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, который закрепляет важнейшие позиции в регулировании информационных правоотношений.

На развитие информационного общества в РФ большое влияние оказывают также следующие нормативные акты: ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ; ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ, ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. Перечисленные законодательные акты, по нашему мнению, выступают в качестве необходимых элементов формирования в России ин-

формационного общества, так как регулируют очень важные аспекты, в особенности процесс оказания государственных услуг, а также право на доступ к информации.

Однако формирование информационного общества в РФ непременно сталкивается с проблемой формирования его элементов на уровне регионов. Следует согласиться с мнением И. Л. Бачило, о том что «с учетом того, что у нас очень сильно развивается информационная основа формирования гражданского, демократического и социального общества, и развитие информационного законодательства приобретает наибольшую остроту на уровне законодательства субъектов РФ, нам нужно обратить больше внимания на законодательство субъектов РФ. Не все можно решить через федеральный закон. В области обеспечения доступа к информации и предоставления и получения публичных услуг нам необходимо создать рамочный федеральный закон, который мог бы быть положен в основу разработки законов всех субъектов РФ» [1, с. 31]. Это предложение является рациональным и востребованным, тем более что опыт реализации таких законов имеется в европейских странах, например в Германии [3, с. 282].

Действуя в рамках общегосударственного процесса по формированию информационного общества, регионы так же приступили к формированию политических и правовых основ данного процесса. В рамках данного исследования объектом анализа были выбраны 3 региона Северо-Кавказского федерального округа: Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания и Ставропольский край.

Процесс формирования и развития информационного общества в субъектах РФ, характеризуется рядом показателей. Так, одним из показателей выступает степень распространения Интернета в органах государственной власти. Данные по этому критерию представлены на рис. 1.

Еще одним показателем развития информационного общества является использование портала государственных услуг в регионах России (по числу пользователей). Статистические данные по этому показателю представлены на рис. 2.

В условиях развития информационного общества большое значение приобретает уровень информационной открытости высших органов государственной власти субъектов РФ. Данные по этому показателю представлены на рис. 3.

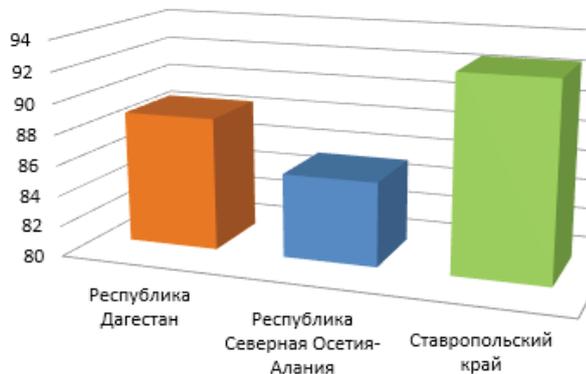

Рис 1. Интернет в органах государственной власти и местного самоуправления (от общего числа органов государственной власти, %)¹

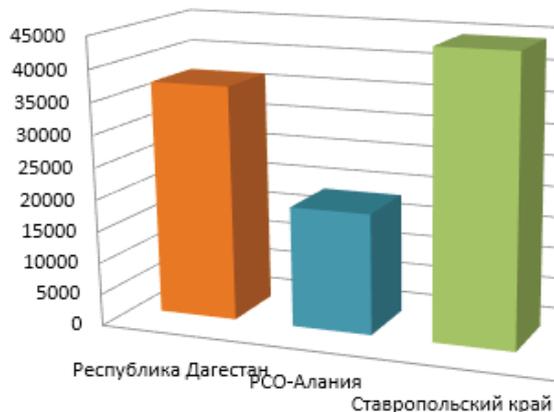

Рис 2. Статистика использования портала госуслуг в регионах России (по числу пользователей ЕСИА)²

Рис. 3. Уровень информационной открытости высших органов государственной власти субъектов РФ в 2015 (%)³

¹ Интернет в органах государственной власти и местного самоуправления в 2013 г. URL: <http://minsvyz.ru/ratin/elektronnoe-pravitelstvo-v-subektah-rossijskoj-federacii/>

² Статистика использования портала госуслуг в регионах России (по числу пользователей ЕСИА) в 2013 г. URL: <http://gosman.ru/electron?news=31546>

³ Уровень информационной открытости высших исполнительных органов государственной власти субъектов Северо-Кавказского федерального округа РФ в 2015 (%). URL: <http://system.infometer.org/ru/monitoring/313/rating/>

Анализируя представленные в графиках данные, можно сделать вывод о том, что по всем направлениям процесс формирования информационного общества наиболее интенсивно проходит в Ставропольском крае, что свидетельствует об эффективности проводимой в регионе политики.

Для полноты исследования рассматриваемого вопроса видится необходимым анализ нормативно-правовых актов субъектов РФ, результаты которого представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные нормативно-правовые акты субъектов РФ
в сфере формирования и развития информационного общества

Республика Дагестан	РСО – Алалия	Ставропольский край
Постановления Правительства Республики Дагестан «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти Республики Дагестан» от 8 апреля 2011 г. № 100, «Об информационной системе поддержки оказания органами исполнительной власти Республики Дагестан и органами местного самоуправления государственных услуг с использованием электронных средств коммуникаций по принципу «одного окна» от 20 июля 2009 г. № 242, Указ Президента Республики Дагестан от 16 апреля 2010 г. № 105 «О Совете при Президенте Республики Дагестан по развитию информационного общества в Республике Дагестан» и др.	Указ Главы РСО – Алалия от 19.01.2010 г. №10 «О мерах по развитию информационного общества в РСО-Алалия», Указ Главы РСО – Алалия от 27.08.2010 г. №115 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления РСО – Алалия, размещаемой в сети Интернет», Постановление Правительства РСО – Алалия от 12 ноября 2010 г. № 309 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов исполнительной власти РСО-Алалия» и др.	Законы Ставропольского края от 28 июля 2009 г. № 51-кз «О государственных информационных системах Ставропольского края», от 28 июля 2011 г. № 69-кз «О некоторых вопросах организации деятельности по выпуску, выдаче и обслуживанию универсальных электронных карт»; «О государственных информационных системах Ставропольского края, обеспечивающих предоставление (исполнение) в электронной форме государственных и муниципальных услуг (функций) в Ставропольском крае» и др.

Анализ нормативно-правовых актов субъектов РФ показал, что нормативная база в сфере информатизации и развития информационного общества лучше всего разработана в Ставропольском крае, так как среди выбранных для исследования субъектов только в Ставропольском крае принят базовый закон «О государственных информационных системах Ставропольского края» от 28 июля 2009 г. №51-кз. Закрепление вопросов информатизации на уровне законодательных актов субъектов РФ, по нашему мнению, влияет на эффективность регулирования отношений. Положительный опыт Ставропольского края может быть воспринят и другими регионами, в том числе РСО – Алалия.

Характеризуя процесс развития информационного общества в республике Северная Осетия – Алалия и его правовую регламентацию, необходимо отметить следующее. В соответствии с Указом Главы Республики Северная Осетия – Алалия «О мерах по развитию информационного общества в Республике Северная Осетия – Алалия» от 19 января 2010 г. № 10 был учрежден Совет по развитию ин-

формационного общества в РСО-Алалия. Республиканским органом, ориентированным на проблемы информатизации, являлся Комитет связи и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия – Алалия, который в октябре 2016 г. был разделен на два ведомства – Комитет по делам печати и массовых коммуникаций Республики Северная Осетия – Алалия и Управление Республики Северная Осетия – Алалия по информационным технологиям и связи. Таким образом, те функции, которые ранее были закреплены за Комитетом связи и массовых коммуникаций РСО-Алалия, теперь будут реализовываться вышеназванным вторым ведомством.

По нашему мнению данная реорганизация может повлиять на снижение эффективности проводимой в регионе информационной политики и может негативно сказаться на процессе развития информационного общества. В этой связи необходимо отметить: в Республике Дагестан органом исполнительной власти, реализующим полномочия в сфере информационной политики, является Министерство печати

и информации Республики Дагестан, а в Ставропольском Крае – Министерство энергетики, промышленности и связи. По нашему мнению, передача полномочий в сфере информатизации министерствам не случайна и является объективной необходимостью.

В соответствии с федеральным законодательством в РСО – Алания созданы и функционируют официальные сайты Главы Республики Северная Осетия – Алания, Правительства Республики Северная Осетия – Алания, которые направлены на обеспечение реализации права на доступ к информации. Кроме того, все органы исполнительной власти имеют официальные сайты в интернете, многие из которых так же предусматривают возможность онлайн-обращения.

В республике реализована программа по развитию информационного общества, рассчитанная на 2014–2016 гг. Программа была принята с целью создания современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для того, чтобы предоставить на ее базе более высокие услуги и обеспечить значительную доступность населения к информационным технологиям.

Программа имеет пять подпрограмм, три из которых регламентируют процесс формирования информационного общества в органах исполнительной власти, а одна рассматривает создание условий для реализации Программы. Однако, по нашему мнению, такой подход является узким, а для повышения эффективности проводимой в регионе информационной политики в будущих программах необходимо предусмотреть информатизацию всех ветвей власти региона. В целом, анализируя текст программы «Развитие информационного общества в Республике Северная Осетия – Алания» на 2014–2016 гг., можно заключить, что реализация ее положений на практике, несомненно, будет благотворно влиять на формирование в республике информационного общества.

Процесс формирования информационного общества протекает и на муниципальном уровне. Так, все органы местного самоуправления создали официальные сайты, где размещают

информацию о своей деятельности. Кроме того, в двух районах РСО-Алания действовали программы информатизации: Ведомственная целевая программа «Информатизация АМС г. Владикавказа на 2015–2016 гг.»; Муниципальная программа «Информатизация деятельности администрации местного самоуправления муниципального образования – Пригородный район РСО – Алания на 2016 г.». Администрацией г. Владикавказ принимаются муниципальные акты в сфере развития информационного общества, в частности Постановление «О системе мер по развитию информационного общества в г. Владикавказе» г. от 20 августа 2010 г. № 1472.

Резюмируя, можно сделать вывод, что в республике, как и в Российской Федерации в целом, созданы необходимые правовые основы формирования и развития информационного общества. Однако многие их положения не могут быть реализованы на практике в связи с незавершенностью предыдущих этапов.

В качестве направлений совершенствования нормативно-правовой базы РСО – Алания в сфере развития информационного общества можно предложить создание полноценной системы нормативных правовых актов, направленной на обеспечение развития информационных структур в РСО – Алания. Так, видится необходимым законодательное закрепление прав граждан на информацию, а также прав на получение информационных услуг от органов государственной власти и местного самоуправления. Кроме того, будет целесообразным принятие республиканского закона «Об информационных ресурсах», который позволил бы повысить эффективность правового регулирования в обозначенной сфере.

Таким образом, можно заключить, что развитие информационного общества в РСО – Алания характеризуется активным проникновением информационных технологий во все сферы жизни региона. А в будущем развитие процесса информатизации, бесспорно, будет связано с непрерывным совершенствованием нормативно-правовой базы республики.

Литература

1. Бачило И. Л. О проблемах совершенствования информационного законодательства в сфере электронного государства и общества // Получение, хранение и использование информации в электронной среде: публично-правовое и частно-правовое регулирование. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Серия «Электронное законодательство» / науч. ред. Н. А. Шевелёва. М.: ФГБУ Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2013. С. 31.
2. Золоева З. Т. Правовые аспекты государственной политики в сфере информатизации регионов // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2014. № 1. С. 140–144.

3. Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые аспекты информатизации регионов: опыт Германии // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2 (158). С. 283.

4. Николаев А. И. Государственно-правовые аспекты становления информационного общества в Российской Федерации // Российское государственное управление. 2016. № 1. С. 112.

5. Пашенцев Д. А., Чеботарев В. Е., Шкурко Н. М. Современные электронные средства информации: правовые и психологические проблемы становления информационного общества в России // Юридический мир. 2015. № 8. С. 63.

6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 07.02.2008 г. №Пр-212) // Российская газета. 2008. 16 февраля.

References

1. Bachilo I. L. O problemah sovershenstvovaniya informatsionnogo zakonodatelstva v sfere elektronnoho gosudarstva i obschestva (*On the Problems of Improving the Information Legislation in the Sphere of the Electronic State and Society*) // Poluchenie, hranenie i ispolzovanie informatsii v elektronnoy srede: publichno-pravovoe i chastno-pravovoe regulirovanie. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (*Reception, storage and use of information in the electronic environment: public-law and private law regulation. Proceedings of the international scientific and practical conference*) / ed by N. A. Shevelyova. Moscow: Presidential Library named after B. N. Yeltsin, 2013. P. 31.

2. Золоева З. Т. Правовые аспекты государственной политики в сфере информатизации регионов (*Legal aspects of state policy in the field of informatization of regions*) // Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova. 2014. No. 1. P. 140–144.

3. Koybaev B. G., Zoloeva Z. T. Pravovyye aspekty informatsii regionov: opyt Germanii (*Legal aspects of informatization of regions: the German experience*) // Vestnik Adyigeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya. 2015. No. 2 (158). P. 283.

4. Nikolaev A. I. Gosudarstvenno-pravovyye aspekty stanovleniya informatsionnogo obschestva v Rossiyskoy Federatsii (*State legal aspects of information society formation in the Russian Federation*) // Rossiyskoe gosudarstvennoye upravleniye. 2016. No. 1. P. 112.

5. Pashentsev D. A., Chebotarev V. E., Shkurko N. M., Sovremennyye elektronnyye sredstva informatsii: pravovyye i psikhologicheskiye problemy stanovleniya informatsionnogo obschestva v Rossii (*Modern electronic media: legal and psychological problems of the information society formation in Russia*) // Yuridicheskiy mir. 2015. No. 8. P. 63.

6. Strategiya razvitiya informatsionnogo obschestva v Rossiyskoy Federatsii (utverzhdena Prezidentom RF 07.02.2008 g. #Pr-212) (*The Strategy of the Information Society Development in the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation of 07.02.2008 No. Pr-212)*) // Rossiyskaya gazeta. 2008. February 16.

УДК 342.95

А. В. Колязина

СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ СПОСОБОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассматриваются общие вопросы соотношения понятий «контроль» и «надзор», формулируются выводы, затрагивающие законодательное разграничение контрольной и надзорной деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства, предлагается принять в субъектах Российской Федерации законы, регламентирующие порядок взаимодействия органов муниципального жилищного контроля с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими региональный государственный жилищный надзор. Обращается внимание на то, что государственные органы и органы местного

самоуправления оказались наделенными смежными полномочиями в области обеспечения законности в жилищной сфере, а структура муниципального контроля пока находится в стадии формирования. Подчеркивается необходимость в разработке единой системы контроля и надзора в жилищной сфере для координации деятельности в этой сфере всех органов публичной власти.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, муниципальный жилищный контроль, государственный жилищный надзор, жилищно-коммунальное хозяйство, контрольно-надзорная деятельность.

A. V. Kolyazina

THE CORRELATION OF CONTROL AND SUPERVISION AS ORGANIZATIONAL-LEGAL WAYS OF ENSURING LEGITIMACY IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

The article studies general questions of correlation between the concepts of "control" and "supervision", the conclusion concerning the effective distribution of control and supervisory activities in the sphere of housing and communal services is made. It is proposed to adopt the laws regulating the order of interaction of bodies of municipal housing control with executive authorities of constituent entities of the Russian Federation exercising regional state housing supervision in the constituent entities of the Russian Federation. It is emphasized that state bodies and lo-

cal self-government bodies were delegated with powers related to law enforcement in housing, and the structure of municipal control is still in its formative stages. The need for the development and creation of a unified system of control and supervision in the housing sector to coordinate activities in this sphere of all public authorities is highlighted.

Key words: executive authorities, municipal housing control, state housing supervision, housing and communal services, control and supervision activities.

Представляя собой одну из значимых сфер современной социально-экономической системы, жилищно-коммунальное хозяйство существенно влияет на формирование основных параметров качества жизни населения. В настоящее время указанная сфера требует особого внимания, а проводимая перманентная реформа этой отрасли должна заключаться в поступательном, осмысленном принятии решений, которые будут осуществляться под действенным публичным контролем (надзором) во всех областях без исключения.

В связи с этим мы вынуждены констатировать, что на фоне отсутствия единого правового

акта, в котором бы закреплялись основы деятельности государства по контролю и надзору, современное отечественное законодательство, регулирующее вопросы государственного контроля (надзора) развивается противоречиво. Одним из факторов такого диссонанса служит отсутствие единства во взглядах на понятия «надзор» и «контроль». Этимологически данные понятия представляются близкими. Так, в статьях толкового словаря современного русского языка контроль определяется как проверка, «а также наблюдение с целью проверки» [4, с. 278], а надзор – наблюдение с целью контроля, охраны и присмотра [4, с. 358]. Ана-

логичное толкование контроля представлено и в других словарях [12, с. 241]. Несмотря на обилие теоретических разработок и неугасающее внимание к данной теме, изученность и теоретическая обоснованность научных взглядов относительно содержания государственного контроля представляются недостаточными. Такому положению способствуют объективные предпосылки, обуславливающие трудность изучения контроля: 1) наличие многообразия в формах, методах и способах, а также сферах общественной жизни; 2) специфика деятельности контрольных органов; 3) индикация данным понятием разнообразных, не похожих друг на друга видов деятельности, различных контрольных действий, а также правовых последствий.

Анализ действующего законодательства также не приводит к ответу на вопрос о разграничении понятий контроля и надзора, хотя нормативные правовые акты изобилуют терминами «контроль и надзор», «контроль (надзор)», «контрольно-надзорная деятельность», «государственный надзор», разграничение которых по содержанию весьма затруднительно. В то же время для юридической науки инструментарием служат прежде всего понятия, категории и термины, которые нужно использовать осторожно, так как их, по образному выражению И. И. Веремеенко, вполне возможно приравнивать к математическим выкладкам [3, с. 16].

Представляется, что основу отграничения государственного контроля от административного надзора должен составлять характер социальных связей между субъектом и объектом. Если контрольным отношениям присуща подчиненность, то осуществление надзора происходит по отношению к неподчиненным гражданам и организациям. В вопросах определения контроля и надзора до сего времени не существует однозначного подхода. Например, А. П. Алехиным понятия «контроль» и «надзор» в их функциональном назначении не разделяются, а назначение контроля, по его мнению, состоит в обеспечении дисциплины, законности и государственного управления в целом. Автором подчеркивается корреляция между организацией и осуществлением контроля и особенностями правового статуса государственных и негосударственных предприятий, учреждений и организаций различного профиля деятельности. Раскрытие содержания надзора им проводится с использованием термина «контроль» [1, с. 482–483], что позволяет утверждать об использовании данных терминов А. П. Алехиным как тождественных.

По мнению М. С. Студеникиной, от того, как организована контрольно-надзорная деятельность, зависит состояние законности, дисциплины и правопорядка [11, с. 41–44]. При исследовании понятий «контроль» и «надзор» названным автором сделан вывод, что их различие проявляется в ширине обследуемой сферы деятельности и специфике используемых правовых форм и методов воздействия. Если контроль характеризуется отсутствием установленных ограничений для рассмотрения вопросов, которые связаны с соблюдением обязательных предписаний нормативных правовых актов, так как на органы контроля возложена проверка не только нарушений субъектом управления действующего законодательства, но и правильности, целесообразности и эффективности использования представленных ему полномочий, то, например, при осуществлении административного надзора проявление специфики заключается в ограничении пределов компетенции контролирующего органа только проверкой законности действий конкретного объекта. М. С. Студеникина при этом абсолютно верно отметила отсутствие органов «чистого» административного надзора, так как в практической деятельности сочетание элементов внешнего контроля и административного надзора всегда присутствует, поэтому в каждом конкретном случае представляется затруднительным определить, когда именно заканчивается надзор и начинается контроль. Надзор, согласно мнению М. С. Студеникиной, – это суженный контроль, но суженный в отношении только своего приложения. Данное утверждение позволяет прийти к выводу, что названным автором в качестве критерия разграничения понятий «административный надзор» и «административный контроль» рассматривается проверка целесообразности и эффективности деятельности. Такой подход выглядит достаточно привлекательным, однако в нем не полностью отражаются цели контроля и надзора, что затрудняет разграничение данных понятий. А. В. Мартынов отмечает, что сегодня данный подход недостаточно доказательно представлен в правовой действительности, к тому же не всегда гармонизирован с действующим законодательством [7, с. 101].

Солидарную с мнением М. С. Студеникиной точку зрения высказал О. В. Токарев, который указал на тесную связь надзора, осуществляемым органами исполнительной власти, с контролем, поскольку тот является его составным элементом [8, с. 787]. Предмет надзора ограничивается проверкой соответствия функциони-

рования управляемого объекта содержащимся в Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных и федеральных законах, а также в иных нормативных правовых актах и правилам поведения, имеющим общеобязательную силу, т. е. оценкой законности в широком понимании.

Это положение подтверждается и М. С. Студеникиной, которая, говоря о сущности контроля, утверждает, что он представляет собой наблюдение за деятельностью подконтрольного объекта на предмет его соответствия предписаниям, полученным им от властвующего субъекта, в роли которого может выступать орган или должностное лицо [10, с. 7].

Ряд ученых, к числу которых следует отнести В. М. Манохина, отличие контроля от надзора прослеживают как в составных элементах, посредством которых определяется собственно содержание данных понятий (при надзоре, по мнению авторов, проверка может производиться только на соответствие закону, но не целесообразности), так и в принятых мерах по итогам контроля и надзора, которые при надзоре, по сути, являются специальными, а их перечень строго ограничивается законодательно, в то время как при контроле могут приниматься разнообразные по характеру меры, в том числе и материально-технические, финансовые, организационные [5, с. 242–243]. Высказанная точка зрения не имеет широкой поддержки в научном сообществе, однако заслуживает внимания. Большинство исследователей отмечает видимая родственность данных видов деятельности, которая и делает их сложными для разграничения. К сходным сущностным признакам контроля и надзора можно отнести: цели, характер деятельности, предполагающий управленческое воздействие на объект управления, общие методы деятельности.

Некоторые исследователи связывают надзорную деятельность в основном с надзором, осуществляемым органами прокуратуры Российской Федерации, считая, что в качестве надзора следует рассматривать форму правовой деятельности, в которой управомоченные субъекты согласно своей компетенции совершают юридически значимые действия, направленные на разрешение в отношении подвластных объектов юридических дел, основанием возникновения которых послужило неисполнение или ненадлежащее исполнение законодательства со стороны государственных органов и должностных лиц, с целью предупреждения и пресечения деликтов, обеспечения правопорядка и законности [2, с. 225]. При

этом надзор представляет собой автономный и самостоятельный институт государственного механизма, характеризующийся признаками, позволяющими дать ему оценку как форме публично-властной деятельности специально уполномоченных органов и должностных лиц [2, с. 219].

Данное мнение не разделяется А. В. Мартыновым, утверждающим, что теоретико-правовое понимание административного надзора предполагает существование принципиальных различий между ним и контролем (государственным, судебным, парламентским и общественным), поскольку его основу не составляет проверка управляющим субъектом исполнительской деятельности управляемого объекта. Проверке подлежит другая управленческая деятельность, направленная на надзор за правильностью (правомерностью) поведения объекта. Указанным автором отмечается преимущество такого надзора перед контрольной деятельностью в связи с сосредоточением (узкой направленностью) регулятивного воздействия, которое получает управленческая деятельность. Данное воздействие подлежит ограничению правовыми рамками. Таким образом, административный надзор предполагает фактическое отсутствие дискреционных функций управляющего субъекта, в то время как осуществление контроля предполагает возможность действовать по усмотрению, в частности, в случае оценки функционирования объекта контроля с позиции целесообразности [6, с. 62–69]. Контроль характеризуется свободой оценки результатов контрольных проверок по усмотрению, что предполагает возможность оценки контрольных фактов как негативного, так и позитивного характера. В то же время административному надзору не присущи свобода усмотрения и возможность корректирования итогов его осуществления с точки зрения параметров оценки. Задачей субъекта, осуществляющего административный надзор, является определение соответствия или несоответствия деятельности объекта надзора изложенным в законе параметрам [6, с. 62–69].

Вряд ли стоит отвергать предложенные в научной литературе идеи полностью, однако если исходить из единства сущности данных явлений, представляющих собой монолитную контрольную функцию государства, то различные виды надзора должны рассматриваться в качестве хотя и специфических, но все-таки организационно-правовых форм контроля.

Большинство ученых-административистов разделяют ту точку зрения, согласно которой

административный надзор рассматривается как часть, разновидность государственного контроля, который осуществляется органами исполнительной власти и иными органами публичного управления. В результате сформировалась устойчивая характеристика административного надзора как проверки не всей деятельности подконтрольных органов и организаций, а ограничивающейся лишь итогами выполнения последними определенных норм и правил. В таких случаях не наблюдается обусловленности специальных административных полномочий подчиненностью контролируемых объектов, и имеет значение отношение исключительно к обеспечению таких условий, отсутствие которых не позволит им нормально функционировать.

Настоятельная необходимость по упорядочению жилищного контроля и надзора и модификации процедур его реализации послужила основанием для внесения целого ряда поправок в Жилищный кодекс Российской Федерации [13; 14; 16], согласно которым предусмотрена организация трехуровневой системы надзора и контроля в сфере жилищно-коммунального хозяйства, состоящей из государственного жилищного надзора, муниципального жилищного контроля и общественного контроля.

Основными средствами осуществления государственного жилищного надзора являются проверки юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан, организуемые и проводимые органами государственной власти и местного самоуправления. В результате таких проверок к нарушителям применяются предусмотренные законодательством Российской Федерации меры, устраняются и пресекаются выявленные нарушения. В системе государственного жилищного надзора осуществляется систематическое наблюдение за исполнением установленных требований, а также анализ и прогнозирование выполнения обязательных требований, адресованных юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и гражданам. Эти обязанности по контролю возложены на органы государственной власти и местного самоуправления.

Имеющиеся исключения обозначены в ч. 7 ст. 20 ЖК РФ, согласно которой не предполагается осуществление государственного жилищного надзора в отношении управляющих организаций, выполняющих предусмотренной в лицензии обязанности по управлению многоквартирным домом. Однако управляющие организации находятся под наблюдением контрольно-надзорных органов, так как непременно

ным условием деятельности по управлению многоквартирными домами является выдача лицензии на управление многоквартирными домами субъектами государственного жилищного надзора, а также осуществление предварительного и последующего лицензионного контроля. Отношения, которые связаны с лицензированием деятельности по управлению многоквартирными домами, регулируются положениями Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2015 г.) [17] с учетом особенностей, которые установлены ЖК РФ (ч.ч. 3, 5 ст. 192 ЖК РФ).

Федеральным законом от 25 июня 2012 г. № 93-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации по вопросам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [15] в ЖК РФ были внесены изменения, которые кардинально повлияли на структуру жилищного контроля и надзора в Российской Федерации. Правомочиями по осуществлению жилищного надзора ранее были наделены только лишь органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Названным законом установлено понятие муниципального жилищного контроля. В соответствии с ч. 1.1 ст. 20 ЖК РФ «под муниципальным жилищным контролем понимается деятельность органов местного самоуправления, уполномоченных на организацию и проведение на территории муниципального образования проверок соблюдения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами обязательных требований, установленных в отношении муниципального жилищного фонда федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации в области жилищных отношений, а также муниципальными правовыми актами. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе наделять законами субъектов Российской Федерации уполномоченные органы местного самоуправления отдельными полномочиями по проведению проверок при осуществлении лицензионного контроля в отношении юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность по управлению многоквартирными домами на основании лицензии».

Порядок, в котором будет осуществляться муниципальный жилищный контроль, должны устанавливать либо муниципальные органы, либо законодатели субъектов Российской Федерации при выполнении условия, что приня-

тые нормативно-правовые акты органов местного самоуправления по указанным вопросам не будут противоречить законам субъектов Российской Федерации.

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 20 Жилищного кодекса Российской Федерации» содержала мнение о том, муниципальный жилищный контроль может в ближайшее время потерять смысл [9]. Такой вывод был сделан на основании того, что доля муниципального жилищного фонда в большинстве субъектов Российской Федерации не является существенной в связи с приватизацией жилищного фонда и сохраняет тенденцию по сокращению в связи с продлением срока приватизации. Данный посыл не является верным по существу, а учитывая, что на сегодняшний момент четкого разграничения полномочий между органами государственного жилищного надзора и муниципального контроля не просматривается, то никакой отмены муниципального контроля не

предвидится. Сейчас государственные органы и органы местного самоуправления оказались наделенными, по сути, смежными полномочиями, а структура муниципального контроля пока находится в стадии формирования.

Указанные обстоятельства, по нашему мнению, актуализируют необходимость принятия в субъектах Российской Федерации законов, регламентирующих процедуру взаимодействия органов муниципального жилищного контроля с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющими региональный государственный жилищный надзор, для унификации законодательства.

Проведенный анализ контроля и надзора в сфере жилищно-коммунального хозяйства, который осуществляют органы государственной власти и муниципальные органы, подтвердил необходимость в разработке и создании единой системы контроля и надзора в жилищной сфере для координации деятельности в этой сфере всех органов публичной власти.

Литература

1. Алехин А. П., Кармолицкий А. А. Административное право России: учебник. Ч 1. М.: Зерцало-М, 2010. 320 с.
2. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов: СГАП, 2006. 436 с.
3. Веремеенко И. И. Существующие трактовки финансово-правовых отношений и вопросы, которые они вызывают // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права. Сборник тезисов статей. М.: Московский университет МВД России, 2003. С. 16–18.
4. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2009. 928 с.
5. Манохин В. М., Адушкин Ю. С. Российское административное право: учебник. 2-е изд. Саратов: СГАП, 2003. 496 с.
6. Мартынов А. В. К вопросу об административном надзоре как функции публичного управления: понятие, обоснования и главные черты // Административное и муниципальное право. 2009. № 9. С. 62–69.
7. Мартынов А. В. Проблемы правового регулирования административного надзора в России. Административно-процессуальное исследование: монография. М.: NOTA BENE, 2010. 548 с.
8. Общее административное право: учебник / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж: ВГУ, 2007. 848 с.
9. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/6C5E8BADCB2FE94743257FE100396846/\\$File/1112685-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/6C5E8BADCB2FE94743257FE100396846/$File/1112685-6.PDF?OpenElement) (Дата обращения: 02.03.2017).
10. Студеникина М. С. Государственный контроль в сфере управления. М.: Юридическая литература, 1974. 160 с.
11. Студеникина М. С. Государственный контроль и применение административной ответственности как формы государственного регулирования экономическими процессами // Административно-правовое регулирование в сфере экономических отношений. Сборник статей. М.: Изд-во Академического правового ун-та, 2001. С. 41–44.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
13. Федеральный закон № 123-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 04.06.2011 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 23. Ст. 3263.
14. Федеральный закон № 200-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.06.2014 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (Часть I). Ст. 3406.
15. Федеральный закон № 93-ФЗ «О внесении изменений в отдельные акты Российской Федерации по вопросам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 25.06.2012 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 26. Ст. 3446.
16. Федеральный закон № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 18.07.2011 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (Часть I). Ст. 4590.
17. Федеральный закон № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.

References

1. Alekhin A. P., Karmolitskii A. A. *Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik. Pervaya chast'* (Administrative law of Russia). Moscow: Zertsalo-M, 2010. 320 p.

2. Belyaev V. P. Kontrol' i nadzor kak formy yuridicheskoi deyatel'nosti: voprosy teorii i praktiki (*Control and supervision as forms of legal action: issues of theory and practice*). Saratov: SSAL publ., 2006. 436 p.
3. Veremeenko I. I. Sushchestvuyushchie traktovki finansovo-pravovyykh otnoshenii i voprosy, kotorye oni vyzyvayut (*Existing interpretations of financial and legal relationships and the arising challenges*) // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava. Sbornik tezisov statei (*Topical problems of administrative and administrative procedural law. Proceedings*). Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. P. 16–18.
4. Lopatin V. V., Lopatina L. E. Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (*Explanatory dictionary of modern Russian language*). Moscow: Eksmo, 2009. 928 p.
5. Manokhin V. M., Adushkin Yu.S. Rossiiskoe administrativnoe pravo: uchebnik (*Russian administrative law*). Saratov: SSAL Publ., 2003. 496 p.
6. Martynov A. V. K voprosu ob administrativnom nadzore kak funktsii publichnogo upravleniya: ponyatie, obosnovaniya i glavnye cherty (*On administrative supervision as a function of public administration: concept, rationale and main features*) // Administrativnoe i munitsipal'noe pravo. 2009. No. 9. P. 62–69.
7. Martynov A. V. Problemy pravovogo regulirovaniya administrativnogo nadzora v Rossii. Administrativno-protsessual'noe issledovanie: monografiya (*Problems of legal regulation of administrative supervision in Russia. Administrative and procedural research*). Moscow: NOTA BENE, 2010. 548 p.
8. Obshchee administrativnoe pravo: uchebnik / pod red. Yu. N. Starilova (*Common administrative law*). Voronezh: VSU Publ., 2007. 848 p.
9. The official website of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/6C5E8BADCB2FE94743257FE100396846/\\$File/1112685-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/6C5E8BADCB2FE94743257FE100396846/$File/1112685-6.PDF?OpenElement) (Accessed: 02.03.2017).
10. Studenikina M. S. Gosudarstvennyi kontrol' v sfere upravleniya (*State control in the sphere of management*). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1974. 160 p.
11. Studenikina M. S. Gosudarstvennyi kontrol' i primeneniye administrativnoi otvetstvennosti kak formy gosudarstvennogo regulirovaniya ekonomicheskimi protsessami (*State control and application of administrative liability as a form of state regulation of economic processes*) // Administrativno-pravovoe regulirovanie v sfere jekonomicheskikh otnoshenij. Sbornik statej (*Administrative-legal regulation in the sphere of economic relations. Proceedings*). Moscow: Akademicheskii pravovoi universitet, 2001. P. 41–44.
12. Ushakov D. N. Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (*Explanatory dictionary of modern Russian language*). Moscow: Adelant, 2013. 800 p.
13. The Federal Law No. 123 «O vnesenii izmenenii v Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» (*On amendments to the Housing code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation*) (04.06.2011) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2011. No. 23. Art. 3263.
14. The Federal Law No. 200 «O vnesenii izmenenii v Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii» (*On amendments to the Housing code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation*) (28.06.2014) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3406.
15. The Federal Law No. 93 «O vnesenii izmenenii v otdel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya» (*On modification of certain acts of the Russian Federation concerning the state control (supervision) and municipal control*) (25.06.2012) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2012. No. 26. Art. 3446.
16. The Federal Law No. 242 «O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii po voprosam osushchestvleniya gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya» (*On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation implementation of state control (supervision) and municipal control*) (18.07.2011) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2011. No. 30 (Part I). Art. 4590.
17. The Federal Law No. 99 «O litsenzirovanii otdel'nykh vidov deyatel'nosti» (*On licensing of certain types of activities*) (04.05.2011) // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii. 2011. No. 19. Art. 2716.

УДК 340

М. А. Малыхина, Д. Н. Малыхин

РАЗДЕЛ ИПОТЕЧНОГО ДОЛГА БЫВШИХ СУПРУГОВ (НА ОСНОВЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ СУДОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ)

В статье рассматриваются актуальные вопросы раздела ипотечного долга бывших супругов. За основу работы авторами был взят материал правоприменительной практики судов Ставропольского края за 2014–2016 гг. Исследование этой области гражданских правоотношений представляется чрезвычайно актуальным в связи с тем, что покупка жилья с использованием заемных средств банков является практически единственным способом приобретения жилья или улучше-

ния жилищных условий семей. При этом статистика, фиксирующая количество расторгнутых браков, неутешительна. Сложность рассматриваемой проблематики заключается в согласованном применении норм гражданского и семейного законодательства.

Ключевые слова: брак, расторжение брака, семья, общее имущество супругов, ипотека, банк, долг, соглашение супругов, суд, решение суда, судебная практика.

М. А. Malykhina, D. N. Malykhin

MORTGAGE DEBT DIVISION BY FORMER SPOUSES (BASED ON THE ENFORCEMENT PRACTICE OF THE COURTS IN STAVROPOL KRAI)

The article studies topical issues section of mortgage debt division by former spouses. The research is based on the material of law-enforcement practice of courts in Stavropol Krai in 2014–2016. The topicality of the study is preconditioned by the fact that borrowed funds serve as almost the only way to acquire housing or improve living conditions of families.

At the same time, the statistics showing the number of divorces is disappointing. The complexity of the issue lies consistent application of civil and family law norms.

Key words: marriage, divorce, family, community property, mortgage, bank, debt, agreement of the spouses, the court, the court's decision, litigation.

Проблема обеспечения определенных категорий граждан достойным жильем существовала на всех этапах развития нашего государства. Попытки ее решить в целом не отличались многообразием. Одним из самых распространенных и даже в некотором смысле «модным» способом приобретения жилья сегодня является ипотечное жилищное кредитование.

Оно не является абсолютно новым правовым явлением для нашей Российской Федерации. Отметим, в России до наступления событий 1917 г. был создан мощный, динамично развивающийся рынок жилья, который опирался на довольно устойчивую кредитную финансовую базу. Основу этой системы составляли вексельные обращения и закладные. При этом обратим также внимание на то, что главным объектом ипотечного кредитования являлась земля, а не жилье.

Ипотечный кредит в то время отождествлялся с поземельным кредитом и выдавался раз-

личного рода поземельными банками, то есть в основном имела место ипотека без жилья. Например, используя средства Государственного крестьянского поземельного банка, ежегодно свыше 130 тысяч домохозяев могли увеличивать свою наделную землю. Кроме этого банка, еще десять акционерных земельных банков и огромное количество учреждений мелкого кредита (кооперативов, ссудо-сберегательных касс, товариществ) принимали вклады и выдавали ссуды. Всего около 16 тысяч банков оказывали населению ипотечные услуги. Все структурные части этой развитой системы активно взаимодействовали, помогали друг другу.

В современной России возможность приобретения жилья с использованием кредитных (заемных) средств существует достаточно долгое время – около 15–20 лет, хотя по общемировым меркам институт ипотеки у нас пока всё еще находится на стадии своего развития.

Ранее правовое регулирование ипотечных правоотношений осуществлялось только согласно нормам Гражданского кодекса РФ [1] и Законом РФ от 29.05.1992 №2872-1 «О залоге», который уже утратил силу. Немного позже был принят Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [3], являющийся сегодня центральным законодательным актом, нормы которого обязательны для сторон при заключении договора об ипотеке.

В 2014 г. Распоряжением Правительства РФ была принята Стратегия развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации до 2020 г. [4].

В этом документе установлены основные, базовые постулаты, концентрированно определяющие такой способ приобретения жилья, как ипотечный кредит. Отдельные положения Стратегии вступили в силу с февраля 2017 г. Большая их часть направлена на предоставление доступных ипотечных жилищных кредитов на специальных условиях для социально уязвимых категорий граждан. Для этого разработаны специальные ипотечные программы, в рамках которых «ставка по кредиту, учитывающая субсидии на приобретение жилья, средства материнского (семейного) капитала, будет снижаться и к 2018 г. превысит инфляцию не более чем на 2,2 процентного пункта», что и фиксируется в Стратегии.

Таким образом, законодатель, издавая нормативно-правовые акты, направленные на регулирование ипотечных правоотношений, идет по пути создания норм, которые отражают сложившуюся ситуацию в экономической сфере жизни общества. Тем не менее, такой путь не всегда способен устранить коллизии и пробелы в законодательстве.

Одной из самых актуальных проблем, возникающих в сфере ипотечного жилищного кредитования, является раздел ипотечного долга бывших супругов.

Безусловно, молодые семьи являются активными заемщиками банков. Довольно часто предметом сделки выступает квартира (или иное жилое помещение). Приобретение недвижимости только на собственные средства супругов чаще всего является невозможной задачей. Поэтому в подобной ситуации единственным выходом может стать улучшение жилищных условий семей с использованием банковских продуктов, предлагающих на разных условиях предоставление ипотечных кредитов под залог приобретаемого жилья.

Такая модель покупки жилья в рамках современных реалий эффективна и целесообразна.

Особо отметим: ипотечные правоотношения носят длящийся характер. В период действия договора у заемщиков могут возникнуть различные обстоятельства, приводящие в том числе и к прекращению брака.

Так, в Ставропольском крае в 2013 г. состоялось 12 125 разводов на 20 877 заключенных браков, в 2014 г. число разводов составило 11 953 (при этом было зарегистрировано 19 876 браков), в 2015 г. количество расторгнутых браков – 10 826, а заключенных браков – 18 625 [7].

Почти в каждом бракоразводном процессе неизбежно возникает вопрос о разделе совместно нажитого имущества. Особую сложность представляют дела, связанные с наличием действующего ипотечного кредита, оформленного супругами с целью приобретения жилья.

Судебная практика по исследуемой категории дел неоднозначна. Безусловно, согласимся с Н. Яковлевым в том, что «основная сложность в ипотечно-бракоразводных делах вызвана непониманием сторон, а нередко и судами, вопроса о том, как правильно при разделе имущества и обязательств супругов должны совокупно применяться нормы семейного законодательства, устанавливающего общие правила раздела имущества супругов, и законодательства гражданского, содержащего нормы о залоге, переводе долга, изменении условий договора и солидарных обязательствах», и вслед за ним зададимся вопросом: «В чем состоит сложность правильного применения перечисленных норм и кто из бывших супругов должен платить по ипотечному кредиту в случае развода?» [6].

На основе действующего законодательства и правоприменительной практики судов Ставропольского края, попробуем разобраться в «правовых хитросплетениях» регулирования исследуемых правоотношений. Авторами была проанализирована значительная часть судебных решений за период с 2014 – по 2016 г.

Нередкой является ситуация, когда один из супругов единолично исполняет солидарную обязанность по погашению ипотечного кредита, то есть вносит определенную договором сумму в соответствии с установленным графиком платежей в полном объеме, а другой взятые обязательства не исполняет, при этом созаемщиками на основании договорных обязательств являются оба.

Заметим, даже если у заемщика достаточный доход и его хватает для оформления кредитного договора, банковское учреждение старается привлечь к оформлению займа и созаемщиков – это делает договор более надежным, риски банка значительно снижаются.

В таких случаях суды, основываясь на п.п. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ, в котором закреплено право должника, который исполнил солидарную обязанность предъявить регрессное требование к другим должникам, выносят решение о взыскании суммы задолженности с супруга, не исполнившего условия договора. (Решение Красногвардейского районного суда Ставропольского края по делу № 2-164/2016 от 28 марта 2016 г.; Решение Невинномысского городского суда Ставропольского края по делу №2-2595/14 от 23 декабря 2014 г.; Решение Промышленного районного суда города Ставрополя по делу 2-1472/2016 от 15 июля 2016 г.).

Некоторые добросовестные плательщики предъявляют в суд иски о взыскании суммы неосновательного обогащения в погашение ипотечного кредита с бывшего супруга. Тогда суды выносят решение в пользу истца в соответствии со ст. 1102 ГК РФ. В ней определено, что лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение).

Так, в судебном заседании Промышленного районного суда г. Ставрополя было установлено, что супругами Р.И.Ф. и Р.Р.А. был заключен договор купли-продажи объекта недвижимости (ипотека в силу закона), по которому покупатели приобрели в общую долевую собственность трехкомнатную квартиру по программе «Молодая семья» (ОАО «Сбербанк России»). Брак между ними был прекращен. Истица заявила требования о взыскании суммы неосновательного обогащения с бывшего супруга. В судебном заседании установлено, что обязательства по кредитному договору исполняет одна Р.И.Ф., что подтверждается имеющимися в материалах дела приходными кассовыми ордерами. В судебном заседании также было установлено, что ответчику принадлежит на праве собственности 1/2 доля в квартире, однако он не оплачивает задолженность по кредитному договору, в связи с чем суд считает иски о взыскании истца о взыскании неосновательного обогащения законными, обоснованными и подлежащими удовлетворению. (Решение Промышленного районного суда г. Ставрополя по делу № 2-9491/2015 от 14 декабря 2015 г.).

Довольно обширная категория судебных споров связана с рассмотрением исковых требований о разделе кредитных обязательств в случае, когда стороной кредитного договора является один из супругов. Чаще всего и пога-

шается кредит из средств только одного заемщика. Здесь акцентируем внимание на то, что доводы другого супруга о том, что он(она) не знали о факте приобретения недвижимого имущества с помощью кредитных средств, чаще всего будут признаны судом несостоятельными. Это объясняется тем, что Регистрирующий орган при оформлении сделки приобретения жилья с помощью кредитных средств, обязательно потребует нотариально удостоверенное Согласие на совершение супругом (супругой) сделки. Учитывая, что нормы семейного законодательства признают общими и долги супругов, даже если они возникли из сделок только одного из них, суды присуждают выплату по 1/2 части долга каждому из супругов. Отметим, общими такие долги являются только с точки зрения внутренних имущественных отношений супругов, необходимости учета и распределения этих долгов при разделе совместно нажитого имущества, то есть раздел общего долга между супругами не влечет изменения обязательств супруга по договору с третьими лицами. Сторона по кредитному договору должна продолжать самостоятельно исполнять взятые на себя обязательства по возврату кредита и процентов банку безотносительно к распределению общего долга между супругами. Возникшие в период брака обязательства по кредитным договорам, обязанности исполнения которых после расторжения брака лежат на одном из бывших супругов, могут быть компенсированы супругу путем передачи ему в собственность соответствующей части имущества сверх полагающейся ему по закону доли в совместно нажитом имуществе. При отсутствии такого имущества супруг-заемщик вправе требовать от второго супруга компенсации соответствующей доли фактически произведенных им выплат по кредитному договору. Истцы-заемщики могут заявлять требования об уплате соответствующей части всех платежей по кредиту, как фактически произведенных, так и будущих. Однако суды требования в отношении еще не состоявшихся платежей не удовлетворяют, считая их преждевременными (Решение Промышленного районного суда города Ставрополя по делу № 2-5355/2016 от 14 ноября 2016 г.; Решение Георгиевского городского суда Ставропольского края по делу №2-3264/2016 от 17 октября 2016 г.; Решение Изобильненского районного суда Ставропольского края по делу № 2-1351/2014 от 10 ноября 2014 г.).

Довольно распространено в банковской практике при заключении ипотечных договоров с одним супругом-заемщиком привлечение другого в качестве поручителя. Созаемщик и

поручитель – два разных понятия, которые нужно четко разграничивать. Основное отличие заключается в том, что поручитель обязан погашать задолженность, только если заемщик не выполнил свои обязательства. Созаемщик же обязан так же, как и основной заемщик, вносить регулярные платежи по ипотечному кредиту. Особо отметим, что если супруг-поручитель вносил платежи по кредиту вместо основного заемщика, то увеличения его доли в недвижимом имуществе не происходит (Решение Пятигорского городского суда Ставропольского края по делу №2-328/16 от 16 февраля 2016 г.).

Рассматривая варианты раздела ипотечного долга бывших супругов, безусловно, нельзя оставить без внимания интересы банка, который является кредитором и конечной целью деятельности которого является возврат переданных заемщику (или заемщикам) кредитных средств, с уплатой причитающихся по договору процентов. Банк имеет право потребовать исполнения обязательств как от всех заемщиков, так и от каждого в отдельности; как в полном размере долга, так и в его части. Очень распространено в судебной практике рассмотрение споров, предметом которых выступает раздел долгового обязательства между созаемщиками по возврату кредита и уплате процентов по нему. Подобный раздел нарушает права банка, так как влечет перемену лиц в обязательствах, изменяет форму ответственности по кредитным обязательствам с солидарной на долевую, что в силу ст. 391 ГК РФ возможно только с согласия другой стороны – кредитора. Отметим, что в большинстве судебных решений, исследованных авторами, кредитная организация согласия на раздел долга по кредитным обязательствам не дает.

Судебное рассмотрение дел, связанных с разделом общего имущества супругов и долга по ипотеке осуществляется с обязательным привлечением кредитной организации, предоставившей кредит, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора. В любом случае наличие спора между бывшими супругами о разделе совместно нажитого имущества в браке не может стать основанием для внесения изменений в действующий кредитный договор и не препятствует надлежащему исполнению одним или обоими солидарными должниками своих обязательств по кредитному договору.

Данный вывод подтверждается судебной практикой. Б.Л.Н. обратилась в суд с иском к Б.О.А. о разделе задолженности и процентов по кредитному договору. В обоснование заяв-

ленных требований истец указывает, что состояла в браке с ответчиком. В период брака был заключен кредитный договор между истцом и ответчиком и ОАО «Сбербанк России», согласно которому банк предоставил созаемщикам ипотечный кредит на приобретение недвижимости – жилого дома и земельного участка. Впоследствии брак между супругами был расторгнут. С момента расторжения брака ответчик отказался в равных долях с истицей ежемесячно погашать задолженность по кредитному договору, в связи с чем истица лично из своих собственных средств оплачивала часть кредита. Истица просила суд разделить задолженность и проценты по кредитному договору. Суд посчитал, что удовлетворение судом таких требований приведет к нарушению баланса интересов банка как кредитора, поскольку законодательство Российской Федерации не предусматривает в качестве основания для изменения кредитных договоров расторжение брака и раздел супружеского имущества.

Поэтому распределение долгов между бывшими супругами при разделе их совместно нажитого имущества посредством признания солидарного обязательства обоих супругов по погашению задолженности по кредитному договору долевым обязательством не соответствует действующему законодательству и фактически представляет собой перевод части долга (Решение Железноводского городского суда Ставропольского края по делу 2-332/2013 ~ М-311/2013 от 13 мая 2013 г.).

Нельзя оставить без внимания и судебную практику по аналогичным спорам, сложившуюся в других регионах России. Так, Н. Пластинина указывает: «... учитывая позицию банка-кредитора, руководствуясь сложностью осуществления реального раздела долгов по ипотечному кредиту, суды в большинстве случаев разрешают ситуацию следующим образом: не трогая все ранее выполненные обязательства по кредиту до расторжения брака, суд устанавливает сумму остатка к погашению по кредитному договору. Также производит оценку ипотечного жилья. Затем, если недвижимое имущество не подлежит разделу в натуре, присуждает его одному из супругов, обязав того выплатить второму супругу полагающуюся тому долю в определенной судом сумме. Заемщику оставляет все обязательства по кредиту, а второго супруга обязывает платить 1/2 суммы платежа по кредиту каждый месяц супругу, который остался заемщиком. При наличии желания супругов может быть произведен взаимозачет данных обмениваемых между ними

сумм. Если же по кредиту супруги выступают созаемщиками, они несут по кредитным обязательствам солидарную ответственность. Решение суда в этом случае почти такое же» [5].

Таким образом, на первый взгляд кажущаяся несложной ситуация с разделом ипотечного долга бывших супругов на практике оказывается иногда патовой. Обратим внимание на тот факт, что категорически недопустимо обращение взыскания на ипотечное имущество в том случае, когда бывшие супруги по ряду причин не могут осуществлять обязанности, установленные кредитным договором по внесению ежемесячных ипотечных платежей. Обращение взыскания представляется совершенно невыгодным и неприемлемым решением проблемы. Оно приводит к тому, что супруги лишаются жилья, и возврат уже внесенных за него денежных средств также становится невозможным.

По нашему мнению, чтобы максимально эффективно, планомерно и достойно решить вопрос о разделе ипотечного долга, во всех ситуациях супругам надо самим прийти к соглашению о порядке исполнения кредитного обязательства, при этом не забывая о правах кредитной организации. Договоренность супругов, очерченная рамками закона, безусловно, является наиболее цивилизованным спосо-

бом урегулирования спора. При недостижении согласия сторон в этом вопросе все же необходимо обращаться в суд.

Подводя итог исследованию, отметим: суд осуществляет рассмотрение конкретного существующего правоотношения на основе общего правила поведения, выраженного в законе, путем создания индивидуальной модели разрешения спора. Споры о совместно нажитом имуществе между бывшими супругами всегда представляли особую сложность для судей. Теперь исследуемая категория дел осложнена еще и наличием у бывших супругов общих долговых (кредитных) обязательств. Единообразия в вынесенных судебных решениях о разделе ипотечного долга нет. Думаем, сегодня назрела необходимость в разъяснении Верховным Судом РФ судебной практики по рассматриваемой категории споров, учитывая их значительную специфику. Особо отметим, что содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ разъяснения по вопросам судебной практики обязательны для судов, поскольку такие разъяснения, основанные на требованиях закона, способствуют правильному толкованию и единообразному применению закона на всей территории Российской Федерации и помогают избежать судебных ошибок.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.02.2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 07.02.2017).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 30.12.2015) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 30.12.2015).
3. Федеральный закон от 16.07.1998 №102-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» // Российская газета. 22.07.1998. №137.
4. Распоряжение Правительства РФ от 08.11.2014 № 2242-р (ред. от 10.02.2017) «Об утверждении Стратегии развития ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 24.11.2014. № 47. Ст. 6575.
5. Пластинина Н. Ипотека и споры вокруг нее // Жилищное право. 2014. № 2. С. 97–112.
6. Яковлев Н. Ипотека и развод – анализ споров: кто платит при разводе? // Жилищное право. 2016. №1. С. 63–69.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/> (Дата обращения: 30.12.2015).

References

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 No. 51-FL (07.02.2017) (*The civil code of the Russian Federation (part one)*). URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Semyeynyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 29.12.1995 No. 223-FL (30.12.2015) (*Family code of the Russian Federation*). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Accessed: 30.12.2015).
3. Federal'nyy zakon ot 16.07.1998 N 102-FL (03.07.2016) «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» (*On mortgage (pledge of real estate)*) // Rossijskaja gazeta. 22.07.1998. No. 137.
4. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 08.11.2014 No. 2242-r (10.02.2017) «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya ipotechnogo zhilishchnogo kreditovaniya v Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda» (*On approval of Development strategy of mortgage housing crediting in the Russian Federation till 2020*) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 24.11.2014. No. 47. Art. 6575.
5. Plastinina N. Ipoteka i spory vokrug nee (*Mortgages and controversy around it*) // Zhilishhnoe pravo. 2014. No. 2. P. 97–112.
6. Yakovlev N. Ipoteka i razvod – analiz sporov: kto platit pri razvode? (*Mortgage and divorce – disputes: who pays in the divorce?*) // Zhilishhnoe pravo. 2016. No. 1. P. 63–69.
7. Ofitsial'nyy sayt Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki (*Official site of Federal state statistics service*). URL: <http://www.gks.ru/> (Accessed: 30.12.2015).

УДК 349.227:351.74

Л. Г. Махаева

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УВОЛЬНЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ НОРМ

В статье проанализированы проблемы квалификации проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, складывающиеся при рассмотрении споров об увольнении со службы. Данным проступком признается недостойное поведение сотрудника, в том числе и во внеслужебное время, которое подрывает или умаляет авторитет органа внутренних дел. В настоящее время отмена Кодекса профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел не препятствует возможности увольнения сотрудников за нарушение морально-этических норм, законность и обоснованность увольнения в таких случаях не может ставиться в зависимость от последующей возможности прекращения в отношении сотрудника уголовного преследования или производства по делу об административном правонарушении. Действующее законодательство

не относит проступок, порочащий честь и достоинство, к числу дисциплинарных проступков, определяя, что увольнение в данном случае относится к числу самостоятельных оснований для расторжения контракта, и в этой связи не предоставляет альтернативы работодателю для применения мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных нормативно-правовыми актами, регулирующими сферу органов внутренних дел.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, органы внутренних дел, сотрудник органов внутренних дел, профессиональная этика, морально-этические нормы, проступок порочащий честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, споры по делам об увольнениях сотрудников органов внутренних дел, увольнение.

L. G. Makhaeva

CHALLENGING ISSUES OF DISMISSING INTERNAL AFFAIRS AGENCIES EMPLOYEES DUE TO THE VIOLATION OF PROFESSIONAL-ETHIC NORMS

The article analyzes the problems of qualifying the offense discrediting the honor and dignity of the employee of the internal affairs bodies, which arise during the consideration of disputes about dismissal from the service. The misconduct is defined as undignified behavior of an employee, including during off-duty time, which undermines or detracts from the authority of the internal affairs body. At present, the abolition of the Code of Professional Ethics for the employees of the internal affairs bodies does not prevent the possibility of dismissing employees of the internal affairs bodies for violation of moral and ethical norms and in each case the legality and validity of dismissal can not be made dependent on the subsequent possibility of termination with respect to the criminal prosecution

officer or proceedings in the case of an administrative offense. Acting legislation does not include misconduct, discrediting honor and dignity to the number of disciplinary offenses, determining that dismissal in this case is one of the independent grounds for the termination of the contract, and in this regard does not provide an alternative to the employer for applying for disciplinary measures stipulated by legal acts, which regulate the sphere of internal affairs agencies.

Key words: public service, civil servant, internal affairs bodies, police officers, professional ethics, moral and ethical standards, misconduct defaming the honor and dignity of an employee of the internal affairs agencies, disputes over dismissals of employees of the internal affairs agencies, dismissal.

Проблемы дисциплинарной ответственности государственных служащих актуальны на всем этапе реформирования системы государственной службы и проводимых административных реформ, поскольку играют важную роль в рамках происходящих процессов демократизации социально-экономической и политической жизни

общества. В этой связи закрепление принципа профессионализма в организации и деятельности государственного аппарата прежде всего направлено на качественное и профессиональное осуществление государственными служащими своих обязанностей и в комплексе возложенных на тот или иной орган функ-

ций и полномочий, соблюдение юридических и нравственно-этических норм в служебной деятельности. В свою очередь, необходимым и неотъемлемым условием успешного функционирования демократического института государственной службы и развития исполнительной системы власти в нашей стране является эволюция законодательства об ответственности государственных служащих.

Многие ученые-административисты рассматривают дисциплину как одну из форм общественной связи, свидетельствующей о признании и соблюдении служащим установленных, норм и правил поведения, служебного общения, а также ведения и исполнения порученных ему дел. При этом многие тесно связывают дисциплину с законностью, рассматривая последнюю как одно из средств ее обеспечения. Данная точка зрения представляется отчасти верной, ведь зачастую неисполнение (ненадлежащее) исполнение служащими своих должностных обязанностей и несоблюдение исполнительской дисциплины приводит к нарушениям законности. Дисциплина во многом обеспечивается применением мер юридической ответственности. Вместе с тем анализ оснований увольнения сотрудников, находящихся на государственных структурах, позволяет говорить о том, что в последние годы сотрудники увольняются с нарушениями связанными с поведением вне службы, то есть не связанными со служебной дисциплиной, но одновременно подрывающими авторитет государственного органа, вызывающие большой общественный резонанс.

Возвращаясь к вопросу об ответственности, следует отметить, что на современном этапе для поддержания нерушимости конституционного строя и безусловного соблюдения законов в отношениях между государственными служащими и гражданским обществом ответственность призвана играть роль обратной связи, с помощью которой обеспечивается должное поведение его субъектов. Отдельными блоками такой ответственности выделяют – юридическую (правовую) и моральную ответственность государственных служащих. (2) Объединяет между собой указанные виды ответственности свойство, отражающее правильное понимание служащим лежащих на нем обязанностей, внимательное отношение к ним. Отличительной же чертой их является форма и вид требований, предъявляемых к лицу в процессе исполнения им своих обязанностей, мерах, применяемых для обеспечения исполнения им своих обязанностей, а также мер взысканий и наказаний лица в случаях нарушения требований

закона или норм морали. В настоящее время в системе правоохранительных органов установлены требования к соблюдению сотрудниками морально-этических норм, отраженных в кодексах этики служебного поведения (Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного Комитета Российской Федерации, Кодекс этики и служебного поведения должностных лиц таможенных органов Российской Федерации и т. д.).

В целом требования к поведению государственного служащего изложены в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон о государственной службе) [5], одновременно статья 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе) определяет [6], что на сотрудников органов внутренних дел распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Законом о государственной службе, который определяет, что государственный гражданский служащий обязан не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство (ст. 18).

В свою очередь, увольнение за совершение проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, предусмотрено п. 9 ч. 3 ст. 82 Закона о службе определяющей, что за данное деяние сотрудник подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел, а контракт – расторжению. В этой связи следует отметить, что само по себе совершение проступка, порочащего честь и достоинство, не совместимо с дальнейшим прохождением службы в органах внутренних дел и является самостоятельным основанием для увольнения, поскольку ч. 3 ст. 82 названного закона определены основания для расторжения контракта, не зависящие от воли сторон, таким образом законодатель не оставляет для представителя работодателя (руководителя) выбора мер дисциплинарного воздействия на такого сотрудника, кроме как увольнение со службы.

При этом в практике зачастую приходится сталкиваться с трудностями в квалификации таких проступков ввиду отсутствия нормативно утвержденного понятия «проступок, порочащий честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел», что предоставляет большую свободу в квалификации тех или иных деяний сотрудника органов внутренних дел в качестве проступка, порочащего честь и достоинство.

Кодексом профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. №1138 (в 2013 г. данный Кодекс был признан утратившим силу), предусматривалось, что поведение сотрудника всегда и при любых обстоятельствах должно быть безупречным, соответствовать нравственно-этическим принципам стража правопорядка. П. 2 ст. 3 Кодекса устанавливал, что наряду с моральной ответственностью сотрудник, допустивший нарушение профессионально-этических принципов, норм и совершивший в связи с этим правонарушение или дисциплинарный проступок, несет дисциплинарную ответственность. Данные положения идут вразрез с положениями действующих нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере органов внутренних дел, не относящихся к проступкам, порочащим честь и достоинство, к числу дисциплинарных проступков, и в последующем необходимость переработки отдельных положений данного Кодекса с целью приведения их в соответствие действующим нормам в указанной сфере правового регулирования, вероятней всего, и послужила основанием для его отмены и признания утратившим силу.

При этом, п. 2 приказа МВД России от 31 октября 2013 г. № 883 в настоящее время предусмотрено, что до издания соответствующего Кодекса профессиональной этики в системе МВД России следует руководствоваться Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренного решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21).

В Типовом кодексе этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации установлено, что государственные служащие призваны среди прочего соблюдать установленные нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения; воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении государственным служащим должностных обязанностей, а также избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа. При этом данный кодекс не является нормативно-правовым актом, он не проходит регистрацию в Министерстве юстиции Российской Федерации, и поэтому нельзя утверждать, что он носит общеобязательный характер для всех государственных служащих, поскольку и сам Закон о государственной службе не содер-

жит прямой отсылочной нормы, указывающей на императивный характер положений закрепленных в названном Кодексе этики, что, на наш взгляд, весьма затрудняет правоприменение его положений и на практике. Зачастую на практике указанное используется сторонами при разрешении споров об увольнении в качестве аргумента, с обоснованием, что нормативно-правовые акты, затрагивающие права и обязанности гражданина, подлежат обязательной государственной регистрации.

Закон о службе, определяющий порядок прохождения службы в органах внутренних дел, не дает самого определения проступка, поскольку не регулирует отношения, возникающие вне службы, и не относит его к видам дисциплинарных проступков в системе органов внутренних дел (далее – ОВД), а лишь указывает что, в силу п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел – увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. Также Закон о службе не предусматривает специальной процедуры увольнения в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, определяя, что данный проступок нельзя отнести к числу дисциплинарных в системе ОВД, и как следствие не применяет пресекательных сроков, установленных Законом о службе, определяющих порядок привлечения к дисциплинарной ответственности.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что в настоящее время отсутствует ведомственный кодифицированный свод правил поведения, адресованный конкретно сотрудникам органов внутренних дел, что вызывает существенные трудности в определении того или иного деяния как проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел. Разнообразие фактических обстоятельств и ситуаций, а также отсутствие исчерпывающего перечня таких проступков не позволяет применять нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. И в целом под проступком понимается несоблюдение сотрудником добровольно принятых обязательств и запретов, предусмотренных законодательством. Зачастую руководители органов внутренних дел представляют к увольнению сотрудников по данному основа-

нию и в связи с совершением сотрудником административного правонарушения или преступления, полностью отождествляя проступок с составом преступления или правонарушения, что в целом противоречит требованиям законодательства, поскольку нарушает принцип недопустимости (запрета) «двойной ответственности» лица за совершение одного и того же деяния, а также определения самого проступка, порочащего честь, достоинство сотрудника органов внутренних дел, который должен выражаться прежде всего в нарушении морально-этических, нравственных норм.

Относительно процедуры увольнения по таким основаниям следует учитывать, что ч. 2 ст. 3 Закона о службе установлено, что к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства в случае отсутствия в нем урегулирования таких вопросов. Поскольку процедура увольнения за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, нормативными правовыми актами не регламентирована, актуальным представляется обращение к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в постановлении «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [4]. В соответствии с п. 47 данного постановления в случаях, если виновные действия, дающие основания для утраты доверия, либо аморальный проступок совершены работником вне места работы или по месту работы, но не в связи с исполнением им трудовых обязанностей, то трудовой договор так же может быть расторгнут с ним в срок не позднее одного года со дня обнаружения проступка работодателем. То есть, суд указывает, что в любом случае работодателем должны соблюдаться установленные законом сроки [2].

Одновременно, анализируя основания для обращения в суды уволенных сотрудников с исками о восстановлении на службе, можно сделать вывод о том, что отсутствие четко определенных законодателем понятий проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, позволяет сотрудникам, уволенным по такому основанию, усомниться в законности принятого решения и обжаловать увольнение в судебном порядке, а также позволяет судам давать свою субъективную оценку действиям сотрудников, порой без учета принципов деятельности полиции, дополнительных специфических требований к служебному и внеслужебному поведению сотрудников, без учета их правового и социального статуса, обязанностей, установленных для сотрудников Федеральным

законом Российской Федерации «О полиции» [7], Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Вместе с тем имеющаяся судебная практика свидетельствует о том, что принятие решений об увольнении сотрудников по «отрицательным» основаниям возможно только при наличии допустимых, относимых доказательств вины сотрудников, доказательств – независимых от следственных действий и процессуальных решений следственных органов, принятых в рамках уголовно-процессуального производства и только при безусловном соблюдении установленной процедуры увольнения. Рассмотрим более подробные примеры из практики.

Так, приказом начальника Управления МВД России по региону старший лейтенант полиции З. был уволен из органов внутренних дел на основании п. 9 ч. 3 ст. 82 Закона о службе в органах внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органа внутренних дел, выразившегося в управлении транспортным средством в состоянии опьянения, будучи не вписанным в страховой полис и без водительского удостоверения. Материалами проведенной служебной проверки было установлено, что ранее инспекторами районной дорожно-патрульной службы ОГИБДД ОМВД России на проселочной дороге была остановлена автомашина под управлением инспектора городского ЦИАЗ УМВД России З., от которого исходил резкий запах алкоголя. В присутствии двух понятых З. было предложено пройти медицинское освидетельствование, в результате которого у З. было установлено состояние опьянения. Кроме того, при проверке документов выяснилось, что у З. отсутствует водительское удостоверение и он не внесен в страховой полис ОСАГО транспортного средства, которым управлял. Позднее постановлением мирового судьи производство по делу об административном правонарушении в отношении З. прекращено за истечением сроков давности.

Суд отказал З. в удовлетворении иска, правильно определив юридически значимые для дела обстоятельства, исследовал представленные сторонами доказательства, произвел проверку совершения истцом проступка, приведенного в представлении к увольнению из органов внутренних дел, и процедуру увольнения и пришел к выводу об обоснованности увольнения, указав на то, что истец был уволен за совершение им проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника органа внутренних дел, а не за совершение им административного

правонарушения. Поэтому наличие либо отсутствие вступившего в законную силу постановления по делу об административном правонарушении правового значения для разрешения спора по существу не имеет, так как в результате проведения служебной проверки установлено несоблюдение 3. добровольно принятых на себя обязательств, предусмотренных законодательством, определенных особым правовым статусом сотрудника полиции.

Так, например, сотрудник ОВД, управляя личным транспортным средством во внеслужебное время, совершает проезд на запрещающий сигнал светофора, за что привлекается к административной ответственности, должен ли он нести за эти действия дисциплинарную ответственность и можно ли в его действиях усмотреть проступок, порочащий честь и достоинство сотрудника органа внутренних дел, выразившийся в пренебрежении правилами дорожного движения? Полагаем, в этой ситуации необходимо учитывать, что действия сотрудника полностью тождественны составу административного правонарушения, за которое сотрудники ОВД несут административную ответственность на общих основаниях, в связи с чем применение работодателем мер ответственности к такому нарушителю не будет отвечать принципу справедливости.

В то же время привлечение сотрудника органа внутренних дел к административной ответственности не исключает возможности привлечения его к ответственности работодателем. Так, например, за совершение административного правонарушения, выразившегося в управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, сотрудник будет нести не только административную ответственность, но и ответственность за нарушение этических требований, поскольку управление транспортным средством в состоянии опьянения явно не соответствует требованиям, предъявляемым к поведению сотрудника органов внутренних дел и должно расцениваться как совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, независимо от того, совершен проступок при осуществлении служебной деятельности или во внеслужебное время.

Неоднократно Конституционным Судом Российской Федерации, в том числе в Постановлении от 6 июня 1995 г. № 7-П разъяснено(3), что служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполне-

нием конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, а также специфическим характером деятельности указанных лиц.

В этой связи рассмотрим еще один пример из судебной практики, связанный со спором о восстановлении на службе в органах внутренних дел в связи с увольнением за проступок, порочащий честь и достоинство сотрудника, так в региональный Отдел МВД России поступило поручение дознавателя ОД ОП регионального Управления МВД России об установлении лица, нанесшего телесные повреждения гражданину М. В ходе допроса потерпевший М. показал, что лицо, которое нанесло ему телесные повреждения, является сотрудником полиции по фамилии М. Опрошенный по данному факту инспектор пояснил, что он телесные повреждения никому не причинял и в драке с неизвестным ему гражданином не участвовал, однако в беседе, проведенной руководством сообщил, что он находился на спортивной площадке во дворе дома со своими родственниками, с неизвестным ему гражданином у него завязалась словесная перебранка, которая впоследствии переросла в драку, о данном происшествии он не ставил в известность своих руководителей, в дежурную часть не обращался. О совершении М. указанного проступка руководству Отдела стало известно из поручения дознавателя. Факт проступка, выразившегося в недостойном поведении в быту – провокации конфликта, сопряженного с втягиванием в драку гр. М. служебной проверкой впоследствии был установлен, в том числе свидетельскими показаниями, что и послужило основанием увольнения М. из органов внутренних дел. В связи с этим суд, отменяя решение суда первой инстанции об удовлетворении исковых требований М. о восстановлении на службе в органах внутренних дел, указал на то, что отказ в возбуждении уголовного дела, как и само возбуждение уголовного дела, не является основанием для увольнения сотрудника в связи с совершением проступка, порочащего его честь, так как виновность в совершении преступления устанавливается вступившим в законную силу обвинительным приговором суда, а не выводами служебной проверки. Таким образом, проступком, порочащим честь

сотрудника органов внутренних дел, судебная практика признает недостойное, некорректное и агрессивное поведение сотрудника, умаление авторитета органа внутренних дел, широкий общественный резонанс совершения сотрудником того или иного деяния.

Из содержания приведенных норм с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации следует, что в случае совершения сотрудником органов внутренних дел проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, он подлежит безусловному увольнению, а контракт с ним – расторжению. Применение других мер ответственности в данном случае невозможно, поскольку закон не предоставляет руководителю органа внутренних дел права избрания для такого сотрудника иной более мягкой меры ответственности, чем увольнение из органов внутренних дел, так как возможность увольнения сотрудников органов внутренних дел за совершение проступка, порочащего честь сотрудника органов внутрен-

них дел, обусловлена особым правовым статусом указанных лиц.

Завершая рассмотрение ряда проблем, связанных с ответственностью за совершение проступка, порочащего честь и достоинство в системе государственной службы, представляется целесообразным и актуальным принятие единого правового акта, который кодифицировал бы все имеющиеся этические нормы в системе государственной службы. Кроме того, необходимо отметить, что для совершенствования законодательства в этой сфере необходимо учесть позитивный зарубежный опыт в части совершенствования системы отбора и подготовки кадров, которая будет позволять диагностировать профессионально важные личностные качества кандидата, исходя из оценки его умений и навыков, способностью реагировать в различных ситуациях, что в определенной степени позволит прогнозировать успешность деятельности кандидата в той или иной службе.

Литература

1. Абрамова О. В. К вопросу о разграничении мер защиты и мер ответственности в трудовом праве // Журнал Российского права. 2009. № 5. С. 7–8.
2. Государственная дисциплина и ответственность / под ред. Л. И. Антоновой, Б. И. Кожонина. Л.: ЛГУ, 2000. 230 с.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.06.1995 №7-П «По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апреля 1991 года «О милиции» в связи с жалобой гражданина В. М. Минакова» // Российская газета. 15.06.1995. № 114.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 31.12.2006. № 297.
5. Федеральный закон от 27.07.2004 №79-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 31.07.2004. № 162.
6. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 07.12.2011. № 275.
7. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О полиции» // Российская газета. 08.02.2011. № 25.

References

1. Abramova O. V. K voprosu o razgranichenii mer zashchity i mer otvetstvennosti v trudovom prave (*On delineation of protection measures and measures of responsibility in labor law*) // Zhurnal Rossiyskogo prava. 2009. No. 5. P. 7–8.
2. Gosudarstvennaya distsiplina i otvetstvennost' (*State discipline and responsibility*) / ed by Antonova L. I., Kozhonin B. I. Leningrad: LSU publ., 2000. 230 p.
3. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 06.06.1995 № 7-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti abzatsa 2 chasti sed'moy stat'i 19 Zakona RSFSR ot 18 aprelya 1991 goda «O militsii» v svyazi s zhaloboy grazhdanina V. M. Minakova» (*Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.06.1995 No. 7-P «On the case on the verification of the constitutionality of paragraph 2 of part seven of Article 19 of the Law of the RSFSR of April 18, 1991» On the Police» in connection with the complaint of citizen V. M. Minakova*) // Rossiyskaya gazeta. 15.06.1995. No.114.
4. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 17.03.2004 № 2 (red. ot 24.11.2015) «O primeneni sudami Rossiyskoy Federatsii Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» (*Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004 No. 2 (as amended on November 24, 2015) «On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation»*) // Rossiyskaya gazeta. 31.12.2006. No. 297.
5. Federal'nyy zakon ot 27.07.2004 №79-FZ (red. ot 03.07.2016, s izm. ot 19.12.2016) «O gosudarstvennoy grazhdanskoj sluzhbe Rossiyskoy Federatsii» (*Federal Law No. 79-FZ of July 27, 2004 (as amended on July 3, 2016, as amended on December 19, 2016) «On the Civil Service of the Russian Federation»*) // Rossiyskaya gazeta. 31.07.2004. No. 162.
6. Federal'nyy zakon ot 30.11.2011 №342-FZ (red. ot 03.07.2016) «O sluzhbe v organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii» (*Federal Law No. 342-FZ of 30 November 2011 (as amended on 03.07.2016) «On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation»*) // Rossiyskaya gazeta. 07.12.2011. No. 275.
7. Federal'nyy zakon ot 07.02.2011 №3-FZ (red. ot 03.07.2016) «O politzii» (*Federal Law No. 3-FZ of 07.02.2011 (as amended on 03.07.2016) «On the Police»*) // Rossiyskaya gazeta. 08.02.2011. No. 25.

УДК 347.6(460)

С. Н. Медведев

РЕФОРМА СЕМЕЙНОГО ПРАВА В ИСПАНИИ

Статья посвящена реформе семейного права Испании, проводившейся в течение последних сорока лет, начиная с принятия Конституции 1978 г. Были приняты 16 законов, которые глубоко изменили содержание испанского семейного права. Было установлено равенство супругов, родительская власть теперь принадлежит не отцу, как раньше, а обоим родителям; в католической стране был разрешен развод, провозглашено равенство

детей, рожденных в браке и вне брака, усилена защита детства и материнства, был допущен однополый брак; внесены изменения в имущественные и алиментные отношения супругов и детей.

Ключевые слова: семейное право, брак и его формы, новые законы в области семейного права, изменение правового положения супругов и детей, усиление защиты материнства и детства.

S. N. Medvedev

THE REFORM OF FAMILY LAW IN SPAIN

The article is devoted to the reform of family law in Spain, which has been realized over the last forty years, starting with the adoption of the Constitution in 1978 16 laws were adopted, which changed the content of the Spanish family law profoundly. Equality between spouses has been established. Parental authority now belongs parents rather than exclusively to a father. Divorce was allowed in a Catholic country, the equality of children born in and out of wed-

lock has been proclaimed, protection of children and mothers has been strengthened, same-sex marriage was allowed; changes were made to the property and alimony relations of spouses and children.

Key words: family law, marriage and its forms, new laws in the area of family law, a change in the legal status of spouses and children, strengthening of maternal and child protection.

Конституция Испании 1978 г. наметила пути построения нового политического режима после долгого правления генерала Франко. В связи с этим она закрепила новые принципы семейного права. До этого природа брака рассматривалась как божественное таинство, семейное право было монополизировано католической церковью, развод был запрещен. В семье абсолютная власть принадлежала мужу, права жены ограничивались. Существовала полная идентичность брака и семьи. Это приводило к дискриминации детей, рожденных в браке и вне брака. Отыскание отцовства запрещалось [18, р. 1]. Анахронизм испанской семьи был очевиден. Говорили о кризисе традиционной испанской семьи [20, р. 2].

«Учитывая новые события в этом меняющемся мире, – пишут испанские цивилисты Л. Диес-Пикасо и А. Гуллон, – правила о семье, которые содержатся в Гражданском кодексе, стали казаться анахронизмом и должны быть изменены» [17, р. 39].

Испания так или иначе присоединилась к международным конвенциям, которые провозглашали новые, прогрессивные принципы:

– все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах [2];

– человеческое достоинство неприкосновенно [6];

– все формы дискриминации женщин должны быть ликвидированы [7].

Международное сообщество много внимания уделяет заботе и защите детей. Женевская декларация прав ребенка от 26 ноября 1924 г. выработала 5 принципов, направленных на то, чтобы обеспечить ребенку необходимые средства для его развития как физического, так и духовного [5].

Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. объявила 10 принципов, из которых 8-й принцип призывает: «Ребенок должен при всех обстоятельствах быть среди тех, кто первым получает защиту и помощь» [3]; а Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. указывает, что «ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания» [8].

Эти декларации о правах и защите ребенка не могли не повлиять на правосознание ис-

панской общественности. Вступление Испании в Европейский союз также вело к реформам семейного права. Амстердамский договор от 1 мая 1999 г. провозглашал социальную защиту, равенство мужчины и женщины [1].

Европейская Хартия основных прав Европейского союза, вошедшая затем составной частью в Конституцию Европейского союза, устанавливала: запрещается всякая дискриминация женщин, провозглашается равенство мужчин и женщин, дети имеют право на защиту и достойную жизнь [2].

Все это и вызвало реформу семейного права в Испании.

1. Понятие семьи. Ни Конституция Испании 1978 г., ни Гражданский кодекс 1889 г. не дают определения семьи. Но теория гражданского права определяет семью как «союз физических лиц, соединенных между собой супружескими связями и родством» [18, р. 1]. М. Альбаладехо под семьей понимает группу лиц, объединенных браком и детей, которые находятся под их властью или эмансипированных, но не покинувших родительский дом [11, р. 491].

Когда в современном испанском праве говорят о семье, имеют в виду индивидуальную семью (*familia nuclear*), хотя существует много различных форм.

2. Семья основана на браке (*matrimonio*). Ст. 44 Гражданского кодекса о браке в старой редакции гласит: «Мужчина и женщина имеют право заключать брак в соответствии с положениями настоящего кодекса» [12, р. 54]. Но Закон 13/2005 г. добавляет второй пункт ст. 44: «Брак будет иметь те же требования и последствия, когда оба брачующихся были одного же или другого пола» [19, р. 23632].

3. Конституционные принципы семейного права Испании. Ст.ст. 32 и 39 Конституции Испании 1978 г. закрепляют основные принципы семейного права. Первая статья указывает, что «мужчина и женщина имеют право заключить брак на равных правах», указав, что закон регулирует формы брака, возраст и способность заключить его, права и обязанности супругов, основания раздельного жительства и развод и его правовые последствия [13, р. 6].

В соответствии со ст. 39 публичная власть обеспечивает защиту семьи (социальную, экономическую и правовую) и детей, которые являются абсолютно равноправными перед законом, рожденные в браке или вне брака [13, р. 7].

Конституция охраняет материнство в равной степени замужних или одиноких матерей.

Ст. 16 п. 3 Конституции провозглашает свободу вероисповедания, что означает, что ни

одна религия в Испании не является официальной.

В других статьях Конституции, кроме того, провозглашается:

– защита чести и достоинства (ст. 18 п. 1); защита личной и семейной интимной жизни, фотоизображения. Закон ограничивает пользование семейной информацией (ст. 18, п. 4);

– публичная власть гарантирует права, которые предоставляются родителям для воспитания своих детей в религиозном и моральном духе (ст. 27, п. 3);

– учителя, родители и в некоторых случаях дети принимают участие в управлении учреждениями, находящимися под контролем государства (ст. 27, п. 7);

– право на труд и получение достойной оплаты труда, выбор профессии и никакой дискриминации по половому признаку (ст. 35, п. 1).

4. Основные положения Конституции дали толчок глубокой **реформе испанского семейного права**. За период с 1881 по 2007 гг. были приняты 16 законов.

5. Гражданский кодекс Испании регулирует семейное право в первой книге «О лицах». Ему посвящены титулы IV–XII «О браке» (ст.ст. 42–107); V «Отцовство и родство» (ст.ст. 108–141); VI «Об алиментах родственников» (ст.ст. 142–153); VII «Об отношениях родителей и детей» (ст.ст. 154–180); VIII «Об отсутствии (супругов)» (ст.ст. 181–198); IX «Об утрате дееспособности» (ст.ст. 199–214); X «Об опеке, попечительстве защите несовершеннолетних или недееспособных» (ст.ст. 215–313); XI «О совершеннолетии и эмансипации» (ст.ст. 314–324); XII «О регистрации гражданского состояния» (ст.ст. 325–332).

6. Семья обозначается термином «familia». По свидетельству испанских юристов, это название семьи произошло в римском праве от слова «*famel* – раб» [2, с. 42–43]. По всей вероятности, положение домочадцев в римской семье было такое же, как и рабов. Связь в испанской семье основывается на кровном родстве родителей и детей (*el vinculo de parentesco matrimonial de sange*) и на началах свойства супругов (*vinculo de parentesco politico (afinidad)*), а также на усыновлении (*parentesco adoptivo*).

Семья, регулируемая правом, является юридическим институтом, но прежде она является социальным институтом, так как она считается основой общества. Семейное право представляет собой совокупность правовых норм, которые регулируют наиболее важные семейные отношения. Оно регулирует отношения супругов, родителей и детей, личные иму-

щественные отношения между ними, институты охраны семьи: родительскую власть, опеку и попечительство.

Испанское семейное право характеризуется следующими чертами:

– ни одна отрасль права не подвержена такому влиянию религии и морали в испанском праве, как семейное право;

– большинство норм семейного права носят императивный характер, которые ограничивают волю участников семейных правоотношений;

– в семейном праве многочисленны нормы не имеют санкций или санкции ослаблены (*sancion atenuada*).

7. Брак и его виды. В испанском праве брак именуется «*matrimonium*». Этот термин имеет два значения: юридический акт (*acto*) и состояние (*estado*).

Брак в Испании характеризовался единством и неразрывностью (*unidad e indivisibilidad*). Но это было до реформы семейного права. Теперь после реформы 1981 г. принцип неразрывности утратил свое значение в связи с установлением развода. Испанское семейное законодательство признает две формы брака: гражданский и церковный. Последний регулируется нормами канонического права, если в брак вступают католики. Лица другого вероисповедания также могут заключить религиозный брак (ст. 60 ГК). Но все формы брака признаются действительными после регистрации в Гражданском Регистре (ст. 61 ГК). Испанское семейное право знает секретный брак, запись о котором вносится в специальную книгу Регистрации актов Гражданского состояния (ст. 64 ГК).

Свод канонического права 1983 г. брак гласит: «Брачный договор (*matrimoniale foedus*) – это договор, с помощью которого мужчина и женщина устанавливают между собой товарищество на всю жизнь, следуя самой природе добродетельных крещенных супругов рожать и воспитывать детей, что было признано Христом Господом достойным таинством [14, Canon 1055, p. 408].

Для церковного брака установлен следующий возраст: для мужчин – 16 лет, а для женщин – 14 (Can. 1083). Молодые люди должны быть крещеными по католическому обряду, в противном случае брак будет недействительным (Can. 1086).

В светском браке возраст установлен с 16 лет, но возможен и с 14 лет при условии эмансипации несовершеннолетнего (ст. 48).

В религиозном браке развод не допускается (Can. 1134 – *Ex valido matrimonio enascitur*

inter coniuges vinculum natura sua perpetuum et exclusivum...)). Но по светским испанским законам развод возможен для религиозного брака.

Брак в любой форме признается недействительным в следующих случаях:

1) брак, заключенный без согласия жениха и невесты; условия, время и способ получения соглашения являются недействительными;

2) брак, заключенный между неэмансипированными несовершеннолетними;

3) брак тех, кто уже связан брачными узами;

4) брак кровных родственников по прямой линии или усыновленными;

5) брак боковых кровных родственников до третьей степени;

6) брак осужденных за участие в умышленной смерти супруга или лица, с которым супруг состоял в близких отношениях.

8. Личные отношения супругов. Супруги равны в правах и обязанностях; должны уважать и помогать друг другу и действовать в интересах семьи; обязаны жить вместе, хранить верность и помогать друг другу; они должны разделять обязанности, заботу и внимание восходящим и нисходящим и другим лицам, находящимся на иждивении; ни один из супругов не должен представлять другого без его согласия.

По испанскому законодательству неразведенные супруги могут жить раздельно. Такое жительство может устанавливаться судом и по согласию сторон. Судебное решение о раздельном жительстве супругов принимается, когда имеются несовершеннолетние не эмансипированные дети и в некоторых других случаях. Такое решение принимается по просьбе обоих родителей или одного с согласия другого, когда прошло 3 месяца с момента заключения брака с учетом положений ст. 90 ГК. По просьбе одного из супругов – по истечении 3 месяцев, когда существовала опасность для жизни, физической неприкосновенности, свободы, нравственности или сексуальной свободы и неприкосновенности (ст. 81).

Супруги также могут договориться об их разделении по взаимному согласию через 3 месяца после вступления в брак. Об этом составляется договор с помощью адвоката или нотариуса.

Примирение сторон прекращает раздельное жительство. Оба супруга в отдельности ставят в известность судью. Если примирение состоялось без всякого судебного вмешательства, супруги составляют об этом публичный акт или акт демонстрации примирения, который вносится в Регистр актов гражданского состояния (ст. 84).

9. Алиментные обязательства родственников. Под алиментами понимается все то, что необходимо для пропитания, проживания, расходы на одежду и медицинскую помощь. Алименты также включают расходы на образование и воспитание малолетнего, пока несовершеннолетний не закончит обучение. К алиментам относятся расходы по беременности и родам (ст. 142 в редакции Закона 11/1981 от 13 мая).

Обязаны оказывать взаимную поддержку, уплачивая алименты:

- 1) супруги;
- 2) восходящие;
- 3) нисходящие;
- 4) братья также должны оказывать необходимую помощь (ст.143).

Размеры алиментов зависят от доходов плательщика алиментов и потребностей получателя.

Алименты предоставляются в следующем порядке:

- супруге или супругу;
- нисходящим ближайшей степени;
- восходящим также ближайшей степени.

Среди нисходящих и восходящих очередность получения алиментов определяется порядком призвания к наследованию по закону;

– братьям и сестрам, но в последнюю очередь.

Закон устанавливает два вида алиментов: широкие и ограниченные. Ограниченные элементы призваны, чтобы обеспечить минимально приемлемый уровень жизни. Широкие алименты должны обеспечить не только минимальный уровень жизни, но и создать некоторое благополучие для получателя алиментов и даже (ст.142).

Широкие алименты получают (ст.ст. 143 и 108, п. 2):

- 1) супруги;
- 2) нисходящие и восходящие, а также усыновленные.

Ограниченные алименты получают братья, будь то кровные или усыновленные (ст.143).

Прекращение выплаты алиментов:

- со смертью плательщика алиментов,
- в связи с ухудшением имущественного положения плательщика алиментов, когда тот не может выплачивать алименты, не причиняя вреда себе и своей семье,
  - когда получатель алиментов начал заниматься ремеслом, профессией или предпринимательской деятельностью, что создают условия для нормальной жизни.

– когда получатель алиментов совершил правонарушение, приведшее его к лишению наследства,

– когда получатель алиментов в силу плохого поведения или плохого прилежания к работе, пока существуют эти основания.

10. Отношения родителей и детей. Взаимоотношения родителей и детей регулируются Титулом VII Книги первой Гражданского кодекса Испании (ст.ст. 154–180), а также законами (Ley 11/1981, de 13 de mayo; Ley 21/1987; Ley 11/1990; Ley 1/1996, de 15 de enero; Ley 13/2005, de 1 de julio; Ley 54/2007 de 28 de diciembre).

Дети находятся под властью родителей. Родительские права осуществляются в интересах детей в соответствии с их личностью и включают следующее: присматривать за детьми, ухаживать за ними, кормить их, воспитывать, заботиться о всестороннем обучении, представлять их интересы и управлять их имуществом. Если дети были достаточно развиты, надо прислушиваться к их мнению при принятии решения родителями. Родители могут при осуществлении своей власти получать помощь со стороны государства. Дети должны слушаться своих родителей. Вкладывая свой труд в семейное благополучие в соответствии со своими возможностями, пока связаны семейными узами.

Родительская власть (*patria potestad*) осуществляется совместно обеими родителями или только одним из них с ясно выраженного или молчаливого согласия другого. В случае разногласия спор решает судья, заслушав родителей и детей (ст. 156). Родители представляют интересы своих детей в отношениях с третьими лицами (ст. 162).

Теперь все больше говорят не о родительской власти, а о родительской ответственности перед детьми. Например, в новом Гражданском и Коммерческом кодексе Аргентины вместо «*patria potestad*» (родительская власть) употребляется термин «*responsabilidad paternal*» (родительская ответственность) [9, с. 236].

La *patria potestad* прекращается:

- 1) смертью или декларацией о смерти родителей или детей;
- 2) эманципацией;
- 3) усыновлением или удочерением ребенка (ст. 169).

11. Опекунство, попечительство и защита детей малолетних и недееспособных. Эти институты регулируются Титулом X Гражданского кодекса (ст.ст. 215–306), которые были реформированы Законами от 24 октября 1983 г., от 11 ноября 1987, от 8 января 2000 г. и др.

Опека устанавливается:

- 1) над малолетними не эманципированными детьми, которые не были под властью родителей;

2) над недееспособными, когда это установлено по решению суда;

3) над лицами, над которыми установлены расширенные права родителей, пока они не прекращены, исключая тех, кто находится под попечительством;

4) над малолетними, которые находятся в бедственном положении (ст. 222).

Опекун назначается супругом, который проживает с опекаемым; родителями; лицом или лицами, указанными в завещании; нисходящими, восходящими или ближайшими боковыми родственниками по указанию судьи (ст. 234).

Опека прекращается:

1) когда несовершеннолетний достиг 18, если не была установлена судебная недееспособность;

2) усыновлением;

3) со смертью лица, находящегося под опекой;

4) с эмансипацией несовершеннолетнего.

Закон от 24 октября 1983 г. восстановил попечительство, которое ранее не применялось в качестве самостоятельного института, хотя его роль выполнялась другими способами.

Попечительство устанавливается в случаях:

1) над эмансипированным, родители которого умерли или остались инвалидами для осуществления своих жизненных потребностей, предусмотренных законом;

2) в отношении тех, кто получает выгоду от попечителей;

3) над расточителями (ст. 286).

По свидетельству испанских юристов, «эффективная судебная защита является фундаментальным правом» [15, р. 2].

Судебный защитник назначается судьей:

1) когда существуют конфликты интересов между опекаемыми и находящимися под попечительством несовершеннолетними и недееспособными и их представителями;

2) когда по каким-нибудь причинам опекун и попечитель не выполняют своих обязанностей;

3) во всех остальных случаях, предусмотренных в настоящем Кодексе (ст.299).

Какие это случаи? Судья назначает представителя в суд, если отсутствует лицо, которому поручено это представительство интересов недееспособного или расточителя (ст.ст. 207, 296).

Судья назначает судебного защитника в судебном процессе из лиц, наиболее достойных для выполнения обязанностей (ст. 300), причем помощь может предоставляться бесплатно.

«Хартия фундаментальных прав Европейского Союза, – пишет Карлос Карницер Диес, – одобренная в Нице и включенная в Лиссабонский договор, вводит в наш правовой порядок

понятие «*acceso a la justicia*» (доступ к правосудию), когда в его ст.47, регулируя «Право на эффективную судебную защиту и на беспристрастного судью», установлено: «Будет предоставляться бесплатная помощь тем, кто не имеет постоянных и достаточных средств и когда указанная помощь нужна для того, чтобы гарантировать эффективно доступ к правосудию» [16, р. 3].

Лицо, которое выполняет функции опекуна, терпит убытки без его вины, имеет право на возмещение вреда.

12. Имущественные отношения в семье.

Всякий брак подчинен определенному имущественному режиму, т. е. совокупности правил, которые определяют принадлежность имущества, существующего в браке, его применение для выполнения обязанностей в браке и семье, правила управления и распоряжения, ответственности по договорным долгам перед третьими лицами, принципами раздела имущества, когда брак прекращается или изменяется правовой режим имущества.

В системе Гражданского кодекса имущественный брачный режим может быть установлен и изменен в любой момент по воле самих супругов путем составления специального договора, называемого «*capitulaciones matrimoniales*» (ст. 1315).

Благодаря трансцендентности по отношению к третьим сторонам, брачный имущественный договор должен отвечать определенной форме и публичности: быть нотариально удостоверенным и подлежать исполнению перед третьими лицами, будучи зарегистрированным в Гражданском Регистре и в необходимых случаях – в Регистре права собственности и в Торговом Регистре. Кроме того, изменение режима имущественных отношений ни в коем случае не должно ухудшать права третьих лиц, приобретенные при действии предшествующего режима.

Гражданский кодекс устанавливает, что если супруги не избрали другой имущественный режим, то в семье действует режим, называемый «*regimen de gananciales*» (общность имущества) (ст. 1316). Речь идет о традиционном режиме, который характеризуется существованием трех масс различного имущества: каждый из супругов имеет свое собственное имущество, сформированное из имущества, которое ему принадлежало до брака и из того имущества, которое было приобретено после на основании безвозмездного титула (наследование, дарение); кроме того, с момента, когда начинает действовать правовой режим,

формируется общее имущество (el patrimonio ganancial), которое каждый из супругов получает от результатов своей трудовой или профессиональной деятельности и из доходов, получаемых от своего имущества. Имущество, нажитое в браке, считается общим (presuncion de ganancialidad), пока не будет доказано, что оно принадлежит одному из супругов.

Семейное общее имущество подчинено в принципе совместному режиму управления, хотя в определенных случаях допускается, что каждый супруг может реализовать сам управление общим имуществом, подчиняясь определенным правилам, без которых такие акты будут ничтожными или недействительными.

Особенно важна тема ответственности по договорным долгам третьим лицам. Основные правила в этой области следующие:

– когда оба супруга действуют согласованно, они отвечают личным имуществом каждого из двух и, кроме того, всем общим имуществом;

– когда супруг действует с согласия другого, ответственность наступает личным имуществом того, кто действовал и всем общим имуществом;

– когда супруг действовал сам в определенных обстоятельствах (в общих интересах брака и семьи), также отвечает своим личным имуществом и всем общим имуществом. Когда речь идет об актах, направленных для решения обязательств брака, ответственность наступает также личным имуществом другого супруга в субсидиарной форме;

– когда супруг действовал сам вне указанных выше положений, отвечает один своим личным имуществом; однако если имущества недостаточно, то кредиторы могут требовать также в форме субсидиарной удовлетворения из общего имущества.

Режим общности прекращается в других случаях смертью одного из супругов, разво-

дом, легальным разделом или по воле супругов посредством прекращения договора. Во всех этих случаях необходимо соблюсти процесс ликвидации режима, уплатив причитающиеся долги, определив остаток имущества; если существует этот остаток, он распределяется так: каждому из супругов причитается половина или в случае смерти одного из супругов переходит к его наследникам.

Режимы разделения. Супруги могут выбрать или в начале своего брака или в любой последующий момент другой правовой режим имущественных отношений, отличный от режима общности. В особенности можно выбрать режимы, которые регулирует Гражданский кодекс: el de separacion y el de participacion.

Режим раздельности (ст. 1435–1444) характеризуется тем, что каждый из супругов сохраняет свое личное имущество, подчиняясь общим нормам в области управления, распоряжения, ответственности, т. е. не создавая общего режима. Когда невозможно доказать, кому из супругов принадлежит какая-нибудь вещь или право, предполагается, что половина принадлежит каждому из супругов в regimen de comunidad proindiviso (нераздельная общность).

Режим участия (ст. 1411–1434). В ст. 1411 режим участия определяется так: «В режиме участия каждый из супругов приобретает право на участие в доходах, получаемых другим супругом в течение времени, когда указанный режим считается действительным».

Уникальное явление, которое представляет этот режим, относится к вопросу о необходимости для обоих супругов способствовать увеличению расходов пропорционально их экономических ресурсов для содержания брака и семьи.

Конституция Испании 1978 г. не относит регулирование имущественных отношений в семье к общей компетенции государства, они могут регулироваться местным правом [13 p. 5].

Литература

1. Амстердамский договор от 1 мая 1999 [Электронный ресурс]. URL: www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf. (Дата обращения: 1.11.2017).
2. Всеобщая Декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: constant.ru/document/cons_doc_law_29160 (Дата обращения: 1.02.2017).
3. Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: chudo_udo.com. (Дата обращения: 1.02.2017).
4. Европейская хартия основных прав Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: www.europarl.europa.eu/.../2005/ (Дата обращения: 2.02.2017).
5. Женевская декларация прав ребенка от 26 ноября 1924 г. [Электронный ресурс]. URL: un.org/documents/decl_conv/declarations/ (Дата обращения: 2.02.2017).
6. Конвенция о защите прав человека в духе братства и основных свобод от 5 ноября 1950 [Электронный ресурс]. URL: consultant.ru/document/cons_law_29160 (Дата обращения: 1.2.2017).
7. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации женщин от 18 декабря 1979 г. [Электронный ресурс]. URL: constitucion.garant.ru>Нью-Йорк (дата обращения: 2.02.2017).
8. Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. URL: r.un.org/documents/decl_conv/convention/childcon (Дата обращения: 2.02.2017)

9. Медведев С. Н. Далмасио Велес Сарсфилд и кодификация гражданского права в Аргентине в XIX веке. М.–Ставрополь: Бюро новостей, 2016. 248 с.
10. Медведев С. Н. Римское частное право. Ставрополь: СКСИ, 2007. 210 с.
11. Albaladejo M. Compendio del derecho civil. Edisofer S. L. Madrid, 2004. 691 p.
12. Código civil (español). Colex. Madrid, 2002. 1020 p.
13. Constitución española de 1978. URL: https://es.wikisource.org/.../Constitucion_espafola_de_1978. P. 38 (Accessed: 5.02.2017).
14. Corpus iuris canonici 1983. Liber IV. Ca p. IV. Titulo VII De matrimonio. URL: <http://www.codex-iuris-canonici.de/iudexlat.htm> (Accessed: 5.02.2017).
15. Díez-Picazo G. Reflexiones sobre algunos facedas de derecho fundamental a tutela judicial efectiva // Cuadernos de Derecho Público. 2000. No.10. P. 37
16. Díez C. C. El acceso a la justicia en España. URL: Lfc.dpz.es/recursos_publicaciones/29/19/carnicer.pdf. P. 16 (Accessed: 5.02.2017).
17. Díez-Picazo L., Gullon A. Sistema de derecho civil. Derecho de Familia. Derecho de sucesiones. Tecnicos. Madrid, 2006. 88 p.
18. Garcia Presas I. El derecho de familia en España desde las ultimas Reformas del Código civil. URL: dadun.unavedu/ditstream/10171/20266/1/GarciaPresas.Pdf. (Accessed: 5.02.2017).
19. La ley 13/2005, de 1 de julio, por la que se modificacion el Código civil en materia de derecho a contraer matrimonio. noticias. URL: juridicas.com.>base...privado/13-2005.html. Boe.N157. P. 23632-23634 (Accessed: 5.02.2017).
20. Garcia Presas I. El derecho de familia en España desde las ultimas Reformas del Código civil. URL: dadun.unavedu/ditstream/10171/20266/1/GarciaPresas.Pdf. (Accessed: 5.02.2017).

References

1. Amsterdamskii dogovor ot 1 maya 1999 (*Amsterdam contract of May 1, 1999*). URL: www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf (Accessed: 1.11.2017).
2. Vseobshchaya Deklaratsiya prav cheloveka ot 10 dekabrya 1948 (*The Universal Declaration of Human Rights of December 10, 1948*). URL: constant.ru>docbment/con_doc_law_29160 (Accessed: 1.02.2017).
3. Deklaratsiya prav rebenka ot 20 noyabrya 1959. URL: chudo_udo.com. (Accessed: 1.02.2017) (*Declaration of the Rights of the Child of November 20, 1959*).
4. Evropeiskaya khartiya osnovnykh prav Evropeiskogo soyuza (*European Charter of Fundamental Rights of the European Union*). URL: www.europarl.europa.eu/.../2005/ (Accessed: 2.02.2017).
5. Zhenevskaya deklaratsiya prav rebenka ot 26 noyabrya 1924 (*Geneva Declaration of the Rights of the Child of November 26, 1924*). URL: un.org.>documwents/decl_conv/declarations/ (Accessed: 2.02.2017).
6. Konventsiya o zashchite prav cheloveka v dukhe bratstva i osnovnykh svobod ot 5 noyabrya 1950 (*Convention for the Protection of Human Rights in the Spirit of Brotherhood and Fundamental Freedoms of November 5, 1950*). URL: consultant.ru>document/cons_law_29160 (Accessed: 1.02.2017).
7. Konventsiya o likvidatsii vsekh form diskriminatsii zhenshchin ot 18 dekabrya 1979 (*Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women of December 18, 1979*). URL: constitucion.garant.ru>N'yu-lork (Accessed: 2.02.2017).
8. Konventsiya o pravakh rebenka ot 20 noyabrya 1989 (*Convention on the Rights of the Child of November 20, 1989*). URL: g.un.org>documents/decl_conv/convention/childcon (Accessed: 2.02.2017).
9. Medvedev S. N. Dalmasio Veles Sarsfild i kodifikatsiya grazhdanskogo prava v Argentine v XIX veke (*Dalmacio Velez Sarsfield and the codification of civil law in Argentina in the XIX century*). Moskva – Stavropol': Byuro novostei, 2016. 248 p.
10. Medvedev S. N. Rimskoe chastnoe pravo (*Roman private law*). Stavropol': SKSI publ., 2007. 210 p.
11. Albaladejo M. Compendio del derecho civil. Edisofer S. L. Madrid, 2004. 691 p.
12. Código civil (español). Colex. Madrid, 2002. 1020 p.
13. Constitución española de 1978. URL: https://es.wikisource.org/.../Constitucion_espafola_de_1978. P. 38 (Accessed: 5.02.2017).
14. Corpus iuris canonici 1983. Liber IV. Ca p. IV. Titulo VII De matrimonio. URL: <http://www.codex-iuris-canonici.de/iudexlat.htm> (Accessed: 5.02.2017).
15. Díez-Picazo G. Reflexiones sobre algunos facedas de derecho fundamental a tutela judicial efectiva // Cuadernos de Derecho Público. 2000. No.10. P. 37
16. Díez C. C. El acceso a la justicia en España. URL: Lfc.dpz.es/recursos_publicaciones/29/19/carnicer.pdf. P. 16 (Accessed: 5.02.2017).
17. Díez-Picazo L., Gullon A. Sistema de derecho civil. Derecho de Familia. Derecho de sucesiones. Tecnicos. Madrid, 2006. 88 p.
18. Garcia Presas I. El derecho de familia en España desde las ultimas Reformas del Código civil. URL: dadun.unavedu/ditstream/10171/20266/1/GarciaPresas.Pdf. (Accessed: 5.02.2017).
19. La ley 13/2005, de 1 de julio, por la que se modificacion el Código civil en materia de derecho a contraer matrimonio. noticias. URL: juridicas.com.>base...privado/13-2005.html. Boe.N157. P. 23632-23634 (Accessed: 5.02.2017).
20. Garcia Presas I. El derecho de familia en España desde las ultimas Reformas del Código civil. URL: dadun.unavedu/ditstream/10171/20266/1/GarciaPresas.Pdf. (Accessed: 5.02.2017).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81-13

Н. В. Головки

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматриваются вопросы эволюции лингвистической методологии в условиях смены научной картины мира. Предпринята попытка определить общие основания, на которых должен базироваться этот процесс, с учетом неоднозначного подхода современных исследователей к пониманию сущности синергетики; осуществлен обзор и анализ теоретических разработок раз-

личных авторов в области формирования новых языковедческих методов, опирающихся на эволюционно-синергетический подход, и адаптации уже существующей методологии к постнеклассической картине мира.

Ключевые слова: постнеклассическая картина мира, философия, синергетика, лингвистика, методология.

N. V. Golovko

ON THE PROBLEM OF DEVELOPMENT OF POST-NEOCLASSICAL METHODOLOGICAL APPARATUS OF LINGUISTICS

The article deals with the problems of evolution of linguistic methodology under the circumstances of the scientific world view's shifting. An attempt has been made to determine the general foundation upon which that process should be based, taking into consideration an ambivalent approach of modern researchers to the understanding of the essence of synergetics. The-

oretical efforts of various authors in the field of creation of new linguistic methods based upon evolutionary and synergetic approach, as well as of the adaptation of the existing methodology to the post-neoclassical worldview, have been reviewed and analyzed.

Key words: post-neoclassical worldview, philosophy, synergetics, linguistics, methodology.

Современной научной картиной мира на данный момент считается неклассическая. В ее рамках существует множество идей и концепций, которые можно назвать определяющими и основополагающими для науки сегодняшнего дня, тем не менее существуют предпосылки и имеются факты, позволяющие говорить о том, что эволюция научных представлений об окружающей действительности вступила в очередной переходный период, т. е. момент смены одной картины мира на другую. Обыкновенно подобные переходы сопровождаются, во-первых, поиском и утверждением новой глобальной концепции, на основе которой могли бы рассматриваться и объясняться явления и события, а, во-вторых, становлением новой методологии – иначе говоря, разработкой соответствующих этой концепции

инструментов научного исследования либо адаптацией к ней уже существующих. Вполне очевидно, что любая отрасль науки не в состоянии перейти на новый этап развития знаний без формирования новых же методов и приемов работы со своим предметом.

Можно сказать, что поиск общей концепции, единой отправной точки для изучения и истолкования познаваемого мира, дал результаты: на протяжении довольно длительного периода времени на эту роль претендует синергетика. Исследователи и мыслители уже склонны вполне устойчиво ассоциировать эту дисциплину с понятием постнеклассической науки. Действительно, эволюционно-самоорганизационный подход, предлагаемый идеологией синергетики, обладает существенным потенциалом и в перспективе обещает решение ряда

проблем и задач, не имеющих удовлетворительного объяснения в пределах неклассической научной теории.

Соответственно, новая методология научных исследований должна быть разработана и построена с учетом тех принципов, которые составляют основу синергетического подхода к описанию действительности. Эта задача со всей очевидностью возлагается на философию, которая традиционно служит метанаукой для множества исследовательских дисциплин научного знания. Стоит, безусловно, упомянуть здесь о существовании мнения, согласно которому синергетика, по сути, и представляет собой новую философию (что, кстати, отнюдь не является бесосновательным утверждением и заслуживает отдельного рассмотрения), но мы для простоты изложения ограничимся традиционными терминами и будем пока говорить о синергетике лишь как о принципе восприятия, истолкования и изучения познаваемого мира. Говоря проще, будем считать, что не синергетика разрабатывает новые методы и приемы для науки, объединяя их тем самым под общей картиной мира, а философия решает соответствующую задачу, исходя из новой глобальной научной концепции.

Такое представление кажется нам корректным в том числе и потому, что синергетика как таковая – дисциплина не философская. В своем исходном значении это скорее прикладное естественнонаучное направление исследований, чей теоретический потенциал оказался достаточно существенным для реализации попыток объяснить вообще всю совокупность явлений и событий окружающей действительности, а не только лишь один из ее конкретных аспектов. Об этом мы еще будем упоминать впоследствии.

Если не первым, то, во всяком случае, одним из первых обобщающих научных исследований, целью которых было изобразить общие очертания новой методологии в современной науке, явилась фундаментальная работа В. Г. Буданова «Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании» [1]. С создания подобных основополагающих трудов фактически и начинается обычно разработка новой системы научных методов и приемов; впоследствии специалистам остается лишь адаптировать изложенные в них идеи ко специфике конкретных областей науки, в которых они работают.

При этом интересно, что уже во вводных главах своей работы В. Г. Буданов считает необходимым акцентировать внимание на

различных способах восприятия синергетики (о которых мы вкратце упоминали выше). Затруднительно с этим не согласиться: прежде чем приступить к развитию идей новой научной методологии и давать тем самым стимул другим исследователям заниматься тем же применительно к отдельным научным дисциплинам, необходимо убедиться в правильном понимании адресатом той базы, на которой он собирается строить свои собственные рассуждения. Синергетика, по В. Г. Буданову, может выступать в качестве картины мира, методологии или научной дисциплины; несомненно, что эти ее ипостаси связаны между собой и взаимно обусловлены, однако отождествлять их было бы не вполне верно.

Кроме того, там же автор рассматриваемого нами труда особо указывает на необходимость практиковать осторожность при метафорическом восприятии синергетики – образном переосмыслении терминов и понятий этой науки (в первую очередь опять же, для нужд философии и иных гуманитарных дисциплин). Однако речь при этом идет именно об осторожности: теперь, когда синергетика претендует на роль глобальной научной картины мира, полностью отказаться от такого подхода принципиально невозможно.

Исходя из сказанного, условимся считать, что существуют два разных понятия: методология синергетики (в конкретной науке) и синергетическая методология (в ней же). Первое понятие – это «импорт» в ту или иную область тех принципов, методов и приемов научных исследований, которые приняты в синергетике как дисциплине. Второе понятие, в свою очередь, – создание нового исследовательского инструментария или адаптация уже существующего с опорой на новую – синергетическую – картину мира. Насколько нам представляется, В. Г. Буданов также ощущал это различие и стремился заложить основы для успешного решения как первой, так и второй задачи.

Итак, В. Г. Буданов предлагает строить новую методологию на основании 7 основных принципов синергетики, которые, в свою очередь, подразделяются на 2 принципа бытия какой-либо системы (гомеостатичность и иерархичность) и 5 принципов ее становления (нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность и наблюдаемость). К этим принципам привязана совокупность традиционных синергетических терминов – таких, например, как аттрактор (целевое состояние, к которому стремится гомеостатическая система). Кроме того, исследователь формирует структурную

схему синергетического моделирования – т. е. построения такой модели исследуемого некоторой наукой явления или процесса, что с ним можно было бы оперировать посредством инструментария синергетики как научной дисциплины. Наиболее проблемным этапом этого процесса В. Г. Буданов считает перевод понятий и данных конкретной науки в синергетический тезаурус, что вполне объяснимо: установление смысловых связей между терминами подвержено сильному влиянию контекста и авторских интерпретаций, особенно в гуманитарных науках. Тем не менее последующие этапы моделирования способны существенно ограничить произвольность интерпретаций.

Таким образом, можно сказать, что налицо как необходимость разработки и совершенствования методологии в конкретных дисциплинах, вызванная сменой научной картины мира, так и общетеоретическая основа, позволяющая инициировать и поддерживать этот процесс. В рамках данной статьи нас интересует то, насколько успешно указанный процесс проходит в современном языковедении.

Открытые источники не демонстрируют устойчивого интереса к установлению связей между синергетикой и лингвистикой среди зарубежных исследователей. Де-факто единственным масштабным трудом, доступным широкому читателю и рассматривающим соответствующие вопросы, является издание «Quantitative Linguistics: an international handbook» под редакцией Р. Кёлера, Г. Альтманна и Р. Пиотровского [7], причем, как следует из наименования, оно посвящено всей совокупности математических и вычислительных методов в лингвистике, среди которых синергетика позиционируется лишь как один подход, не характеризующийся существенной значимостью. По мнению авторов, основная задача, которую ставит перед собой синергетическая лингвистика, состоит в обеспечении инструментария для построения языковедческих теорий, или, говоря иначе, в применении моделирования, направленного на формулирование универсальных гипотез, выводимых из теоретических размышлений, их проверку и объединение в систему законов и законоподобных утверждений, а также на объяснение наблюдаемых явлений. «...Синергетическая лингвистика нацелена на функциональную интерпретацию (подобно биологии). Этот способ, однако, является логически стройным лишь в определенных обстоятельствах, – полагают авторы. – Центральная аксиома синергетической лингвистики состоит, таким образом, в том, что

язык – это самоорганизующаяся и самоуправляющаяся система (подобная организму, что напоминает идеи и взгляды, существовавшие в лингвистике XIX в.) – особый вид динамической системы со специфическими свойствами» [7, с. 760]. В целом исследователи сосредотачивают свое внимание на вопросах, близких к методологии синергетики, и демонстрируют применение синергетического моделирования при изучении некоторых (преимущественно лексических) аспектов языка, в то время как их отношение к синергетической методологии можно назвать довольно осторожным.

В свою очередь, исследователи из России и стран СНГ проявляют более пристальное внимание к рассматриваемому вопросу. Спектр русскоязычных исследований на эту тему, представленных в открытых источниках, является довольно широким. Отметим несколько работ на эту тему.

В статье С. К. Гураль «Синергетика и лингво-синергетика» [2] рассматриваются общетеоретические вопросы, связанные преимущественно с переосмыслением традиционного понятийного аппарата лингвистики в рамках синергетического тезауруса. Насколько можно судить по содержанию исследования, вопрос о новой методологии языковедческой науки в данном случае не ставился: синергетика воспринимается автором скорее как один из перспективных подходов к изучению языка, нежели как глобальная научная парадигма. Тем не менее в статье обозначены возможности применения определенных средств и способов синергетического исследования в лингвистике, которые могут быть подвергнуты дальнейшей конкретизации.

В работе А. А. Коблякова «Синергетика, язык, творчество» [4] внимание автора сосредоточено на одном из важных аспектов формирования новой научной картины мира – создании междисциплинарного метаязыка, который обеспечивал бы коммуникацию между различными сферами исследовательской деятельности и позволял изложить научные результаты любого рода в терминах синергетики. Как и упоминавшийся выше В. Г. Буданов, исследователь подчеркивает, что «...напрямую, «в лоб», перенос синергетических идей в язык невозможен – отсутствие все того же междисциплинарного метаязыка неизбежно приведет к вульгарным внешним аналогиям, к «терминологической трескотне» без прорыва в понимание самой сути явления» [4].

По мере изучения данного вопроса А. А. Кобляков приходит к выводу, что на данный мо-

мент философия и лингвистика пока еще не смогли выйти за пределы традиционных «линейных» представлений о языке, в то время как современная физика уже достигла соответствующего результата (итоном чего, по мнению автора, и явилось возникновение синергетики). Слова исследователя о том, что «...лингвистика пока еще не разглядела сложное (разноразмерное) соотношение однозначного (линейного) и многозначного (нелинейного) в самой основе основ языка и мышления – дуальных оппозициях (науки о языке и мышлении еще ждут своих Мандельштамов и Пригожиных!)» [4], несомненно, заслуживают чрезвычайно внимательного рассмотрения и осмысления. Вполне вероятно, на наш взгляд, что именно в решении этой проблемы и находится ключ ко многим языковедческим задачам, которые до настоящего времени считались тупиковыми.

Упомянутая в цитате разноразмерность, по А. А. Коблякову, является одним из наиболее важных типов неоднородности семантических пространств мышления и языка. Для обозначения этого типа автор предлагает использовать понятие трансмерности, которое, по его мнению, соответствует механизмам становления и самоорганизации в языке и является надежным, снимающим ряд логических противоречий инструментом анализа.

В статье Е. Ю. Муратовой «Синергетический подход к проблеме смыслопорождения в системе поэтического языка» [5] существенное внимание также уделено метаязыковым проблемам. Автор предпринимает попытку установления связей между терминологическими арсеналами синергетики и лингвистики, а также – отчасти – литературоведения, после чего применяет понятийный аппарат синергетики для объяснения процессов формирования новых значений и смыслов в пределах поэтических текстов. Соответствующий процесс назван автором «синергетическим анализом», хотя следует заметить, что предложенная процедура не имеет значительной схожести с принципами анализа, сформулированными В. Г. Будановым.

Исследователь М. А. Самкова в работе «Основы лингво-синергетического подхода к изучению дискурса» [6] предлагает считать объектом лингвосинергетики в первую очередь дискурс, как сложную самоорганизующуюся систему. По мнению автора, дискурс характеризуется рядом синергетических категорий, которые необходимо выявить и описать в процессе профильных исследований. В данном случае, как и в некоторых других описанных ранее исследованиях,

синергетика воспринимается не как новая научная картина мира, а как источник еще одного взгляда на сущность языковых явлений – «синергетического подхода».

В статье Н. В. Дрожащих «Лингвосинергетика: истоки и перспективы» указано, что «объектом лингвосинергетики на новом этапе ее развития становятся речемыслительная и переводческая деятельность индивида и текст как синергетические системы, а также понятия фрактальности текста и концепта» [3, с. 229]. На основании собственного обзора имеющихся работ по данному направлению автор приходит к выводу, что актуальной задачей лингвистики на современном этапе ее развития становится создание интегральной концепции языка – т. е. такой, которая была бы способна единообразно объяснить явления, существующие в пределах принципиально разных систем. Как и А. А. Кобляков, исследователь акцентирует внимание на необходимости отхода от традиционных линейных моделей и замены их на представление об одновременности связей и целостности системы, которую они образуют.

Говоря о новой языковедческой методологии, Н. В. Дрожащих выделяет 7 вопросов, постановка которых, по ее мнению, является целесообразной в этом контексте. Эти вопросы касаются процессов самоорганизации и саморегуляции в языке, адаптивности его единиц и категорий, динамических и бифуркационных процессов, доминантности и континуальности смысла, равновесности и целостности языковой системы, фрактальности концептов и топологичности языка и мышления индивидов и их групп, вплоть до этносов.

В целом, насколько можно судить по материалам и результатам исследований и размышлений лингвистов и философов, вплоть до настоящего момента еще не существует единого понимания того, что представляет собой синергетика для современной науки в целом (и, соответственно, для отдельных ее областей). На примере лингвистических и окололингвистических исследований можно видеть, что в академической среде все еще отсутствует устоявшееся представление о синергетике: она нередко воспринимается как очередной потенциально эффективный подход к изучению конкретного предмета, но и не более того. Вопрос о создании новой методологии по-прежнему ставится на наиболее общем уровне, а попытки ее конкретизации для нужд определенных наук редки и не всегда успешны.

Нам представляется, что, избирая синергетику в качестве новой глобальной научной па-

радикалы, философам и профильным исследователям необходимо в первую очередь прийти к относительному единству в подходах к сущности синергетики. На данный момент таких подходов несколько: синергетика рассматривается и как принцип междисциплинарности при проведении исследований (т. е. привлечение самых разных наук для изучения какого-либо предмета, прежде считавшегося сферой ответственности лишь одной дисциплины), и как набор формальных исследовательских инструментов, который может быть внедрен в существующую методологию конкретной науки (т. е. условное «поверение гармонии алгеброй»), и как источник новой терминологии, позволяющей переосмыслить традиционный понятийный аппарат, и, наконец, как новый принцип восприятия и истолкования действи-

тельности. По нашему мнению, вполне вероятно, что решение данной проблемы состоит в интеграции всех вышеописанных подходов, поскольку они никоим образом не исключают, но скорее дополняют друг друга.

Формирование единства в подходах к синергетике позволит создать надежную теоретическую основу для построения новой методологии, обеспечивающей рабочий инструментарий конкретных дисциплин. Сведения из открытых источников научной информации позволяют предполагать, что для лингвистики и ряда иных исследовательских областей новую методологию еще предстоит создавать, хотя предпосылки для ее появления, равно как и отдельные потенциально полезные философско-теоретические наработки в этой области, уже существуют.

Литература

1. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
2. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 7–9.
3. Дрожащих Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 1. С. 227–234.
4. Кобляков А. А. Синергетика, язык, творчество [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.ru/art/sinergetika-yazyk-tvorchestvo/> (Дата обращения: 28.05.2016).
5. Муратова Е. Ю. Синергетический подход к проблеме смыслопорождения в системе поэтического языка // Вестник БДУ. Серия 4. 2009. № 3. С. 54–57.
6. Самкова М. А. Основы лингво-синергетического подхода к изучению дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://sworld.com.ua/simpoz2/106.pdf> (Дата обращения: 28.05.2016).
7. Quantitative Linguistics: an international handbook. Edited by R. Köhler, G. Altmann, R. G. Piotrowski. URL: <http://books.google.ru/books?id=-7Z-GA73MMAC&printsec=frontcover&hl=ru> (Accessed: 28.05.2016).

References

1. Budanov V. G. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii (*Methodology of Synergetics in Post-neoclassical Science and in Education*). Moscow: LIBROKOM, 2009. 240 p.
2. Gural' S. K. Sinergetika i lingvosinergetika (*Synergetics and Linguasynergetics*). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. No. 302. P. 7–9.
3. Drozhashchikh N. V. Lingvosinergetika: istoki i perspektivy (*Synergetic Linguistics: Foundations and Perspectives*). Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. No. 1. P. 227–234.
4. Koblyakov A. A. Sinergetika, yazyk, tvorchestvo (*Synergetics, Language, Creativity*). URL: <http://spkurdyumov.ru/art/sinergetika-yazyk-tvorchestvo/> (Accessed: 28.05.2016).
5. Muratova E. Yu. Sinergeticheskii podkhod k probleme smyslopороzhdeniya v sisteme poeticheskogo yazyka (*Synergetic Approach to the Problem of Meaning Formation within the System of Poetic Language*) // Vestnik BDU. 2009. No. 3. P. 54–57.
6. Samkova M. A. Osnovy lingvo-sinergeticheskogo podkhoda k izucheniyu diskursa (*The Basics of Linguistic and Synergetic Approach to Discourse Study*). URL: <http://sworld.com.ua/simpoz2/106.pdf> (Accessed: 28.05.2016).
7. Quantitative Linguistics: an international handbook. Edited by R. Köhler, G. Altmann, R. G. Piotrowski. URL: <http://books.google.ru/books?id=-7Z-GA73MMAC&printsec=frontcover&hl=ru> (Accessed: 28.05.2016).

УДК 81'42

Е. С. Грушевская

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК ПРОСТРАНСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ АДРЕСАТНОСТИ

В статье на основе принципов современной лингвистики исследуется статус категории адресатности как объекта институционального дискурса (ИД). Актуальность её изучения выводится из исходного положения о значимости компонента «участники» в коммуникации, в которой роль «адресата» становится приоритетной за счет реализации целевого звена дискурсивной модели.

Адресатность понимается как амбивалентная сущность с максимальной потенциальной интерпретативностью в силу её реализации в неоднородном пространстве ИД.

Ключевые слова: антропоцентричность, когнитивизм, функционализм, дискурс, институциональность, адресатность, коммуникативная модель, амбивалентность.

E. S. Grushevskaya

INSTITUTIONAL DISCOURSE AS THE SPACE OF ADDRESSEE CATEGORY REALIZATION

The article studies the status of addressee category as an object of the institutional discourse (ID) on the basis of the principles of modern linguistics. Relevancy of its studying is brought out of a primary thesis about the importance of the component "participants" in communication in which the role of "addressee" becomes priority due to realization of a target link

of discourse model. The addressee phenomenon is understood as ambivalent essence with the maximum potential interpretativity due to its realization in non-uniform space of institutional discourse (ID).

Key words: anthropocentrism, cognitivism, functionalism, discourse, institutionalism, addressee, communicative model, ambivalency.

Основные принципы современной лингвистической науки – функционализм, антропоцентричность, когнитивизм, диктуют возможность актуального решения новых проблем. Одна из таких важных проблем – изучение категории адресатности как объекта институционального дискурса (ИД). Собственно неоднородный характер пространства ИД обусловлен недискретностью различных дискурсов, его формирующих. В данном случае уместно и достаточно обращение к классическому гуманитарному знанию с целью иллюстрации принципа функционализма в его глобальном проявлении: «язык оказывается сплошным континуумом, в котором прерывные точки тонут до полного слияния» [21, с. 455]. Уместность высказывания А. Ф. Лосева оправдана его аксиоматичностью. С другой стороны, его абстрактный характер требует лингвистического подтверждения, которое обеспечивается реализацией следующего принципа – антропоцентричности, формируемого в купе с предыдущим принципом, и находит своё подтверждение в справедливом обобщающем мнении о том, что языковая

личность – центральное системообразующее звено коммуникативного процесса [20, с. 99].

Следующий принцип современной лингвистики – когнитивизм – находит своё выражение в более конкретизированном специфическом виде. Таковым можно считать глобальный процесс формирования дискурсов как результат одновременного функционирования двух предыдущих принципов, выраженных в двух объектах – языка и языковой личности. Употребление языка языковой личностью, как известно, является основным тезисом прагмалингвистики [6]. Исходя из этого, когнитивизм, с учетом двух предыдущих принципов, является для нас основополагающим. Его продуктивность проявляется на всех уровнях формирования дискурса – структурном, семантическом, прагматическом. Обеспечивая употребление языка языковой личностью, он объединяет их реальные и потенциальные возможности, поскольку и язык и языковая личность суть носители различных когнитивных субстанций (языковые знания, лингвистические знания, фоновые знания – знания о мире, индивидуальные знания, коллективные знания).

В результате взаимодействия языка и личности формируется пространство дискурса. В данном аспекте мы ограничимся обращением к универсальным определениям дискурса: дискурс понимается как взаимодействие между языком и действительностью, обеспечивающее миропонимание и существование [7, с. 8]; дискурс суть когнитивный процесс [18, с. 19]; это максимально широкий термин, включающий все формы использования языка [16, с. 25]; дискурс есть концепт [27].

Основной объект исследования в настоящей работе – категория адресатности как объект ИД закономерно предполагает изучение вопроса в двух аспектах. С одной стороны, дескрипция ИД, исходя из базовых определений дискурса, с другой стороны, характеристику категории адресатности как компонента ИД.

Прежде обратимся к основополагающим в лингвистической науке описаниям ИД, основанным на определенных принципах, например, принципе различия, что нашло отражение в концепциях М. Л. Макарова (разговорный / институциональный) [22, с. 79] и В. И. Карасика (личностно-ориентированный / институциональный) [14]. Специфика ИД выражена уже в самом именовании данного типа дискурса. С точки зрения М. Л. Макарова, в отличие от речевого дискурса, институциональный дискурс характеризуется жесткой структурой при максимуме речевых ограничений, фиксированной сменой коммуникативных ролей, меньшей заданности непосредственным контекстом, ограниченным количеством глобально определенных целей [22, с. 176]. Согласно В. И. Карасику, специфика ИД обусловлена в своей основе формальным характером, заданным социальными нормами, которым должна соответствовать «специализированная клишированная разновидность общения между людьми» [15, с. 208].

Проведенный нами анализ состояния исследования ИД позволяет утверждать, что следующие в теории дискурса определения институционального дискурса в основе своей обобщают его хрестоматийные дефиниции. Например, в качестве системообразующих признаков исследуемого дискурса фиксируются следующие: обозначенный статус участников, локализованный хронотоп, конвенционально организованная в рамках данного социального института цель, ритуально зафиксированные ценности, интенционально «закрепленные» стратегии (последовательности речевых действий в типовых ситуациях), ограниченная номенклатура жанров и жестко обусловлен-

ный арсенал прецедентных феноменов (имен, высказываний, текстов и ситуаций) [24, с. 8]. Далее, например, ИД характеризуется как конвенциональное, культурно-обусловленное, нормативное речевое взаимодействие людей, принимающих на себя определенные статусные роли в рамках какого-либо социального организма, специально созданного для определенных потребностей общества [5, с. 21].

Возвращаясь к базовым принципам, формирующим ИД, справедливо обратиться к зарубежной науке, имеющей давнюю богатую традицию изучения вопроса дискурсивных практик. Н. Фэрклау рассматривает любой процесс социального взаимодействия как дискурс [31, с. 38]. Данная позиция в основе содержит мнение о том, что любое производство и интерпретация текстов в условиях социальной деятельности должно рассматриваться как институциональный дискурс. Значимым в данном контексте представляется наследие социологического направления франкоязычной школы анализа дискурса, основанного собственно на трудах представителя французской социологической школы. М. Фуко понимает под дискурсом социальную практику: дискурс – «это не сознание, которое помещает свой проект во внешнюю форму языка, это не самый язык и, тем более не некий субъект, говорящий на нём, но практика, обладающая собственными формами сцепления и собственными же формами последовательности» [28, с. 64].

Институциональный дискурс как тип дискурса заимствует основные характеристики дискурса в целом. Толкование ИД в частности, выраженное его конститутивными признаками, являет собой модель дискурса в целом и состоит из статусно-ролевых позиций участников, их коммуникативной среды, мотивов, целей и стратегий общения [4]. Обратимся к наиболее продуктивной, на наш взгляд, модели ИД В. И. Карасика, включающей следующие компоненты: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии, жанры, тематика, прецедентные тексты, дискурсивные формулы. Каждый из компонентов модели как строевой её элемент представляет интерес для перспективного исследования с целью выявления специфических свойств, актуальных и потенциальных характеристик.

Интерес к институциональному дискурсу, к вербальному формату его организации, к языковым средствам воздействия в различных видах дискурсивной деятельности актуален в своей бытийной многогранности. Как единица высшего уровня языка ИД представляет собой систему «субъект/ы – субъект/ы».

В поле наших научных интересов находится один из образующих дискурс компонентов, в частности один из участников дискурсивного процесса – адресат. Адресат – целевое звено коммуникативной модели, являет собой объект, ради / вокруг / для которого в конечном итоге осуществляется дискурсивная деятельность.

Значимость адресата как объекта изучения в ИД явлена в области гуманитарного знания, как в диахронии, так и в синхронии. Кратко изложим историю вопроса в параллелях. В диахронии она обозначена, начиная с античности – в риторике, которая учитывала адресата в различных ипостасях. Так, например, в Античной Греции (затем и в Риме) речи ораторов были направлены к массовой аудитории для решения, например, демократических вопросов (в синхронии – политический дискурс). Массовая аудитория как целевое звено фигурировала и в судебных речах (в синхронии – юридический дискурс). В синхронии адресат в статусе массовой аудитории становится объектом неориторики (*la nouvelle rhétorique*) [32, с. 217]. С другой стороны, известны и философские диалоги с потенциальным адресатом, например, майевтика Сократа (в синхронии – педагогический дискурс). В этой связи представление истории вопроса требует, по меньшей мере, краткого упоминания о вкладе в развитие теории диалога представителями отечественной науки [30, с. 73], который, явился толчком к становлению в частности Теории речевых актов, в целом Прагматической лингвистики, затем и Теории дискурса.

Целостный подход к изучению адресата как объекта ИД закономерно предполагает учет обоих участников коммуникативного процесса: «Субъект и адресат как начальная и конечная точки коммуникативного акта, неизбежно входят в сущностную характеристику речевого произведения, они составляют органическое единство, не могут быть расчленимы, если не оговорить условную формулу какого-либо лингвистического приёма исследования» [17, с. 138]. Данная позиция как нельзя лучше иллюстрирует возможность реального и гипотетического анализа адресата как целевого звена дискурсивного процесса. Анализ как метод исследования эмпирического материала позволит реализовать также умозрительные конструкции, в целях продуктивного моделирования статуса феномена адресатной специализации.

Статус адресата в лингвистической литературе достаточно цельно охарактеризован в аспекте развития теории диалога, а рамках

теории речевой деятельности, как реакция на недостатки в Теории речевых актов, касающиеся именно недосказанности относительно адресата. В отечественной лингвистике адресат в целом как объект коммуникации нашёл развёрнутое толкование в теориях коммуникации, диалога, текста, далее дискурса. Например, в хрестоматийной коммуникативной модели Р. О. Якобсона адресат – один из её компонентов, наряду с такими как адресант, код, контакт, сообщение, контекст [29, с. 203]. В теории диалога «адресат/адресант» получают именованья «говорящий/слушающий» с учетом смены ролей, характерной именно для диалога, в теории текста – это «писатель/читатель». В зависимости от статусно-ролевых характеристик, определяемых коммуникативной ситуацией, происходит специфическая реализация категории адресатности. В целом разнообразие именованья целевого участника коммуникации обозначено Н. Д. Арутюновой: «... в разных теориях речевой деятельности второй (пассивный) участник коммуникации именуется по-разному: получатель речи, рецептор, интерпретатор, слушающий, аудитория, декодирующий, собеседник. Мы пользуемся термином «адресат», подчеркивая этим сознательную направленность высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой» [1, с. 362].

Принимая термин «адресат» с целью описания адресата как объекта ИД, оговоримся, что характеристики «второй», «пассивный» могут быть приняты лишь условно. В качестве доводов приведём, например, следующие: 1) смена ролей в диалоге предполагает активизацию «слушающего», примеряющего роль «говорящего»; 2) читатель текста в статусе «декодирующего» должен обладать высокой компетентностью для толкования (декодирования) текста, исходя из этого, в диалоге «писатель/читатель», как и в любой коммуникативной ситуации, еще предстоит расставить приоритеты.

Рассмотрим дефиницию «адресата» в современной лингвистической литературе через три десятилетия. Адресат – «тот, для которого говорящий предназначает данный текст; участник, которому агент направляет информацию, желая, чтобы он её воспринял; получатель речи, реципиент; участник речевого акта, к кому обращена и на кого ориентирована речь адресанта (говорящего или пишущего)» [11, с. 27]; «это лицо или организация, которому

адресована корреспонденция; читатели, слушатели и т. п., которым адресовано какое-либо сочинение, произведение» [9, с. 24].

Конкретизация характеристик «адресата» в современной лингвистике как объекта теории текста и дискурса осуществляется в антропоцентрическом и когнитивном аспектах на основе учета принципа функционализма: «адресат текста – это устойчивая совокупность представлений и когнитивных структур, координирующих и регулирующих текстовое поведение автора текста» [12, с. 20]; адресат речи «может иметь какие угодно существенные черты и особенности личности, которые совершенно необходимо принимать во внимание, вступая в общение с ним и продолжая его (существен его возраст, пол, уровень образования, социальное положение, национальность, склад ума; нельзя не учитывать, какие физические недостатки он имеет, в какой местности он живет или долго жил, какие у него увлечения, симпатии и антипатии и др.). Все это будет влиять у него разную реакцию на одну и ту же речевую информацию, на одни и те же речевые интенции и тактики» [25, с. 27].

В целом толкование адресата остаётся неизменным. Адресат суть соучастник коммуникации, осуществляемой в любой форме. Для полноты картины обратимся к разноплановой характеристике адресатности, данной классиком филологической мысли М. М. Бахтиным: адресат «может быть непосредственным участником-собеседником бытового диалога, может быть дифференцированным коллективом специалистов какой-либо специальной области, может быть более или менее дифференцированной публикой, народом, современниками, единомышленниками, противниками и врагами, подчиненным, начальником, низшим, высшим, близким, чужим и т. п., он может быть и совершенно неопределенным неконкретизированным другим (при разного рода монологических высказываниях эмоционального типа) – все эти виды и концепции адресата определяются той областью человеческой деятельности и быта, к которой относится данное высказывание» [2, с. 275].

Дифференциация адресата основана, таким образом, на различении областей человеческой деятельности и быта, которые в свою очередь диктуют моделирование составляющих дискурса (хронотоп, мотивы, цели, стратегии и др.) на основе дихотомии определенности / неопределенности. Учет мотивов, целей, стратегий в конкретном ключе выражен в следующей

дефиниции, в которой различаем буквальную субъект-объектную инструментально-ценностную определенно позитивную характеристику участников в соответствующей коммуникативной ситуации: «адресат – это объектный полюс, характеризующийся отношением к партнеру по общению как к средству, объекту, орудию достижения своих целей, а адресант – субъектный полюс, конституирующий отношение к партнеру по взаимодействию как к ценности и выделяющийся установкой на диалог и сотрудничество» [10, с. 78]. Разумеется, говоря об установке, необходимо учитывать различные её проявления. Наряду с установкой на диалог и сотрудничество, существуют и обратные её виды, выраженные в различных видах дискурса – террористический [19], ксенофобический [26], конфликтный [3], описанные в лингвистической литературе.

Ранее австрийский лингвист Р. Водак характеризовал ИД как сложную совокупность различных взаимосвязанных конфликтующих между собой дискурсов в рамках заданной обстановки (“setting”) [33, с. 12]. С другой стороны, какая-либо заданная обстановка может быть следствием реализации как позитивных, так и негативных установок, которые в свою очередь формируют соответствующую обстановку. Таков режим дискурсивного поступательного движения. В основе же установок находится ценностный фактор как один из компонентов дискурсивной модели. Происходит взаимодействие участников коммуникации по выстраиванию коммуникативного пространства. Адресат программирует алгоритм дискурсивного движения, формируя установку адресанта. Собственно режим взаимодействия между адресантом и адресатом, на наш взгляд, закрепляется множественными пульсирующими референциальными связями, которые в свою очередь образуют категорию адресатности. В таком ракурсе, адресатность есть сущность амбивалентная, действующая по принципу «два в одном», незыблемое соединение адресанта и адресата. В реальной коммуникации, в конкретном разворачивающемся дискурсе адресатность как центральное звено в дискурсивном пространстве приводит в действие остальные компоненты дискурсивной модели.

Таким образом, адресатность понимается нами как двуединая субстанция с наивысшей степенью толкования в силу её актуализации в неоднородном пространстве институционального дискурса.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 297–325.
3. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. ... д-ра филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2008. 50 с.
4. Богданов В. В. Коммуникативная интенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность. Тверь: ТГУ, 1990. С. 26–31.
5. Бурмакина Л. В. Трудности грамматики английского языка // The Complexities of English Grammar. Минск: Тетра-Системс, 2010. 224 с.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 79–128.
7. Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
8. Демьянков В. З. Образ адресата // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 376–377.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
10. Желтухина М. Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2004. 358 с.
11. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
12. Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2009. 283 с.
13. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Институт языкознания РАН; Волгоградский государственный педагогический институт, 1992. 330 с.
14. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 385 с.
16. Кибрик А. А. Дискурсивно-ориентированные исследования. М.: Едиториал УРСС, 2008. 25 с.
17. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: КомКнига, 1984. 176 с.
18. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. 327 с.
19. Кунина М. Н. Когнитивно-прагматические характеристики террористического дискурса: автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2001. 23 с.
20. Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. М.: Гнозис, 2007. 368 с.
21. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: МГУ, 1982. 481 с.
22. Макаров М. Л. Языковое общение в малой группе. Опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь: ТГУ, 1997. 420 с.
23. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
24. Олешков М. Ю. Моделирование коммуникативного процесса. Нижний Тагил: НТГСПА, 2006. 336 с.
25. Романова Н. Н., Филиппов А. В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М.: Флинта, 2009. 304 с.
26. Свирковская С. В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар: КубГУ, 2005. 25 с.
27. Слышкин Г. Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 38–45.
28. Фуко М. Археология знания / пер. с фр., общ. ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
29. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
30. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Язык и его функционирование: Избранные работы. М.: Наука, 1986. С. 17–58.
31. Fairclough N. Language and power / N. Fairclough. Longman: London and New York, 1989. 259 с.
32. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. P., 1958. 566 с.
33. Wodak R. Disorders in Discourse. London: Longman, 1996. 176 с.

References

1. Arutjunova N. D. Faktor adresata (*Addressee factor*) // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1981. Vol. 40. No.4. P. 356–367.
2. Bahtin M. M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah (*Problem of text in Linguistics, Philology and other human sciences*) // Estetika slovesnogo tvorchestva. Moscow: Iskusstvo, 1979. 423 p.
3. Belous N. A. Konfliktnyi diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskie i pragmaticheskie aspekty (*Conflict discourse in the communicative space: semantic and pragmatic aspects*): abstract of thesis. Krasnodar: KubSU publ., 2008. 50 p.
4. Bogdanov V. V. Kommunikativnaya intenciya i kommunikativnoe liderstvo (*Communicative intention and communicative leadership*) // Jazyk, diskurs i lichnost'. Tver': TSU publ., 1990. P. 26–31.

5. Burmakina L. V. Trudnosti grammatiki angliiskogo yazyka (*The Complexities of English Grammar*). Minsk: TetraSystems, 2010. 224 p.
6. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya (*Philosophical Studies*) // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Issue 16: Lingvicheskaya pragmatika. Moscow: Progress, 1985. P. 79–128.
7. Dejk T. A. van Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya (*Language. Cognition. Communication*) / translated V. Petrov; ed by V. Gerasimov; prolusion of N. Karaulov and V. Petrov. Moscow: Progress, 1989. 312 p.
8. Dem'yankov V. Z. Obraz adresata (*The addressee's representation*) // Kul'tura russkoy rechi: Enciklopedicheskiy slovar'-spravochnik (*Culture of Russian speech: Encyclopaedic dictionary-reference*). Moscow: Flinta; Nauka, 2003. P. 376–377.
9. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi (*New Russian dictionary. Glossary and word formation*). Moscow: Russkij jazyk, 2000. 1209 p.
10. Zheltuhina M. R. Specifika rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI (*Specific of the speech impact of tropes in mass-media language*): thesis. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2004. 358 p.
11. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov (*Dictionary of linguistic terms*). 5-e izd. Nazran': Pilgrim, 2010. 486 p.
12. Kaminskaya T. L. Obraz adresata v tekstah massovoi kommunikacii: semantiko-pragmaticheskoe issledovanie (*The addressee's representation in mass communication texts: semantic and pragmatic investigation*): thesis. St.Petersburg: SbSU publ., 2009. 283 p.
13. Karasik V. I. Yazyk social'nogo statusa (*Language of social status*). Moscow: Institute of Linguistics RAS, 1992. 330 p.
14. Karasik V. I. O tipah diskursa (*On discourse types*) // Yazykovaja lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs (*Language persona: institutional and personal discourse*) / ed by V. I. Karasik, G. G. Slyshkin. Volgograd: Peremena, 2000. P. 5–20.
15. Karasik V. I. Yazykovi krug: lichnost', koncepty, diskurs (*Language circle: identity, concepts, discourse*). Volgograd: peremena, 2002. 385 p.
16. Kibrik A. A. Diskursivno-orientirovannye issledovaniya (*Discourse-oriented investigations*). Moscow: Editorial URSS, 2008. P. 25.
17. Kolshanskii G. V. Kommunikativnaya funkciya i struktura yazyka (*Communicative function and language structure*). Moscow: KomKniga, 1984. 176 p.
18. Kubryakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zrenija (*Parts of speech from the cognitive point of view*). Moscow: Institute of Linguistics RAS, 1997. 327 p.
19. Kunina M. N. Kognitivno-pragmaticheskie harakteristiki terroricheskogo diskursa (*Cognitive and pragmatic characteristics of terroristic discourse*): abstract of thesis. Krasnodar: KubSU publ., 2001. 23 p.
20. Leontovich O. A. Vvedeniye v mezhkul'turnuyu kommunikaciyu (*Introduction into intercultural communication*) textbook. Moscow: Gnozis, 2007. 368 p.
21. Losev A. F. Znak. Simvol. Mif (*Sign. Symbol. Myth*). Moscow: MSU publ., 1982. 481 p.
22. Makarov M. L. Yazykovo obshhenie v maloi grupe. Opyt interpretativnogo analiza diskursa (*Language communication in a small group. Experience of interpretative analysis of discourse*): thesis. Tver': TSU publ., 1997. 420 p.
23. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa (*Basis of discourse theory*). Moscow: Gnozis, 2003. 280 p.
24. Oleshkov M. Ju. Modelirovanie kommunikativnogo processa (*Modeling of communicative process*). Nizhnetagil'skaya gos. soc.-ped. akademiya [i dr.]. Nizhnii Tagil: NTSSPA, 2006. 336 p.
25. Romanova N. N., Filippov A. V. Slovar'. Kul'tura rechevogo obshheniya: etika, pragmatika, psihologiya (*Culture of speech communication: ethic, pragmatics, psychology*). Moscow: Flinta, 2009. 304 p.
26. Svirkovskaja S. V. Ksenofobicheskii diskurs (lingvopragmaticheskii aspekt) (*Xenophobia discourse (lingvopragmatic aspect)*): abstract of thesis. Krasnodar: KubSU publ., 2005. 25 p.
27. Slyshkin G. G. Diskurs i koncept (o lingvokul'turnom podhode k izucheniyu diskursa) (*Discourse and concept (on lingvo-cultural method of discourse investigation)*) // Yazykovaja lichnost': institucional'nyi i personal'nyi diskurs (*Language personality: institutional and personal discourse*). Collection of scientific papers / ed by V. I. Karasik, G. G. Slyshkin. Volgograd: Peremena, 2000. P. 38–45.
28. Fuko M. Arheologiya znaniya (*Archaeology of knowledge*) / ed by Br. Levchenko. Kyiv: Nika-Centr, 1996. 208 p.
29. Jakobson R. O. Lingvistika i poetika (*Linguistics and poetics*) // Strukturalizm: «za» i «protiv»: Sbornik statei (*Structuralism: «pros» and «cons»*) Collection of articles. Moscow: Progress, 1975. 469 p.
30. Jakubinskii L. P. O dialogicheskoi rechi (*On dialogical speech*) // Yazyk i ego funkcionirovaniye (*Language and its functioning*): Selected works. Moscow: Nauka, 1986. 259 p.
31. Fairclough N. Language and power. Longman: London and New York, 1989. 259 p.
32. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. P. , 1958. 566 p.
33. Wodak R. Disorders in Discourse. London: Longman, 1996. 176 p.

УДК 81'25:002

А. Н. Злобин

КОГНИТИВНОЕ ФОРМАТИРОВАНИЕ АНАЛОГОВЫХ ДОКУМЕНТОВ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЯЗЫКЕ ПЕРЕВОДА

Для решения проблемы качества перевода документов физических лиц, связанной с неверной трактовкой концептуальной составляющей базовой части переводческой компетенции как знания концептуально-простого формата, предлагается когнитивная стратификация аналоговых документов физических лиц в языке перевода. Продолжение концептуализации и категоризации в сфере перевода документов и когнитивное форматирование аналоговых документов физических

лиц в ПЯ дает возможность вести обучение переводу документов как многоаспектному знанию матричного формата и тем самым способствовать оптимизации переводческой практики.

Ключевые слова: переводческая компетенция, концептуальная составляющая, сфера перевода документов физических лиц, аналоговые документы в языке перевода, концептуально-простой формат, когнитивное форматирование, многоаспектное знание матричного формата.

A. N. Zlobin

COGNITIVE FORMATTING OF ANALOG DOCUMENTS OF INDIVIDUALS IN THE TARGET LANGUAGE

The problem of the quality of translating documents of individuals is from misreading the conceptual component of the translation competence basic part as conceptually simple knowledge. To solve this problem, cognitive stratification of analog documents of individuals in the target language is suggested. Conceptualization and categorization in translating documents together with cognitive formatting of analog documents of individuals in the target language pro-

vides the opportunity to teach the translation of documents as multi-dimensional knowledge of the matrix format, therefore to contribute to the optimization of translation practice.

Key words: translation competence, conceptual component, translation of documents of individuals, analog documents in the target language, conceptually simple format, cognitive formatting, multi-dimensional knowledge of the matrix format.

Формирование переводческой компетенции вообще и переводческой компетенции переводчика документов в частности должно начинаться с концептуальной составляющей, т. е. совокупности знаний и представлений переводчика о сути перевода документов, их текстово-жанровых модификациях, задачах, решаемых переводчиком в процессе достижения цели, характерных для перевода документов, коллизиях этих задач и основных принципах их преодоления [8, с. 5]. В учебных пособиях И. С. Алексеевой, рекомендованных Учебно-методическим объединением по лингвистическому образованию при Министерстве РФ, суть документов и их перевода выражена следующим образом: «... все они обладают сходством текстовых признаков и, следовательно, требуют при переводе практически одинакового подхода ... как правило, переводятся по готовой модели, поскольку при переводе пре-

обладают однозначные эквиваленты и однозначные трансформации» [2, с. 63].

Вполне очевидно, что проблема качества перевода документов физических лиц как раз и заключается в неверной трактовке концептуальной составляющей базовой части переводческой компетенции как знания концептуально-простого формата. В результате этого гипертрофируется роль аналогового текста или шаблона, ведь для перевода документа нужно всего лишь постараться его найти, ну а потом подставить в него нужные сведения. В отличие от ситуации в нашей стране за рубежом традиционно считают, что перевод документов должны выполнять только специально подготовленные по этому профилю переводчики. Ср.: «Urkunden – Übersetzungen sind Expertensache!» [12].

Критический анализ состояния дел в отечественной сфере перевода документов фи-

зических лиц свидетельствует о насущной необходимости дальнейшей работы по совершенствованию как дидактики, так и практики их перевода с учетом того, что перевод является знанием концептуально-сложного формата. Многоаспектность знания о документах физических лиц и их переводе свидетельствует об их особом формате, под которым мы вслед за Н. Н. Болдыревым понимаем определенную форму представления знания на мыслительном (концептуальном) или языковом уровне. При этом и со структурной, и с содержательной точек зрения можно условно говорить о двух основных типах форматов знания: концептуально-простом и концептуально-сложном. Первый тип представляют концепты, имеющие элементарную структуру. Второй тип охватывает форматы, называемые концептуальными структурами, среди которых структуры многоаспектного знания, характеризующие нестереотипное знание, являющееся результатом интеграции концептуальных областей (многоаспектное знание матричного формата) в единую концептуальную структуру [3].

Поскольку аналоговые документы в языке перевода (ПЯ) характеризуется многоаспектностью и разноплановостью, то для когнитивного форматирования знаний о них предлагается использование матричного формата как особого формата знания, в нашем случае частной когнитивной матрицы перевода. Ее компоненты открывают доступ к концептуальным областям знаний или аспектам перевода различного уровня сложности, которые, в свою очередь, также представляют собой многоаспектные матрицы. Таким образом, общая и частная когнитивные матрицы могут рассматриваться как многомерные системы взаимосвязанных когнитивных контекстов, передающих многоаспектные знания об определенной области или многоаспектность того или иного знания соответственно. Частная когнитивная матрица перевода выступает как средство организации и инструмент познания перевода документов физических лиц и как особая организация знания, составляющая необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой когнитивных контекстов или областей концептуализации перевода [6, с. 99–100].

Следует сказать о том, что попытки концептуализации и категоризации в сфере перевода документов, в частности на материале французского языка, уже предпринимались. Так, например, Ю. К. Воробьев вместе с соавторами, используя контрастивный подход, выделяет в

своем пособии по переводу официально-деловой документации три раздела: идентичные документы (личные, административно-организационные и информационно-справочные, деловые письма), аналоговые документы (образовательные, об актах гражданского состояния, для выезда за границу, личные, административно-организационные и информационно-справочные) и лакуны [5]. Отдавая должное стремлению авторов данного пособия к выделению специфики в сфере перевода официально-деловой документации вообще и личных документов физических лиц в частности, все же вряд ли можно назвать предпринятую попытку успешной. Смущает уже само разделение документов на идентичные и аналоговые, ведь идентичных, т. е. полностью совпадающих с чем-либо или точно соответствующих чему-либо, тождественных разноязычных документов нет. Более того, само выделение идентичных документов физических лиц мотивирует начинающего переводчика к поиску и использованию безликих топорных интернет-шаблонов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Переводчик документов должен знать и учитывать правила и традиции создания текстов различных типов на языке оригинала и на языке перевода и их особенности.

Что касается аналоговых документов в ПЯ, ср.: аналог – подобие, равенство отношений; сходство предметов (явлений и процессов) в каких-либо свойствах, то они, безусловно, есть, хотя самое важное – степень их сходства с исходными документами в ИЯ – в пособии не указывается. Аналог – это «перевод (результат перевода) по аналогии посредством выбора, одного из нескольких синонимов» [9, с. 19], в нашем случае выбор одного из аналоговых (схожих по форме) документов, существующих в языке перевода. Наличие сходства аналоговых документов физических лиц приводит к тому, что любой образованный человек, даже не зная иностранного языка, в состоянии определить, что написано в документе, и составить перевод. Следствие отсутствия знаний о степени сходства существующих в ПЯ аналоговых документов физических лиц – большое количество ошибок, приводящих к трудностям как для заказчика, так и нередко для переводчика. Название третьего раздела упомянутого выше пособия – «лакуны», т. е. «пробелы, пропуски» или отсутствие аналогового текста вообще, может поставить начинающего переводчика в тупик.

Получается, что единственным подспорьем для переводчика документов остается опять же аналоговый текст, образец или подобие на

языке перевода, на необходимость использования которого при переводе документов физических лиц указывает И. С. Алексеева: текст документа переводится по аналоговому тексту документа, существующего в языке перевода. Но если аналоговый текст отсутствует, подчеркивает она, доминантами перевода являются языковые средства канцелярской разновидности письменного литературного языка, а именно аналоговые языковые средства канцелярской разновидности письменного литературного языка [1, с. 192].

Поскольку речевые жанры вообще и документ как речевой жанр в частности универсальны, то документу на иностранном языке действительно можно отыскать аналоги или подобию на ПЯ и наоборот. Разумеется, что «значение аналоговых текстов в переводческой деятельности нельзя недооценивать... Их привлечение позволяет выявить лексико-грамматические, стилистические, композиционные средства, а также варианты соответствия и типовые формулировки в разных языках, которые затем могут быть использованы переводчиком при создании переводного текста такого же жанра. Тем самым обеспечивается соблюдение требований к узусу переводящего языка, что особенно важно в ситуациях перевода на неродной язык, когда зачастую возникает проблема естественности языка перевода» [4, с. 146–147].

Однако чтобы продолжить концептуализацию и категоризацию в сфере перевода документов, необходимо вместо некоего абстрактного подобия дать четкое определение аналогового текста, в нашем случае, аналогового документа. При этом мы будем опираться на интегрирующую концепцию М. Снелл-Хорнби, в частности положение о том, что «... между категориями нет четких границ, в каждой категории есть центр (прототип) и периферия, более или менее плавно переходящая в другие категории. Поэтому нужна не типология, а прототипология как единая динамическая система отношений, в которых рубрики это идеальные фокусы, а между ними шкала расплывчатых и пересекающихся оттенков» [7, с. 24].

На этом основании мы выделяем центр (прототип) – существующий в ПЯ аналоговый документ как схожую форму представления переводимого документа в аналоговой иноязычной среде. Схожий по форме документ физического лица в языке перевода – это удостоверяющий наличие значимых фактов письменный носитель информации, предназначенный для её передачи во времени и пространстве с реквизитами, которые позволяют ее идентифици-

ровать. Он составлен и оформлен в соответствии с требованиями действующего в стране ПЯ законодательства. В настоящее время данное определение документа расширилось за счет появления электронных документов.

Существенным пробелом рассмотренного выше примера концептуализации и категоризации в сфере перевода документов физических лиц является отсутствие определения степени сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ. Для устранения этого недостатка требуется их более подробное рассмотрение, что позволит категоризировать аналоговые документы для переводчика. Как правило, документы различают:

1) по месту составления:

а) внутренние – документы, создаваемые учреждением в процессе своей деятельности;

б) внешние – документы, которые приходят из других организаций или от граждан;

2) по назначению:

а) подлинник – документ, созданный в первый раз автором;

б) копия – воспроизведение (повторное) всех реквизитов документа, заверенного в установленном законом порядке;

в) дубликат – в случае утери подлинника выдается документ с пометкой «дубликат», имеющий одинаковую юридическую силу с подлинником;

3) по форме:

а) индивидуальные – составленные по произвольному признаку;

б) типовые – которые представляют собой текст-образец;

в) трафаретные, у которых одна часть текста уже отпечатана типографским способом, а другая заполняется при оформлении документа.

Поскольку существующий в ПЯ аналоговый документ представлен как схожая форма представления переводимого документа в аналоговой иноязычной среде, особо выделим форму, под которой понимается способ изложения текста документа.

Так, например, индивидуальные документы оформляются в виде связного текста. Индивидуальный документ представляет собой оригинальный текст, по одному или нескольким вопросам, для выполнения конкретной задачи (например, доверенность). В трафаретных документах структура изложения текста формализована, здесь используются готовые стандартные фразы или отдельные фрагменты постоянно повторяющегося текста и пропуски для заполнения переменной информацией. Среди них такие виды документов, как анкета

или справка. Они, как правило, напечатаны на бланке с постоянной информацией, а переменная может вписываться от руки. Типовые документы предназначены для документирования однотипных ситуаций, они составлены на основе образца. Метод типизации в документо-ведении используется для создания типовых форм документов и текстов. Типовой текст – текст-образец, является основой для создания текстов с аналогичным содержанием. К типовым документам относят такие документы, как свидетельства о рождении, о смерти, о браке, о разводе; справки о наличии/отсутствии судимостей, с места жительства/выписка из домовой книги, о семейном положении, о заработной плате, о состоянии банковского счета/выписка из банка, военный билет и др.

Различают следующие известные способы изложения или записи текста аналогового документа: обладающая самостоятельностью в оформлении мысли линейная запись с полностью оформленными предложениями, которые соответствуют требованиям официально-де-

лового стиля – индивидуальные документы. Запись в виде текстов-образцов, которая отличается от линейной большей стандартностью и совпадением целого ряда графических и языковых компонентов – типовые документы. Трафарет – традиционная линейная запись, но с пробелами, заполненными переменной информацией; используется в типичных ситуациях. Шаблон (клише, трафаретом) называется документ, который содержит готовый типовой текст с унифицированной постоянной информацией и пропусками для заполнения переменной информацией, характеризующей ситуацию, отражаемую данным документом – трафаретные документы (анкеты, таблицы) [11].

Когнитивно-матричное форматирование аналоговых документов дает возможность представить их форму (внешнюю структуру) как многоаспектное знание концептуально-сложного матричного формата, где наряду с центром (прототипом) представлена и периферия, более или менее плавно переходящая в другие категории (рис. 1).

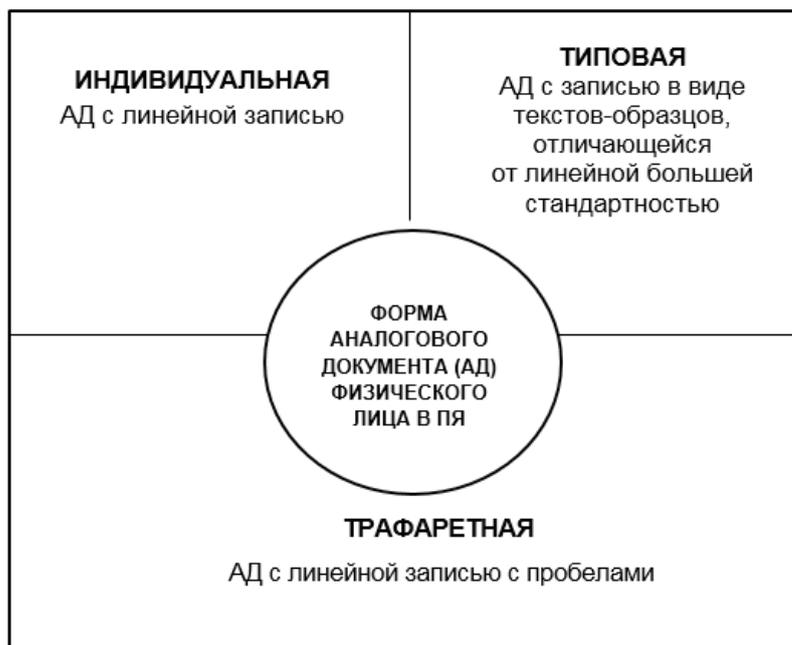

Рис. 1. Частная когнитивная матрица «Форма аналогового документа физического лица в ПЯ»

Трафаретные и типовые аналоговые документы имеют свой типовой формуляр, т. е. необходимые структурированные сведения о документе. Они служат основой для его регистрации, учета, хранения и выдачи. Структура

документа представляет собой скоординированное множество компонентов, взаимосвязи которых дают ему возможность функционировать как определенной целостной системе, идентифицировать каждый тип и вид доку-

мента. Рассмотренная выше внешняя структура документа – это внешняя форма для его идентификации как вида документа. Внутренняя структура документа – это его внутреннее строение, набор взаимосвязанных элементов, позволяющих искать, воспринимать и использовать заключенную в нем информацию. Она объединяет документ в единое целое, подчиняя его внутренние компоненты друг другу и целому. Состав внутренних структурных элементов и частей во многом определяется конкретным видом документа.

При определении степени сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ необходимо учитывать, что каждый из них наряду с общими компонентами обладает индивидуальностью, которая выражается в содержании в них какой-то части информации, например, даты создания или имени, что позволяет отличить их от исходных документов. Часть документа, позволяющая его идентифицировать, является *реквизитом*. Основная информация представлена в таких реквизитах, как «наименование вида документа», «наименование организации – автора документа», «дата документа», «текст», «подпись», «печать» и другие. Технологическая информация отражает движение, поиск, обработку документа: его регистрационный номер, отметку об исполнителе и т. д.

Рассмотрим теперь более детально состав реквизитов аналоговых документов, без которых невозможна категоризация в сфере перевода документов физических лиц и выход на их полупериферию (промежуточную позицию между центром и периферией) и периферию. По способу оформления реквизиты делятся на графические (герб, эмблема, оттиск печати) и текстовые. Большинство реквизитов являются текстовыми. Текстовые реквизиты могут быть простыми, состоящими из одного или нескольких слов (вид документа) или цифр (дата, номер листа), или сложными, включать в себя несколько самостоятельных частей (грифы утверждения, ссылки, адресат и др.). Часть информации реквизитов, заранее внесенная в формуляр (шаблон) будущих документов, называется постоянной частью. Как уже указывалось выше, постоянные реквизиты – это символы и индексы, наносимые на типовые заготовки документов (бланки и формы) типографским и другим способом. *Реквизиты физического лица* или *реквизиты гражданина* – это реквизиты его документов [10]. Поскольку набор реквизитов и их расположение в аналоговом документе ПЯ и исходном документе ИЯ

различны, постольку и их формуляры имеют существенные отличия, которые необходимо учитывать при переводе документов физических лиц.

Документы физических лиц складываются из одних и тех же составных частей, изучив порядок составления и оформления которых можно должным образом перевести любой документ. При оформлении документов реквизиты группируются в пределах трех основных частей, на которые можно условно разделить любой документ: заголовочной, оформляющей и содержательной.

В заголовочной части документа помещены начальные реквизиты, расположенные выше текста: информация об организации – авторе документа (герб или эмблема, наименование организации, справочные данные о ней, код организации, ИНН, КПП, ОГРН); исходные данные о документе (наименование документа, дата, регистрационный номер). Они образуют постоянные реквизиты документа. Оформляющая часть документа – это совокупность реквизитов, свидетельствующих подлинность документа и достоверность сведений, содержащихся в нем, и определяющих его юридическую силу, в соответствии с общепризнанным образцом. Оформляющая часть документа включает графическую составляющую и содержит вспомогательные надписи на документах (например, номер и серию документа), облегчающие работу с ними. К этим реквизитам относятся: подпись, печать, отметка об исполнителе и др.

Содержательная часть документа является основной частью документа, раскрывающей его суть и назначение. Она должна быть представлена связным текстом, а при необходимости иметь форму таблицы или анкеты, т. е. может быть табличной или текстовой. Табличная строится в виде многострочной таблицы, в ее графах располагаются реквизиты-признаки, включающие заголовки таблиц, граф и строк. Они предназначены для характеристики описываемого субъекта (физического лица). Графы и строки таблицы имеют заголовки, которые выражены именем существительным в именительном падеже. Подзаголовки граф и строк должны согласовываться с заголовками грамматически. Содержательная часть индивидуальна для каждого конкретного документа, включая отметку о наличии приложения, и образует переменные реквизиты документа. Постоянные реквизиты печатают при изготовлении бланков документов, а переменные фиксируют на бланке при его заполнении.

Для большинства типовых аналоговых документов (свидетельства о рождении, паспорта, диплома, трудовой книжки и т. п.), выдаваемых административными органами, состав реквизитов документов прописан в законодательных и нормативных актах. Например:

- государственный герб Российской Федерации;
- герб субъекта Российской Федерации;
- код организации;
- основной государственный регистрационный номер (ОГРН) юридического лица;
- идентификационный номер налогоплательщика и код причины постановки на учет (ИНН и КПП);
- код формы документа;

- справочные данные об организации;
- наименование организации;
- наименование вида документа;
- регистрационный номер документа;
- дата документа;
- место составления документа;
- адресат;
- текст документа;
- подпись;
- печать;
- отметка об исполнителе и другие.

Подробный анализ состава реквизитов аналоговых документов в ПЯ позволяет представить их содержание (внутреннюю структуру) также как многоаспектное знание концептуально-сложного матричного формата (рис. 2).

Рис. 2. Частная когнитивная матрица «Содержание аналогового документа физического лица в ПЯ»

При определении степени сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ учитывается соотношение их заголовочных, содержательных и оформляющих частей. Такие соотношения могут иметь разную степень сходства. Степень сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ по соотношению их заголовочных частей может быть представлена следующим образом: явные, неявные аналоги и псевдоаналоги по заголовочной части.

1. Явные аналоги по заголовочной части (наименование документа):

Свидетельство о рождении – *Geburtsurkunde*.

Свидетельство о заключении брака – *Eheurkunde*.

Свидетельство о расторжении брака – *Scheidungsurkunde*.

2. Неявные аналоги по заголовочной части (наименование документа):

Справка о несудимости – *Führungszeugnis*.

3. Псевдоаналоги по заголовочной части (наименование документа):

Liquidation # ликвидация = счет.

Fiktionsbescheinigung # фиктивное разрешение на пребывание в стране = разрешение на временное пребывание.

Степень сходства между исходными документами в ИЯ и аналоговыми документами в ПЯ по соотношению их оформляющих частей представлена как частичные и максимальные аналоги, а по соотношению их содержательных частей – как частичные аналоги по внешней и внутренней структуре и частичные аналоги по внутренней структуре, и максимальные аналоги по внешней структуре.

В заключение отметим, что продолжение концептуализации и категоризации в сфере перевода документов и когнитивное форматирование аналоговых документов физических лиц в ПЯ дает возможность вести обучение переводу документов по-новому, а именно, как многоаспектному знанию матричного формата и тем самым способствовать оптимизации переводческой практики.

Литература

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика. СПб.: Союз, 2001. 288 с.
2. Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М.: Международные отношения, 2008. 184 с.
3. Болдырев Н. Н. Методологические проблемы когнитивных исследований в лингвистике [Электронный ресурс]. URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/199.pdf>. (Дата обращения: 05.03.2017).
4. Борисова Л. А. Аналоговые формулировки при переводе законодательных текстов // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сборник научных трудов. Серия «Язык, Культура. Коммуникация». Вып. 18. Т. 1. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2014. С. 146–154.
5. Воробьев Ю. К., Савина Е. В., Торговкина Т. А. Практикум по переводу официально-деловой документации (французский язык). Саранск: Референт, 2008. 102 с.
6. Злобин А. Н. Перевод в когнитивном формате знания: монография. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2012. 152 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
10. Реквизиты документов [Электронный ресурс]. URL: <http://design-for.net/page/rekvizity-dokumentov> (Дата обращения: 05.03.2017).
11. Русский язык и культура речи [Электронный ресурс]. URL: http://shpora07.narod.ru/of_del/of_del_prav.htm (Дата обращения: 05.03.2017).
12. Übersetzungagentur Traducta Schweiz [Электронный ресурс]. URL: <http://www.traducta.ch/urkundenuebersetzungen> (Дата обращения: 05.03.2017).

References

1. Alekseyeva I. S. Professionalnoye obucheniye perevodchika (*Professional training of a translator*). St.Petersburg: Soyuz, 2001. 288 p.
2. Alekseyeva I. S. Tekst i perevod. Voprosy teorii (*Text and translation. Issues of theory*). Moscow: Mezhdun. otn., 2008. 184 p.
3. Boldyrev N. N. Metodologicheskiye problemy kognitivnykh issledovaniy v lingvistike (*Methodological issues of cognitive research in linguistics*). URL: <http://boldyrev.ralk.info/dir/material/199.pdf>. (Accessed: 05.03.2017).
4. Borisova L. A. Analogovye formulirovki pri perevode zakonodatelnykh tekstov (Analog forms in translating legislative texts) // Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda (*Problems of theory, practice and didactics of translation*). Seriya "Yasyk. Kultura. Kommunikatsiya". Issue 18. Vol. 1. Nizhny Novgorod: NSLU named after N. A. Dobrolyubov, 2014. P. 146–154.
5. Vorobyev Yu. K., Savina E. V., Torgovkina T. A. Praktikum po perevodu ofitsialno-delovoy dokumentatsii (frantsuzsky yasyk) (*Handbook on translation of official and business documents (French)*). Saransk: Referent, 2008. 102 p.
6. Zlobin A. N. Perevod v kognitivnom formate znaniya: monografiya (*Translation as the cognitive knowledge format*). Saransk: Mordovian University, 2012. 152 p.
7. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (*Translation theory*). Moscow: High School, 1990. 253 p.
8. Latyshev L. K. Tekhnologiya perevoda (*Technology of translation*). Moscow: NVI-TESAURUS, 2000. 280 p.
9. Nelyubin L. L. Tolkovy pervodchesky slovar (*Explanatory Translation Dictionary*). Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 320 p.
10. Rekvizity dokumentov. URL: <http://design-for.net/page/rekvizity-dokumentov> (Accessed: 05.03.2017).
11. Russky yasyk i kultura rechi (*The Russian language and speech culture*). URL: http://shpora07.narod.ru/of_del/of_del_prav.htm (Accessed: 05.03.2017).
12. Übersetzungagentur Traducta Schweiz. URL: <http://www.traducta.ch/urkundenuebersetzungen> (Accessed: 05.03.2017).

УДК 81-11

Т. В. Марченко

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПОЗИЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА: В ПОИСКАХ АДЕКВАТНОГО РЕШЕНИЯ

Статья посвящена изучению одной из ключевых составляющих процесса перевода – интерпретации текста оригинала, а также анализу интерпретационной позиции переводчика, которая, с точки зрения автора исследования, должна базироваться на принципах коммуникативной аксиоматики. Предложены этапы переводческой интерпретации, позволяющие составить максимально полное представление о семантической «полифонии» контекста, оценить его прагмати-

ческую составляющую и воспроизвести его на языке перевода. В статье обосновывается, что интенциональная редукция потенциально воспроизводимых при переводе сем ведет к «редукции» эстетической ценности контекста и текста перевода в целом.

Ключевые слова: художественный перевод, интерпретация, интерпретационная позиция переводчика, адекватность.

T. V. Marchenko

LITERARY TEXT AND INTERPRETATIVE POSITION OF A TRANSLATOR: IN SEARCH OF ADEQUATE TRANSLATION

The article studies one of the basic constituents of translation process – source text interpretation, and analyzes interpretative position of a translator, which in the light of the study is supposed to be based on communicative axiomatics principles. The study specifies the stages of translation interpretation, which foster better understanding of semantic “polyphony”

of a context, evaluation of its pragmatic features and conveyance in the target language. The article reveals that intentional reduction of potentially translatable semes results in “reduction” of aesthetic value of the target context and the target text in general.

Key words: literary translation, interpretation, interpretative position of a translator, adequacy.

...я думаю, что действительный грех переводчик совершает лишь в одном случае – когда искажает дух оригинала, а следовательно, тему и идею вещи, подменяя их чем-то вроде бы внешне и похожим, но по сути весьма приблизительным, «калькой».

Ч. Айтматов

С позиции семиотики текст представляет собой осмысленную последовательность любых знаков. Данное образование в целом, как и любой знак в частности, является двуплановым, то есть имеет план выражения и план содержания. Вся совокупность элементов, образующих текст, формирует художественно-эстетическую систему, обладающую такими свойствами, как целостность, связность, завершенность, а также эмерджентность. Последнее во многом обуславливает полифоничность потенциально возможных смыслов при восприятии текста. Заметим, что для дифференциации понятий текст и произведение особое значение

имеют интерпретация и анализ. По замечанию А. Л. Гришунина, «текст – не произведение, а только запись его, графическая, в значительной мере условная структура, представляющая это произведение и позволяющая читателю его воспринимать» [5, с. 37]. В свете подобной трактовки именно интерпретация позволяет содержанию реализоваться как произведению, «которое производится читателем при восприятии текста и которое обусловлено не только самим текстом, но и жизненным опытом получателя, культурной средой, вкусом, идеологией» [8, с. 251].

Задачей данной статьи является анализ сущности и содержания процесса интерпретации, а также интерпретационной позиции переводчика как совокупности установок, реализуемых при выборе художественного решения на языке перевода.

В гуманитарном знании интерпретация трактуется как акт толкования текстов, «смыслополагающая и смыслосчитывающая операции» [10, с. 207]. В рамках философии, признающей особую роль рассматриваемого действия в теории познания, оно предполагает «совокупность значений (смыслов), придаваемых каким-либо образом элементам некоторой теории (выражениям, формулам и отдельным символам)» [16, с. 215]. Основоположник философской герменевтики Х. Г. Гадамер оперировал понятиями «ситуация» и «горизонт». Первое определяет исходный пункт для восприятия или «точку зрения». Горизонт представляет собой «поле зрения, охватывающее и обнимающее все то, что может быть увидено из какого-либо пункта» [3, с. 358]. Полноценная интерпретация художественного произведения возможна только в рамках триады «автор – произведение – читатель», которая при условии осуществления перевода будет инкорпорировать еще одно звено, на которое возложена интерпретация содержания текста оригинала – переводчика.

Лингвокреативная природа переводческой деятельности выходит за границы сугубо медиаторской. Осуществляя работу над текстом, переводчик «сознательно или неосознанно включает в него собственное распремечивающее понимание оригинала и устанавливает баланс соположения двух языков, культур, онтологий. Он становится не только интерпретатором, но и аналитическим критиком текста» [14, с. 79]. Установление упомянутого баланса во многом соотносится с категорией переводческого самосознания, которая носит внутренний характер. По мнению Н. К. Гарбовского, переводчик «самостоятельно устанавливает меру своей ответственности как перед автором оригинала, так и перед читателем» [4, с. 312]. Нормативность, адекватность и эквивалентность перевода в таком случае являются лишь следствием внутреннего убеждения и представления переводчика о том, как должны соотноситься текст оригинала и текст перевода [17, с. 43]. Не умаляя важности для практики перевода знаний о характере межязыковых соответствий, универсальных типах отношений, параметрах, ограничивающих выбор переводческого соответствия, и иных критериях, обратимся к анализу интерпретационной позиции

переводчика как отправной и финальной точки принятия переводческого решения.

Рассмотрение вопросов, связанных с интерпретацией высказываний в общем и художественного произведения в частности, с нашей точки зрения, возможно в терминах коммуникативной аксиоматики, а именно через призму постулатов о ситуативности коммуникативного поведения и релевантности всех параметров ситуации для формирования смысла, детерминированности коммуникативного поведения культурой, множественности толкований транслируемых смыслов и экзегетическом принципе целостного и развернутого ситуативно-культурного толкования текста (что в частности актуально для истолкования письменных текстов) [6, с. 265–268]. Так, с точки зрения Г. В. Колшанского, интерпретация «познавательных актов», вербализованных тем или иным образом, «может быть адекватной только при учете всей цепи соответствующих познавательных актов, другими словами, не только самого языкового выражения, но и знания о действительных ситуациях, приобретенных человеком как на основе своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закрепленного и переданного в языковых формах (текстах)» [7, с. 59]. М. М. Бахтин вводит понятие «внесловесной ситуации», предполагающей общность условного пространства, знания и оценок говорящего и слушающего. Связывая участников коммуникации, высказывание «активно продолжает и развивает ситуацию, намечает план будущего действия и организует его», в то время, как ситуация является необходимой составной частью его смысла [1, с. 78]. В текстовом ключе происходит многократное осмысление содержания, и переводчик работает с «языком текста не как с конгломератом отдельных языковых элементов, а с целостным образом языка текста, и отдельные языковые трудности он должен решать в рамках конкретного текста» [2, с. 4].

С позиции герменевтики перевод может рассматриваться на нескольких уровнях. Е. А. Огнева выделяет грамматический уровень, стилистическую интерпретацию и историческую интерпретацию. На грамматическом уровне «интерпретация включает в себя анализ слов, словосочетаний, грамматических форм». Стилистическая интерпретация предполагает перекодировку «средств выражения, идеи произведения (метафоры, гиперболы, аллегии, рифмы) и определяет стилистическое влияние на автора произведения со стороны предшественников и современников». Истори-

ческая интерпретация включает рассмотрение «конкретных обстоятельств создания произведения, которое необходимо перекодировать на переводной язык. Для переводчика оказывается недостаточной информация об авторе, его языке, стиле, необходимо историческое восприятие плана содержания перекодируемого произведения» [12, с. 15–16]. Очевидно, что предложенные уровни носят условный характер, так как на уровне грамматики также может происходить актуализация стилистических приемов и средств выразительности, а рефлексия относительно стилистических особенностей текста оригинала неизбежно влечет осмысление временных рамок создания текста оригинала.

Иной ракурс интерпретации представлен при рассмотрении художественного текста как формы выражения художественных концептов, отображающих представления автора (а также общества) об окружающей действительности или вымышленном пространстве. Многоплановость и разноуровневый характер выражения художественных концептов обуславливает комплексный подход к интерпретации текста, так как работа с отдельными языковыми единицами (или единицами перевода) влечет потерю образности и силы эстетического воздействия. И. Г. Мальцева предлагает алгоритм интерпретации художественного текста, отвечающий цели сохранения признаков художественного концепта при переводе и обеспечения его адекватности. Схема предполагает работу с текстом оригинала и текстом перевода. Предложенная методика состоит из нескольких шагов.

Шаг 1 – «выявление признаков художественных концептов оригинального текста». Этот шаг включает три этапа, в основе которых лежат когнитивно-дискурсивный и литературоведческий методы. Соответственно, на первом этапе осуществляется общий литературоведческий анализ и критический анализ исследований творчества автора. Вторым этапом представлен структурно-семантическим анализом микроконтекстов, содержащих концепто-образующие метафоры. Завершающим является этап структурно-семантического анализа контекстов, содержащих концепто-образующие метафоры, на макроуровне.

Шаг 2 предполагает работу с текстом перевода, а именно выявление признаков художественных концептов.

Шаг 3 реализует сопоставление качественных-количественных характеристик комплексов признаков художественных концептов текстов

оригинала и перевода. Для последующей оценки качества перевода автор предлагает использовать ряд критериев, касающихся ядерных и периферийных признаков художественных концептов в тексте оригинала [9, с. 189]. Однако учитывая тот факт, что художественный концепт, как и любой другой, является единицей ментального лексикона, мы можем допустить множественность трактовок и интерпретаций релевантности художественных приемов.

В свете нашего исследования особый интерес представляют этапы, обозначенные автором в Шаге 1. Когнитивно-дискурсивный и литературоведческий анализы во многом помогают раскрыть смысловые нюансы, каждый из которых в определенной степени репрезентирует действительность, созданную автором произведения.

Очевидно, что для переводчика принципиальное значение имеет определение системы координат или «точек зрения, с которых ведется повествование в художественном произведении» [15]. Исследователь отмечает, что предположительно «структуру художественного текста можно описать, если вычленив различные точки зрения, то есть авторские позиции, с которых ведется повествование (описание), и исследовать отношения между ними (определить их совместимость или несовместимость, возможные переходы от одной точки зрения к другой, что в свою очередь связано с рассмотрением функции использования той или иной точки зрения в тексте) [15].

Мы полагаем, что интерпретация текста представляет процесс осмысления значения, актуализирующегося в конкретном акте коммуникации, с учетом всех релевантных параметров как лингвистического, так и экстралингвистического плана. В аспекте перевода положение коммуникативной аксиоматики о множественности толкований, транслируемых высказыванием смыслов, видится как одно из ключевых. Специфика художественного текста, по мнению Д. В. Псурцева, «заключается в принципиальном отсутствии, у его создателя и его интерпретатора, установки на «простую очевидность», одномерность смысла» [13, с. 20]. Принято считать, что тот или иной уровень контекста позволяет конкретизировать семантику лексемы или высказывания в целом и, тем самым, дает переводчику возможность составить максимально полное представление о семантике контекста, оценить его прагматическую составляющую и воспроизвести его на языке перевода. Сложность возникает в том случае, когда контекст предполагает «полифо-

нию» заложенных смыслов. В сущности, любая языковая единица может реализовывать подобную многомерность, однако *ex silentio* она предполагается при актуализации интертекстуальных элементов, способствующих приращению смысла, а также стилистических приемов и культуроспецифичной лексики. Переводческая интерпретация в этом случае может быть представлена несколькими этапами: 1) восприятие и осмысление текста (контекста) оригинала; 2) оценка релевантности порождаемых сем с точки зрения их валерности в тексте и культуре языка оригинала; 3) оценка потенциальных языковых возможностей передачи выявленных сем; 4) выбор переводческого соответствия, содержащего наиболее релевантные семы единицы перевода.

Аксиоматично, что абсолютная симметрия семного состава невозможна. Однако при работе с примарно-эстетическими текстами, особое значение имеет выбор переводческого соответствия с максимально полным набором сем, обеспечивающим семантическую полифонию текста (контекста) перевода. Интенциональная редукция субдоминантных сем – при потенциальной возможности их воспроизведения – неизменно ведет к «редукции» эстетической ценности контекста и текста в целом. Таким образом, под интерпретационной позицией переводчика мы понимаем осознанное и мотивированное отношение, определяющее характер переводческих решений в рамках определенного текста. Осознание смысла текста при этом рассматривается как имманентный этап процесса перевода, в то время как мотивация носит вариативный характер, обусловленный языковыми потенциями и экстралингвистическими факторами.

В условиях вторичной коммуникативной ситуации в роли интерпретатора выступает читатель, воспринимающий текст перевода как данность и уже самостоятельно осуществляющий процесс интерпретации. Его принципиальное отличие от процесса, осуществляемого переводчиком, состоит в том, что при интерпретации переводчиком возможны различные неточности толкования: неполное раскрытие семантического потенциала высказывания, чрезмерно субъективное толкование контекста, неадекватная оценка доминантных и субдоминантных сем и другое, что при этом не имеет непосредственного влияния на сам текст, так как «материально еще не зафиксировано», в тексте перевода обозначенные явления «могут обретать вполне материальное воплощение» [13, с. 21].

Результат художественной интерпретации текста оригинала, то есть перевод, неизменно влечет за собой вопрос об оценке его качества, которое может быть охарактеризовано в понятиях эквивалентности и адекватности, имеющих тем не менее относительный характер. Мы разделяем мысль о том, что в основе «эстетики перевода, как и любого другого искусства, лежит категория ценности» [11, с. 22]. Любой художественный перевод представляет собой синтез взаимообусловленных структур: с одной стороны, концептуальные и формальные особенности оригинала, с другой – комплекс средств образности и выразительности, свойственных языку перевода. По меткому замечанию В. С. Модестова, «в любом художественном переводе эти взаимосвязанные и взаимодействующие качества находятся в постоянном напряжении. Перевод тем совершеннее чем лучше удалось переводчику преодолеть эти противоречия» [11, с. 23]. При этом все художественные средства лингвистического плана переводчик воссоздает на языке перевода самостоятельно, поэтому «с этой точки зрения художественный перевод – это оригинальное интерпретационное творчество» [11, с. 25]. На этапе интерпретации художественного текста, переводчик стремится уменьшить «степень неопределенности и многозначности его смысловой сферы», хотя «потенциальной смысловой бесконечности художественного текста соответствует потенциальная бесконечность множества его интерпретаций» [8, с. 241]. Однако исследователь отмечает, что далеко не все они имеют равную ценность.

Интегрирующим критерием адекватности, объединяющим все рассмотренные выше этапы процесса интерпретации и перевода, можно являться «критерий передачи в переводе эффектов смысловой многоплановости на уровне цельного текста, эффектов, возникающих за счет уподобления представления о тексте на уровне линейной связности – иному представлению о тексте на уровне объемной цельности» [13, с. 24]. Данная трактовка адекватности предполагает максимально возможное сохранение образно-ассоциативных компонентов смысловой структуры при условии соблюдения стилистических норм языка перевода. Во многом это дает возможность оптимизировать процесс принятия переводчиком решения о воспроизведении образно-ассоциативных компонентов, а также оценку качества, так как чем более адекватной будет трактовка ядерной и периферийной частей смыслового построения в переводе, «тем большая степень корреляции

или даже совпадения будет наблюдаться между ядерной зоной смысла первичной и ядерной зоной смысла вторичной интерпретации» [13, с. 24].

Таким образом, проведенный анализ позволяет обосновать трактовку переводческой интерпретации текста с позиции коммуникативной аксиоматики как процесса осмысления значения, имеющего потенциальную реализацию в конкретном акте коммуникации, и коррелирующего с релевантными параметрами как лингвистического, так и экстралингвистического плана.

Переводческая интерпретация инкорпорирует этапы осмысления текста (контекста) оригинала, оценки релевантности порождаемых

сем и потенциальных языковых возможностей их передачи при переводе, а также выбора переводческого соответствия, содержащего наиболее релевантные семы единицы перевода.

Интерпретационная позиция переводчика представляет совокупность установок, реализуемых при выборе художественного решения на языке перевода. В рамках художественного перевода адекватность интерпретации и текста перевода как конечного результата этой интерпретации может быть обеспечена установкой на передачу эффектов смысловой многоплановости на уровне цельного текста при условии соблюдения стилистических норм языка перевода.

Литература

1. Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в методологии. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
2. Брандес М. П., Провоторов В. И. Предпереводческий анализ текста. М.: НВИ-ТЕЗАУ-РУС, 2001. 224 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. Герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гарбовский М. К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 544с.
5. Гришунин А. Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 416с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
7. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
8. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. М.: Ось-89, 2008. 560 с.
9. Мальцева И. Г. Обучение художественному переводу: методика установления адекватности // Педагогическое образование в России. 2012. №1. С. 188–191.
10. Махлина С. Т. Словарь по семиотике культуры. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2009. 752 с.
11. Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2006. 463 с.
12. Огнева Е. А. Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография. М.: Эдитус, 2012. 234 с.
13. Псурцев Д. В. К проблеме перевода и интерпретации художественного текста: об одном критерии адекватности // Вестник МГЛУ. 2002. Выпуск 463. Перевод и дискурс. С. 16–26.
14. Селиванова Е. А. Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики // Культура народов Причерноморья. 2003. №37. С. 79–82.
15. Успенский Б. А. Поэтика композиции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philologoz.ru/ling/uspen-poetcomp.htm> (Дата обращения: 10.03.2017).
16. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
17. Milostivaya A. Marchenko T. Mentality of a Soviet Man in the Master and Margarita after M. Bulgakov: English and German Translation Reflection // SKASE Journal of translation and interpretation. 2014. №1 (7). С. 41–61.

References

1. Bakhtin M. M. Frejdzizm. Formal'nyj metod v metodologii. Marksizm i filosofija jazyka. Stat'i (*Freudism. Formal method in the study of literature. Marxism and the philosophy of language. Articles*). Moscow: Labirint, 2000. 640 p.
2. Brandes M. P., Provotorov V. I. Predperevodcheskij analiz teksta (*Pre-translation analysis of text*). Moscow: NVI-TEZAU-RUS, 2001. 224 p.
3. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filos. Germenevtiki (*Truth and method: Philosophical Hermeneutics*). Moscow: Progress, 1988. 704 p.
4. Garbovskij M. K. Teorija perevoda (*Theory of translation*). Moscow: MSU publ., 2004. 544 p.
5. Grishunin A. L. Issledovatel'skie aspekty tekstologii (*Research aspects of textology*). Moscow: Nasledie, 1998. 416 p.
6. Karasik V. I. Jazykovye kljuchi (*Language keys*). Moscow: Gnozis, 2009. 406 p.
7. Kolshanskij G. V. Ob'ektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke (*Objective view of the world in cognition and language*). Moscow: KomKniga, 2006. 128 p.
8. Lukin V. A. Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoj teorii. Analiticheskij minimum (*Literary text. The basics of linguistic theory. Analytical minimum*). Moscow: Os'-89, 2008. 560 p.
9. Mal'ceva I. G. Obuchenie hudozhestvennomu perevodu: metodika ustanovlenija adekvatnosti (*Literary translation training: methods of adequacy specification*) // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2012. No. 1. P. 188–191.
10. Mahlina S. T. Slovar' po semiotike kul'tury (*Dictionary of Culture Semiotics*). St.Petersburg: Iskustvo-SPB, 2009. 752 p.
11. Modestov V. S. Hudozhestvennyj perevod: istorija, teorija, praktika (*Literary translation: history, theory, practice*). Moscow: Literary institute named after A.M. Gor'kii, 2006. 463 p.

12. Ogneva E. A. Hudozhestvennyj perevod: problemy peredachi komponentov perevodcheskogo koda (*Literary translation: the problems of conveying translation code components: Monograph*). Moscow: Jeditus, 2012. 234 p.
13. Psurcev D. V. K probleme perevoda i interpretacii hudozhestvennogo teksta: ob odnom kriterii adekvatnosti (*On literary text translation and interpretation: on one criterion of adequacy*) // Vestnik MSLU. 2002. Issue 463. P. 16–26.
14. Selivanova E. A. Model' perevoda v paradigmal'nom prostranstve sovremennoj lingvistiki (*Translation model in paradigmatic dimension of modern linguistics*) // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. 2003. No. 37. P. 79–82.
15. Uspenskij B. A. Pojetika kompozicii (*Poetics of composition*). URL: <http://www.philologoz.ru/ling/uspens-poetcom.p.htm> (Accessed: 10.03.2017).
16. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar (*Dictionary of Philosophy*). Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1983. 840 p.
17. Milostivaya A. Marchenko T. Mentality of a Soviet Man in the Master and Margarita after M. Bulgakov: English and German Translation Reflection // SKASE Journal of translation and interpretation. 2014. No.1 (7) P. 41–61.

УДК 81-11

А. И. Милостивая

АВТОРСКОЕ «Я» В НАРРАТИВЕ НЕМЕЦКОЙ ГАЗЕТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК МАРКЕР СУБЪЕКТА КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Статья посвящена изучению особенностей коммуникативного субъекта в газетном нарративе сквозь призму антиномии о минимизации авторского «Я» и расширении авторского «присутствия» в современной прессе. Наблюдения над эмпирическим материалом позволяют заключить, что минимизация авторского «Я» эксплицируется вследствие использования стандартизованных клише и штампов, возможности имплицитной оценки сообщаемого в новостных жанрах, «конвейерно-

го» характера монтирования новостного контента. Расширение авторского присутствия связано с эссеизацией медиасферы, жанровой спецификой газетных статей, а также с конвергенцией газетного и разговорного функциональных стилей.

Ключевые слова: газетный нарратив, субъект коммуникации, эссеизация медиасферы, газетные клише и штампы, газетный жанр, конвергенция газетного и разговорного функциональных стилей.

A. I. Milostivaya

THE AUTHOR'S "I" IN GERMAN NEWSPAPER JOURNALISM NARRATIVE AS A MARKER OF COMMUNICATION ACTION SUBJECT

The article studies peculiar features of communication subject in newspaper narrative in the light of minimizing the author's "I" and expanding the author's "presence" antinomy in present-day press. The observations of the empirical data reveal that minimization of the author's "I" is expressed due to the employment of standard clichés, implicit assessment options in news genres, "production line" type of news content

editing. Expanding the author's "presence" is preconditioned by strengthening of essay features in media, genre peculiarities of newspaper articles, as well as convergence of newspaper and colloquial styles.

Key words: newspaper narrative, communication subject, strengthening of essay features in media, newspaper clichés, newspaper genre, convergence of newspaper and colloquial styles.

Взаимоотношения между маркерами присутствия коммуникативного субъекта в газетном нарративе и формальной его номинацией при помощи личных местоимений манифестируются сквозь призму антиномического суждения о минимизации авторского «Я» на страницах газет, с одной стороны, и расширении авторского «присутствия» в современной прессе, – с другой. Подобный ракурс рассмотрения

обозначенной проблемы представляется актуальным исходя из того обстоятельства, что несмотря на изображение в нарративе СМИ журналистской картины мира, которая представляет собой «результат интерпретации мира журналистом-автором» [2, с. 49], механизм ее генезиса гораздо сложнее вследствие влияния ряда социокультурных факторов, приводящих в итоге к многослойности нарратив-

ного субъекта, т. к. «на установки журналиста накладываются установки целого ряда лиц, а в условиях коммерциализации средств массовой коммуникации, в том числе и прессы, это могут быть установки «заказного» характера» [2, с. 49]. Поэтому далее мы будем рассматривать авторское «я» в газетном нарративе как производную жанра нарратива, особенностей его конвенциональных паралингвистических средств и социокультурной дистрибуции.

Мы покажем, что авторское начало в масс-медийном нарративе может иметь различный удельный вес, а также попытаемся разобраться с причинами данного явления. В качестве исходного пункта для наших рассуждений возьмем антиномию, сформулированную Т.В. Шмелевой: «Медийная практика предполагает как расширение проявлений автора в тексте, так и его минимализацию – вплоть до обязательных грамматических маркеров глагола (модальности и времени)» [13, с. 65]. Далее мы охарактеризуем две стороны описанной выше антиномии, которые эксплицируются в форме следующих позиций на страницах газетного нарратива.

1. Тенденция к минимизации авторского «Я»

1. Использование стандартизованных клише и штампов как следствие относительно небольшого разрыва во времени между событием и его описанием в газетном нарративе. Словарь «Культура русской речи» [7, с. 574] определяет «клише или речевой стереотип как готовый, легко воспроизводимый в определенных ситуациях и сферах общения оборот». В современных исследованиях медиадискурса отмечается, что «в журналистике повторы, переходя из текста в текст, становятся естественным для газетного языка строительным материалом (клише)» [10, с. 91]. Т. Г. Добросклонская также относит клише к неотъемлемым характеристикам языка газеты: «Категория клишированности, устойчивости, воспроизводимости реализуется в противопоставлении языковых единиц, вносимых в речь как бы в «готовом виде», тем образованиям, которые создаются говорящим заново для данного речевого произведения» [3, с. 50].

Причину возникновения клише, в особенности в СМИ с их небольшим временным разрывом между событием и его описанием в газетном нарративе, установил еще Ш. Балли: «Язык газеты переполнен штампами – да иначе и не может быть: трудно писать быстро и правильно, не прибегая к избитым выражениям» [1, с. 109]. В современных исследованиях де-

терминированность генезиса клише в штампы в СМИ связывается с когнитивно-коммуникативными характеристиками как автора текста, так и его адресата: «Особенности коммуникативной (взятой со стороны автора) ситуации – необходимость быстро реагировать на злобу дня – значительно усиливают в газетно-публицистическом тексте общеречевую тенденцию к клишированности и стандартизованности речевых средств. Эта тенденция поддерживается также фактором адресата. Последний, как известно, в данной функциональной сфере отличается массовостью, разнородностью и размытостью своих социально-психологических характеристик, что в определенной мере ограничивает речетворческие эксперименты автора. Сообщение, адресованное массовому читателю со всеми вытекающими из этого последствиями, должно быть как можно более доходчивым» [9, с. 14].

Использование клише и штампов в газетном нарративе детерминирует его обезличенность, что на языковом уровне выражается в отказе от использования номинирующих субъекта коммуникативного действия личных местоимений. Это относится прежде всего к новостным жанрам в многотекстовых сериальных нарративах. Приведем пример:

Neun Verdächtige wurden wegen möglicher Komplizenschaft festgenommen. Vier von ihnen stünden nach Erkenntnissen der Polizei "in direkter Verbindung" mit dem Attentat vom Vortag, fünf weitere würden verdächtigt, mit der verantwortlichen "Zelle" Kontakt gehalten zu haben [18]. – Девять подозреваемых было задержано из-за возможной причастности к преступлению. По данным полиции, четверо из них напрямую причастны к осуществлению теракта, который произошел позавчера, а пятеро других подозреваются в том, что они поддерживали контакты с совершившей теракт ячейкой ИГИЛ.

Данный пример взят из нарратива «Террористический акт в Тунисе». За сухими фразами стандартизованных клише здесь скрывается сознательная отстраненность повествующего субъекта как от оценок описываемого, так и от каких бы то ни было указаний на достоверность приводимой информации. Поэтому можно утверждать, что здесь повествователем является социальный субъект СМИ, эксплицирующий ценностные ориентации западноевропейского социума. Исходя из сказанного, представляется не случайным, что в процитированном текстовом фрагменте отсутствуют номинирующие субъекта-повествователя лич-

ные местоимения, а также и пользован пассив и маркирующий косвенную речь из иных источников конъюнктив.

2. Возможность имплицитной оценки сообщаемого в новостных жанрах нарратива с помощью трансформаций в логической организации композиционного построения текста. С обозначенной в заголовке данного параметра позиции релевантным представляется возможность презентации точки зрения нарративного субъекта без помощи его вербальной маркированности в структуре и ткани текста, в том числе и без использования номинирующих повествователя личных местоимений, а также без эксплицитных оценочных суждений, способных при определенных условиях выступить в качестве индикатора типа коммуникативного субъекта (Я-Субъект, Мы-Субъект или Социум-Субъект). Наши наблюдения над нарративным континуумом показали, что имеется возможность имплицитной оценки сообщаемого в новостных жанрах нарратива с помощью трансформаций в логической организации композиционного построения текста. Эта возможность минимизирует другие маркеры присутствия субъекта нарративного коммуникативного действия в СМИ, придавая повествованию оттенок беспристрастности и политкорректности.

Одной из возможностей описанного выше типа является фокусирование релевантной для субъекта информации посредством вынесения ее на первую страницу газетного номера, что является индикатором ценностных ориентаций повествователя и тем самым его косвенным идентификатором без персонализации повествования с использованием личных местоимений. Принимая во внимание селективность рецепции многокадрового газетного нарратива, издатели четко осознают, что для большинства аудитории СМИ в фокусе оказываются сведения, локализованные на первой странице газетного номера: «В немецкой прессе для этой позиции на газетной полосе существует специальное название – «Aufmacher», задающее в качестве пресуппозиции повышенную значимость с точки зрения отправителей информации» [8, с. 158]. Приведем пример данного явления. В региональной газете «Лайпцигер Фольксцайтунг», выражающей точку зрения регионального социального субъекта, в рассматриваемую позицию «Aufmacher» при изображении нарратива «Беженцы в Европе» попадает статья «Asylunterkunft Grube-Halle: Leipziger wollen helfen, aber Probleme bleiben» («Убежище для беженцев в спорткомплексе

Грубе-Галле: жители Лейпцига хотят помочь, но проблемы остаются») [20, с. 1], где в центре внимания региональные проблемы упянутого города, связанные с наплывом беженцев с Ближнего Востока, а в статье «Flüchtlingswelle rollt auf das Land zu» («Волна беженцев охватила всю страну») [23, с. 1] также находящейся на первой газетной полосе повествуется об аналогичных проблемах, но в другом немецком регионе – в окрестностях Магдебурга. Данный факт позволяет идентифицировать субъекта нарратива без помощи ролевого местоименного дейксиса.

В случае с однокстовым нарративом описанная выше закономерность также имеет место, прежде всего, в региональных СМИ. Например, в позиции «Aufmacher» в региональной газете «Лайпцигер Цайтунг» помещен однокстовый нарратив под заголовком «Das Glas heben» («Убери стекло») [19, с. 1] о необходимости уборки мусора в городе, т. е. о наиболее актуальной проблеме местного масштаба, в локальной газете из Саксонии «Дебельнер Анцайгер» на первой полосе расположен однокстовый нарратив «Tochter eines Meißner Unternehmers entführt» («Похищена дочь бизнесмена из Мейсена») [24, с. 1]. Эта актуальная информация дается от лица региональной полиции, о чем свидетельствует особое указание после текста статьи.

3. «Конвейерный» характер монтирования новостного контента. Данный параметр связан в первую очередь с экстратекстуальными социокультурными причинами. В век бурного развития мультимедийных технологий не остается в стороне и производство новостного контента, который все чаще монтируется при помощи компьютерных технологий из обезличенных сообщений информагенств, что лишает его языковое оформление личностного флёра.

II. Экспансия авторского присутствия в газетном нарративе

1. Эссеизация медиасферы, повышающая степень экспликации авторского «Я». Об этом аспекте языка газетного нарратива впервые заговорила Л. Г. Кайда, которая, в частности, пишет: «Эссеизация газетной публицистики охватывает все коммуникативное пространство, а эссеистические формы авторского «я» претерпевают в рамках документальной системы серьезные изменения. Это позволяет нам дать оптимистический прогноз: эссеизация открывает почти безграничные возможности рождения новых жанровых форм» [6, с. 210]. В эпоху развития интернета и телеви-

дения реципиент все чаще и чаще обращается к печатным СМИ не просто для знакомства с новой информацией о политике, экономике или культуре (это он может сделать из телепрограмм и интернета), а для неторопливой рефлексии над содержанием новостей, а также для знакомства с его истолкованием экспертами. Данный процесс имеет место на страницах аналитических жанров газетного нарратива, которые становятся все более востребованными. Именно в данных жанрах и наблюдается рассматриваемая стратегия эссеизации, при которой наиболее рельефно эксплицируется позиция субъекта газетного нарратива.

Следует отметить схожесть реализации данной стратегии как в сериальных нарративных секвенциях, так и в однократных нарративах, поэтому, приводя пример, мы ограничимся описанием одного подобного случая. В статье "Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin" («Они отвечают за безопасность государства и его граждан») из нарратива "Blockupy-Demonstration in Frankfurt" («Демонстрация участников политической группировки "Blockupy" во Франкфурте») из ведущей надрегиональной немецкой газеты "Frankfurter Allgemeine" встречаем следующий пассаж:

Wir sind ja alle Menschen. Der ein oder andere Demonstrant scheint das vergessen zu haben, aber auch bei der Polizei gibt es Leute, die einen Hund haben, mit dem sie ganz normal Gassi gehen, die eine Frau haben, Kinder [21]. – Ведь все мы тоже люди. Кажется, что некоторые демонстранты позабыли, что и полицейские тоже люди, которые так же, как и они, могут гулять по улочкам города с собакой, у которых есть жена, дети.

В этом примере сразу бросается в глаза эссеизация, проникновение нарративного начала в сухие информационные сводки, при помощи которых субъект наррации (выступающий от лица полиции, которая охраняла общественный порядок во время беспорядков во Франкфурте) вносит в повествование личностный колорит, проявляющийся на языковом уровне посредством использования личного местоимения *wir* (мы) и элементов разговорной речи (частицы *ja* (ведь), разговорной лексики *Gassi* (уличка города)).

2. Жанровые детерминанты варьирования субъектной нагруженности нарративного повествования в СМИ. Л. Г. Кайда справедливо отмечает, что «лингвистические средства усиления авторского «я» в тексте подчиняются общим принципам типологических композиционно-речевых жанровых форм»

[5, с. 9]. В лингвистической литературе имеются попытки осмысления и типологизации проявлений авторского журналистского «Я» в различных жанрах. Она из них представлена в диссертационном исследовании М. И. Старуш. Здесь выделены следующие жанровообусловленные типы интересующего нас объекта: «репортажное «я», образ автора в путевых очерках, эссеистское «я», образ автора, применяемый в фельетонах, эпистолярное «я», диалогическое «я» [12, с. 178].

Мы рассмотрим основные жанры немецкой газеты (репортаж, эссе, комментарий) из нарратива «Демонстрация участников политической группировки "Blockupy" во Франкфурте» из газеты «Франкфуртер Альгемайне» с тем, чтобы проиллюстрировать различные способы экспликации авторского «Я», в том числе и при помощи личных местоимений.

В репортаже авторское «я» полностью исключено из поверхностной структуры нарратива: «Оно – в подтексте: в отборе синтаксических конструкций, в некоторой прерывистости речи (обилие присоединительных конструкций), в редких и немногословных репликах-оценках» [11, с. 208]. Так, в статье "Der Tag des Zorns" («День гнева») имеется следующий пассаж, включающий вышеназванные присоединительные конструкции и авторскую ремарку в форме сравнения:

Brennende Autos, verletzte Polizisten, Szenen wie bei einer Straßenschlacht: Blockupy-Aktivisten protestieren in Frankfurt gewaltsam gegen den Kapitalismus [16]. – Горящие автомобили, раненные полицейские, сцены, как во время уличных боев: активисты из политической группировки "Blockupy" протестуют во Франкфурте против капитализма.

В уже упомянутой нами статье, написанной от имени полицейского – непосредственного участника событий в жанре эссе, текст представлен от первого лица множественного числа. Этот жанр художественной публицистики, эксплицирующий конкретно-чувственное восприятие действительности субъектов вербальной коммуникации, обладает высокой степенью авторской субъективности. Здесь повествуется лишь о том, что нарратор мог лично видеть, поэтому закономерен интерес читателей к его оценке событий. Данные рассуждения подтверждают результаты интерпретации конвенционального расположения статьи на газетной полосе (в приложении, где материалы не подвергаются редактированию). Исходя из данных соображений, можно заключить, что личное местоимение в форме первого лица

множественного числа эксплицирует позицию коллективного субъекта речи, т. е. полиции Франкфурта.

Однако в жанре эссе возможна и другая картина. В статье “Turmbau zu Frankfurt oder Säule Europas?” («Башня Франкфурта или столп Европы?») [22], которая составлена в форме третьего лица единственного числа речь также может идти о социальном субъекте повествования, которая вербально никак не маркирована, но очевидна на основании анализа социального статуса эксплицитно номинированного на газетной полосе ее создателя (Торстен Шер-фер-Гюмбель, председатель регионального отделения СДПГ в земле Гессен, исполняющий обязанности главы фракции этой партии в земельном парламенте).

Личностная позиция в жанре эссе от третьего лица единственного числа также возможна, но лишь в одноклассовых нарративах, где автор является специалистом или экспертом в какой-либо области человеческой деятельности, например, в статье “Fach ohne Ausstrahlung” («Наука без влияния в обществе») [15] авторы – профессора политологии из Бонна и Хемница, поэтому их личное мнение по обсуждаемой проблематике (почему политики мало прислушиваются к мнению ученых-обществоведов) интересно широкому кругу читателей газеты.

В комментарии также возможно присутствие языковых маркеров повествующего в нарративе газеты субъекта, которые определяют здесь стиль и тональность изложения материала. Коллективную форму субъекта наррации могут иметь также статьи в жанре комментария от третьего лица. Например, статья “Heuchler” («Лицемер») [14], автором которой является главный редактор этой газеты. В силу своей социальной позиции он эксплицирует официальную линию всей редакции. Таким образом, мы не выявили однозначной корреляции между использованием личного местоимения в газетном нарративе и индикацией его субъекта.

3. Конвергенция газетного и разговорного функциональных стилей. Данное явление связывается с усилением авторского «Я» в газетном нарративе. В речевой ткани оно эксплицируется посредством «смены официальности (частичная или полная – в зависимости от типа издания и жанра) на систему неофициального непринужденного общения; широчайшей панорамы событий и фактов реальной жизни (политематичность); обращения ко всем ресурсам общенационального языка, в том числе к «сниженным» средствам выражения; повышения экспрессивно-эмоциональной составляющей текста» [4, с. 35].

Как представляется, данные факторы способны выступать маркерами личностного субъекта повествования. Проиллюстрируем это утверждение примерами из сериальных и одноклассовых газетных нарративов. В статье “Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin” («Они отвечают за безопасность государства и его граждан»), которую мы уже рассматривали выше, интересен следующий фрагмент:

Wir haben am Mittwoch auch Kessel gebildet und Leute festgenommen, die Steine geschmissen oder andere Straftaten begangen hatten. Wenn Sie denen in die Augen gucken, sehen Sie Hass. Woher kommt das? Wir reden hier ja von Leuten, die einen gar nicht kennen. Als wäre man Dreck und Abschaum [21]. – В среду мы стояли в оцеплении и арестовывали людей, которые кидали камни или совершали другие правонарушения. Если заглянуть в их глаза, то можно увидеть ненависть. Откуда она? Ведь речь идет о совершенно незнакомых людях. А говорят о них как о дряни и подонках.

В данном отрывке задействован весь комплекс языковых средств, маркирующих конвергентные отношения газетной и публицистической речи в статье-кадре из сериального нарратива с коллективным субъектом (его позиция маркирована посредством использования личного местоимения *wir* (мы): непринужденность общения достигается при помощи риторического вопроса, экспрессивно-эмоциональной сниженной лексики *Dreck und Abschaum* (дрянь и подонки).

В одноклассовом нарративе “Ohne Familie wäre ich am Arsch” («Без помощи семьи мне был бы совсем капец») [17, с. 13] в отношении конвергенции газетного и публицистического стиля наблюдается аналогичная ситуация. Здесь повествующий субъект известный артист Маркус Маевски обращается к деликатной теме о своей наркотической и алкогольной зависимости, которую ему помогла преодолеть семья. При этом экспрессивность личностному нарративу придает фамильярная лексика: *wäre ich am Arsch* (мне был бы совсем капец).

Подводя итог анализу, отметим, что существование обоих компонентов рассмотренной антонимичной оппозиции обусловлено социокультурной средой, детерминирующей организацию и самоорганизацию газетного нарратива. Среди причин возникновения данной антиномии, как показали наблюдения над нарративами из немецких газет, наиболее релевантны следующие: в отношении тенденции к минимизации авторского «Я» (использова-

ние стандартизованных клише и штампов как следствие относительно небольшого разрыва во времени между событием и его описанием в газетном нарративе, возможность имплицитной оценки сообщаемого в новостных жанрах нарратива с помощью трансформаций в логической организации композиционного построения текста, «конвейерный» характер монтиро-

вания новостного контента); применительно к экспансии авторского присутствия в газетном нарративе (эссеизация медиасферы как причина повышения степени экспликации авторского «Я», жанровые детерминанты варьирования субъектной нагруженности нарративного повествования в СМИ, конвергенция газетного и разговорного функциональных стилей).

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Иностранная литература, 1961. 395 с.
2. Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М.: КомКнига, 2008. 280 с.
3. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: УРСС, 2005. 288 с.
4. Казак М. Ю. Язык газеты. Белгород: ИД «Белгород», 2012. 120 с.
5. Кайда Л. Г. Авторская позиция в публицистике (функционально-стилистическое исследование современных газетных жанров): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 1991. 44 с.
6. Кайда Л. Г. Эссеизация: новые коммуникативные стратегии в медиатексте // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 210–216.
7. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
8. Милостивая А. И. Социопрагматические типы текста немецкой газеты: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск: ПГЛУ, 2001. 236 с.
9. Новоженова З. Л. Клише и штампы в публицистическом тексте как проблема перевода // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 13–19.
10. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Издательство Михайлова В. А., 2002. 383 с.
11. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта: Наука, 2003. 256 с.
12. Старуш М. И. Авторское «Я» в публицистическом произведении: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1985. 205 с.
13. Шмелева Т. В. Медиатекст: Парадоксы авторского начала // СМИ в современном мире: Материалы 51-й Международной научно-практической конференции. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 65.
14. D'Inka W. Heuchler // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-in-frankfurt-am-main-heuchler-ein-kommentar-13490592.html> (Дата обращения: 14.09.2016).
15. Decke F., Jesse E. Fach ohne Ausstrahlung // Frankfurter Allgemeine 20.04.2016. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften-/politikwissenschaft-und-ihre-lage-der-in-der-oeffentlichkeit14186054.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2 (Дата обращения: 14.09.2016).
16. Der Tag des Zorns // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-proteste-in-frankfurt-der-tag-des-zorns-13490149.html> (Дата обращения: 14.09.2016).
17. Kremming R. Ohne Familie wäre ich am Arsch // Berliner Kurier 11.08.2015. S.13
18. Kusicke S. IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis // Frankfurter Allgemeine 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunis-armee-in-alarmbereitschaft-versetzt-13492998.html> (Дата обращения: 14.09.2016).
19. Pöls M. Das Glas heben // Leipziger Zeitung 14.08.2015. S.1.
20. Raulien A., Puppe M. Asylunterkunft Grube-Halle: Leipziger wollen helfen, aber Probleme bleiben // Leipziger Volkszeitung 17.08.2015. S.1.
21. Schaaf J. Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin // Frankfurter Allgemeine 22.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-in-frankfurt-ein-polizist-erzaehlt-13497700.html> (Дата обращения: 14.09.2016).
22. Schäfer-Gümbel T. Turmbau zu Frankfurt oder Säule Europas? // Frankfurter Allgemeine 17.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/ezb-einweihungsfeier-turmbau-zu-frankfurt-oder-saeule-europas-13486851.html> (Дата обращения: 14.09.2016).
23. Schmidt J., Kissmann C. Flüchtlingswelle rollt auf das Land zu // Magdeburger Volksstimme 20.08.2015. S.1.
24. Tochter eines Meißner Unternehmers entführt // Döbelner Anzeiger 17.08.2015. S.1.

References

1. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika (*French Stylistics*). Moscow: Inostrannaya literatura, 1961. 395 p.
2. Boguslavskaya V. V. Modelirovanie teksta: lingvosotsiokul'turnaya kontseptsiya. Analiz zhurnalistskikh tekstov (*Modelling Text: Linguosocioalultural Concept. An Analysis of Journalistic Texts*). Moscow: KomKniga, 2008. 280 p.
3. Dobrosklonskaya T. G. Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoi angliiskoi mediarechi) (*The Study of Media Texts (Case Study of Media Language in Modern English)*). Moscow: URSS, 2005. 288 p.
4. Kazak M. Yu. Yazyk gazety (*Newspaper Language*). Belgorod: Belgorod, 2012. 120 p.
5. Kaida L. G. Avtorskaya pozitsiya v publitsistike (funktsional'no-stilisticheskoe issledovanie sovremennykh gazetnykh zhanrov) (*The Author's Position in Journalism (Functional and Stylistic Research of Modern Newspaper Genres): abstract of thesis*). Moscow: MSU publ., 1991. 44 p.

6. Kaida L. G. Esseizatsiya: novye kommunikativnyye strategii v mediatekste (*Essay Features: New Communication Strategies in Media*) // Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy. Moscow: Izdatel'stvo APK i PPRO, 2013. P. 210–216.
7. Kul'tura russkoi rechi: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik (*Culture of Russian Speech: Dictionary*) / ed by L. Yu. Ivanov, A. P. Skovorodnikov, E. N. Shiryayev etc. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. 840 p.
8. Milostivaya A. I. Sotsiopragsmaticheskie tipy teksta nemetskoj gazety (*Sociopragmatic Text Types in German Newspaper*): thesis. Pyatigorsk: PSLU publ., 2001. 236 p.
9. Novozhenova Z. L. Klishe i shtampy v publitsisticheskom tekste kak problema perevoda (*Newspaper Clichés as Translation Problem*) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2012. Vol. 12. Filologiya. Zhurnalistika. Issue. 3. P. 13–19.
10. Smetanina S. I. Media-tekst v sisteme kul'tury (dinamicheskie protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa XX veka) (*Media Texts in the Culture System (Dynamic Processes in the Language and Style of the late XX century Journalism)*). SPb.: Izd-vo Mikhailova V. A., 2002. 383 s.
11. Solganik G. Ya. Stilistika teksta (*Text Stylistics*). M.: Flinta: Nauka, 2003. 256 s.
12. Starush M. I. Avtorskoe «Ya» v publitsisticheskom proizvedenii (*The Author's "I" in Journalism*): dis. ... kand. filol. nauk. M.: MGU, 1985. 205 s.
13. Shmeleva T. V. Mediatekst: Paradoksy avtorskogo nachala (*Media texts: Paradoxes of the Author*) // SMI v sovremennom mire: Materialy 51-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – SPb.: SPbGU, 2012. S. 65.
14. D'Inka W. Heuchler // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-in-frankfurt-am-main-heuchler-ein-kommentar-13490592.html> (Accessed: 14.09.2016).
15. Decke F., Jesse E. Fach ohne Ausstrahlung // Frankfurter Allgemeine 20.04.2016. URL: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/geisteswissenschaften-/politikwissenschaft-und-ihre-lage-der-in-der-oeffentlichkeit14186054.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2 (Accessed: 14.09.2016).
16. Der Tag des Zorns // Frankfurter Allgemeine 18.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-proteste-in-frankfu-rt-der-tag-des-zorns-13490149.html> (Accessed: 14.09.2016).
17. Kremming R. Ohne Familie wäre ich am Arsch // Berliner Kurier 11.08.2015. S.13
18. Kusicke S. IS bezichtigt sich des Anschlags in Tunis// Frankfurter Allgemeine 19.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/tunis-armee-in-alarmbereitschaft-versetzt-13492998.html> (Accessed: 14.09.2016).
19. Pöls M. Das Glas heben // Leipziger Zeitung 14.08.2015. S.1.
20. Raulien A., Puppe M. Asylunterkunft Grube-Halle: Leipziger wollen helfen, aber Probleme bleiben // Leipziger Volkszeitung 17.08.2015. S.1.
21. Schaaf J. Man hält seinen Kopf für diesen Staat und seine Bürger hin // Frankfurter Allgemeine 22.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/blockupy-krawalle-in-frankfurt-ein-polizist-erzaehlt-13497700.html> (Accessed: 14.09.2016).
22. Schäfer-Gümbel T. Turmbau zu Frankfurt oder Säule Europas? // Frankfurter Allgemeine 17.03.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/rhein-main/blockupy/ezb-einweihungsfeier-turmbau-zu-frankfurt-oder-saeule-europas-13486851.html> (Accessed: 14.09.2016).
23. Schmidt J., Kissmann C. Flüchtlingswelle rollt auf das Land zu // Magdeburger Volksstimme 20.08.2015. S.1.
24. Tochter eines Meißner Unternehmers entführt // Döbelner Anzeiger 17.08.2015. S.1.

УДК 81'42

Е. А. Сидельникова

ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ТИП ДИСКУРСА

Многоаспектное изучение процессов интеграции и взаимодействия экономики и лингвистики позволило провести исследование газетно-публицистического экономического дискурса как разножанровой, тематически разноплановой текстовой «ткани» и типа институционального общения.

От представления когнитивно-прагматической сущности газетно-публицистического экономического дискурса и когнитивных предпосылок его изучения, т. е. от презентации отражения экономической событийности в языке, от демонстра-

ции неразрывной связи языка как системы знаков, возникающей в процессе экономической деятельности, автор планомерно доказывает, что экономический дискурс в газетно-публицистическом текстовом пространстве трактуется как гипоним делового дискурса, и дает его определение.

Ключевые слова: дискурс, институциональный дискурс, экономический дискурс, газетно-публицистическая дискурсия, газетно-публицистический экономический дискурс.

Е. А. Sidelnikova

JOURNALISTIC DISCOURSE AS A SPECIAL TYPE OF DISCOURSE

The multiaspect study of integration and interaction processes between economics and linguistics contributed to the journalistic economic discourse research as a different genre, thematically diverse text area and a type of institutional communication. In the process of analysis of cognitive and pragmatic essence of the journalistic economic discourse and cognitive background of its study, i.e. reflection of economic events in a language, presentation of language integrity as a

system of signs that is revealed in the course of economic activity, the author consistently proves that the economic discourse in the journalistic texts is interpreted as a hyponym of the business discourse, and works out its definition.

Key words: discourse, institutional discourse, economic discourse, journalistic discourse, journalistic economic discourse.

«Комплексный коммуникативно-речевой процесс, включающий текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с культурно-историческими, идеологическими, социальными, психологическими факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую упорядоченность языковых единиц при воплощении в текст» доктор филологических наук В. Е. Чернявская определяет как дискурс [12].

Истоки дискурс-анализа лежат в различных областях социальной психологии, лингвистики, социологии, философии, под которым в общем смысле понимаются структурно-семиотические исследования текстов и реакции на них читателя. При этом изучаются имплицитность текста, контекст его создания, вероятные интерпретации реципиентом и т. п. [14].

На основе дискурс-объектов в теории дискурс-анализа принято выделять: 1) дискурсы бытового общения; 2) академические дискурсы; 3) институциональные дискурсы; 4) политический дискурс; 5) маркетинговые дискурсы; 6) медиа-дискурсы; 7) дискурс деловых коммуникаций и др. (см. работы: Дейк, 1998; Феркло, 2008; Шейгал, 1998; Torfing, 1999 и др.).

В рамках политического дискурса отечественные исследователи упоминают и об экономическом дискурсе (далее – ЭД), но для его обозначения часто используют гипероним деловой дискурс. В качестве самостоятельной разновидности дискурса Е. Ю. Махницкая характеризует ЭД как совокупность всех речевых актов, используемых при описании и характеристике экономических реалий [7].

Поскольку ЭД можно рассматривать как с позиции социальной (государство; институт

экономики; продавец – покупатель), так и дискурсивной (вербализация статусно-ориентированного общения), данный дискурс можно причислить к институциональному.

Универсальными базовыми типологическими признаками институционального дискурса являются общественный институт, цель и участники общения. При изучении прагматических аспектов дискурса считаем важным учитывать позицию В. И. Карасика: «Институциональный дискурс есть специализированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [5].

Отметим, что ЭД в нашем понимании – это специализированное взаимодействие коммуникантов, сосредоточенных вокруг концептуальных экономических понятий и создающее общий / ситуативно обусловленный социально-экономический контекст, включающий идеологические, социальные, психологические факторы, систему когнитивных и прагматических установок адресанта, взаимодействующего с адресатом в целях как оптимизации экономической деятельности, так и формирования общественного мнения.

Газетно-публицистический экономический дискурс предполагает важность и необходимость более полной характеристики ЭД, определение степени его институциональности и обоснование его статуса как самостоятельного типа дискурса, которые возможны, по нашему мнению, на основе его анализа по параметрам, разработанным В. И. Карасиком: 1) материал (тематика), 2) разновидности и жанры, 3) цели (функции), 4) хронотоп, 5) стратегии, 6) участники, 7) ценности (ключевой концепт), 8) прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы [4]. Обратимся подробнее к этим составляющим экономического дискурса.

1. Доминантная тематика ЭД задается знанием экономической ситуации, владением информативным полем в данной области. Источником подобных знаний могут стать материалы сообщений в общедоступных/профессиональных журналах/газетах, нормативные документы, Интернет-сайты, экономические форумы саммитов стран большой двадцатки с докладами об экономической ситуации. Отметим, что средства массовой информации – это инструмент, который позволяет систематизировать информационную среду человека разумного, сделать ее доступной для его познавательной деятельности, дает возможность креативного использования континуально поступающей информации [8].

Так, список качественных периодических печатных изданий составляют *The Economist*, *The Daily Telegraph*, *The Independent*, *The Moscow Times*, *The Observer*, *The New York Times*, *The USA Today*, *The Guardian*, *The Wall Street Journal*, «Экономика и жизнь», «Коммерсантъ-Деньги», «Независимая газета», «Форбс» и др. К таблоидам относят *The Mirror*, *The Daily Express*, *The Sun*, *The Star*, «Новую газету», «Комсомольскую правду», «Аргументы и факты», «Известия» и др.

Экономическую сферу представляют такие универсальные разделы и рубрики газет и журналов, как *Business*, *Finance and economics*, *Money*, *Property*, *Jobs*, *News*, *Companies*, *Economy*, *Financial*, *Industry*, *Small Business*, «Экономика», «Деньги», «Бизнес», «Финансы и экономика», «Предприниматели», «Менеджмент».

2. Газетные сообщения и их функционально-стилистические особенности подробно рассматриваются в работах Г.Я. Солганика (2006), А. Bell (1991), D. Reath (1997) и др. Общепринятое понятие «газетно-публицистический стиль» предполагает наличие двух подстилей – собственно публицистического и газетно-информационного; газетный и газетно-журнальный акцентируют применение публицистического стиля в периодической печати [11].

Газетно-публицистическая дискурсия трактуется традиционно как «совокупность языковых средств, обслуживающих сферу массового информирования по актуальным, в первую очередь общественно-политическим вопросам» [6]. Отбор и функционирование языковых средств определяются особенностями бытования газетно-публицистического текста. Любой номер газеты, любой теле- или радиорепортаж многотемны и обращены к широкой аудитории. Этим определяется ориентированность газетно-публицистических текстов как на общеупотребительную, так и на специальную лексику, с помощью которой можно информировать обо всем, что входит в интересы аудитории.

Тематическая повторяемость в СМИ и констатация и комментирование фактов от простого до подробного обсуждения обусловлены многожанровостью газетно-публицистических текстов. Так, в российской традиции выделяются следующие жанры: репортаж, очерк, обзор, заметка, фельетон, интервью, отчет и т. п.; в англо-американской – *commentary*, *features*, *interview*, *news*, *opinion column* etc. [3].

Более подробную типологию жанров приводит, на наш взгляд, с. М. Гуревич: 1) новостная информация; 2) диалогические жанры; 3) ситуативно-аналитические жанры; 4) эпистоляр-

ные жанры; 5) художественно-публицистические жанры; 6) сатирические жанры [2].

По нашим наблюдениям, ЭД материализуется преимущественно в следующих жанрах: заметка, интервью, отчет, репортаж, комментарий, рецензия, корреспонденция, очерк, обозрение, выступление, но доминантным жанром является статья.

3. Газетно-публицистические тексты выполняют функции сообщения (информирования) и воздействия: журналист информирует о фактах и дает им свой/редакционный комментарий. Взаимодействие этих двух функций и определяет употребление языковой единицы в публицистике и его прагматический потенциал.

Функция сообщения определяет использование нейтральной лексики, особую значимость играет при этом политическая, экономическая лексика. Это связано с тем, что внимание публицистики приковано к общественно-политическим проблемам, а общедоступность – это главный критерий употребления и отбора речевых средств. Функция воздействия газетно-публицистических сообщений обуславливает потребность публицистики в лексических единицах с оценочно-экспрессивным значением [10].

Однако подчеркнем, что в дискурсе вряд ли может преследоваться цель «информировать» без желания сформировать при этом прагматическое отношение реципиента к чему-либо или изменить его мировоззрение, повлиять на его образ мыслей, поэтому функция воздействия в дискурсе всегда присутствует [9]. Использование языковых единиц обуславливается во многом их социально-оценочными категориями и коммуникативно-прагматическим потенциалом с точки зрения результативного воздействия на аудиторию. Следует отметить, что более детальное описание целей дискурса дает Т. М. Грушевская: а) информационная; б) аналитическая; в) регулятивная; г) оценочная; д) прогнозирующая [1].

Определение функциональной нагрузки выявленных жанровых реализаций ЭД в газетно-публицистическом текстовом пространстве на основе эмпирического материала из нашей картотеки представляет большую сложность, поскольку замысел автора не всегда однозначен и не ограничен стандартами. Представим результаты исследования в виде следующей таблицы.

Таблица 1

Функциональная специфика жанровых реализаций ЭД в научном, официально-деловом и газетно-публицистическом дискурсах

Жанровые реализации экономического дискурса	Реализуемые функции
ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС	
Новостная информация	
Новостная заметка	Декларативная
Отчет	Сарказм, декларативная
Репортаж	Декларативная, информативная
Диалогические жанры	
Интервью	Апеллятивная, декларативная, контактная, облигативная
Выступление	Декларативная, контактная
Ситуативно-аналитические жанры	
Статья	Апеллятивная
Комментарий	Декларативная, апеллятивная
Рецензия	Оценочная, декларативная
Корреспонденция	Декларативная, обвинения, отчета
Обозрение	Разоблачительная, апеллятивная, антирекламы
Эпистолярные жанры	
Письмо	Контактная, критика
Консультация	Контактная, самостоятельного принятия решения
Художественно-публицистические жанры	
Очерк	Оценочная, декларативная, прогностическая
Story	Информативная

Рекламные жанры	
Реклама	Апеллятивная, самостоятельного принятия решения
Аукцион	Апеллятивная, самостоятельного принятия решения

4. Некоторые тексты, выполняющие функцию информирования, характеризуются отсутствием элементов хронотопа, т. е. указаний на время и место протекания событий. Поэтому, согласно В. И. Карасику, хронотопом дискурса является письменный и устный характер его воспроизведения [4]. Реализацией устного экономического дискурса будут подготовленные выступления во время проведения презентаций, переговоров, голосование на биржах валют, интервью, доклады. В своей основе тексты информационного характера публикуются с конкретной датой и временем. Однако и такие тексты, как интервью и выступление, в печатной версии можно охарактеризовать как опосредованный материал, т. к. автор сообщения – журналист, у которого есть время на обработку первичного и подготовку для публикации окончательного варианта сообщения.

5. Стратегии ЭД в СМИ определяются его частными целями: описание определенного экономического события, увеличение прибыли, акцентирование и отстаивание конкурентного преимущества, изложение истории рассматриваемой проблематики, представление различных точек зрения, изложение своей позиции и приведение доводов в ее пользу, учет специфики индивидуально-психологических особенностей аудитории, оптимизация отношений в системе купли-продажи и др.

6. Экономическая деятельность – это прежде всего деятельность отдельных индивидов, социальных групп, граждан определенной страны, человечества в целом. С точки зрения теории коммуникации феномен экономического дискурса в газетно-публицистическом текстовом пространстве подразумевает существование автора (адресанта/журналиста) – создателя сообщения и рецептора (адресата/читателя) – аудитории, для которой этот текст предназначен. Однако ЭД может варьировать свою реализацию журналистами и при посредстве журналистов, деятельностью редактора – специалиста, готовящего к изданию материалы, предназначенные как лицам с экономическим образованием, так и широкой читающей аудитории или ее части, желающей оставаться в курсе событий на государственном уровне, но не имеющей специальной подготовки. Степень свободы изложения журналистом информации

зависит от отношения периодического издания к реализуемой государством политике (разделение взглядов и проводимого курса политики/нейтральное отношение/оппозиция).

7. Основываясь на результатах анализа актуальной экономической информации можно определить следующие базовые концепты ЭД: «деньги», «товар», «сделка», «покупатель», «продавец», «экономические отношения», «выгода», «богатство», «торг», «банкротство», «рынок», «собственность» и т. д.

8. Для устного и письменного видов представления информации характерно использование таких стилистических средств, как метафора, аллюзия, эвфемизм, гипербола и др. В комплексе они обеспечивают воздействие на сознание реципиента, что в то же самое время представляет собой средства компрессии информации и побуждает слушателя/читателя взглянуть на предлагаемую информацию через сообщение некоторого иного плана, обычно эстетически и эмоционально сильно маркированного [13].

Повествование корреспондентов газет и журналов, а также экономических деятелей, цитируемых журналистами, богато экспрессивными синтаксическими средствами, такими как различные реакции на вопрос, вопросно-ответные комплексы, парцеллированные и эллиптические конструкции. Пространственно-временная последовательность обозначается посредством цифровых символов. Экономические термины, формулы, риторические вопросы, директивы, графические средства выделения, схемы, рисунки, графики – это типичные экономические дискурсивные формулы. Характерной чертой является и шаблонность официальных документов. Прецедентность сообщений экономического содержания выражается зачастую в слоганах, призывах, логотипах фирм, предприятий и т. д., принятых в предпринимательской сфере.

Так, выше перечисленные факторы, опосредованно характеризующие ЭД в газетно-публицистическом текстовом пространстве, позволяют определить его как гипоним делового дискурса, и дает возможность принять следующее определение: ГПЭД – это один из типов дискурса, представленный газетно-публицистическими сообщениями, связанными

содержательно экономической проблематикой, объединенными в коммуникативном и функционально-прагматическими отношениями, оценочно отражающими/рефлектирующими

опосредованно относительно актуальных экономических событий и социально значимых явлений с целью воздействия на массового адресата и формирования общественного мнения.

Литература

1. Грушевская Т. М. Политический дискурс в аспекте газетного текста: монография. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. 116 с.
2. Гуревич С. М. Газета: Вчера, сегодня, завтра. М.: Аспект Пресс, 2004. 288 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта, 2008. 264 с.
4. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
5. Карасик В. И. Языковой круг // Языковая личность: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л.: Гос. учеб. – пед. изд-во Мин. просв. РСФСР. Ленингр. отд-ние, 1969. 173 с.
7. Махницкая Е. Ю. О современном экономическом дискурсе // Речевая деятельность. Таганрог: ТГПУ, 2002. С. 158–161.
8. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с.
9. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 232 с.
10. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта, Наука, 1997. 256 с.
11. Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 312–315.
12. Чернявская В. Е. От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования / под ред. Л. А. Манерко. Рязань: РГПУ, 2002. С. 230–232.
13. Ширяева Т. А. Когнитивная модель делового дискурса. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. 256 с.
14. Электронный словарь «Управление персоналом» [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org/personal/personal5-08.htm> (Дата обращения: 07.02.2017).

References

1. Grushevskaja T. M. Politicheskij diskurs v aspekte gazetnogo teksta (*Political discourse in the aspect of newspaper text*). St. Petersburg: RSPU named after A.I. Gercen publ., 2002. 116 p.
2. Gurevich S. M. Gazeta: Vchera, segodnja, zavtra (*Newspaper: Yesterday, today and tomorrow*). Moscow: Aspekt Press, 2004. 288 p.
3. Dobrosklonskaja T. G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech' (*Medialinguistics: systematic approach to the study of media language: modern English mediaspeech*). Moscow: Flinta, 2008. 264 p.
4. Karasik V. I. O tipah diskursa (*On the types of discourse*) // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs (*Linguistic persona: institutional and personal discourse*). Volgograd: Peremena, 2000. P. 5 – 20.
5. Karasik V. I. Jazykovej krug (*Linguistic Circle*) // Jazykovaja lichnost': lichnost', koncepty, diskurs (*Linguistic personality: personality, concepts, discourse*). Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
6. Kuznec M. D., Skrebnev Ju.M. Stilistika anglijskogo jazyka (*Stylistics of the English language*). Leningrad, 1969. 173 p.
7. Mahnickaja E. Ju. O sovremennom jekonomicheskom diskurse (*On the current economic discourse*) // Rechevaja dejatel'nost' (*Speech activity*). Taganrog: TSPU publ., 2002. P. 158–161.
8. Oljanich A. V. Prezentsionnaja teorija diskursa (*Presentational theory of discourse*): monografija. Moscow: Gnozis, 2007. 407 p.
9. Parshina O. N. Rossijskaja politicheskaja rech': teorija i praktika (*Russian political speech: theory and practice*) / ed. by O. B. Sirotnina. Moscow: LKI publ., 2007. 232 p.
10. Solganik G. Ja. Stilistika teksta (*Stylistics of the text*). Moscow: Flinta, Nauka, 1997. 256 p.
11. Solganik G. Ja. Publicisticheskij stil' (*Journalistic style*) // Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka / ed. by M. N. Kozhina. Moscow: Flinta; Nauka, 2003. P. 312–315.
12. Chernjavskaia V. E. Ot analiza teksta k analizu diskursa (*From the text to discourse analysis*) // Tekst i diskurs: tradicionnyj i kognitivno-funkcional'nyj aspekty issledovanija (*Text and Discourse: the traditional and the cognitive and functional aspects of the research*) / ed. by L. A. Manerko. Rjazan': RSPU publ., 2002. P. 230–232.
13. Shirjaeva T. A. Kognitivnaja model' delovogo diskursa (*Cognitive model of business discourse*). Pjatigorsk: PSLU publ., 2006. 256 p.
14. Jelektronnyj slovar' «Upravlenie personalom» (*Personnel Management*). URL: <http://psyfactor.org/personal/personal5-08.htm> (Accessed: 07.02.2017).

УДК 82:792(811.111)

А. Шереш

«ЗДЕСЬ НЕТ ЛУНЫ, ЛУНА ЗАШЛА». ФРАГМЕНТИРОВАННЫЙ ТЕАТР ЭДВАРДА ОЛБИ

В настоящей статье оспаривается традиционный подход, согласно которому драмы Эдварда Олби можно характеризовать как «драмы абсурда». Те произведения писателя, которые принято считать наиболее абсурдными – например, «Американская мечта» – построены на фрагментации, на умолчании ключей, облегчающих

интерпретации, и в этом отношении они ближе к языку постмодернистского театра и драмы. В статье путем анализа «Американской мечты» изучаются элементы, ссылающиеся к постмодерну.

Ключевые слова: Эдвард Олби, «Американская мечта», американская драма, постмодерн.

A. Sheresh

“THERE IS NO MOON; THE MOON WENT DOWN”. THE FRAGMENTED THEATRE OF EDWARD ALBEE

This paper is about to argue against a commonly accepted discourse according to which the plays of Edward Albee can be labelled as “absurdist”. The works of the American playwright, such as the American Dream, are characterized by a certain fragmentation; that is, the lack of any narrative that could narrow the range of the interpretations – therefore these

plays distance themselves from the modernist Absurd, and come closer to the postmodernist dramatical language. The aim of this paper is to highlight the postmodern characteristics in the American Dream.

Key words: Edward Albee, the American dream, American drama, postmodern.

In her book, *American Drama: The Bastard Art* (1997) Susan Harris Smith draws a dark—perhaps exaggeratedly dark—picture about the situation of American drama. She states no less than that the genre is “grabbing for air” and this phenomenon shows that something is wrong in the educational and academic system of the United States [12, p. 19]. According to Smith, American drama does not receive enough attention, therefore it seems as if critics and literary historians treated the genre as a bastard compared with other forms of literature.

In spite of Smith’s suggestive and eloquent argument, supported by appropriate examples, one can see that regarding the reception of the American drama of the 1950s and 1960s, this pessimism cannot be verified. Not only do her fellow scholars devoted to the history of drama publish regularly on the dramatical works of this period (for instance C.W.E Bigsby, Matthew Roudané, etc.), but also various theoretical schools have developed a special focus on this area. David Savran, a prominent representative of gender and queer studies deserves mentioning here, whose monograph was the first to examine the effects the McCarthy-area had on American theatre. Furthermore, not long

after the publication of the *Bastard Art*, a new school of thinking about drama appeared; in his book, the *American Theater in the Culture of the Cold War* Bruce McConachie introduced cognitive theories into the field of Theatre Studies [9].

Empty Boys, spies and the “all seeing eye”

The theoretical background of McConachie’s work is provided by George Lakoff’s and Mark Johnson’s book, *Metaphors We Live By*. According to Lakoff and Johnson, metaphor “is not just a matter of language, that is, of mere words,” rather, “human thought processes are largely metaphorical” so “the human conceptual system is metaphorically structured and defined. Metaphors as linguistic expressions are possible precisely because there are metaphors in a person’s conceptual system” [8, p. 6, 5–7]. This means that we understand abstract phenomena through concrete experiences. For example, we describe argument as a kind of war, when we say “your claims are indefinable,” or “I demolished his argument,” etc. Moreover, the schema of containment can be observed in various expressions, for instance when we describe ourselves being in something (mood, love, trouble etc.) [8, p. 30].

According to Bruce McConachie, the very schema of containment and the metaphors that are built on it, played a salient role in the political/social discourse of the Cold War period. In his book, *The Body in The Mind Mark Johnson* sets out five characteristics of the containment schema, and McConachie argues that all five can be found in the National Security Act, which was brought to life in 1947. The nation container metaphor characterizes the warrant on a rudimentary level [9, p. 11].

McConachie draws the conclusion that the schema of the CONTAINER has become privileged in the United States during the period of the Cold War. The number one objective of the dominant politics was to protect the values inside the nation/container from an outside enemy, and to strengthen the walls; during this process, the smaller components of the nation, like the family or even the individual human being, also emerges as a container. Reference? Because of the threat that the enemy can “leak in” and endanger the American family and citizens, the closing of borders and the protection of the values became an objective for the individual also, and theatre had an important role to remind her/him of it. Therefore, as McConachie argues, the successful plays on Broadway were influenced by the containment metaphor and schema. Two hero-types became popular in the 1950s; the Empty Boy and his opposite, the Fragmented Hero. The first is an undoubtedly positive figure who is able to receive the audience’s full sympathy. The emptiness in this case does not refer to the lack of values, on the contrary, it means innocence and purity. These characters, although adults, have managed to preserve something from their childhood naivety, honesty, etc. Emptiness means a certain capability of “filled up” with proper features and values. The Empty Boy’s counterpart, the Fragmented Hero is an individual who, due to a wound or trauma, can no longer contain what is expected from him; hence he is fragmented, counting as a “broken container.” According to McConachie’s theory, the popular theatrical productions of the area were staging both hero-types; and these works had become successful due to the fact that the audience could recognize the containment-metaphor in the protagonists.

McConachie’s argumentations are by no means innovative, although due to the narrow angle of cognitive theory, other possibilities provided by the idea of the Fragmented Hero and the Empty Boy remain unmentioned. The difference between the two figures can be observed from the problem of transparency—since the most attractive character-

istic of the Empty Boy is that he is “opened up?” for an observing eye. He is transparent in the sense that he has no hidden motivations and thoughts. The figure does not hide anything, therefore his actions leave no questions unanswered; like an X-ray, the gaze of the audience goes through him and maps his whole character. The figure of the Empty Boy therefore provides the audience with the sensational experience of being able to see and know everything (the protagonist thoughts, emotions, motivations, secrets etc.)

All this is important, because observation of others bears an important role in the culture of the US during the Cold War. In *The Lonely Crowd. A Study of the Changing American Character*, David Riesman examines the appearance of the other-directed character. According to Riesman, although the inner-directed person is concerned with her/his reputation, and “keeps up with the Joneses,” these conformities however were primarily external, typified in such details as clothes, curtains, and Bank credit. [...] In contrast with this pattern, the other-directed person, though he has his eye very much on the Joneses, aims to keep with them not much in external details as in the quality of his (sic) inner experience [10, p. 241].

The argument stresses, that an individual constantly observes those who live around him/her to learn what kind of experiences s/he should also gain and how s/he can interpret them Her/his gaze does not stop at the surface of the Joneses’ lives, but slips into the inner, mental region as well to learn the “inner experiences”.

While surveillance plays an important role on a personal level, it can be found between the relationship of the citizens and the state. According to McConachie’s interpretation, the National Security Act speaks about a certain shady, secretive personnel, whose objectives are to keep an eye on the walls of the nation/container, and to eliminate the enemy, in case he/she attempt to break inside. It is important to notice, however, that the presence of these agents is not at all threatening for the average citizen; on the contrary, the fact that power—using these individuals as a conduit—can invade everywhere, and observe everything, leads to a sense of security. In his book, the *Citizen Spy* Michael Kackman shows that the spy, who is nearly omnipotent because of being able to cross any line and learn any secret, becomes a symbol of masculinity [6, p. 40]. The nation/container, no matter how meticulously closed, can be penetrated, and it is the spy whose constant voyeurism can defend the lives of the American people. Therefore the good citizen is transparent, that is “empty” in the sense that he/she is open for

an observing eye because in her/his life there is nothing suspicious to be found.

As a result, the spy becomes one of the most popular hero-types of the era, appearing in several TV shows, where he guides the viewer's glance into every region of everyday life. A good example of this would be the TV serial titled the *World of Giants*; here, the protagonist shrinks radically as a result of a nuclear incident. His condition, however, helps him to become a phenomenal spy, since he is able to reach mystical and secret places where no one had ever been before (e.g. a woman's purse). As Hugo Münsterberg argues in his essay on film, the new medium (the film) is able to achieve what the theatre cannot: it can provide the audience the illusion of being omnipotent. The montage makes it possible to observe several places during a short period of time (Münsterberg's example is that we see the banker, who tells his wife that he is on a meeting, while having fun in a bar with a secretary, while she also had told lies, since she promised her parents to arrive home early. The cinema pops up all the three pictures, thus creating the illusion as if the audience were present everywhere) [10, p. 45]. The spy-stories of the 1950s and the 1960s not only exploit the possibilities offered by the medium, but strengthen these illusions; the camera, as the secret agent's eye shows every aspect of everyday life, the viewer can peep into the lives of others, can read letters, eavesdrop on conversations etc. It is important to emphasize though, that this kind of voyeurism and the thought of being watched do not cause frustration, since the viewers are aware that "control over the everyday domestic world is once again equated directly with the containment of Communism" [10, p. 68].

The popularity of the Empty Boy figure therefore lies in his capability of fulfilling the audience's desire to see and know everything. This kind of emptiness creates its own theatrical form; for the "empty theatre" (which, of course differs from Brook's empty stage completely) Arthur Miller's classical work, the *Death of a Salesman* serves a good example. Here, the audience's view can reach every corner of the world created by the play; we see the protagonist's home and its surroundings from a bird's eye view, and from this distance we get closer to Loman's house, while later we find ourselves inside the character's head. The audience sees the character *both* from inside and outside, therefore it would be a mistake to interpret Miller's work as a mind-play (despite the fact, that this would probably fit the author's intention, since the original title would have been *In His Head*). Miller's work focuses on the chasm between the main protagonist's thoughts and de-

sires, and the reality postulated by the play. We know exactly what Willy thinks about himself and his sons, but at the same time, we are aware of the truth. Hence the audience/receiver is everywhere and sees everything; there are no questions left without an answer, searching (spying) the memories reveals all the secrets (Biff is angry with his father because he discovers his adultery, Willy is disappointed by Linda because he couldn't follow Ben as a result of her objections, etc.)

The Fragmented Theatre

In the Cold War area, however, it became more and more clear, that the state of transparency and emptiness is an illusion; the scandals that followed Alfred Kinsey's reports on human sexuality serve as a good example here; the work of the socio-psychologist had revealed that American citizens hold disturbing secrets, so instead of being clean Empty Boys, American women and men appeared rather "fragmented." [See: 10]. Therefore it is not accidental that in the 1960s, the opposite of the transparent theater emerges; the works of Edward Albee construct fragmented, secretive characters and attempt the blurring of the audience's view. This tendency can be clearly observed in his first work, *The Zoo Story*: if the audience could find out what had happened to Jerry in the zoo, he/she would easily decipher the character; it is, however, this very story that the play keeps away from the viewer/receiver. The same can be observed in *Who's Afraid of Virginia Wolf*; in Act Three Martha and George are arguing about the Moon being up or not:

MARTHA: There is no moon. I saw it go down from the bedroom.

GEORGE: (...) From the bedroom! (...) Well, there was a moon.

MARTHA: (...) There couldn't have been a moon.

GEORGE: Well, there was. There is.

MARTHA: There is no moon; the moon went down.

GEORGE: There is a moon; the moon is up [1 (a), p. 282].

Albee's play is filled with such dialogs, which makes it obvious that at least one of the characters tells lies. The purpose of the game played by Martha and George is to confuse Nick and Honey, who do not know throughout the play, whose story they should believe. Because the text never refers to the world outside the stage – that is, the status of the moon – here the viewer/receiver has no more information than the characters: he/she (use this always in the same way) is not able to decide which figure is telling the truth. Now, being able to figure out this, could serve as a sample for the

interpretation, with the help of which the audience could reconstruct the true story from the dialogs. The “key” or the “primal story”, which could explain all the actions and motives remains hidden in Albee’s work, thus his theater refuses to prove the position for the viewer to be able to see and know everything.

By the above method the plays of Edward Albee multiply the number of possible interpretations. There can be, and there have been several analyses of Jerry’s character, or of Martha’s and George’s son, though every interpretation has to face the fact that there will always remain certain contradictions, unanswered questions, therefore the play can never have a closure. Though this phenomena characterizes *The Zoo* and the *Wolf* on a basic level, the best example would be *The American Dream* where fragmentation occurs in the plot, the dramaturgy and the language as well.

The Fragmented Dream

The American Dream starts with a superficial conversation of Mommy and Daddy, later Grandma appears on the stage; it is obvious from the beginning, that Mom wants to get rid of the elderly lady, who does not object to her rude treatment: she appears on stage with packed boxes like someone who is ready for departure. Their quarrel is interrupted by Mrs. Barker, a representative of the By-By Adopting Agency; she is the one whom Grandma tells the story about the child Mommy and Daddy once adopted, and mutilated, because the baby “refused” to behave as it was expected of him.

GRANDMA: (...) But *then*, it began to develop an interest in its you-know-what.

MRS. BARKER: In its you-know-what! Well! I hope they cut its hands off at the wrists!

GRANDMA: Well, yes, they did that eventually. But first, they cut off its you-know-what.

MRS. BARKER: A much better idea!

GRANDMA: That’s what they thought. But after they cut off its you-know-what, it *still* put its hands under covers, *looking* for its you-know-what. So, finally, they *had* to cut off its hands at the wrists.

MRS. BARKER: Naturally!

GRANDMA: (...) Why, one day it called its Mommy a dirty name.

MRS. BARKER: Well, I hope they cut its tongue out.

GRANDMA: Of course (...) [1 (b), p. 128].

Later, the Young Man whom Grandma calls the American Dream arrives. From the character’s life story it would seem that the Young Man is the twin sibling of the boy adopted by Mommy and Daddy – as a result of his brother’s physical mutilation, he has lost mental and emotional abilities. After Grandma’s manipulations, the beautiful but shal-

low Young Man meets Mommy and Daddy, who finally adopt him and thus the play closes with an ironic happy ending.

Albee’s give title divides critics and theater historians still the present day; C. W. E. Bigsby calls it “insignificant,” [3, p. 129] while according to Martin Esslin it is “brilliant first example of an American contribution to the Theatre of the Absurd.” [4 p. 319]. The result is that one interpretation rejects the play for the same reason for which the other praises it, and that is the presence of traces of the European absurdist tradition in the text. Both of the above theatrologists mention Ionesco, but while Bigsby considers *The Dream* a simple copy of the *Bold Soprano*, Esslin glorifies its language and dramaturgy by comparing it to the French author’s work. I am not about to judge any of these opinions but to point out that placing Albee’s text in the horizon of the absurdist tradition seems obvious. The main reason for this lies in the language; the dialogs are fragmented, and most of the characters react with a certain automatism that characterizes him or her (Mommy is despotic, Daddy always comes to heels, Mrs. Barker is enthusiastic about everything etc.). The dialogs are often without any sense and unreal; we can observe this in Grandma’s soliloquy, when she is lamenting the social situation of elderly people.

GRANDMA: While we’re at it, there’s been a run on old people, too. The Department of Agriculture, or maybe it wasn’t the Department of Agriculture – anyway, it was some department that’s run by a girl – put out figures showing that ninety per cent of the adult population of the country is over eighty years old...or eighty per cent is over ninety years old [1 (b), p 122].

This part of the text supports Esslin’s and Bigsby’s opinion about Ionesco’s significant impact on *The Dream*; that is, although the words and sentences are organized according to the rules of English grammar, what the characters say makes no sense.

In spite of an approach from the absurdist tradition seems to be plausible, the character of Grandma makes a different range of interpretations possible. For instance, towards the end of the play she unexpectedly steps out from the frames of the plot; it is not the border between the actor and the character that disappears here, Grandma steps into a space where only the audience can see her. Only at the end of the play does it become clear why she is capable of doing so; she is the narrator. She is the one who, interrupting Mommy by addressing the audience, closes the last scene.

GRANDMA: Well, I guess that just about wraps it up. I mean, for better or worse, this is a com-

edy, and I don't think we'd better go any further. No, definitely not. So, let's leave things as they are right now...while everybody's happy...while everybody's got what he wants...or everybody's got what he thinks he wants. Good night, dears [1 (b), p. 148].

The character therefore is the narrator of the story she plays a role in. The curtain falls right in the middle of a conversation and Grandma mentions that the play is far from being over, but the audience want a happy ending, so the figure provides it. Similarly to *The Zoo Story* and to the *Wolf*, the viewer cannot learn the whole story because an important element – in this case, the ending – is missing. Whether the Young Man finds a family, or Mommy and Daddy mutilate him just like their other son, one will not know; neither can one decide that the American Dream – no matter how shallow and empty it is – could come to reality. The play rejects to provide the omniscient position from the audience by inserting an omnipotent narrator into the plot.

This interpretation of Grandma as an omnipotent narrator distances Albee's work from the absurdist tradition; Mommy and Daddy could be her projections, and certain situations are unreal because in the world Grandma created she has unlimited power; and she uses it (for example she can hide the television and confuse the dialogs). In this regard, the play has more in common with Tennessee Williams's *Glass Menagerie* than with *The Bald Soprano*, since in Williams' play the main protagonist, Tom Wingfield, is also the omnipotent narrator of the plot. Therefore, both Grandma and Tom show the other characters from their own perspective, and transform them according to their own will. Thus, it would be plausible to say, that in *The American Dream* it is the *perspective* of the narrator-character which is absurd, but not the whole dramaturgy.

It is most important to notice, that Grandma is not only the omnipotent narrator of the story, but also an unreliable one. We can find several occasions where the character is not aware of her situation; for example she needs to be reminded that she is not the mother of Daddy but Mommy. She makes statements about her life, which hardly seem to be true; for example that she could have been a singer, or she has won a cake-baking competition with an alias of "uncle Harry," etc. This is important because Grandma is the one who tells the story of Mommy's and Daddy's adoption, by constantly emphasizing that the husband and wife she is talking about are not her daughter and son-in-law, but two individuals who *look just like them*. According to her, the man and the woman went to a lady who looked just like Mrs. Barker. All this can

question the truth of the story of the adopted child, or, more precisely, this story can be interpreted as a product of Grandma's imagination.

In this context it is possible to reinterpret the figure of the Young Man, who, as he tells Grandma, was parted from his twin sibling and suffered different losses after that:

YOUNG MAN: (...) Once...it was as if all at once my heart...became numb...almost as though I...almost as though...just like that...it had been wrenched from my body...and from that time I have been unable to love. Once ...I was asleep at the time...I awoke, and my eyes were burning. And since that time I have been unable to see anything, *anything*, with pity, with affection...with anything but...cool disinterest. And my groin...even there...since one time...one specific agony...since then I have not been able to love anyone with my body. And even my hands...I cannot touch another person and feel love. And there is more...there are more losses, but it all comes down to this: I no longer have the capacity to feel anything [1 (b), p. 138 – 139].

The traditional interpretations of Albee's play take it for granted that the boy Mommy and Daddy adopted was the brother of the Young Man – therefore the physical mutilation appears on a mental-spiritual level in his case (as one boy loses a part of his body, the other loses certain properties of the soul). The fact that the character mentions the same organs as Grandma in the mutilation-story might support the interpretation according to which by torturing their own child, Mommy and Daddy cause harm to the Young Man as well.

The parallelism between the stories, however, is not at all that clean-cut; certain parts of the Young Man's narrative can deconstruct the interpretation that links the characters mental/spiritual state to the mutilation committed by Mommy and Daddy. Namely, the Young Man talks about losing *one specific* emotion; he states that his heart became numb because he is unable to feel love. Either he is speaking about his eyes or his hands, it is not the organ-specific capability he loses (the sense of touching, seeing), the deficit is the same in the case of all the organs, and that is the incapacity for feeling emotions. So it is not the mutilation that caused the Young Man's condition but the fact that he was parted from his twin brother.

To summarize the above, I claim that the play provides two possible interpretations upon the American Dream. (It is important to observe though, that the Young Man is not the *embodiment* of the American Dream, as it is suggested by many, including Martin Esslin. The character is not the

subject who was created by the myth that cultivates physical beauty. Instead, it is in Grandma's narration that *he is* the American Dream, he is the allegorical representation of it. Therefore, in one possible interpretation Mommy and Daddy are responsible for destroying the myth: the American Dream could have existed, but the snobbish and consumerist behavior of the society mutilates it. Hence – again, in this interpretation – it is not the myth of the American Dream that Albee's work criticizes, rather the society that is incapable of fulfilling it. In this regard, Albee belongs to the artist, who, according to Harold Bloom, are members of what he calls the Emersonian Party of Hope. The literary historian thinks that these writers (Emerson, Whitman, Hemingway, Fitzgerald, Miller etc.) believed that although society struggles with many problems, "it must be possible to have a nation in which all of us are free to develop our singularities into health, prosperity, and some measure of happiness in self-development and personal achievement" [6, xv].

However, viewing from another angle, Albee can be placed into another party which Bloom calls "The American Nightmare" (in the company of Poe, Melville, Faulkner, McCarthy, etc.). In this interpretation the Young Man's condition does not depend on the alleged actions of Mommy and Daddy, since his emotional disability started right after the loss of his brother. However, the very character of the Young Man emerges from a kind of trauma; it is the splitting the unity with his identical sibling *creates* the Young Man. Therefore the American Dream *exists because* of a splitting, its essence is loss – which makes it successful and adaptable, possible to fit in everywhere and fulfill every role. As a dream-myth it exists not *in spite* of its incompleteness, but *due to* incompleteness.

The American Dream operates *with* and *in* the experience of a constant deficit, always referring to what is missing, without which it always remains incomplete. Happiness reached by the development of a character is therefore an illusion; the American Dream constantly confronts the subject with the deficit s/he has to achieve, without which s/he is not complete.

Albee's play seems to promise an explanation of the American dream, but in the end, it provides us with many conflicting explanations. Albee's work demonstrates the failure of an interpretation strategy that uses the title as a point of origin. The figure of the *American Dream* is created by an unreliable narrator, the Grandma, since she is the one who addresses the Young Man by that name; on the other hand, the Young Man himself is also unreliable, since after his soliloquy he warns Grandma that she should not believe anything, for he is known to be a liar. Therefore, based upon Albee's text the following can be said about the American Dream: its existence is uncertain, but if it exists, it is beautiful, people can either believe it, or not.

I agree with Erwin Beck's argument, according to which "Ionesco's title – like all titles, an authorial comment on the text – rightly says that the play lacks meaning; Albee's says that it refers to a lot of meanings?" [2]. All this means that Albee's work could be and should be distanced from the absurdist tradition, since his plays are not about delineating the world that lacks any sense, but create the possibility of constant re-readings. For the audience desiring to perceive and know everything about the characters, Albee's theatre seems to be fragmented; this fragmentation however opens up the texts and forces us to re-interpret the American dramatist's works.

References

1. Albee, Edward (a): Who's Afraid of Virginia Wolf in. The Collected Plays of Edward Albee New York and London, Overlook Duckworth 2007.
1. (b) The Zoo Story in. The Collected Plays of Edward Albee New York and London, Overlook Duckworth 2007.
2. Beck Ervin. Allegory in Edward Albee's. The American Dream URL: <http://www.goshen.edu/academics/english/ervinb/allegory>. (Accessed: 10.06.2017).
3. Bigsby C. W. E. Modern American Drama 1945-2000. Cambridge University Press, 2000. 465 p.
4. Esslin Martin. The Theatre of the Absurd. Vintage Books, New York, 2004. 480 p.
5. G. Reumann Miriam. American Sexual Character Sex, Gender, and National Identity in the Kinsey Reports., Los Angeles: University of California Press, 2005. 365 p.
6. Harold Bloom Harold. Introduction In.: Harold Bloom (szerk.). New York: The American Dream Infabose Publishing, 2009. 233 p.
7. Kackman Michael. Cizizen Spy: Television, Espionage, and Cold War Culture. Mineapolis: University of Minnesota Press, 2005. 278 p.
8. Lakoff George and Johnson Mark. Metaphors We Live By. Chicago: U of Chicago P, 1980. 274 p.
9. McConachie, Bruce: American Theater in the Culture of the Cold War – producing and contesting containment , 1947-1962, Iowa: University of Iowa Press City, 2003. 347 p.
10. Munsterberg Hugo. The Film a Psychological Study. New York: Dover, 1970. 254 p.
11. Riesman David. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character (1969). Yale Universiti Press, 2001. 24 p.
12. Smith Susan Harris. American Drama: The Bastard Art Cambridge, Cambridge University Press, 1997. 248 p.

РЕЦЕНЗИИ

Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М., 2016. 728 с.

В декабре 2016 г. в издательстве «Языки славянской культуры» (Москва) в серии *Studia Philologica* вышла монография профессора кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета М. В. Грязновой «Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края», что стало знаменательным событием как для русской филологии в целом, так и для филологической школы СКФУ. Высокой оценки труд В. М. Грязновой достоин уже потому, что ее монография – первое системное описание лексики, фразеологии, морфологии и фонетики говора казаков-некрасовцев, проживающих на Ставрополье, куда они вернулись в 1962 г. после 250-летней эмиграции.

Значение проведенного исследования с опубликованием монографии подтверждается также тем фактом, что оно в разное время было поддержано шестью грантами РФФИ. Системное научное описание говора казаков-некрасовцев включает не только собственно лингвистические аспекты, но также лингвокультурные, что вполне объяснимо, поскольку диалектное своеобразие языка, его архаические черты, следы иноязычного влияния после двух с половиной веков проживания казаков в Турции не могли остаться без внимания со стороны лингвиста-исследователя.

В монографии лингвистическое описание говора казаков-некрасовцев включает следующие разделы: «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Местоименные слова», «Имя числительное», «Глагол», «Наречие», «Служебные слова и междометия», «Фразеология», «Фонетика».

Монографию открывает предисловие, в котором дается краткий экскурс в историю казаков-некрасовцев, приводятся данные об уже проведенных исследованиях в этой области, характеризуются общие лингвокультурологические черты говора, описываются применявшиеся в исследовании научные методы и подходы.

Хотелось бы отметить особую полезность историко-культурной и лингвокультурологической части предисловия, поскольку без нее по-

Gryaznova V. M. Speech of the Nekrasov Cossacks of the Stavropol Krai. Moscow, 2016. 728 p.

нимание многих особенностей лексической и фразеологической систем говора было бы затруднено. Работа с материалом, полученным в ходе полевых исследований (записи речи, текстов сказок, песен, преданий казаков-некрасовцев), позволила автору выделить следующие историко-культурные и лингвокультурные черты говора казаков-некрасовцев: 1) генетическая связь говора казаков-некрасовцев с донскими говорами; 2) отражение наивной картины мира некрасовцев как представителей славянского этноса; 3) отражение в лексике говора исторического пути представителей данной социально-конфессиональной группы; 4) отражение в говоре общекультурных констант-оппозиций, характерных для большинства народов; 5) архаичность говора; 6) отражение в грамматике говора менталитета некрасовцев как старообрядцев: их стремление к аскетическому рационализму; 7) креативность языкового сознания как отражение свободолюбия старообрядцев; 8) приоритетность устной формы языка относительно письменной формы; 9) заимствование турцизмов как результат интерференции двух систем – говора и турецкого языка (Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М., 2016. С. 26 и далее).

Описание имен существительного и прилагательного, глагола и наречия строится по общей схеме: сначала автор дает идеографическое описание, далее следует описание системных связей в лексике того или иного класса слов, далее приводится морфологическое описание, и завершается раздел словообразовательными аспектами.

Кроме того, обращает на себя внимание и тщательность, с которой автор разрабатывает классификации при идеографическом описании лексики говора казаков-некрасовцев. Каждая из базовых лексических классификаций, выстраиваемых в монографии В. М. Грязновой, сопровождается историко-культурным экскурсом. Позволим себе в качестве примера привести протяженную цитату – фрагмент классификации подкласса «Человек» класса существительных «Органический мир»:

«Казак в общежитии своем были привязаны друг к другу, как братья, гнушались воровства между собой (на своей земле ничего брать нельзя), но грабеж на стороне, особенно у неприятеля, у них был вещью обыкновенной. Трусом не терпели и вообще считали первейшими добродетелями целомудрие и храбрость. Не признавали краснбайства, памятуя: «Кто развязал язык, тот вложил саблю в ножны»; «От лишних слов слабеют руки».

Некрасовцы, живя в соприкосновении со множеством других культур, остались русскими и сохранили основы своей старообрядческой традиции.

Дадим идеографическое описание подкласса «Человек» в лексике говора казаков-некрасовцев.

Данный подкласс состоит из следующих лексико-тематических групп: 1) «Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству»; 2) «Номинации человека по семейно-родственным отношениям»; 3) «Номинации человека по внутреннему состоянию, свойству, качеству»; 4) «Номинации человека по отношению к национальности, а также к территории, к месту жительства»; 5) «Номинации человека по социальному свойству, состоянию, действию, социальным функциям, связям»; 6) «Номинации человека по отношению к религии»; 7) «Общие номинации человека и совокупностей лиц» (группы перечислены в порядке их количественного представления).

Самые многочисленные лексико-тематические группы в подклассе «Человек» – это номинации по внешнему состоянию, свойству, качеству и номинации человека по семейно-родственным отношениям. Номинации человека по внешнему состоянию, свойству, качеству преобладают в составе подкласса «Человек».

Данную группу можно разделить на следующие подгруппы: 1) номинации человека по его физическим, физиологическим качествам; 2) номинации частей тела человека; 3) номинации качеств человека по его внешнему виду и по отношению к внешнему миру (домашнему хозяйству, другим людям) (Там же, с. 62).

Подобная классификация, сопровождаемая лингвокультурологическим комментарием, дает комплексное представление о лексической системе описываемого говора.

О глубине, качестве и объеме проделанной автором работы по описанию лексики говора казаков-некрасовцев говорит один только список словарей, использованных в ходе исследования. В этом списке наряду с самими

современными словарями находим «Лексикон славенороссский» (Киев, 1627), «Российский лексикон по алфавиту, с немецким и латинским переводом» (Москва, 1778), «Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон» (Москва, 1771), «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при императорской Академии наук печатую издан (Вейсманнов лексикон)» (Санкт-Петербург, 1731), «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» (Санкт-Петербург, 1843–1844), «Лексикон трехязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище из различных древних и новых книг собранное и по славенскому алфавиту в чин разположенное» (Москва, 1704) и другие аутентичные источники. Обратим внимание на вышедший в 2012 г. «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием»¹ как плод совместного труда филологов-русистов СКФУ.

Морфологическая часть монографии заслуживает особого внимания, поскольку представляет собой первое системное морфологическое описание говора казаков-некрасовцев. Прделана колоссальная работа по систематизации данных, полученных в результате анализа аутентичного языкового материала, который был собран в ходе полевых исследований, проведенных учеными СКФУ под руководством профессора В. М. Грязновой.

Главы, содержащие морфологические описания частей речи, членятся на отдельные описания их лексико-грамматических категорий. Так, морфологическая характеристика глагола в говоре казаков-некрасовцев включает категории лица, рода, вида, времени, наклонения, способа действия; содержит морфологическое описание инфинитива, системы спряжения глагола, причастия. Ниже приведен фрагмент описания категории лица глагола в говоре казаков-некрасовцев:

«Формы 1 л.: формы ед. ч. образуются присоединением к основе настоящего времени флексий: -у, -ю; формы 1 л. мн. ч. – флексий: -ём, -ем, -им (*Я правду гутарю. – Нямношка бяднуюсь. – Залу выгрибим. – Кладём крочи. – В лапасилетам аддыхаим, хлеба кушаим*).

¹ Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / авт.-сост. В. М. Грязнова, И. В. Желябова, О. Н. Громакова и др.; отв. ред. В. М. Грязнова; под общ. ред. В. М. Грязновой. Ставрополь, 2012.

В то же время в форме 1 л. ед. ч. глаголов говора есть отличия, которые касаются дополнительных средств выражения значений лица в глагольных формах: чередований согласных фонем, находящихся перед окончанием, качества согласных фонем (твердость / мягкость), состава фонем.

1. Для говора казаков-некрасовцев характерно восстановление в 1 л. ед. ч. наст. и буд. простого времени исконного праславянского согласного в конце глагольной основы как дополнительного средства выражения грамматического значения лица:

1.1. В основах на переднеязычные согласные наблюдаем отсутствие чередований с шипящими, характерных для литературного языка: *насю, вазю, вылазю, ездю, трудюся, праглатю, гатю, пирьбрадю, хвардю, сненавидю, сгарбатю, ахотюсь, хльпатюсь, атместю, сверзю, палозю, пирькрутуюсь* (*Я вылазю, а там пришлый казак. – А я большы на квасоли ездю. – Песни играть боля ни хадю. – Глотка балить, ничаво ни прьглатю*)» (Там же, с. 431–432).

Как видим, характеристика вида включает не только собственно морфологические аспекты, но также элементы историко-лингвистического и фонетического характера, совершенно уместные, на наш взгляд, в предлагаемой автором концепции комплексного описания говора.

Раздел «Фразеология» содержит лексико-семантические характеристики фразеологических единиц говора казаков-некрасовцев, а также классификацию фразеологизмов, выстроенную на основании их структурно-семантических и лексико-грамматических признаков. Как для лингвиста, так и вообще для человека интересующегося вопросами языка этот раздел представляет собой особый интерес, поскольку именно фразеология со всей возможной полнотой отражает особенности истории, культуры и быта казаков-некрасовцев, подчеркивает их самобытность, является устойчивой частью говора и потому «позволяет вычленивать и систематизировать этническое мировидение, культурно-исторический и эмпирический опыт того или иного народа» (Там же, с. 549). В этом смысле вряд ли кого-то оставят равнодушными такие своеобразные фразеологизмы, как приведенные ниже:

Бить шерсть на тарак – ‘взбивать шерсть при помощи ручного приспособления, тарак’ (*Руками шэрсть чешым и скубим, а на тарак били на адяяла*). Турецк. *tarak*.

Сбивать на карточку – ‘фотографировать’ (*Щас будуть збивать на картачку, фсе пашли пьнаряднаи*).

Под шинеликом быть – ‘служить в армии’ (*Я семь лет пьт шинеликам был. Иде жить, там служить*).

Кичка с рогими – ‘часть праздничного женского головного убора, шапочка с двумя выступами по бокам в виде рогов’ (*Кичка с рогими перва надяёцца, на кичку – сарока круглая*).

Втыкать глаза – ‘упрекать’ (*Тольки мы пирьсялилися, а нам фтыкають глаза: «Тут фпирёж нашы пришли»*).

Знакомство с фразеологией говора казаков-некрасовцев, как она представлена в монографии В. М. Грязновой, дает возможность получить представление о своеобразии этого островного говора, увидеть результаты языкового творчества народа, осознать степень влияния иноязычного кружения.

Раздел «Фонетика» включает описание явлений вокализма и консонантизма в говоре казаков-некрасовцев. В области гласных автор выделяет такие особенности, как недиссимилятивное аканье, некоторые специфические виды безударного вокализма (например, звук **ь** в первом предупредном слоге на месте **о** или **а** перед ударным **а**: *пъжарим, пьхарья* или появление звука **а** на месте звука **у** перед ударным **ы**: *рамынцы*), ассимилятивно-диссимилятивное яканье, переход ударного **е** в **о** после мягких согласных и др. В области согласных – утрата среднеязычного звонкого фрикативного **ј** в положении перед ударным гласным, а также после ударного гласного не в начале слова: *пьяница (пьяница), абели (объели)*; замена в некоторых слова мягких звуков **ль, пь, нь, сь, зь, дь** на соответствующие твердые звуки: *в марлу (марлю) аткидываим, целная (цельная)* и другие интересные фонетические особенности говора. Автор также описывает такие типичные для русских говоров фонетические процессы, как ассимиляция по глухости/звонкости, ассимиляция по месту и/или способу образования, оглушение звонкого согласного в конце слова, перестановки, эпентезы, дизерезы, замены.

Обращает на себя внимание обширный эмпирический материал, представленный в приложениях к монографии. Это семнадцать текстов, представляющих собой записи речи носителей говора казаков-некрасовцев, которые были сделаны в 2008–2015 гг. Это рассказы о быте истории, традициях тех некрасовцев, которые в 1962 г. приехали в Ставропольский край. Первый текст записан с соблюдением большинства основных норм научной лингвистической транскрипции, остальные тексты записаны в упрощенной транскрипции: звучание слова передается на основе обычной русской

графики, в ряде случаев привлекаются дополнительные графические средства. Благодаря транскрипционной записи при чтении этих текстов создается довольно ясное представление о звучащей речи казаков-некрасовцев. Кроме того, эти тексты представляют собой богатейший материал не только для лингвистов, но также для историков, культурологов, антропологов и других представителей гуманитарных наук.

Приятно отметить, что в размещенном в конце монографии списке литературы, посвященной истории, культуре и языку казаков-некрасовцев, преобладают, помимо трудов самого автора (более сорока публикаций), научные статьи наших коллег И. В. Желябовой, О. Н. Громаковой, Н. И. Грицкевич.

В тексте рецензии, к сожалению, невозможно описать все научные, дидактические, общепознавательные и прочие достоинства монографии В. М. Грязновой, но одно очевидно: перед нами образец прекрасно выполненной работы, образец, который свидетельствует о высочайшей научной квалификации её автора, о его научной эрудиции, о прекрасном владении материалом.

Рецензируемая монография может быть рекомендована ученым-филологам, студентам лингвистических направлений, специалистам по диалектологии. Отметим, что материал монографии может быть использован как в качестве научного источника, так и в качестве учебного пособия.

С. В. Гусаренко,
д-р филол. наук, профессор

Борисова Т. Г. Роль единиц дериватологии в концептуализации и категоризации мира. Ставрополь, 2016. 180 с.

Borisova T. G. The Role of Derivatology Units in the Processes of World Conceptualisation and Categorisation. Stavropol, 2016. 180 p.

Современная филологическая парадигма характеризуется возникновением новых интегративных направлений, определенной корректировкой некоторых считавшихся традиционными положений, инновационностью подходов к изучению различных языковых единиц и их речевой реализации. Монография Т. Г. Борисовой относится к работам интегративного и системного характера, так как здесь пересекаются и органично взаимодействуют сферы дериватологии, концептологии и терминологии, что позволяет соотнести и систематизировать такие актуальные для современной лингвистической науки понятия высокой степени абстракции, как категория, концепт, термин. Современная антропоцентрическая парадигма, в русле которой находится рецензируемое исследование, постулирует междисциплинарный характер языка в действии. Приведенные аргументы свидетельствуют об актуальности заявленной проблематики.

Исследователь предпринимает попытку на основе комплексного когнитивного-деривационного анализа выявить роль единиц дериватологии в процессах концептуализации и категоризации мира в русской лингвокультуре, избрав в качестве объекта изучения и описания деривационную категорию вещественности как самостоятельную деривационную категорию, с одной стороны, и когнитивные механизмы деривации как отражение глобального языкового процес-

са, с другой. Сочетание традиций и новаторских идей, рожденных в ходе поиска новых научных парадигм, обеспечивает привлекательность рецензируемой монографии и с точки зрения открытий принципиально новых знаний в области когнитивной лингвистики, и с точки зрения переосмысления уже известных истин в дериватологии и терминологии. Благодаря подобному подходу автору удалось убедительно раскрыть своеобразие деривационной категории вещественности и когнитивных механизмов деривации. Такой исследовательской стратегией, собственно, и обеспечивается поступательное развитие науки. Оно, как правило, предпочтительнее революционного «взрыва», поскольку здесь креативность не отрицает ранее полученных знаний, а развивает и дополняет их.

Новым для теории термина является когнитивно-деривационный подход к пересмотру давно накопившихся в терминоведении проблем. С этой целью автор обращается к центральным для когнитивной лингвистики процессам – концептуализации и категоризации действительности, причем Т. Г. Борисова находит необходимый для данной работы регистр, рассматривая процессы подведения отраженных в сознании объектов как вторичные, по сути, как своего рода деривационную перекаатегоризацию действительности с точки зрения субъекта познания. Этим в первую очередь и обусловлена научная новизна монографии.

В поле зрения автора находятся такие значимые для современного русского языка и общего языкознания проблемы, как обобщение лингвистического опыта в процессах познания мира, отражение корреляции объективной действительности, мышления и языка, сопоставление семантического, деривационного, функционального и когнитивного аспектов, изучение инструментов познания мира в интеграции обыденного и специального типов знания, универсальное и специфическое в языке. Особое внимание автор уделяет вопросам таксономии – анализирует имеющиеся и предлагает ряд инновационных разнопризнаковых классификаций, для чего подробно изучает когнитивные классификационные признаки, классификаторы, языковые маркеры как результаты когниции.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением к анализу обширного и репрезентативного языкового материала, выбранного из толковых и специальных словарей, а также различных текстов научной, научно-популярной, художественной литературы на русском языке. Помимо собственно лингвистических исследований, автор привлекает обширный круг экстралингвистических знаний. Так, Т. Г. Борисовой пришлось приложить много усилий по изучению и анализу ряда нефилологических работ: словарей и учебников по химии, медицине, экологии, минералогии, фармакологии и др. Правильный научный подход позволяет автору взять на себя смелость восстановления цепочки умозаключений при создании ряда терминов и их дериватов, обнаружения связи между ними. И это совершенно оправданно, ведь конечная цель такой работы – восстановление фрагментов русской картины мира. Репрезентативная эмпирика позволила автору прийти к достоверным и верифицируемым результатам анализа.

В каждой главе монографии Т. Г. Борисовой прослеживается реализация диалектического принципа восхождения от абстрактного к конкретному, от общего к частному. Следовательно, вполне закономерным оказывается завершение каждой из глав преломлением построенной теории сквозь призму конкретного эмпирического материала. Достоинством работы является богатый эмпирический материал, позволяющий автору работы не только экстраполировать на лингвистические объекты в качестве сущностно познанного компонента знание, полученное в других гуманитарных науках, но и создавать непротиворечивые и взаимодополняющие его систематики, делать достоверные и аргументированные выводы как по общим вопросам, так и частным.

В целом монография Т. Г. Борисовой устраняет многие, имеющиеся в когнитивной терминологии лакуны. Так, в третьей главе работы, рассматривая когнитивные классификаторы и их деривационные репрезентаторы, автор выделяет шесть деривационных субкатегорий в их соотношении с семным составом терминодериватов. Поэтому классифицирующая роль когнитивных классификаторов, о которых З. Д. Попова и И. А. Стернин говорят как об отдаленной перспективе, в рецензируемой работе превращается в лингвистическую реальность.

Следует отметить теоретическую значимость монографического исследования, которое способно внести определенный вклад в дериватологию, когнитологию терминоведение. Т. Г. Борисова продемонстрировала глубокую теоретико-методологическую основательность, широкий научный кругозор в исследуемых областях лингвистической науки.

Отметим, что научное изложение насыщено богатым, грамотно подобранным иллюстративным материалом, интересными наблюдениями, свидетельствующими об умении автора преломлять существующие концепции в ракурсе своей проблематики и делать обобщающие выводы. Структура работы отвечает сформулированным целеустановкам, она строго соотносится с логичной по форме и содержанию системой проведенного на материале русского языка исследования.

Рецензируемая монография, несомненно, послужит мощным стимулом для эффективного развития когнитивной терминологии, поскольку содержит новые идеи, знания и открытия, актуальные не только для теории дериватологии, но и для становления когнитивной семантики, особенно для понимания лингвокреативных механизмов вторичной категоризации мира, без которой картина мира оказалась лишенной главного – «человеческого фактора» в её конструктивных составляющих: познании, языке и культуре.

В целом можно отметить, что монография Т. Г. Борисовой представляет собой завершённое самостоятельное исследование, результаты которого, а также принципы и методы анализа могут быть использованы в научно-исследовательской практике при дальнейшей разработке общей теории языковой концептуализации ввиду их теоретико-практической значимости для курсов современного русского языка, функциональной дериватологии, когнитологии, терминоведения.

С. В. Серебрякова,
д-р филол. наук, профессор

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск) / zaven2005@yandex.ru.

Альхатиб Ева – аспирант кафедры всеобщей истории гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (г. Элиста) / eva.elkhateeb@yahoo.com.

Аникеев Алексей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор научно-педагогического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / anikeevst@mail.ru.

Арутюнян Акоп Жораевич – доктор исторических наук, доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета (г. Ереван, Армения) / hakobharutyunyan@ysu.am.

Ахметова Миляуша Ансаровна – научный сотрудник отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань) / miljausha-akhmetova@rambler.ru.

Боташева Лейла Эмербековна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / botasheval@gmail.com.

Головко Николай Вячеславович – кандидат филологических наук, доцент кафедры культуры русской речи гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / nvgolovko@inbox.ru

Грушевская Елена Сергеевна – доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар) / kff-kubsu@yandex.ru.

Гусаренко Сергей Викторович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой культуры русской речи гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / kaf.KRR@yandex.ru.

Дворцова Татьяна Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / dvorcova@mail.ru.

Джугарян Елизавета Алексеевна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва) / lorelei-s@mail.ru

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир) / dudarev51@mail.ru.

Злобин Александр Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск) / aleksandr_z@list.ru.

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru.

Зубариев Рамзан Байтуевич – аспирант Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru.

Илясова Александра Арамовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск) / ilyasova8585@mail.ru.

Казарова Нина Акоповна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Южного Федерального университета (г. Ростов-на-Дону) / nin-k@yandex.ru.

Карташев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор медицинских наук, руководитель центра изучения истории медицины и общественного здоровья, профессор кафедры общественного здоровья, организации здравоохранения и медицинской информатики Ставропольского государственного медицинского университета (г. Ставрополь) / andreyy_kartashev@rambler.ru.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного лингвистического университета (г. Пятигорск) / klichnikov@mail.ru.

Кобахидзе Елена Исааковна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ) / elena_k11@mail.ru.

Койбаев Борис Георгиевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru.

Колосовская Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / kolosowskaya@yandex.ru.

Колязина Александра Владимировна – соискатель кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов) / aleksandra_meshk@mail.ru.

Краско Геннадий Геннадьевич – кандидат исторических наук, профессор специальной кафедры Института национальной безопасности Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь) / gena-krasko@mail.ru

Кузнецова Ольга Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент отделения экономики, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина (филиал в Оренбурге) / olgavk1983@mail.ru.

Майгур Андрей Владимирович – аспирант кафедры отечественной истории института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) / ruga.maigur@gmail.com.

Малыхин Денис Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / Marya.malyhina@yandex.ru.

Малыхина Мария Алексеевна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / Marya.malyhina@yandex.ru.

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru.

Махаева Луира Гаджимагомедовна – старший преподаватель кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / Lmahaeva26@yandex.ru.

Медведев Станислав Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / stanislav.medwedev2015@yandex.ru.

Милостивая Александра Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / xyscha@mail.ru.

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир) / panarin.arm@mail.ru.

Плохотнюк Татьяна Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / plokhotnjuk@gmail.com.

Рыкун Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры туризма и гостиничного дела Северо-Кавказского федерального университета (филиал в г. Пятигорске) / Galina.rykun@gmail.com.

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / svetla.na@mail.ru.

Сидельникова Екатерина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / e.sidelnikova_7@mail.ru.

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / dmi197526@yandex.ru.

Туфанов Евгений Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь) / e.vt@mail.ru.

Шереш Аттила – научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук (г. Будапешт, Венгрия) / seres.attila@btk.mta.hu.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Akhmetova M. A. – Researcher of Department of Literary Studies, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibrahimov, Academy of Sciences, Republic of Tatarstan (Kazan) / miljausha-akhmetova@rambler.ru.

Akopyan V. Z. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical And Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / zaven2005@yandex.ru.

Al'khatib E. – Post Graduate, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikova (Elista) / eva.elkhateeb@yahoo.com.

Anikeev A. A. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Scientific-Pedagogical Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / anikeevst@mail.ru

Harutyunyan H. Zh. – Dr. of Historical Sciences, Associate Professor of Chair of World History, Yerevan State University (Yerevan, Armenia) / hakobharutyunyan@ysu.am.

Botasheva L. E. – PhD in Law, Associate Professor, Administrative and Financial Law Department, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / botasheval@gmail.com.

Dudarev S. L. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History of Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru.

Dvortsova T. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / dvorcova@mail.ru.

Dzhagaryan E. A. – Graduate student of the Russian State University for the Humanities (Moscow) / lorelei-s@mail.ru.

Golovko N. V. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of Culture of Russian speech, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / nvgolovko@inbox.ru.

Grushevskaya E. S. – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of English Philology, Kuban State University (Krasnodar) / kff-kubsu@yandex.ru.

Gusarenko S. V. – Dr. of Philology Sciences, Holder of Chair of Culture of Russian speech, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kaf.KRR@yandex.ru.

Ilyasova A. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical And Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / ilyasova8585@mail.ru.

Kartashev A. V. – Dr. of Historical Sciences, Dr. of Medical Sciences, Head of Center for the Study of History of Medicine and Public Health, Professor of Chair of Public Health, Health Service Organization and Medical Informatics at Stavropol State Medical University (Stavropol) / andrey_kartashev@rambler.ru.

Kazarova N. A. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History of the Southern Federal University (Rostov-on-Don) / nin-k@yandex.ru.

Klychnikov Yu. Yu. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Department of Historic and Social and Philosophic Disciplines, Oriental Studies, and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / klichnikov@mail.ru.

Kobakhidze E. I. – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Theory and History of State and Law, K.L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz) / elena_k11@mail.ru.

Koibaev B. G. – Dr. of Political Sciences, Professor, Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru.

Kolosovskaya T. A. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kolosowskay@yandex.ru.

Kolyazina A. V. – Post Graduate, Saratov State Academy of Law (Saratov) / aleksandra_meshk@mail.ru.

Krasko G. G. – PhD in Historical Sciences, Professor, Special Chair, Institute of National Security of Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus) / gena-krasko@mail.ru.

Kuznetsova O. V. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Economics, Humanities and Natural Sciences, Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I. M. Gubkin (Orenburg branch) / olgavk1983@mail.ru.

- Maigur A. V.** – Post Graduate, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / ruga.maigur@gmail.com.
- Makhaeva L. G.** – Senior Lecturer, Chair of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Lmahaeva26@yandex.ru
- Malykhin D. N.** – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Chair of Economics and Finance, Institute of Economics and Management, North Caucasus Federal University (Stavropol) / Marya.malyhina@yandex.ru.
- Malykhina M. A.** – Senior Lecturer, Chair of Civil Law and Process, Law Institute, Caucasus Federal University (Stavropol) / Marya.malyhina@yandex.ru.
- Marchenko T. V.** – PhD in Philology, Associate professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / tatiana-marchenko-25@yandex.ru.
- Medvedev S. N.** – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Civil Law and Process, Institute of Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / stanislav.medvedev2015@yandex.ru.
- Milostivaya A. I.** – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation and Interpreting of Institute Department, Humanities at North Caucasus Federal University (Stavropol) / xyscha@mail.ru.
- Panarin A. A.** – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru.
- Plohotnyuk T. N.** – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / plokhhotnyuk@gmail.com.
- Rykun G. N.** – Dr. of Historical sciences, Professor, Chair of Service, Tourism and Recreation, North Caucasus Federal University (branch of NCFU in Pyatigorsk) / Galina.rykun@gmail.com.
- Serebriakova S. V.** – Dr. of Philology Sciences, Head of Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, North Caucasus Federal University (Stavropol) / svetla.na@mail.ru.
- Sidel'nikova E. A.** – PhD in Philology, Associate professor, Chair of Theory and Practice of Translation and Interpreting, North Caucasus Federal University (Stavropol) / e.sidelnikova_7@mail.ru.
- Smirnov D. A.** – Dr. of Legal Science, Director of the Law Institute of North Caucasus Federal University / dmi197526@yandex.ru.
- Tufanov E. V.** – PhD in Historical Sciences, Associate professor, Chair of Philosophy and History, Stavropol State Agrarian University (Stavropol) / e.vt@mail.ru.
- Zlobin A. N.** – PhD in Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Speech Theory and Translation of Ogarev Mordovia State University (Saransk) / aleksandr_z@list.ru.
- Zoloeva Z. T.** – Senior Teacher, Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru.
- Zubarev R. B.** – Post Graduate, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / aspirantura@pglu.ru.
- Sheresh Attila** – PhD, Researcher, History Institute of Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary) / seres.attila@btk.mta.hu.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2017. № 2

Редактор, технический редактор Л. Г. Ерицян
Компьютерная верстка Н. П. Неговора
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 30.06.2017

Формат 60x84 1/8	Усл. п. л. 25,46	Уч.-изд. л. 24,98
Бумага офсетная	Заказ 112	Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.